

Л. КОГАН

КРЕПОСТНЫЕ
ВОЛНОДУМЦЫ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Ф И Л О С О Ф И И

Л. А. КОГАН

КРЕПОСТНЫЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

(XIX век)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва, 1966

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
М. Т. ИОВЧУК

1-5-1
213-66

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. НАРОДНОЕ ВОЛЬНОДУМСТВО — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа.

К. Маркс

1

В одном из лучших музеев нашей страны — Ленинградском Русском музее выставлена статуя философа XVII в. Бенедикта Спинозы. Скульптор Антокольский так изобразил великого мыслителя: он сидит в своем кресле, как бы отрешенный от всех мирских забот, устремив взгляд в бесконечность.

Изображая философа в минуты крайнего одиночества, Антокольский не стремился передать его образ во всей жизненной сложности и многогранности; живой Спиноза был великим философом и мужественным человеком: он не только размышлял о жизни, но страстно спорил со своими противниками, негодовал, страдал, боролся.

И все же образ, созданный Антокольским, по-своему символичен. Примерно так, с теми или иными вариациями, представляли и представляют себе многие философию — как нечто не от мира сего, отрешенное от жизни, как науку для науки.

Но вот — другой образ. Это образ героя древнегреческой мифологии Прометея.

Молодой Маркс видел в Прометее прообраз истинной философии современности — не платонической любви к мысли, но страстной и мудрой любви к жизни, к человеку, к народу. Он повторил от ее имени слова, обращенные Прометеем к слуге богов — Гермесу:

Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье:
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. 1956, стр. 25.

Образ легендарного богоборца Прометея воспет народным творчеством и прославлен мыслителями и художниками разных веков и стран: Гесиодом, Эсхилом, Лукианом, Бетховеном, Байроном, Гете, Гейне, Листом, Лонгфелло, Шелли.

Близок этот образ и передовым русским мыслителям. «Прометей Эсхила, прикованный к горе, терзаемый коршуном и с горделивым презрением отвечающий на упреки Зевеса,— писал Белинский, как бы перекликаясь с молодым Марксом,— есть форма чисто греческая, но идея непоколебимой человеческой воли и энергии души, гордой и в страдании, которая выражается в этой форме, понятна и теперь: в Прометее я вижу человека, в коршуне страдания, в ответах Зевесу мощь духа, силу воли, твердость характера»². Прометея воспевали соратник Герцена — Огарев, единомышленник Чернышевского — Михайлов, великий украинский поэт Шевченко. Прометею посвятил свою симфоническую поэму композитор Скрябин. Богоборчеством Прометея восхищался Горький.

Героический образ мыслителя-борца, прикованного к скале в горах Кавказа, но непокоренного, бунтующего, гневно проклинаящего свои цепи и страстно рвущегося к свободе, невольно приходит на память при изучении истории народного свободомыслия в России, при исследовании творчества русских мыслителей-самородков, живших в условиях помещичье-монархического бесправия. «Коль долго еще терзаему быть мне? Терзал Зевес Прометея», — восклицал на заре XIX в. вольнодумец Василий Никитенко — крепостной человек графа Шереметьева³.

2

Проблема участия людей из народа в духовном развитии человечества мало разработана. Она органически чужда большинству буржуазных историков культуры и философии. Философская мысль и народ с их точки зрения — понятия взаимоисключающие.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 173.

³ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1088, оп. 6, 1801 г., д. 790, л. 245.

Этот неверный и антидемократический по своей сущности взгляд — не случайный плод недомыслия или злой воли некоторых авторов. Он имеет глубокие социальные корни и является следствием коренного порока, присущего идеологии эксплуататорских классов — отрицания роли народа как творца истории. Само собой понятно, что тот, кто видит в трудящихся бездумную и косную массу, противостоящую всеильному духу, толпу, короче говоря, лишь объект, а не субъект истории, тот не может не отрицать способности людей труда к духовному творчеству, их роли в познании мира. Возводя в абсолют исторически возникшую с появлением частной собственности противоположность между умственным и физическим трудом, толкуя ее как вечный, естественный закон, идеологи эксплуататорских классов рассматривают умственный труд как законную и постоянную привилегию «господ». Игнорирование народного миропонимания этими классами является одной из форм их борьбы за увековечивание своего господства, за навязывание их собственного мировоззрения.

Отсюда в конечном счете и вытекает мнение многих философов-идеалистов о том, что познание мира, в том числе философская и общественно-политическая мысль, не имеет по самому своему существу ничего общего с народом.

Такая точка зрения не нова, она восходит ко временам рабства. Еще древнегреческий идеалист Платон утверждал, что душа раба не содержит ничего здорового, что «одним по самой природе надлежит братья за философию и начальствовать в обществе, а другим и не братья за нее, но следовать правителю»⁴.

⁴ Платон. Политика или государство. Сочинения, ч. III. СПб., 1863, стр. 285. Аристотель, примыкавший к этой постановке вопроса, не мог, однако, не признать факта существования в современном ему обществе и противоположных взглядов, исходивших, по-видимому, из ремесленной и крестьянской среды и так или иначе отражавших настроения всех угнетенных и эксплуатируемых, включая рабов. «...По мнению других,— писал он,— самая идея о власти господина над рабом — идея противоестественная: лишь законоположениями обуславливается различие между свободным человеком и рабом, по самой же природе никакого такого различия не существует. Поэтому-то и власть господина над рабом, как основанная на насилии, противоречит принципу справедливости» (Аристотель. Политика. М., 1911, стр. 10). Конечно, рабы, измученные не-

Чем больше отдалялась господствующая в классово-антагонистическом обществе идеалистическая философия от народа, чем более чуждой она ему становилась, тем настойчивее проповедовали защитники этого общества идею о том, что не только между данной философией и народом, а между всякой философией, более того — познанием вообще и трудящимися массами, существует и всегда должна существовать пропасть.

Эта точка зрения нашла горячих поклонников среди буржуазных идеологов XIX и XX столетий. Одним из ее наиболее откровенных выразителей был Фридрих Ницше. Этот духовный предтеча фашизма третировал трудящихся как «нефилософскую массу», лишенную якобы творческой силы. Массе он противопоставлял паразитирующий за ее счет «высший тип», «сверхчеловека». Защитник «естественной иерархии в царстве интеллекта», Ницше цинично заявлял, что рабство принадлежит к самой сущности культуры. Страдание огромной массы тружеников, утверждал Ницше, «должно быть еще усилено, чтобы сделать возможным созидание художественного мира небольшому числу олимпийцев»⁵.

С ницшеанским культом «сверхчеловека» вполне созвучна теория «элиты» в современной буржуазной социологии. С точки зрения ее представителей, в обществе царит «естественное» неравенство, вытекающее из того, что «избранные» люди, более щедро одаренные природой, образуют руководящий слой, так называемую «элиту», а основная часть человечества, трудящиеся — это, мол, разменная монета истории, имеющая хождение лишь постольку, поскольку на ней вычеканен облик представителей «элиты». Важнейшие признаки массы, утверждает

посильным трудом и нуждой, насильственно отторгнутые от образования и культуры, не могли выразить своего отношения к социальной несправедливости на страницах философских трактатов. Их настроения проявлялись в смутном чувстве возмущения, глухом ропоте, иногда — стихийных восстаниях. В одной из греческих комедий IV в. до нашей эры раб говорит своему господину: «Хоть я и раб, но от того не менее человек, чем ты, хозяин. Мы сделаны из той же плоти. Никто не бывает рабом от природы...» (цит. по кн.: Андре Боннар. Греческая цивилизация, т. I. От Илиады до Парфенона. М., 1958, стр. 166).

⁵ Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1912, стр. 13, 14, 170.

сторонник этой теории французский буржуазный социолог Луи Боден,— инертность, конформизм, отсутствие творческого начала и критического чутья. Всякая свободная мысль, пишет Боден, воспринимается массой как «ересь». Поэтому, заключает он, во главе массы, как стада зверей, всегда становится тот или иной «укротитель»⁶.

Для современных буржуазных идеологов характерно отрицание роли трудящихся в умственном прогрессе человечества. «Великие силы демократии и индустриализма, которые выдвинула наша западная цивилизация в процессе своего развития,— пишет английский историк А. Тойнби,— возникли из глубин творческого меньшинства». Что касается народных масс (составляющих, по мнению Тойнби, «нетворческое» большинство), то они якобы до сих пор остаются «на том же интеллектуальном и моральном уровне», что и 100—150 лет назад⁷.

Близкие к этим взгляды проповедуются в буржуазной этнографии и фольклористике. Немецкий этнограф Г. Науман, придерживающийся теории «аристократического» происхождения культуры, писал, что «разум всегда был только у немногих», а масса, неспособная к развитию, «остается постоянно примитивной», состоит из «стадных животных»⁸.

Страх перед народом, ростом классового самосознания и революционной активности трудящихся, подъемом рабочего и национально-освободительного движения, стремление во что бы то ни стало сохранить, увековечить социальное неравенство и колониальный гнет — таков истинный пафос подобных реакционных теорий.

О том, насколько распространен, можно сказать, законен среди буржуазных идеологов вывод о народе как «нефилософской массе», наглядно свидетельствует обширная буржуазная историко-философская литература. Эта черта присуща как старым, так и новым сочинениям буржуазных авторов по истории русской философии

⁶ Louis Baudin. Le problème des élites et les classes sociales. «Nouvelle revue de l'Économie contemporaine», An XII, 3 série, août, 1953, N 4, p. 6.

⁷ A Study of History by Arnold I. Toynbee, v. III. «Oxford University Press». London, 1934, p. 241.

⁸ Grundzüge der deutschen Volkstunde. Von Hans Naumann, zweite Auflage, Verlag von Quelle. Wener in Leipzig, 1929, S. 57—58.

фии — от Бердяева, Радлова и Шпета до Зеньковского Лосского, Шульце и т. п. Народ изображается ими как прирожденный мистик, «богоносец» или вообще отсутствует в их писаниях.

3

Пренебрежительное отношение к духовному творчеству народа вызывало протест у передовых деятелей культуры еще в домарксистскую эпоху. Рабле и Сервантес, Мелье и Руссо, Байрон и Шелли, Гете и Гердер видели в народе не только достойного сочувствия и уважения труженика и страдальца, кормильца человечества, но и гениального художника и мудреца. Призывая к философскому осмыслению народного творчества, Гердер говорил: «Поистине величественная тема для историка человечества, поэта, теоретика поэзии, философа!»⁹ Многие сделавший для изучения народного творчества, он проникательно уловил в песнях народов их сокровенные голоса, их думы.

Высокая оценка умственных сил людей труда содержится в произведениях выдающихся деятелей русской литературы, искусства, общественной мысли.

Однако научное решение вопроса о народе как творце истории и его вкладе в мировую культуру впервые дано идеологами пролетариата.

Еще в своем раннем произведении «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс показал образец глубокого, всестороннего изучения жизни трудящихся и раскрыл неизбежность пробуждения самосознания пролетариата в ходе классовой борьбы.

Трудно назвать какой-нибудь из жанров народного творчества — от древнеиндийских и древнегреческих мифов до старинных норвежских саг, от древнегерманского эпоса и средневековых «народных книг» до славянского фольклора, от стародатской крестьянской песни о тидмане (барине) до песен баденских повстанцев 1948 г., который не привлекал бы к себе внимания Маркса и Энгельса. Особенно восхищали их те произведения, в которых глубоко и ярко проявлялись революционные устремления масс, их нравственные идеалы, свободолюбие, смелость, бодрость, воля к борьбе с угнетателями.

⁹ Цит. по кн.: Джузеппе Коккьяра. История фольклористики в Европе. М., 1960, стр. 190.

С глубокой симпатией относились творцы научного коммунизма к мыслителям из народной среды. Маркс говорил о *философии самоучек*¹⁰. Энгельс писал о *теоретическом смысле* немецких рабочих, без которого марксистская теория не могла бы в такой мере войти в их плоть и кровь¹¹.

Одним из рабочих, сумевшим подняться при помощи Маркса и Энгельса до самостоятельной теоретической деятельности, был портной Иоганн Георг Эккариус, активный участник пролетарского движения. В редакционном примечании к его статье, посвященной вопросам классовой борьбы в Англии, Маркс и Энгельс писали: «Автор этой статьи сам *рабочий* одной из лондонских портняжных мастерских. Мы спрашиваем немецких буржуа, сколько у них насчитывается писателей, которые были бы в состоянии подобным образом уловить сущность действительного движения?»¹² Еще до того, продолжали основоположники марксизма, как пролетариат завоюет политическую власть, «...он возвещает о наступлении своего господства рядом интеллектуальных побед»¹³.

Выдающейся интеллектуальной победой рабочего движения Маркс и Энгельс считали философскую деятельность немецкого рабочего-кожевника Иосифа Дицгена, самостоятельно пришедшего к диалектическому материализму. «Это один из самых гениальных рабочих, каких я знаю»,— говорил о нем Маркс¹⁴. Основатели марксистского учения дружили с Дицгеном, переписывались с ним, помогали ему в теоретических вопросах, придавали большое значение его трудам.

В. И. Ленин в статье «О „Вехах“» подверг критике антинародное, антипатриотическое существо писаний Бердяева, Булгакова и других мракобесов, чьи взгляды взяты на вооружение нынешними фальсификаторами истории русской мысли. Ленин показал, что ополчаясь против «интеллигенции», кадетские публицисты на деле вели войну против демократического движения самих масс. Поднимая на щит оплеванные «веховцами» тради-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 31, стр. 483.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 498.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 440.

¹³ Там же.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 481.

ции Белинского и Чернышевского, Ленин тем самым высоко оценил и традиции освободительной борьбы русского крестьянства, его революционные настроения и думы, отраженные и теоретически обобщавшиеся, обосновывавшиеся революционной демократией. В неопубликованных пометках Ленина в книге «Вехи» он особенно выделяет приведенные здесь слова из письма Белинского к Гоголю, подчеркивающие, в противоположность реакционной «веховской» концепции, свободомыслие русского трудового народа. «Приглядитесь пристальнее,— писал Белинский,— и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем»¹⁵. Слова «глубоко атеистический» Ленин отмечает двумя чертами и, кроме того, трижды отчеркивает на полях приведенный текст, сопроводив его пометкой «NB»¹⁶.

Ленин знал и любил русское народное творчество, с большим интересом относился к своеобразной народной философской мысли. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, ознакомившись с рукописными сочинениями, распространявшимися в России XVIII—XIX вв. в народной среде, В. И. Ленин говорил: «Вот удивительное дело,— наши ученые, все эти приват-доценты и профессора — возьмется над каждой философской брошюрой, никчемной статейкой, написанной каким-либо горе-интеллигентом; вдруг почувствовавшим философский зуд,— а вот здесь подлинно народное творчество, и его игнорируют, его никто не знает, им никто не интересуется и о нем ничего не пишут. Недавно я просматривал библиографию истории русской философии Колубовского и его же библиографический список по русской философии. Чего-чего там только нет! Список трудов русских философов в палец толщиной! Многонько! А вот библиографии произведений народной философской мысли,— хотя бы это и был XVII в. в XIX столетии,— вот этого нет. А ведь это куда

¹⁵ В. Г. Белинский. Указ. соч., т. X, стр. 215.

¹⁶ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23577, стр. 62.

более интересно, чем эта так называемая «философская» дребедень многих и многих наших философов из буржуазной интеллигенции. Неужели не найдется охотника среди марксистов-философов все это рассмотреть и обо всем этом написать связное исследование? Это обязательно нужно сделать. Ведь это многовековое творчество масс отображает их миросозерцание в разные эпохи»¹⁷.

В этих мыслях Ленина начертана целая программа работы, требующая объединенных усилий философов, историков, этнографов, фольклористов, литературоведов.

В постановке и освещении вопроса о народно-трудовых истоках духовной культуры человечества — искусства, философии велика роль А. М. Горького. «Народ, — писал Горький, — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»¹⁸. Горьким выдвинуты плодотворные идеи о связи начатков стихийно-материалистического миропонимания с трудовой деятельностью людей, о наивно-материалистической тенденции фольклора, о необходимости изучения социально-политического мышления народа.

4

В буржуазном обществе, как показал В. И. Ленин, имеются две противостоящие друг другу культуры: наряду с культурой господствующих эксплуататорских классов «в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»¹⁹. Это положение имеет огромное принципи-

¹⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 119—120.

¹⁸ М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24. М., ГИХЛ, 1953, стр. 26.

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 120—121.

альное значение. Оно раскрывает антагонистически противоречивый характер культуры в условиях эксплуатации человека человеком, оно требует дифференцированного, классового (с позиций революционного рабочего класса) подхода к культуре досоциалистических формаций, говорит о необходимости выделять в ней различные классовые устремления. Оно показывает, какую важную роль играет демократическая и социалистическая идеология в развитии национальной культуры; даже в том случае, если имеются в наличии только неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, именно они представляют собой живой залог дальнейшего поступательного развития.

В своей глубочайшей сущности народ есть категория социально-историческая; в классовом обществе он состоит из классов. Народ — это трудящиеся массы, а также те слои, группы, силы, которые действуют вместе с ними в интересах прогресса человечества. В различных исторических условиях состав классов и элементов, представляющих народ, меняется.

Отсюда нужно исходить и при уяснении сущности народного мировоззрения, в том числе и свободомыслия. Оно не является надысторической или надклассовой категорией. В разные эпохи оно обуславливалось обстоятельствами жизни тех классов, которые составляли народ и играли важнейшую роль в развитии материального производства и освободительной борьбы.

Народное мировоззрение в России первой половины XIX в. выражало демократические, антикрепостнические устремления трудящихся, прежде всего крестьян, их стихийный протест против крепостничества и его пережитков, их общие представления о природе и истории, о смысле жизни и взаимоотношениях людей.

Сила мыслителей из народа сказывалась преимущественно в критике, отрицании отжившего и в том, что они оценивали все факты, события с точки зрения интересов трудового люда (частицей которого являлись), исходя из непосредственных, жгучих потребностей народной жизни (в гуще которой выросли); свои демократические убеждения они выстрадали на собственном опыте.

Слабость, ограниченность народного миропонимания была связана с вынужденной забитостью, темнотой крестьянства, опутывавшими его предрассудками. Эта сла-

бость проявлялась в наивном монархизме, отсутствии научной базы, ясного представления о будущем и путях, ведущих к нему. «Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»²⁰.

Тот факт, что все слои русского крестьянства были связаны в XIX в. общностью антипомещичьих интересов, ненавистью к крепостничеству не исключает постоянно углублявшейся, по мере развития капиталистических отношений, дифференциации крестьянства, роста внутри его противоположных классовых сил: бедноты — на одном полюсе, кулаков — на другом. Наряду с основным антагонистическим противоречием феодально-крепостнического строя — между крестьянством и господствующим классом — помещиками, дворянством, существовали и противоречия между различными группами крестьян.

В этих условиях творчество, возникавшее и развивавшееся в народной среде, не могло представлять и не представляло собой однотипного, однокачественного явления; в нем сталкивались различные, а иногда противоположные, классовые интересы.

Одни пословицы, поговорки, песни, рукописные сочинения, вышедшие из крестьянской или близкой к ней среды, выражали думы социальных «низов», их «рассудок», стихийный революционный порыв, — они-то были подлинно народными по своей сути. Другие же запечатлели в себе разного рода предрассудки, верноподданническое стремление сохранить общественное неравенство, покорность, смирение; в них отражалось влияние господствующих классов, церкви, религии. Они противоречили действительным интересам трудящихся.

Народное свободомыслие было выражением первой из этих сил и тенденций. В нем проявлялся, говоря словами Ленина, «смелый образ мыслей», присущий трудовому народу, поднимающемуся на борьбу с неволей²¹.

Философские мотивы в народном миропонимании имеют свою специфику. Гносеологический момент обычно преломляется здесь через целый ряд конкретных вопро-

²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 211.

²¹ «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 120.

сов, непосредственно затрагивающих жизненные интересы масс. Эти вопросы не сведены в логически оформленную систему взглядов. Нет четкого водораздела между философски-социологической проблематикой (в смысле определенного приближения, подхода к этому кругу вопросов) и тесно связанными с нею политическими и правовыми идеями; все это переплетается, представляя, как бы стороны, аспекты единого нерасчлененного целого. В центре народного свободомыслия — человек, трудящийся, проблемы общественной жизни.

Народное мировоззрение — не замкнутая, изолированная область. Оно тесно связано с другими сторонами культуры. Подобно тому, как материальная деятельность народа — основа исторического прогресса, так и духовная жизнь трудящихся, их творчество является той плодотворной почвой, которая питала на протяжении тысячелетий искусство, науку, общественную мысль.

Первыми мыслителями — не по «положению», а по призванию и фактически выполняемой функции — *первооткрывателями нового* — были люди дела, практики, наиболее тесно сталкивающиеся с самыми острыми и сложными проблемами жизни — землепашцы, ремесленники, мореплаватели, землепроходцы, воины, ученые, политические деятели. Термин «философия» означал любовь к мудрости, а мудрость понималась как глубокое знание жизни, неотделимое от практики, как синоним высокого умения, мастерства. В этом смысле корифеев античного искусства Фидия и Поликлета называли мудрыми ваятелями. Это так же закономерно, как и то, что в первых рядах новаторов науки, искусства и техники мы всегда встречаем многих выходцев из народа в самом прямом, буквальном смысле слова.

Было бы, конечно, неправильно зачислять всех людей в философы на том основании, что они так или иначе размышляют, познают мир. Понятие «познание» шире понятия «философия». Если познание сопутствует всей истории человечества, то философия возникла на сравнительно высокой ступени развития общества, на основе огромного расширения производственного, социального опыта и научного кругозора людей, развития их способности к абстрактному мышлению. Она отлилась в особую форму общественного сознания в результате отделения умственного труда от физического и образования группы

идеологов, специально посвятивших себя разработке мировоззренческих проблем. Наконец, философия является не только формой познания мира, но и одной из форм идеологии.

Переход от предпосылок и зачатков философского мышления к философии в собственном смысле слова представлял собой диалектический скачок. Но этот скачок был бы невозможен без предшествующего развития познания, без длительного, постепенного накопления разнообразных знаний о мире, осуществлявшегося миллионами «простых людей» и происходившего в процессе практического освоения, подчинения ими природы. Большую роль в этом процессе играло развитие народного мышления, народного миропонимания. Многие наивно-материалистические и стихийно-диалектические представления в древнем Китае, Индии, Греции, Латинской Америке восходят к космологическим мифам и другим проявлениям народного творчества. Рождение таких материалистических философских школ, как например, черваков или локаятиков в Индии, было связано с творческой аккумуляцией народного опыта и народной мудрости. Термин «локаята» означал «то, что распространено среди народа», «философия народа». Народное происхождение имеют и исходные положения атеизма, психологии, эстетики, этики. Сотни лет теологами всех вероисповеданий распространяется легенда о том, что религии якобы принадлежит заслуга выработки общечеловеческих нравственных норм, что без этой помощи «свыше» люди (особенно «простые») давно бы уничтожили друг друга. Факты истории опровергают этот домысел.

Генетическая связь (отнюдь не простая и прямолинейная, а сложная, тонкая, опосредованная) передовых философских, социологических и общественно-политических учений, этики и эстетики с мирозерцанием народных масс, прежде всего с народным свободомыслием — одна из закономерностей духовного развития человечества.

5

Народное миропонимание чаще всего проявлялось в настроениях масс. Ленин писал, что положение крестьянства в царской России «...настолько тяжелое, гнет помещичьего землевладения над ним так силен, экономиче-

ские условия так отчаянно плохи, бесправие так необычайно велико, что демократические настроения и стремления порождаются в этой среде с неуловимой, стихийной неизбежностью»²². Эти настроения выражали ненависть народа к своим угнетателям и мечты о лучшей доле. Смутное чувство ненависти все более крепло, закалялось в борьбе, давая толчок к пробуждению классового самосознания. Это чувство наиболее ярко проявлялось в народных восстаниях. Его носителем была масса трудящихся, а проповедниками — многочисленные вольнодумцы — крестьяне, мастеровые, солдаты и т. д. Несмотря на стихийный характер допролетарских освободительных движений, на то, что огромное место здесь занимали стихийные чувства, нельзя ограничивать настроения трудящихся чисто эмоциональной сферой. В головах крепостных крестьян, отмечает Ленин, бродили революционные мысли²³.

Естественно, что настроения трудящихся, их чувства, желания, помыслы, будучи непосредственным, массовым проявлением их миропонимания и представляя в совокупности народную психологию — один из существенных компонентов духовной атмосферы общества, оказывали огромное влияние на прогрессивных мыслителей. Без учета этого влияния нельзя понять ни «Завещания» Мелье, ни философии Руссо. Последний писал, вспоминая свою беседу с крестьянином (таких бесед, надо думать, было в его жизни не мало): «То, что он в связи с этим мне рассказал и о чем я понятия не имел, произвело на меня неизгладимое впечатление; он заронил в мою душу семя той непримиримой ненависти, которая впоследствии выросла в моем сердце против притеснений, испытываемых несчастным народом, и против его угнетателей»²⁴. Могучим фактором возникновения и развития мировоззрения революционной демократии в России и других странах явилось то, что в нем отражались антикрепостнические настроения крестьянства. Разоблачая «веховцев», Ленин подчеркнул зависимость настроения

²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 48—49.

²³ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 174.

²⁴ Жан Жак Руссо. Избранные сочинения, т. III. М., 1961, стр. 149.

Белинского в его письме к Гоголю от настроений русских крестьян, их возмущения крепостническим гнетом²⁵.

Ленин постоянно изучал настроения масс, в частности крестьянства. Делая пометки на книге «Стенографический отчет. Государственная дума. Сессия II, 1907 г.», Ленин выделял те выступления крестьянских депутатов, которые выражали рост революционных настроений крестьянской массы, ее решимость покончить с вековой кабалой, с помещичьим землевладением. В речи крестьянина Хворостухина из Саратовской губернии Ленин отмечает, например, вывод о том, что «земля должна отойти без выкупа тем лицам, которые будут обрабатывать ее». В речи Киселева из Тамбовской губернии Ленин тремя чертами выделяет вопрос: «Как же они (помещики.— Л. К.) могут продавать народу его собственное добро?»²⁶ Ленинские пометки не оставляют в тени ни одного оттенка крестьянской мысли, свидетельствующего о движении вперед, ни одной примечательной тенденции. Под неуклюжей, часто беспомощно наивной оболочкой, Ленин обнаруживает подлинные настроения и стремления масс.

Между тем в большинстве работ по истории философской и политической мысли настроения трудящихся затрагиваются лишь мимоходом, суммарно, как не относящийся к делу внешний фон. Создается впечатление, что существовали лишь два фактора — исторические события сами по себе и воспринимающие их философы, социологи и т. д. Народные же умонастроения, проявлявшиеся в ходе этих событий (а также предварявшие их и из них вытекающие), редко становятся предметом специального историко-философского анализа; остается неизвестным, из каких элементов складывались в те или иные периоды эти настроения, как они развивались и выражали общественное мнение, в чем сказывалось их воздействие на различные теоретические концепции.

Народное мировоззрение проявлялось и в художественно преобразованной форме — устном коллективном поэтическом творчестве, проникнутом верой в силы человеческого разума и победу правды над кривдой. В русских народных сказках всегда жив интерес к неведомому,

²⁵ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 169.

²⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2328, стр. 775, 1944.

еще непознанному, но это неизвестное при всей своей таинственности понимается не как нечто призрачное и недоступное, а как мир вполне реальный, земной, вся заманчивость которого как раз и состоит в его принципиальной, хотя и трудной достижимости. Как бы далеко — за горами, за долами, за синими морями, за тридевять земель — не находилось неведомое царство народной мечты, с какими бы опасностями не было сопряжено достижение этой заветной цели, герой русской сказки — добрый молодец рано или поздно находит искомое. Чувственный и рациональный момент тесно связаны в народном мышлении. Отмечая художественное совершенство образов Геркулеса, Прометея, Микулы Селяниновича, Святогора, Василисы Премудрой и других, рожденных гением народа, Горький писал, что «все это образы, в создании которых гармонически сочетались рацию и интуицию, мысль и чувство».

Это относится и к другим видам народного творчества, например, пословицам. Добролюбов видел в них выражение народного ума и характера. Гоголь называл пословицы итогом, подведенным делу, «отстоем» завершившихся событий. Понимание пословиц как своего рода выводов, обобщений опыта, накопленного людьми труда, сгустков народной мудрости — это и есть в сущности признание их философского значения. Отсюда, разумеется, не следует, что можно механически подставлять пословицы под готовые философские категории. Такая подставка неправомерна, поскольку она игнорирует специфику отражения действительности фольклором (поэтическую образность, широкое пользование иносказанием, метафорой, гиперболой и т. п.), различие между эмпирическим, наивно-реалистическим сознанием и теоретическим знанием, существование наряду с глубокими, меткими пословицами и таких, которые выражали предрассудки, суеверия угнетенных крестьянских масс.

Из всех форм народного миропонимания наименее исследовано индивидуальное письменное философско-публицистическое творчество трудящихся. В отличие от широко распространенного устного коллективного творчества, произведения, вышедшие из-под пера мыслителей-самородков, живших в условиях феодально-крепостнического и буржуазного строя, встречаются редко. Это не случайно. Создание таких произведений требовало из-

вестного уровня знаний, а значит — определенных условий, которых подавляющее большинство крепостных, да и освобожденных от крепостной зависимости крестьян и рабочих было лишено. В тех же случаях, когда отдельным выходцам из народа удавалось создать собственные труды антикрепостнического характера, дело кончалось для таких «крамольных» авторов тюрьмой и ссылкой, а их сочинения обычно уничтожались или замуровывались в тайниках полиции. То, что до нас дошло — лишь небольшая часть созданного талантливыми людьми из народа в жанре философской и политической публицистики и только малая частица того, что могло быть ими создано²⁷.

Предмет нашего исследования — письменное творчество некоторых выдающихся в своем роде представителей трудового народа, которым ценой многих лишений удавалось порой в той или иной степени приобщиться к знаниям. Произведения этих крепостных вольнодумцев являлись как бы промежуточным звеном между устным коллективным творчеством и письменной литературой. Созданные в гуще масс, непосредственно на их опыте, но

²⁷ В литературе имеются упоминания о рукописных сочинениях вольнодумного характера, вышедших некогда из народной среды, но затем уничтоженных. Одним из первых, известных по литературе, авторов таких сочинений, был крестьянин Семен. В 1719 г. он был заключен за подметное письмо, критикующее церковников, в тюрьму, но продолжал писать. В 1731 г. на допросе в Тайной канцелярии он показал, что намерен и впредь распространять свои «тетради» с целью вызвать возмущение против государя. Семен был казнен, а его сочинения сожжены (П. К. А л е ф и р е н к о. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М., 1958, стр. 307). В 1744 г. указом Синода был приговорен к пожизненному заключению в тюрьму Соловецкого монастыря матрос Никифор Куницын «за богоотступное своеручное его письмо». В 1752 г. был «бит кнутом нещадно» и навечно заключен в ту же тюрьму «за важную его вину» крестьянин Василий Щербakov. Он написал новое «богоухльное» произведение, результатом чего явился следующий наказ: «...Дабы он впредь таковых тетрадок сочинять не дерзал и имел бы от того крепкую предосторожность, и во удержание учинить наказание: бить плетью и по учинении того наказания содержать его в Соловецком монастыре, как посланным ранее указом велено. Смотреть над ним весьма прилежно, почасту, дабы он впредь таковых же тетрадишек сочинять не мог, чего ради пера, чернил, бумаги, угля, береста и прочего к письму способного отнюдь бы при нем не было и онаго ему не давать» (М. К о л ч и н. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. М., 1908, стр. 77, 80).

уже опирающиеся в той или иной мере на достижения передовой мысли, эти сочинения представляли собой попытку первичного литературно-философского обобщения народных дум и чаяний. Умонастроения масс могли, естественно, влиять и влияли на литературу, искусство, философию и независимо от индивидуального творчества самородков. Пути и формы этого влияния многообразны.

6

Нет возможности и необходимости устанавливать в каждом случае прямую связь между высказываниями вольнодумцев-самородков и идеями тех или других известных мыслителей. В некоторых случаях эта связь носила косвенный характер, часто она вообще отсутствовала.

Важно, однако, что народное мировоззрение и передовые философские, политические и тому подобные учения не двигались по абсолютно отгороженным, замкнутым орбитам, что между ними имелись точки соприкосновения, что они так или иначе воздействовали друг на друга и это влияние было взаимно плодотворно. Взаимодействие это было обусловлено объективными условиями общественного развития, классовой борьбой. Сходные положения и выводы вызывались в конечном счете самой жизнью, ее запросами, необходимостью борьбы против общих врагов, против господствовавшей идеологии.

Идеи равенства с необходимостью порождались борьбой против рабства, а затем — феодально-крепостнического строя. Приоритет в подготовке этих идей, в выдвижении требования равенства и придании ему наибольшей остроты и решительности принадлежал трудящимся, испытавшим на себе всю тяжесть общественного неравенства и кровно заинтересованным в его упразднении. Конечно, переход от отдельных представлений и идей к широким обобщениям, теориям представлял собой и в данном случае качественное изменение, скачок. Но и этот диалектический скачок был закономерно подготовлен. Выдающиеся мыслители, осуществившие теоретическую разработку проблемы равенства, могли исходить в той или иной мере из материала, накопленного народом. О значительности этого материала свидетельствуют факты истории: выступления народных проповедников — Болла и других во время крестьянского восстания в Англии

под руководством кровельщика Уотта Тайлера (XIV в.), деятельность таборитов в Чехии (XV в.), крестьянски-плебейская оппозиция, возглавлявшаяся Мюнцером в Германии (XVI в.), взгляды диггеров («истинных левеллеров»), представлявших социальные «низы» в английской буржуазной революции (XVII в.), и т. д.

Идеи мира, труда, свободы, счастья народов также были подсказаны в конечном счете трудовым людом, зародились в его глубинах, имеют своей первоосновой историческое творчество масс, их борьбу против социальной несправедливости. Но все эти великие идеалы, выражавшие глубочайшие чаяния народа, долгое время оставались мечтаниями, не могли быть научно обоснованы и практически осуществлены. Реальный путь к их претворению в жизнь указала марксистско-ленинская теория. Коммунизм обеспечивает их полное торжество.

7

Характеризуя социалистическую культуру, В. И. Ленин разъяснял, что ее нельзя отрывать от достижений, накопленных человечеством. «Пролетарская культура,— говорил он,— должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»²⁸. Ленин рассматривал старую культуру не как продукт деятельности одних только господствующих классов, а как итог развития *всего* человечества, включая трудящиеся массы²⁹.

Большое значение в деле изучения дум и чаяний людей труда Ленин придавал народному творчеству. Он и сам нередко черпал из этой сокровищницы.

Ленин считал нужным и важным делом собирание, записывание бытовавших в народной среде рассказов, сказаний, легенд, изложения различных учений³⁰. Ознакомившись со «Смоленским этнографическим сборником»

²⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 304—305.

²⁹ Близкую к ленинской мысль высказывал Горький: «Крайне важно отметить, что в далеком прошлом мастерами культуры являлись зачастую такие же простые, «черные» люди, какие создают ее в наши дни, но уже на иной социально-идеологической основе» (М. Горький. Указ. соч., т. 30, стр. 340).

³⁰ См. «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 119.

Добровольского и «Причитаниями Северного края» Барсова, Ленин отметил, что содержащийся в этих книгах материал представляет большой интерес, и выразил сожаление по поводу того, что у исследователей «не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных... Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»³¹. Ленин собирался подытожить свои мысли о народном творчестве, его философском и общественно-политическом значении в специальной работе. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает его слова: «...Так хочется написать статью на основании этого интереснейшего народного материала, ведь это действительно народные думы...»³².

Можно ли ограничивать значение этих замечаний Ленина только рамками фольклористики и истории литературы? Народное творчество, рассматриваемое под социально-политическим углом зрения как выражение дум и стремлений трудящихся, есть проявление их самосознания, мировоззрения и поэтому органически входит в сложный, противоречивый комплекс общественной мысли, в процесс развития передовых идей.

Действительная история общественной мысли несводима к истории воззрений отдельных профессиональных философов и социологов. «...Философы не вырастают как грибы из земли,— писал Маркс,— они — продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях»³³. Научная история общественной мысли должна показывать, что думали, к чему стремились, какие идеи вынашивали и распространяли в тот или иной период различные слои, различные классы общества и, прежде всего, что думали сами творцы истории — трудящиеся массы.

* * *

Исследователям письменного творчества крепостных вольнодумцев приходится двигаться по непроторенному

³¹ «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 118.

³² Там же, стр. 121.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 105.

пути, почти лишенному опознавательных знаков³⁴. Рукописные источники рассредоточены в различных фондах и их обнаружение связано с большими трудностями. Название дел, сформулированное в описях, далеко не всегда выражает их действительную суть. Часть «крамольных» сочинений, изъятая из соответствующих дел, находится в других фондах. В ряде случаев такие рукописи пересылались, исходя из их проблематики или служебной принадлежности авторов, в Синод, военному министру и в прочие инстанции; след многих сочинений потерян, есть основание предполагать, что они уничтожены. Разработка истории народного свободомыслия требует длительных и кропотливых поисков, выявления и расшифровки архивных материалов, собирания их нередко по крупицам. Важность проблемы оправдывает эти усилия.

³⁴ В советской философской литературе рассматривался вопрос об участии народной мысли в развитии древней и средневековой культуры (Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1957; В. К. Чалоян. Армянский ренессанс. М., 1963); в идеологической подготовке Французской буржуазной революции (Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жака Мелье.— Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1953); в развитии этических и эстетических идей (А. П. Белик. Этические и эстетические мотивы в русской народной сказке.— Сб. «Из истории эстетических идей». М., 1960).

Некоторые работы, специально посвященные русскому свободомыслию (А. И. Голодко, Ю. Я. Когана, М. М. Персица, Л. Б. Светлова, К. В. Сивкова и других), освещают интересный материал, не выходящий, как правило, хронологически за пределы XVIII в.

Наследие народных вольнодумцев XIX в. изучено в гораздо меньшей степени. Немногие статьи о них, появившиеся в последнее время, указываются по ходу изложения.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПИСЬМЕННОГО ТВОРЧЕСТВА КРЕПОСТНЫХ ВОЛЬНОДУМЦЕВ

1

Когда мы произносим слово «крепостной», в нашем воображении возникает образ темного, забитого крестьянина. Действительно, в эпоху царизма русское крестьянство было в своей массе темным и забитым.

Крепостной мало чем отличался от раба. «Нищенский надел вместо платы за труд; обработка помещичьей земли крестьянским трудом и крестьянским инвентарем; принуждение крестьянина работать из-под палки помещика» — таково было, по определению Ленина, существо крепостнического хозяйства¹.

«Александровская» и «николаевская» империя была отсталой, аграрной страной. Среди океана бесчисленных, разбросанных по ее огромному пространству сел и деревень, подобно отдельным островкам, выделялись очаги грамотности — города. В конце XVIII в. на каждых четырех горожан приходилось 96 жителей деревни. В начале войны 1812 г. городское население все еще составляло только 4,4%. И даже спустя почти сорок лет выросло очень незначительно, достигнув в 1851 г. 7,8% по отношению ко всему населению страны.

В 1859 г. Н. Г. Чернышевский произвел любопытный подсчет: из 65 или 70 миллионов человек, населявших Россию, число грамотных не превышало пяти миллионов; подавляющее большинство их проживало в городах, да и там более половины жителей были неграмотны. Крестьянство же было почти сплошь безграмотным. Такое положение вещей вполне отвечало интересам правящих кругов. Министр народного просвещения при Александр-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 15, стр. 130.

ре I Шишков признавал, что в просвещении народа он видит больше вреда, чем пользы. «Науки полезны,— говорил он,— только тогда, когда, как соль употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей (т. е. в зависимости от их принадлежности к определенному сословию.— Л. К.) и по надобности, какую всякое звание в них имеет». Такова же была точка зрения предшественников и преемников Шишкова; не случайно царское министерство народного просвещения получило в обществе сатирическое наименование министерства народного затемнения. Этой цели — затемнению сознания масс служила, наряду с церковью, и рептильная, апологетическая литература. Одним из ее мотивов было восторженно сусальное описание жизни «добродушных земледельцев», «поселян» как людей, якобы благоденствующих под властью помещиков. «Нектар и амброзия их — горелка и свежий хлеб» — умилялся князь Шаликов, «в избе тепло, в душе спокойно» — вторил ему князь Долгоруков. «Житие наших мужиков,— утверждал «Дух журналов» в 1818 г.,— есть самое беззаботное и счастливое...» В другом журнале — масонском «Друге юношества» давались «душеспасительные» советы крепостным: «Вы, которых природа, состояние обществ и воля божия поставили в зависимость от других, помните, что ваша должность — исполнять волю других!.. Повиновение должно быть первою добродетелью вашею и детей ваших. Собственность имения господского должна быть для вас священна, и вы должны ее защищать. Вы должны защищать жизнь господ своих, хотя бы то сопряжено было с опасностью вашей жизни»². Такого рода «правила жизни» господствующая идеология всеми средствами старалась насаждать в гуще народа.

В то же время перед нами факт совершенно очевидный: в темной, забитой, столетиями угнетаемой массе трудового люда России никогда не пересыхал родник живой, пытливой, ищущей мысли. «Сердце цвело во мне, видя ум и простое убедительное красноречие доброго народа русского», — говорил декабрист П. Г. Каховский³. «Он побежден,— писал Герцен о закрепощенном крестьянине,— но он вовсе не лакей. Его суровый демократиче-

² «Великая реформа», т. II. М., 1911, стр. 133, 171.

³ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. Госполитиздат, 1951, стр. 507.

ский, патриархальный язык не прошел школу передних. Мужественная красота его сохранилась нетронутой под двойным игом — царя и помещика. Крестьянин Велико-россии и Малороссии обладает весьма пронизательным умом и удивительной для севера, почти южной живостью»⁴.

Глашатаи народного вольномыслия были выходцами не только из крестьянской среды, но и из дворовых, мастеровых, вольноотпущенников, солдат и т. д.

В непрестанной борьбе с нуждой и природой, внутренними и внешними поработителями развились такие качества русского народа, как глубокий, самобытный ум, смелость и трудолюбие, самоотверженность и неугасимая любовь к отчизне, разнообразная и неиссякаемая одаренность. Эти качества воплотились и в облике самоучек-публицистов XIX в., поэтов, мыслителей из народа.

Что дало первые побудительные толчки их раздумьям о жизни, обществе, его прошлом, настоящем и будущем? Могучим толчком была Отечественная война 1812 г. Она пробудила, по словам декабриста И. Д. Якушкина, русский народ⁵. «...Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые *ощутил свою силу*, — пишет другой декабрист А. А. Бестужев (Марлинский), — тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России»⁶.

Освободительная борьба с иноземными захватчиками высоко подняла народный патриотизм, сознание народного достоинства. Это нашло свое выражение в героизме русской армии, беззаветно смелых и инициативных действиях крестьянских партизанских отрядов, предводительствуемых Герасимом Куриным, Федором Потаповым, Василием Рагозиным, Егором Стуловым, Ермолаем Четвертаковым, Василисой Кожиной и другими вожаками. Вместе с крестьянами поднимались на врага городские жители. «Вся Россия в поход пошла!» — так определил всенародный характер войны неизвестный солдат, чьи слова были услышаны в 1812 г. будущим декабристом

⁴ А. И. Герцен Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 138.

⁵ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 97.

⁶ Там же, стр. 491.

И. Д. Якушкиным, подпрапорщиком Семеновского полка⁷. Вспоминая это время, Якушкин писал: «В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле»⁸.

Война 1812 г. нашла яркое отображение в народном творчестве. От зорких крестьянских и солдатских глаз не укрылись ни испуг царя («запужался, загоревался Александрюшка и пошел в кручине по каменной Москве. Тут его царская персонушка с лица изменилася, его белы руки и ноги надломилися»), ни растерянность крепостников-дворян, которые «не знают как быть».

Крепостной крестьянин, временно сменивший подневольный труд на полную превратностей и боевого риска жизнь партизана, дворовый человек, ставший ратником ополчения, мастеровой, ковавший оружие для воинов,— все они на собственном опыте и на примере своих соратников, однополчан ежедневно и ежечасно убеждались, что именно они, дети труда и нужды, обеспечивают победу. М. И. Кутузов в «Известиях для армии» 30 сентября 1812 г. писал: «Крестьяне собираются, нападают на неприятеля с отчаянием и не сходят с места битвы, не одержав конечной победы. Они во множестве убивают неприятелей, а взятых в плен доставляют в армии. Ежедневно приходят они в главную квартиру, прося убедительно огнестрельного оружия и патронов для защиты от врагов. Просьбы сих почтенных крестьян, истинных сынов Отечества, удовлетворяются по мере возможности, их снабжают ружьями, пистолетами и порохом».

Все это рождало в народе небывалую уверенность в своих силах. Перетрусившему царю и его сенаторам, которые «расстроились, расплакались», народная песня противопоставляла истинных патриотов, не дрогнувших перед врагом — «канонерушек», «казачушек» с их генералом Платовым и храбрейшего из храбрых — «генералушку» Кутузова, устами которого народ выражал собственную свою решимость во что бы то ни стало одолеть захватчика-супостата: «А мы встретим злодея среди пути..., а мы столики поставим ему — пушки медные, а мы скатерти ему постелим — вольны пули, на закусочку

⁷ Там же, стр. 97.

⁸ Там же.

поставим каленых картеч, угощать его будут канонерушки, провожать его будут все казачушки».

Угроза была выполнена с лихвой и песня воздала должное победителям Наполеона: «Все казаки со штыками, а крестьяне со цепами ну-ка за ним гнать. Они гнали да бежали, до Париза провожали со «славой его». Свой приговор захватчикам вынесли и народные пословицы: «Наступил на землю русскую да оступился», «Хотел с Москвы сапоги снести да рад с Москвы голову унести».

Разбив армию «двунадесяти языков» и устранив опасность, нависшую над родиной и всей Европой, русский народ ощутил свою мощь, величие своего патриотического подвига. «Мы горячу кровь проливали и французов в полон брали и камяну Москву отбивали» — подводила итог событиям Отечественной войны солдатская песня от имени Семеновского полка.

Росту народного самосознания содействовало расширение идейно-политического кругозора участников заграничных походов 1813—1814 гг. Не только офицеры (многие из них были будущими декабристами), но и солдаты, проделавшие путь от Бородина до Парижа, с большим интересом наблюдали новые для них условия жизни, увидели народ, освобожденный Великой французской революцией от феодализма, сравнивали различные порядки, и это сравнение давало им пищу для горьких размышлений и для надежд на лучшее будущее. К тому же, пока шла война, царь не скупился на лживые посулы; крестьянам, вступавшим в ополчение, обещали, хотя и неофициально, освобождение от крепостной зависимости. И народ, борясь за победу, верил, что избавление от иноземного ига принесет ему свободу и от помещицкой тирании внутри страны. Но вскоре выяснилось, что эта вера обманута. Положение крестьян, на плечи которых легла вся тяжесть вызванного войной разорения, еще более ухудшилось. В тенетах издевательски жестокой муштры почувствовали себя вернувшиеся с победой русские солдаты. Требования «воли» и мечты о ней беспощадно подавлялись. Это вызывало растущее недовольство, протест. «Еще война длилась,— вспоминал А. А. Бестужев (Марлинский),— когда ратники, возвращаясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь,— говорили они,— а нас опять за-

ставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господ»⁹.

В 1815 г. возникло дело «О противозаконных разглашениях в Арзамасском округе рядовым Степановым». Отставной лейб-гвардии солдат Николай Степанов, награжденный пятью медалями и ранее разжалованный из унтер-офицеров за «непристойные» слова, «извещал» крестьян о том, что они освобождаются от помещичьей власти¹⁰. Иногда крестьяне и солдаты осмеливались поднять голос и против «священной» особы императора. Полицейские агенты доносили: в народе осуждают царя за то, что он лишь «поманил волей», а теперь «не входит ни во что» и «начальники «ныне вертят, как хотят».

Декабристы считали себя детьми Отечественной войны 1812 г. Герцен, датировавший с того же времени начало новой, молодой России, писал, что рассказы о Бородинском сражении и пожаре Москвы, о Березине и взятии Парижа были его колыбельной песней, его Илиадой и Одиссеей. Это можно с полным правом сказать и о русских вольнодумцах из народа, чье мировоззрение сложилось в своих основных чертах в первой половине XIX в. и также неотделимо от общего патриотического подъема, связанного с Отечественной войной.

Важнейшим фактором, обусловившим политическое, духовное развитие этих людей, было крестьянское движение в России. Их крестьянско-демократическая идеология возникла на почве разложения крепостнической системы. Протест крестьянских масс против существующих порядков проявлялся по-разному: в форме многочисленных побегов от своих господ и прямом отказе от выполнения феодальных повинностей, в бесчисленных случаях «ослушания» — неподчинения помещикам и уничтожении их собственности, в поджоге барских имений и убийстве помещиков, управляющих именьями, чиновников и т. д. Наиболее активной, решительной формой протеста против крепостного строя были массовые стихийные крестьянские волнения, бунты. По мере углубления антагонизма между помещиками и крестьянами, увеличивались длительность и размах этих выступлений.

⁹ «Избр. социально-политические и философские произв. декабристов», т. I, стр. 492.

¹⁰ Центральный Госуд. архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 1165, д. 92, л. 2—2 об.

Зачастую властям приходилось иметь дело не с отдельными волнующимися деревнями, а с целыми уездами, иногда даже губерниями, охваченными пламенем антикрепостнического возмущения. Такой массовый характер имело, например, движение крепостных на Дону в 1818—1820 гг., перебросившееся и на два уезда Екатеринославской губернии. В этих движениях участвовали крестьяне 256 селений — более 44 тысяч человек. Волнения происходили в центральных губерниях — Владимирской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Саратовской, Костромской, на Украине, в Белоруссии и других районах страны.

Многие крестьянские выступления характеризуются непреклонностью восставших, их готовностью идти на любые жертвы в борьбе с опостылевшей, ненавистой неволей. Даже попытки воздействовать на бунтующих крестьян от имени царя нередко кончались неудачей. В 1827 г. восстали крестьяне одной из деревень Порховского уезда, принадлежавшие графу Апраксину. Они «совершенно отреклись», как гласит секретное донесение, подчиняться помещику¹¹. Прибывшие в деревню представители власти тщетно старались «успокоить» недовольных при помощи царского манифеста, требовавшего от крепостных беспрекословного повиновения помещицкой воле: «все убеждения их были напрасны»¹².

Наряду с крестьянами активно выступали против крепостной неволи фабричные, заводские работники, еще не выделившиеся из общей бесправной массы податного люда; не раз бунтовали солдаты.

Все эти стихийные восстания, «бунты» в конце концов подавлялись. В тогдашней России не было еще силы, способной возглавить народное движение и обеспечить его успех. Такой силой мог быть — и позднее стал — пролетариат. Тем не менее царское правительство было серьезно озабочено ростом революционных настроений в народных массах и безжалостно их подавляло. Наиболее активных «бунтовщиков» расстреливали или отправляли на каторгу. Иногда столкновения карательных войск с восставшими крестьянами, «работными людьми» выливались в настоящие сражения. За холод-

¹² ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., д. 55, л. 1.

¹² Там же, л. 4 об.

ными чиновничьими формулировками всеподданнейших отчетов III Отделения: «полковник Коптев был употреблен к уничтожению неповиновения Воронежской губернии Вашуйского уезда в вотчине графа Панина между 1357 душами крестьян, возмечтавших о вольности», или «майор Быков был употреблен Саратовским гражданским губернатором для усмирения крестьян, восставших против помещика Карпова» явственно проступает другой язык, которым царь в действительности разговаривал со своими подданными — язык меча и огня.

Первая треть XIX в. ознаменовалась, как известно, и бурными проявлениями революционной борьбы на Западе. В 1830 г. грянула буря июльской революции во Франции. Вскоре разразилось восстание в Польше.

В этой накаленной атмосфере складывались антифеодальные убеждения крепостных вольнодумцев. Эти люди далеко не всегда названы в делах политической полиции поименно; чаще они фигурируют там как «злонамеренные люди» или «зачинщики» вообще. Выражая тревогу по случаю их появления, пробуждения народного сознания Фаддей Булгарин обратился 7 августа 1826 г. к управляющему III Отделением фон Фокку с письмом, посвященным вопросу о том «каким образом можно уничтожить пагубные влияния злонамеренных людей на крестьян»¹³. Подчеркнув в начале своего послания личную привязанность и благодарность к монарху и ссылаясь на свои ранее поданные через III Отделение соображения о книгопечатании, цензуре и общем мнении в России, Булгарин сожалеет, что «в обширной и во многих местах худо населенной России, нельзя иметь столь блистательного полицейского надзора над крестьянами, как во Франции и Германии»¹⁴. Тем важнее, с его точки зрения, возведение идеологической стены между «вредными людьми» (как он именует глашатаев антикрепостнических, вообще передовых взглядов) и массой народа. С этой целью, добиваясь еще большего духовного закабаления трудящихся, Булгарин предлагает ввести особую присягу для крестьян, согласно которой они должны беспрекословно повиноваться царю как помазаннику божьему, властям и помещикам. «Тогда,—

¹³ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1826 г., ед. хр. д. 1880, л. 2.

¹⁴ Там же.

утверждал этот шпион-литератор, мечтавший, видимо, о «лаврах» идейного наперсника царя или, по крайней мере его тайной полиции,— никто не дерзнет покушаться смущать народ вредными внушениями, ибо присяга, которая модно воспитанными дворянами почитается одним обрядом, в народе произведет свое истинное действие и привяжет его узлом веры к священной особе государя»¹⁵. Булгарин рекомендовал составить специальный катехизис для народных школ, в котором бы без всяких богословских тонкостей излагались «обязанности» крестьян по отношению к богу и государю¹⁶.

«Успехи» карателей и пожелания таких людей, как Булгарин, не могли успокоить правящие круги, которые опасались того, чтобы разрозненные местные выступления не слились воедино в общероссийское восстание; их пугал призрак новой пугачевщины. Народ не забывал Пугачева. Еще в 1800 г. был засечен до смерти казак станицы Старореченской Евграф Грузинов, угрожавший, что он поднимет казачество и «пройдет всю Россию, да не так, как Степан Разин или Емельян Пугачев, а так, что и Москва затрясется»¹⁷. В «Кратком обзоре общественного мнения за 1827 г.» III Отделение сообщало, что крестьяне с нетерпением ждут своего избавителя «снизу» — нового Пугачева; они уже дали ему имя Метелкина и говорят между собой: «Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их»¹⁸.

Не все крепостные вольнодумцы были участниками крестьянских выступлений. Некоторые из них действовали в одиночку, на свой страх и риск, сосредоточивая свои усилия на идейном обосновании необходимости отмены крепостного права. Но и они были в известном смысле преемниками и наследниками Пугачева.

2

В своих социально-политических, философских и социологических исканиях публицисты из народа шли от окружающей их жизни. Но они не были простыми эмпи-

¹⁵ Там же, л. 3.

¹⁶ Там же, л. 3 об.

¹⁷ А. В. Фадеев. Дореформенная Россия (1800—1861 гг.). М., 1960, стр. 27.

¹⁸ «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 1. М., 1931, стр. 9.

риками. Свои наблюдения они дополняли размышлениями, опирающимися на ранее накопленный мыслительный материал.

Каковы же идейные предпосылки мировоззрения крепостных вольнодумцев?

Читая их сочинения, мы сразу ощущаем проникающую их фольклорную стихию — они неразлучны с пословицей, поговоркой, песней, сказкой, преданием. Многие в этих раздумьях созвучно и таким проявлениям русской народной мысли предшествующей эпохи, как плебейско-крестьянские ереси, пародийные «челобитные» крестьян и солдат (где в форме жалоб фактически выдвигались обвинения), «подметные» и «пасквильные» письма, народные «действия» и сатирические повести, «грамоты» и «указы», составлявшиеся участниками крестьянских войн.

Одним из ранних представителей народного вольномыслия в России был беглый холоп XVI в. Феодосий Косой. Его учение, которое противники с ненавистью именовали «рабьим», выражало в форме религиозной ереси интересы низов, их протест против социального гнета.

Феодосий Косой не ограничивался отрицанием церкви с ее догматикой и обрядностью — верой в божественность Христа, храмами, иконами, богослужениями, «таинствами», монашеством и тому подобным, но и срывал покров «святости», «богоданности» с феодального государства, отвергал существующие власти, проповедовал равенство всех народов.

Остановимся на некоторых проявлениях письменного (рукописного) народного творчества.

Своеобразным памятником антифеодальной идеологии являются пародийные «челобитные». В отличие от обычных челобитных, представлявших собой чисто «деловые» бумаги, с которыми их авторы обращались в «присутственные места», наивно уповая на удовлетворение своих просьб, документы, о которых мы говорим, относятся к сатирическому жанру и свидетельствуют о неверии сочинявших их крестьян или солдат в возможность улучшить свою жизнь посредством жалоб. Это — пародии, сатирические «жалобы». Отдавая себе отчет в их вольнодумном, «крамольном» характере, авторы из предосторожности не называли своих фамилий.

Впрочем, и настоящие жалобы не всегда подписывались. Хотя многие из них не шли дальше критики «своего» помещика или управляющего, уже в этих документах содержались зачаточные проявления недовольства и обличения, затрагивающие отдельные стороны крепостнических отношений. На жалобщиков обрушивались наказания — порка, тюремное заключение, ссылка. Крестьяне Масленского острога и Барневской слободы писали в 1762 г., что «за принесенную в обиде жалобу, дабы и впредь нигде не били челом, приказом приказчиков и нарядчиков, навязав яко татю на шею колодки и вода по дровосекам и шалашам, а в заводе по улицам, по плотинам и по фабрикам, ременными кнутьями немилосердно злодейски мучили, отчего пришли в увечье и в конечное убожество и домов своих лишились»¹⁹ В ответ на челобитную, поданную группой дворовых, Павел I распорядился дать каждому из них столько плетей, сколько сочтет необходимым их хозяин, чем заслужил, по словам современника, «всеобщую похвалу и благодарность от всего дворянства»²⁰.

В январе 1827 г. Слободско-украинские поселяне обратились к Николаю I, прося его «исторгнуть от конечной гибели страждущее человечество». Крестьяне писали, что они приведены в «совершенное разорение» и целиком зависят «от рук мздоимственных, от судей клятвопреступных, поправших истину». Ознакомившись с прошением, Бенкендорф доложил о нем царю, а тот поступил так, как только и мог поступить первый помещик в государстве: взяв под защиту тех, на кого жаловались крестьяне, он приказал принять «действительнейшие меры к открытию сочинителя» и «к точному узнанию, кто мог говорить подобные речи под таким предлогом»²¹.

Как видим, ни «жалобная» форма, ни ограниченные рамки предъявляемых претензий, ни выражение верноподданнических чувств не спасали подателей челобитных от барского и царского гнева.

К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. I. Пг., 1923, стр. 153.

¹⁹ См. Андрей Яцевич. Крепостной Петербург пушкинского времени. Л., 1937, стр. 195.

²¹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 22, лл. 1, 3, 2.

Еще большей опасности подвергались авторы рассматриваемых нами сочинений.

Характерно, что пародийные «челобитные», о которых идет речь, адресованы непосредственно богу; это говорит о безысходности положения авторов, которым не от кого было ждать спасения. Они беседуют с богом запросто, панибратски, без соблюдения церковного пиетета. Бог выглядит в этих посланиях не как всевидящая и всезнающая мистическая сила, а как фигура условная, земной, но неизвестно где находящийся адресат. «Преклони ухо свое ближе», — предлагают этому, явно тугому на слух «заступнику» сочинители солдатской челобитной²², хорошо помнящие, что до царя далеко, а до бога высоко. И не потому, конечно, они взывают к богу, что всерьез рассчитывают на его помощь. Если бы дело обстояло так, незачем было бы прибегать к форме, заимствованной из канцелярско-бюрократического обихода, что уже само по себе нарочито «снижает» тон, придает таким обращениям иронический оттенок.

Главное в этих «челобитных» — их антикрепостнический накал. В «Жалобе саратовских крестьян на земский суд» говорится об «исправнике-дураке», «ворезаседателе» и «плуте-секретаре», но сам факт обращения крестьян, минуя все ступени официальной юрисдикции, к «небесному царю» звучит укоризной и отчасти вызовом царю земному. Беседуя с богом без всякого самоуничижения, крестьяне разъясняют ему истинное положение своих дел: «Суди, Владыко, по человечеству, какие же мы можем быть слуги Отечеству? До того дошли, что нечем и одеться, а в праздник больше нечем разговеться. Работаем и трудимся до поту лица, а не съедим в Христов день и куриного яйца. Едим мякину вообще с лошадьми. Какими ж можем назваться людьми? ...Не стерпя такого тиранства всем известного, принуждены просить Тебя, Царя Небесного»²³. Почему «принуждены»? Потому, что земной царь глух к нуждам трудящихся и на него надежда плоха.

В «Просьбе, сочиненной в Крыму от военнослужителей» (последняя четверть XVIII в.) противопоставление «небесного царя» земному проведено еще резче. Авторы

²² РОГБЛ, ф. 178, шифр м. 721, л. 2.

²³ «Русский архив», 1908, № 10, стр. 216—217.

открыто заявляют о желании избавиться от всех земных божков: «Адам трудился наг и служил для одного бога. Для чего у нас явилось земных божков много. А каждый принуждает себе кадить и почитать, да не знаем от кого нам милости ожидать. Мы всякому поем хвалу и почитаем, но ни от кого милости получить не чаем»²⁴.

Сатирические прошения распространялись в народной среде. Интересно, например, отметить, что документ, на который мы только что ссылались, проделал далекий путь от Крыма до Урала, был известен местным рабочим и использовался ими при отстаивании своих интересов. Сравним для подтверждения сказанного выдержку из него и из жалобы, поданной в конце декабря 1820 г. уральским мастеровым Егором Дюрягиным — одним из руководителей рабочих волнений на Березовских золотых приисках. В крымском послании виновником всех социальных бедствий, в том числе войн, на первый взгляд признается «праотец» Адам, который «в роскоши породил своих сынов и с младости к ним не был суров. Не умел их учить и унимать и тем допустил друг друга убивать. Размножил их завистные семена, отчего началась во всем свете война. По Адаме мы стали страстны и завистны, а по войне к ближним своим ненавистны»²⁵. При всей наивности этой постановки вопроса нетрудно уловить за библейской архаикой вполне земное содержание; традиционная форма выполняла здесь роль эзоповского языка. Пародийно-сатирическое переосмысление библейского сюжета позволяло авторам-солдатам направить свою критику против реальных, земных тунеядцев, утопающих в роскоши, нажитой за счет угнетения трудящихся; они-то, эти тунеядцы, — подлинные виновники появления неравенства, злобы, взаимной ненависти и вытекающих отсюда военных столкновений.

Отправляясь от текста крымской «челобитной» и

²⁴ РОГБЛ, ф. 178, шифр м. 721, л. 5. Имеются и другие списки этого произведения. Один из них входит в рукописный сборник конца XVIII в., также находящийся в РОГБЛ (ф. 218, ед. хр. 900). «Челобитная к богу от крымских солдат» опубликована Г. А. Гуковским в статье «Солдатские стихи XVIII века» («Литературное наследство», 1933, № 9—10).

²⁵ РОГБЛ, ф. 178, шифр м. 721, л. 2 об.

приспосабливая его к тяжелому положению рабочих Екатеринбургских промыслов и Березовского «золото-содержащего» завода, Дюрягин пишет: «...правда из пределов оных изгнана и обладает треном справедливости — ненависть, мздоимство и лихоимство и размножила свои завистные семена, так что по всем оным заводам началась война»²⁶. В крымской «просьбе» читаем далее: «Адам обращался наг всегда в трудах. Лишились чрез то и мы сапогов и рубах. Обносились в Крыму, а купить денег нет. И так мучимся уже много лет»²⁷. У Дюрягина: «во все воскресные и праздничные дни обращаемся в трудах; через то лишились всей одежды и рубах; обносились в золотых промыслах, а купить денег нет; и тем мы в оных заводах мучимся много лет»²⁸.

Связь между этими документами бесспорна. Она говорит о том, что пародийные «челобитные» имели хождение в народе и в XIX в. и использовались для борьбы с реакцией в новых условиях.

Однако, выражая недовольство масс, осуждая те или иные стороны крепостного права, сочинители челобитных не доходили до отрицания крепостничества в целом.

Более высокую степень антикрепостнического сознания представляют те произведения народного творчества, авторы которых не просили, а требовали свободы, обращаясь непосредственно к народу и призывая его на борьбу с существующим строем,— например, «Плач холопов», написанный неизвестным крепостным в конце 60-х годов XVIII в.

«О! горе нам, холопом, за господами жить!»²⁹ — так начинается это произведение, содержание которого явно перерастает название; от жалобы, плача автор поднимается до открытого протеста, приговора. Власть крепостников характеризуется им как тирания, «бедство», «острая коса» для трудящихся. «Что в свете человеку

²⁶ М. А. Горловский, А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954, стр. 106.

²⁷ РОГБЛ, ф. 178, шифр м.721, л. 5.

²⁸ М. А. Горловский, А. Н. Пятницкий. Указ. соч., стр. 106.

²⁹ «К воле. Крепостное право в народной поэзии». Составил Н. Л. Бродский. М., 1911, стр. 11.

хуже сей напасти?»³⁰ Автор обличает произвол, бесчеловечность помещиков, которые привыкли владеть крепостными, «как скотом». Гневно клеймит он и их «неправедны суды». «...Барин украдет хоть тысяч десять, никто не присудит, что надобно повесить, умножилась неправда в российских воеводах: подарок принесет кто— тот прав и без доводов». Нечего ждать крепостному человеку защиты от существующих государственных законов, ибо помещики «в свою ныне пользу законы переменяют: холопей в депутаты затем не выбирают»³¹. Так критика помещиков переходит в протест против их политических и юридических институтов. И автор «Плача холопов» делает вывод, что надо «всякую неправду» в обществе «выводить» и «злых господ корень переводить»³², т. е. призывает к расправе с крепостниками, подходит по существу к идее уничтожения крепостного права.

Большое место в истории русского вольномыслия занимает публицистика крестьянской войны 1773—1775 гг.— указы, повеления и манифесты Пугачева. В этих документах, составителями которых были простые русские люди— Иван Почиталин, Максим Горшков, Тимофей Падуров и другие участники пугачевского восстания, проводилась та мысль, что богатство угнетателей создано трудом угнетенных и, стало быть, социальное неравенство коренится в ограблении народа туземцами-помещиками. Дворяне повергли «всю Россию себе в подданство,— сказано в пугачевском указе от августа 1774 г.,— с наложением великих отягощений» и довели ее «до самой крайней гибели»³³. «...Дворяне,— говорится в другом пугачевском обращении,— привыкли всею Россиєю ворочать, как скотом, но еще и хуже почитают собак, а притом без малых (крестьян, дворян.— Л. К.) жить не привыкли»³⁴.

Желая покончить с таким несправедливым строем жизни, Пугачев в указе от 31 июля 1774 г. намечал предоставление всем крестьянам вольности и владения зем-

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 12.

³² Там же, стр. 13.

³³ «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II. Госполитиздат, 1952, стр. 105.

³⁴ Там же, стр. 114.

лями, лесными и сенокосными угодьями «без покупки и без оброку»³⁵. Всего этого крестьяне должны добиваться сами от «господ». Помещиков, сопротивляющихся народным требованиям, необходимо,—говорил Пугачев,—«как сущих преступников закона» казнить, а их собственность «брать себе в награждение»³⁶.

Восстание Пугачева, как и другие крестьянские выступления, было стихийным; взгляды его вожаков содержали много противоречивого, наивного и примитивного. Но вызванные к жизни могучим порывом революционной активности масс «манифесты», «указы» и другие документы пугачевцев, отражали настроения и требования самого народа. Значительное число сохранившихся архивных экземпляров некоторых из этих документов свидетельствует об их распространении и популярности. Резко антидворянская по своей сущности, безоговорочно осуждающая и отвергающая крепостничество как антинародный строй, полная пламенного воодушевления, публицистика крестьянской войны оказала благотворное влияние на народное сознание и русскую передовую общественную мысль.

Показателен пример Радищева, взгляды которого в значительной мере складывались под воздействием пугачевского восстания. Большое влияние оказали на него и французская буржуазная революция, борьба Америки за независимость. Радищев не разделял наивно монархических и некоторых других представлений пугачевцев, он пошел значительно дальше своих предшественников как революционный теоретик; но двуединая формула, намеченная уже в «Плаче холопов» и в полный голос провозглашенная Пугачевым: «учинить во всей России вольность» и «злодеев-дворян всячески стараться искоренять»³⁷, стала лейтмотивом мировоззрения великого мыслителя-революционера.

В архивах сохранились и другие, менее известные, документы, представляющие интерес для истории русского свободомыслия XVIII в. Таковы, например, «Речь о человеке, украшенном заслугами» и «Слово о равенстве», входящие в рукописный «Сборник слов». Эти сочинения проникнуты уважением к простым людям и

³⁵ Там же, стр. 103—104.

³⁶ Там же, стр. 98.

³⁷ Там же, стр. 105—106.

имеют вид проповедей, поучений. «Слово», как и «Речь» вышло, по-видимому, из демократической среды. Автор «Речи» Матвей Байцуров с презрением относится к людям, причисляющим себя к высшей, избранной породе, призванной господствовать над массами. «Мечтательное о себе предрассуждение,— пишет он,— полагающее других на нижнем месте, а себя по ласкательным стезям самолюбия возносящее до известной некоторой степени, не включается в сии рассуждения. Известно благо-разумным, что такие люди подобны тому, который, стоя на высоком холме, воображает себе, что все в раз-долинах идущие мимо его, малы; когда в самое то время, сим последним он сам кажется мал на высоте своей»³⁸. Место человека в истории определяется не родословной книгой, а заслугами перед народом; большие же заслуги могут иметь и рядовые, «маленькие», незаметные люди. Без их усилий, без их поддержки невозможна деятельность выдающихся лиц. Роль простых людей настолько велика, что ее можно уподобить солнечному теплу; к нему привыкли, забывая, что без солнца не было бы жизни на земле. «В рассеяниях своих,— говорит Байцуров,— всяк, будучи согреваем и освещаем солнечными лучами, редко принимал в рассуждение, что сие происходит от солнечных лучей. Может быть, в общей связи сил и способностей, будучи погребены, достойные люди или по скромности не дерзают о себе сказать; или в стройном течении общего благоденствия не примечают, сколько они ко всему содействуют, сколько до бесконечности разделены силы общественные, сколько важно иногда, чтобы слабый пигмей протянул руку, дабы не обрушился колосс. Когда Атласа плечи ослабевали, то Геркулес подставил рамена свои и удержал мироздание. Не всегда крепкосильные атласы и геркулесы рождаются... Однако все великие силы имеют свою силу; ежели случается, что один за сто человек может действовать, то совокупя сто раздробленных по частным людям сил, получим то же действие»³⁹. Важное место в балансе общественных сил занимают не только полководец, но и простой солдат, крестьянин, стоящий «перед мирскими владыками с возвышенным челом», художник, ваятель,

³⁸ РОГБЛ, ф. 178, ед. хр. № 3160, л. 6.

³⁹ Там же, л. 7.

архитектор, вообще труженики, мастера своего дела, или как говорит автор, достойные люди⁴⁰.

К этой постановке вопроса примыкает и «Слово о равенстве людей», автор которого неизвестен. «Первое между людьми равенство, читаем мы здесь, есть сущности или природы». Любой человек представляет собой единство тела и духа; это свойственно всем людям — «вельможам и простым, богатым и убогим. Дух убогого имеет ту же способность, как и дух богатого полагать основания, извлекать следствия, различать истину от ложного, определять себя к добру или к злу, изыскивать то, что есть наиславнейшее и полезнейшее... Одни законы в убогом соединяют тело с духом, что и в богатом. То же отношение сих двух частей, производящих состав его существа, то же движение рождает ту же мысль или подобное чувствование в душе, то же хотение души рождает подобное движение тела. Сие есть человек. Таковы способности человечества, в коем различие состояний не причиняет ни малейшей перемены». Природное равенство людей подтверждается и их слабостями. Тело богатого, как и бедного, является средоточием болезней, «оно есть сосуд глиняный», хрупкий. Дух богатого, как и бедного, впадает в замешательство, стремясь получить ответ на тысячи, занимающих его вопросов. «Дух богатого, как и убогого, разрывается в своих глубочайших размышлениях. Одним лучем света, ворчанием мухи, прикосновением пылинки способность его рассуждать, определять себя к добру или к злу... теряется и будто бы исчезает равно в нем, как и в убогом»⁴¹.

Равенство выражается, по мнению автора, также в том, что, исходя из данных природой способностей и потребностей, все люди должны иметь одинаковые права. Знатные и богатые, свысока относящиеся к тем, кто стоит ниже их на ступенях общественной лестницы, заслуживают осуждения; пренебрегая человечностью, они отрекаются от истинной «великости» во имя ложной. «Слава человеческая не в том состоит, что он государь, не в том, что он богат и не в том, что он дворянин»⁴². Она должна основываться на действительных достоинствах и заслугах. Подобно байцуровской «Речи», «Слово

⁴⁰ Там же, лл. 7 об.— 8.

⁴¹ Там же, лл. 42 об.— 43.

⁴² Там же, л. 45.

о равенстве людей» выступает на защиту простых тружеников, против тех, кто с презрением отзывается о «рукодельных состояниях»⁴³, т. е. людях физического труда. «Собственно говоря, нет состояния, которое бы было превосходнее другого», — подчеркивает автор⁴⁴.

Идейно-философская ограниченность «Слова» проявляется в апелляциях к богу, перед которым «все равны», в призыве к умеренности и т. д. Но антикрепостническая устремленность автора все же берет верх, и он заканчивает свою проповедь признанием того, что «досадно» быть «попираемому ногами от подобных нам». Он выражает надежду, что «сей порядок уничтожится» и скоро наступит «то блаженное время, в котором все сии отменности (различия. — Л. К.) истреблены будут»⁴⁵.

Важным проявлением народного свободомыслия является едкий скептицизм по отношению к церкви и религии, а во многих случаях прямой, открытый атеизм. Это, конечно, не дает нам права забывать о массовом распространении религиозных суеверий в крестьянской и вообще простонародной среде того времени, нашедших свое отражение и в народном творчестве.

Религия была основным духовным оплотом феодально-крепостнического строя. Не удивительно, что вопрос об отношении к ней кровно задевал борющиеся классы. Пушкин отмечал презрение русских простолюдинов к попам и равнодушие к религии. Возражая против использования религиозных аргументов при революционной «обработке» солдат, декабрист-материалист И. И. Горбачевский говорил, что «ни священники, ни монахи не могут иметь влияния на русских и что они пользуются весьма невыгодным о них мнением между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли с русским говорить языком духовных особ, на которых он смотрит с весьма худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно более найти вольнодумцев, нежели фанатиков...»⁴⁶. В. Г. Белинский и А. И. Герцен также подчеркивали атеистичность настроений народных масс России. Последний писал о русском крестьянине:

⁴³ Там же, л. 46.

⁴⁴ Там же, л. 46 об.

⁴⁵ Там же, л. 51 об.

⁴⁶ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, стр. 45.

«Священников он презирает как тунеядцев, как людей алчных, живущих на его счет. Героем всех народных непристойностей, всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дьякон или их жены»⁴⁷

Сохранилось немало фактов, свидетельствующих о проявлении религиозного неверия в среде простых русских людей. Приведем некоторые из них. Еще в «житиях» XV—XVI вв. сообщалось о крестьянах, которые «диаволим наущением» не молятся, возводят «хулу» на Иисуса Христа и на самого бога. Много «богохульных» выступлений людей из народа отмечено в XVII и особенно XVIII вв. Богоборческие мотивы в этих выступлениях всегда переплетались с антикрепостническими, а иногда и с антицаристскими, хотя в целом крестьянство находилось в тенетах наивного монархизма.

В деле «О крестьянине Иване Васильеве, отданном в солдаты за дерзкие слова» (1800 г.), указывалось, что последний не захотел приложить руку к соглашению об обработке поповской земли. На вопрос «кому он противится», Васильев «дерзновенно» ответил: «царю и богу»⁴⁸.

Недавно советскими исследователями было найдено в переплете одной из рукописных книг Печорского края письмо неизвестного крестьянина-вольнодумца, относящееся к концу XVIII в.; автор был настроен критически по отношению к библейским легендам, сомневался в существовании «праотца» Адама и т. д.⁴⁹ В произведении Д. И. Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (за которое он, по его словам, прослыл безбожником), крепостной слуга говорит, что не знает кем и для чего создан мир (т. е. явно не разделяет версии о сотворении мира богом). С такими и еще более смелыми признаниями Фонвизину действительно приходилось сталкиваться. Он рассказывает о споре между двумя унтер-офицерами, один из которых признавал, а другой отрицал бытие божие. Отрицающий кричал: «Нечего пустяки молоть; а бога нет!»⁵⁰

⁴⁷ А. И. Герцен. Указ. соч., т. VI, стр. 211.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. VII, 1800 г., д. 3494, л. 1.

⁴⁹ См. «Русская литература», 1960, № 4, стр. 189.

⁵⁰ Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма. ОГИЗ, 1947, стр. 208—209.

Антирелигиозная традиция (правда, не всегда выступающая в такой прямой форме) была продолжена в народном свободомыслии XIX в. В течение одного лишь десятилетия (1822—1833) было сослано в Сибирь по официальным данным за «преступления против веры» 1812 человек.

Мы далеко не исчерпали материалов, свидетельствующих о том, что русские вольнодумцы из народа, выступившие в XIX в., действовали не на пустом месте, имели своих предшественников. Здесь можно напомнить о хорошо изученных советскими учеными великолепных русских антипомещичьих и антипоповских сказках, о боевых песнях разинского и пугачевского циклов. Но и приведенные данные показывают, что в России была своя традиция народного свободомыслия и эта отечественная традиция имела глубокие корни.

Родившись из едва заметных ручейков — бесчисленных горестных наблюдений и выражений недовольства, критика крепостничества «снизу» постоянно ширилась и углублялась, поднимаясь в ряде случаев до самобытных философско-публицистических обобщений.

3

В поисках ответа на мучившие их вопросы, люди из народа охотно обращались к книге. Это было нелегким делом. На пути к нужной, полезной книге стояло много препятствий, возводимых теми, кто боялся просвещения масс и считал, что им следует довольствоваться особой — для них предназначенной — литературой: Часословом и Псалтырем, «Ерусланом Лазаревичем» и «Бовой Королевичем», сонниками и житиями святых. Все же время от времени идеи передовых писателей и мыслителей доходили до простых русских людей.

С какими же авторами удавалось знакомиться некоторым из них? Еще в середине XVIII в. трудами Ломоносова интересовался Петр Дементьев — бежавший из России купец, занимавшийся в Лондоне часовым ремеслом⁵¹. Осведомлены были в какой-то мере о деятель-

⁵¹ См. «Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. IX. СПб., 1872, стр. 409. П. К. Алефиренко называет П. Дементьева беглым крепостным («Крестьян-

ности великого русского ученого-материалиста вольнодумцы XVIII в. — московский купец из ямщиков Василий Каржавин и его сын Федор⁵².

Антицерковный памфлет Ломоносова «Гимн бороде» ходил по рукам. В докладе, поданном Синодом императрице Елизавете 6 марта 1757 г., говорилось: «В недавнем времени... проявились в народ пашквильные стихи, написанные Гимн бороде, в которых не довольно того, что тот пашквильянт, под видом якобы на раскольников, крайне скверные и совести, и честности христианской противные ругательства генерально на всех персон, как прежде имевших, так и ныне имеющих бороды, написал, но и тайну св. крещения к зазрительным частям тела человеческого наводя, богопротивно обругал и чрез название бороду ложных мнений завесою, всех святых отец учения и предания еретически похулил»⁵³.

Распространению «Гимна бороде» содействовало то, что он включался в состав рукописных сатирических сборников, наряду с произведениями, вышедшими непосредственно из народной среды. «...Я Ломоносова в пыли видал в передних, куда он для услуг был сослан праздных слуг, с языком вместе Русским», — писал в 1807 г. А. А. Палицын — переводчик Вольтера и Руссо⁵⁴. Пример Ломоносова, вышедшего из «низов», оказал вдохновляющее влияние на архангельского крестьянина — поэта первой половины XIX в. М. Д. Суханова. «...С самого детства, — сообщают издатели его сочинений, — наслышавшись о славе своего единоплеменника Ломоносова, полюбил науки и словесность»⁵⁵. Суханов от-

ское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в.» Изд-во АН СССР, 1958, стр. 316).

⁵² См. «Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. IX. СПб., 1872, стр. 416; «Русская старина». СПб., февраль 1875, стр. 284.

⁵³ П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 603. Один из участников полемики, развернувшейся вокруг памфлета Ломоносова, пишет: «все оной почли за чудную некоторую редкость и с великою поспешностью начали списывать, друг перед другом читали и друг друга спрашивали о нем мнение» (РОГБЛ, ф. 178, № 3332, л. 19об.—20).

⁵⁴ «Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым». СПб., октябрь 1902, стр. 3.

⁵⁵ «Басни, письма и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова». СПб., 1836, стр. 1.

носит Ломоносова к числу наиболее почитаемых своих предшественников⁵⁶.

С творчеством Ломоносова был знаком даровитый крестьянский юноша Петр Борисов из подмосковного села Лопасня. Овладевший грамотой под руководством дьячка и прочитавший много книг (которые он получал у местного крестьянина — тоже «большого охотника до чтения»), Борисов посетил в 1826 г. поэта И. И. Дмитриева и выразил желание учиться «словесности». Из беседы поэта с юношей выяснилось, что Борисов уже знает сочинения Ломоносова, Державина, Дмитриева, Жуковского, Сумарокова, Хераскова. Петр Борисов и сам пробовал силы в стихах и прозе, написал сочинение «О любви к отчизне»⁵⁷. Характеризуя его творчество, современник указывает на присущую этому крестьянину «замашку Ломоносова»⁵⁸. В оде, посвященной детищу великого ученого — Московскому университету и преисполненной веры в силы научного познания, П. Борисов писал в духе Ломоносова:

Науками обогащаем
Себя и ближних щедро мы.
Природы книгу раскрываем,
Да умствуют по ней умы!⁵⁹

«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева было фактически запрещено вплоть до революции 1905 г. Но в обход цензуры оно получило широкую известность. Тайно распространялись многочисленные рукописные копии «Путешествия». Так обстояло дело и в глубокой провинции — в Кременчуге, в Молдавии.

Еще Пушкин отмечал, что эту книгу можно увидеть не только на книжной полке библиомана, но и «в мешке брадатого разносчика»⁶⁰. С интересом относились к ней русские купцы и мещане; узнав о ссылке Радищева в Сибирь, многие из них, являвшиеся его поклонниками, плакали⁶¹. Радищев был известен некоторым крепост-

⁵⁶ Там же, стр. 112.

⁵⁷ См. Л. П. Гроссман. Крепостные поэты. М., 1926, стр. 60—61.

⁵⁸ «Отечественные записки», март 1826 г., стр. 510, примечание.

⁵⁹ Там же, стр. 507—508.

⁶⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 271.

⁶¹ См. И. П. Вороницын. История атеизма. Изд-во «Атеист», изд. 3, 1930, стр. 601.

ным. Правда, судить об этом приходится большей частью по косвенным данным⁶².

С его взглядами был знаком, в частности, крестьянин Т. М. Бондарев (1820—1898), написавший позднее трактат «Трудолюбие и тунеядство или торжество земледельца». Впервые он услышал о Радищеве еще в молодости, на Дону, в станице Михайловской, будучи крепостным, а в 50—60-х годах XIX в., став солдатом, читал рукописную копию «Путешествия». Изучал он этот труд и позже в сибирской ссылке⁶³.

Чем объяснить, что мировоззрение великого русского мыслителя XVIII столетия нашло отклик в умах простых людей в XIX в.? Причина этого — в революционной и демократической устремленности Радищева, в том, что люди из народа почувствовали в нем, несмотря на его дворянское происхождение и нелегкий для них слог, своего человека, борца за интересы крестьянских масс, союзника и во многом наставника, помогающего им жить и бороться с теми же противниками, с которыми так отважно сражался в свое время этот великий мыслитель, истинный друг народа.

Одним из самых любимых в народе писателей был И. А. Крылов. Его басни читали не только в петербургских гостиных, но и в «крестьянских избах, купеческие сидельцы и солдаты в армии...»⁶⁴ Сборники басен Крылова передавались наряду с наиболее ценным достоянием по наследству. Вспоминая литературные интересы «простых» русских людей в первой половине XIX в., немецкий автор И. Коль говорит в своей книге «Петербург в картинах и набросках»: «Я знал одного старого дворецкого, который в часы досуга выучил наизусть басни Крылова и уже в шестой раз читал историю России Карамзина... С ним можно было беседовать о любом отрезке русской истории»⁶⁵. Недаром Гоголь называл басни Крылова книгой мудрости самого народа.

⁶² См. Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 144—145.

⁶³ См. Е. И. Владимиров. Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой. Красноярск, 1938, стр. 16, 26.

⁶⁴ Н. Степанов. Крылов. Изд-во «Молодая гвардия», 1963, стр. 195.

⁶⁵ «Petersburg in Bildern und Skizzen». Von I. G. Kohl. Zweiter Teil. Dresden und Leipzig, 1841, S. 138—139.

Проникала иногда в народ и поэзия Пушкина, в особенности такие его бунтарские стихи как «Вольность» (1817), «Деревня» (1819) и другие произведения. С творчеством великого поэта еще в молодости познакомился упомянутый нами крестьянин-философ Бондарев. «И что бы мы, наш брат крепостной не читали,—вспоминал он,— а стихи «Деревня» всегда наизусть знали»⁶⁶. Пушкина любил читать крепостной Л. А. Серяков, введший в русское искусство гравюру на дереве. Сын крестьянина-солдата, а затем сам солдат, человек, прошедший суровую школу жизни, он еще в юности познакомился с произведениями Пушкина и Лермонтова.

С творчеством Пушкина был знаком крепостной поэт Е. И. Алиханов. Другой бывший крепостной И. К. Зайцев, учившийся в Арзамасской школе живописи, рассказывает, что там была библиотека, насчитывавшая много сот книг, которыми учащиеся (среди них было много крепостных, дворовых людей) «зачитывались до опьянения». «...Я, например,—рассказывает он,— переписал кучу баллад и разных стихотворений Жуковского и Пушкина». Зайцев знал наизусть поэмы Пушкина «Кавказский пленник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан»⁶⁷.

Стихи Пушкина пользовались большой любовью среди военных. «Вольнодумческие стихи Пушкина в рукописях распространялись по всей армии...» — свидетельствует М. П. Бестужев-Рюмин⁶⁸. Когда в 1825 г. проводилось расследование в связи с обнаружением в солдатской среде антикрепостнического народного сочинения «Жизнь солдатская», то при обыске была отобрана в 17-й пехотной дивизии, наряду со списками этого сочинения, тетрадь с переписанными стихами Пушкина «Деревня», «Вольность» и др. Составленный в год восстания декабристов кем-то из офицеров, этот стихотворный сборник был, очевидно, известен и «нижним чинам»; во всяком случае в «Деле о книгах под названием «Жизнь солдатская» он сшит вместе с одной из отобранных солдатских рукописей⁶⁹.

⁶⁶ Е. И. В л а д и м и р о в. Указ. соч., стр. 26.

⁶⁷ «Русская старина», т. 54. СПб., 1887, стр. 668.

⁶⁸ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, стр. 256.

⁶⁹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 992, лл. 72об.—75об.

Десять лет спустя возникло дело «о «неблагоданеменных стихах», отобранных у унтер-офицера Кобылина. Автор этих стихов не обозначен; им был Пушкин. Находившийся в декабре 1835 г. на излечении в Московском военном госпитале унтер-офицер Ряжского пехотного полка Василий Кобылин заинтересовался стихами, которые читал его однопольчанин унтер-офицер Александр Петров. В тетради последнего (она фигурирует в деле как вещественное доказательство) были переписаны стихи Пушкина «К Чаадаеву», «Сказки. Noël» и «Деревня». Эти «дерзкие», «пасквильные», по терминологии «дела», произведения и привлекли внимание Кобылина. Выяснилось, что в госпиталь принес стихи для переписывания брат Петрова — Осип, ученик Константиновского училища, собиравшийся стать канцеляристом⁷⁰.

В составленном для Николая I секретном «Обозрении расположения умов» за 1837 г. фамилия гениального русского поэта соседствует с сообщением о преследовании «крамольников» из народа. Сразу же после донесения об аресте одного из крепостных вольнодумцев, полиция сообщала как об явлении принципиально однопорядковом о гибели Пушкина, называя его «ненавистником всякой власти», который «до самого конца жизни не изменился в своих правилах»⁷¹.

Люди из народа не только зачитывались произведениями Пушкина, переписывали и заучивали их, но, порой, старались им подражать. Речь идет не о формальном подражании, а о своеобразном идейном отклике. Влияние революционных мотивов пушкинской поэзии ошутимо во многих подпольных рукописных сочинениях 20—30-х годов XIX в. Вопреки скептическому утверждению П. А. Вяземского, писавшего Пушкину 28 августа 1825 г.: «Хоть будь ты в кандалах... их звук не разбудит ни одной новой мысли в толпе, в народе, который у нас мало чуток»⁷², вольнолюбивая поэзия Пушкина явилась одним из могучих стимулов русского народного свободомыслия.

⁷⁰ Государственный архив Московской области (ГАМО), ф. 16, 1835 г., д. 8, лл. 9об.—12об., 13.

⁷¹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., лл. 81—89об.

⁷² Цит. по сб. «Декабристы и их время», т. II. М., 1932, стр. 242.

Распространение в России конца XVIII—начала XIX в. идей западноевропейского Просвещения связывается обычно с узким кругом дворянской интеллигенции и отдельными выходцами из духовной и купеческой среды. В действительности просветительские идеи, в том числе воззрения французских энциклопедистов, проникали порою глубже, в «низшие» классы общества, даже в среду крепостных, по-своему преломляясь в их сознании.

Некоторые крепостные интеллигенты могли читать эти труды в подлиннике. Они имелись и в многочисленных переводах. Большая заслуга в организации переводов и их распространении принадлежит известному просветителю Н. И. Новикову. Около трети книг, вышедших в 70—80-е годы XVIII в., печатались в его типографиях. В Архангельске, Вологде, Глухове, Казани, Киеве, Рязани, Туле и других городах, а также в некоторых селах Н. И. Новиков организовал книжную торговлю. Им была основана первая в России общедоступная библиотека и читальня. Деятельность Новикова способствовала ознакомлению русских читателей с произведениями передовых западноевропейских мыслителей.

Во второй половине XVIII—начале XIX в. в России появилось много переводов сочинений Вольтера, а также переводы Гельвеция, Гольбаха, Даламбера, Дидро, Кондильяка, Мабли, Марешаля, Монтескье. Были изданы по-русски и некоторые произведения Ж.-Ж. Руссо. Меньше всего, разумеется, блюстители господствующей идеологии рассчитывали на проникновение идей этого философа в народную среду. С целью опорочения его произведений в глазах читателей, издавались такие книги, как переводной памфлет «*Анти-Эмиль г. Фермея или Опровержение Руссова образа воспитания и мыслей*» (М., 1797), «*Отрывки сочинения одного старинного судьи и его же замечания на известную книгу Руссову «Du Contrat Social» (1809) масона Лопухина и др.* Н. С. Мордвинов уповал на то, что сочинения Руссо не дойдут до «низов». «*Вседневные упражнения крестьянина и заботы,*— писал он,— не допустят его читать ни Руссо, ни

речей якобинцев»⁷³. Показательно, однако, что опасение, связанное с такой возможностью, все же возникло в голове просвещенного сановника. Имело ли оно какие-либо основания?

Ф. Н. Глинка рассказывает о богато одаренном крестьянине — уроженце Тверской губернии Иване Евстратьевиче Свешникове, который «плняясь славою великого Ломоносова», хотел обязательно «идти во всем по его стопам»⁷⁴. Этот, по выражению Глинки, крестьянин-философ, читал в оригинале Ливия, Курция и Руссо. В 1784 г. он приехал в Петербург, где ему удалось познакомиться с И. И. Шуваловым. Не будучи последователем Руссо, Свешников «по порядку разбирал»⁷⁵ его произведения и говорил, что это самый красноречивый писатель, который «хоть кого обворожит»⁷⁶. Сочинения Руссо, очевидно, иногда доходили до крепостной интеллигенции. В отличие от руссоистов дворянски-карамзинистского толка, сводивших учение вдохновителя якобинизма к проповеди чувствительности и патриархальности, выхолащивавших его плебейски-революционную сущность, читателей из народа привлекал демократизм Руссо — глашатая равенства и народовластия. Конечно, таких читателей было тогда очень мало. Произведения этого философа еще в большей мере, чем труды других прогрессивных западноевропейских мыслителей вызывали страх и активную неприязнь у правящих кругов.

Переводы книг Вольтера издавались и расходились и в глубокой провинции. В начале 90-х годов XVIII в. в селе Казенке Тамбовской губернии в типографии поклонника Вольтера Рахманинова были отпечатаны четыре части собрания сочинений французского философа. Это вызвало недовольство Екатерины II, по предписанию которой типография Рахманинова была закрыта, а «вредные и развращением наполненные» произведения

⁷³ Архив графов Мордвиновых, т. IX. СПб., 1903, стр. 261.

⁷⁴ «Письма русского офицера». Писаны Федором Глинкою. Часть третья. М., 1815, стр. 108. Сведения о Свешникове и других русских самородках были получены Глинкой, по его словам, «из вернейших источников» («Письма русского офицера», часть вторая, стр. 9).

⁷⁵ Там же, часть третья, стр. 100.

⁷⁶ Там же, стр. 99.

французского философа конфискованы⁷⁷. Отдельные труды Вольтера появлялись в русском переводе в Смоленске, Орле, Владимире. А. В. Никитенко видел в 1816 г. русские издания сочинений Вольтера и Монтескье в Острогжске — в личных библиотеках местных купцов и мещан⁷⁸. Заключение «за дерзкие и богохульные слова» в Соловецкий монастырь «под воинскую стражею» учитель Новоржевского приходского училища Василий Воскресенский признал 10 ноября 1826 г., что находясь в Новгороде, он предавался чтению «соблазнительных книг французских сочинителей, известных под именем Афеистов, т. е. безбожников»⁷⁹. Ф. Вигель слышал в начале XIX в. в «нечестивой» Пензе «насмешки над религией, хулы на бога, эпиграммы на богородицу» в то же время горячие похвалы Вольтеру. Читали Вольтера, по свидетельству А. И. Тургенева, и в Бугульме. Наряду с печатными переводами в России имели хождение и тайные, избегнувшие цензуры переводы сочинений Вольтера, переписанные от руки. Из таких рукописных русских переводов, распространявшихся в конце XVIII в., известны: «Разговор честного человека с монахом» («Катехизис честного человека»), «Рассуждения по алфавиту» («Философский словарь»), «Обед у графа Буланвилье», «Изгнание иезуитов из Китая» и др. Сочинения Вольтера включались в потаенные рукописные сборники. Таков, например, сборник конца XVIII — начала XIX в. «Библиотека здравого рассудка». В его составе наряду с антирелигиозными стихотворениями, принадлежащими, как установил М. М. Персиц, перу известного русского сатирика Д. П. Горчакова, — ряд переводов сочинений зарубежных философов — просветителей XVIII в. в том числе — Вольтера, Дидро, Нэжона, Франклина.

Таким образом, распространение сочинений Вольтера легальным и нелегальным путями приобрело в русском обществе некоторый размах. Митрополит Евгений Болховитинов отмечал, что «письменный» Вольтер становится

⁷⁷ Центральный Госуд. архив древних актов (ЦГАДА), р. VII, ед. хр. 287, л. 54 об.—55.

⁷⁸ А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804—1877 гг.), т. I. СПб., 1904, стр. 67.

⁷⁹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1835 г., д. 141, л. 4об.; РОГБЛ, ф. 214, Оптина пустынь, ед. хр. 44, 1826 г., л. 14об.

в России известен не менее печатного⁸⁰. Протоиерей Иоанн Кандорский шел в своих наблюдениях дальше — идеи вольтерьянства и руссоизма, ужасался он, грозят заразить непросвещенную «чернь». «*Вольнодумцы* домогаются,— писал этот философствующий церковник,— чтоб самые простолюдимы охотнее читали их развратные сочинения, нежели спасительное Евангелие. Они радуются, когда низкой мещанин или подлой лакей, подобно Волтеру, насмежаются над учением, догматами и Таинствами веры»⁸¹.

Сведения о Вольтере доходили время от времени до простого люда. Одной из первых — среди советских ученых — обратила на это внимание М. В. Нечкина. Выходцы из народа участвовали в переводе сочинений Вольтера на русский язык: Ермил Костров — из экономических крестьян Вятской губернии, Семен Башилов — сын приказного и др. «Непостижимо, как повсеместно было его (Вольтера.— Л. К.) имя! — пишет в своих воспоминаниях М. А. Дмитриев.— Я помню (это было тоже в моем малолетстве, в деревне, в захолустье), приехавшая к нам из Сызрани женщина, безграмотная и простого звания, говорила о ком-то, что он держится *Волтеровской веры*: она хотела назвать этим *безверие*»⁸². Некоторые простолюдины, как мы видим, судили о Вольтере понаслышке — факт сам по себе достаточно примечательный, говорящий о том, что имя «фернейского патриарха» было известно в глубине России. Но имеются и другие сведения: отдельные русские люди из народа знали некоторые его идеи и сочинения. Г. С. Винский связывает с этим рост антирелигиозных настроений в «низах» русского общества. «Вера, не тронутая в своем составе — пишет он об екатерининской эпохе,— начинала в свое время несколько слабеть: несодержание постов, бывшее доселе в домах вельможеских, начинало уже показываться в *состояниях низших*, как и невыполнение неко-

⁸⁰ Вольтеровы заблуждения, обнаруженные аббатом Нонотом, ч. I. М., 1793, стр. 2.

⁸¹ «Вольнодумец, убеждаемый в несправедливости его рассуждений, в истине бессмертия души и в любви Евангельския веры». Российское сочинение... протоиерея Иоанна Михайлова Кондорского. Изд. 2. М., 1824, стр. 92.

⁸² М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 49.

торых обрядов с вольными отзывами насчет духовенства и самых догматов, чему виною можно поставить... начавшие выходить в свет сочинения Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и других, которые читались с крайнею жадностию»⁸³.

Винский преувеличивает здесь влияние французского просвещения, особенно на выходцев «низших состояний»; их антиклерикальные и атеистические настроения обуславливались в первую очередь другими причинами. Но все же его мнение важно как живое свидетельство современника. А. П. Щапов отмечал, что в XVIII в. в России даже среди унтер-офицеров «появились вольнодумцы, атеисты»⁸⁴. В 1771 г. привлекался по «богохульному делу» известный крепостной живописец И. П. Аргунов. Будучи знаком с вольнодумно настроенным купцом С. Струговщиковым, Аргунов не только присутствовал при нападках последнего на религию (опиравшихся, как выяснилось, на рукописные переводы сочинений Вольтера), но и старался выгородить своего знакомого во время следствия⁸⁵. В 1795 г. Тайная экспедиция разбирала дело аудитора лейб-гренадерского полка, солдатского сына Ельфимова, обвиненного в хранении рукописного перевода одного из антихристианских памфлетов Вольтера⁸⁶. Иркутский купец-вольнодумец 60-х годов XIX в. Н. Н. Пестерев, вспоминая о своем деде, пишет, что тот «направления был вольтеровского»⁸⁷.

Интерес русских простолюдинов к просветительной философии отмечали и иностранные наблюдатели, бывшие в России. Указывая на страх высшей знати перед

⁸³ «Мое время». Записки Г. С. Винского. СПб., стр. 45 (курсив мой.— Л. К.).

⁸⁴ А. П. Щапов. Сочинения, т. III. СПб., 1908, стр. 167. Рост популярности Вольтера в России и особенно проникновение его идей в простонародную среду вызвали яростное противодействие церковных и светских мракобесов. Появилась целая серия «антивольтеровских» пасквилей: «Обнаженный Вольтер». СПб., 1787; «Изобличенный Вольтер». СПб., 1792; «Вольтеровы заблуждения». М., 1793; «Оракул новых философов или кто таков г. Вольтер». М., 1803 и др.

⁸⁵ Ю. Я. Коган. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. Изд-во АН СССР, 1962, стр. 124—125.

⁸⁶ Там же, стр. 89—90.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, 1866 г., д. 302, ч. 4, л. 118.

якобинством, перед тем, что его принципы могут привиться на русской почве, Арман Домерж отмечал в то же время свободомыслие («чувство свободы»), присутствующее русским крепостным. «Среди крепостных,— писал он в книге «Россия в период империи (1805—1815). Исторические воспоминания»,— есть очень одаренные люди; я сам встречал среди них людей, владеющих несколькими иностранными языками... Я часто видел как в прохожих высшей знати рабы украдкой читали Вольтера и Руссо, взятых в библиотеке своего хозяина»⁸⁸.

О знании крепостными слугами сочинений Вольтера говорит И. Коль. «Когда просматриваешь библиотеки и ящики этих людей в их темных комнатах, то можно удивляться тому, что они собирали в них, обладая живым и неутомимым умом. Отрывок из Библии лежит возле перевода Илиады и изданная священным Синодом азбука рядом с сочинениями Вольтера»⁸⁹.

Влияние антикрепостнических и антицерковных идей Вольтера испытал крепостной графа Шереметьева — сельский писарь Василий Никитенко. Он с молодых лет много читал, изучил французский язык. Ознакомившись со взглядами Вольтера, В. Никитенко высоко их ценил. По свидетельству своего сына, он нисколько не смущался воинствующим антиклерикализмом французского философа. Хотя иногда В. Никитенко по привычке приглашал священника служить молебн, он «вслед за тем опять от души смеялся антирелигиозным выходкам Вольтера, особенно его издевательствам над попами и монахами»⁹⁰.

В. Никитенко часто спорил со священником по философским вопросам⁹¹. В июне 1805 г. на вольнодумно настроенного крепостного был сделан донос, в котором он обвинялся в том, что «не токмо власти противится, но пренебрегает божеские и государственные узаконения»⁹².

Веря в естественное равенство всех людей, В. Никитенко пытался порой наивно обратить в эту веру и своих

⁸⁸ «La Russie pendant les guerres de l'Empire (1805—1815)», Souvenirs historiques de M. Armand Domergue, t. I. Paris, 1835, p. 172.

⁸⁹ «Petersburg in Bildern und Skizzen», S. 139.

⁹⁰ А. В. Никитенко. Указ. соч., стр. 11.

⁹¹ Там же, стр. 32.

⁹² ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 6, 1805 г., д. 804, л. 1.

мучителей. «Возвести ты ли погубить меня жесточайшим и до сего еще неслыханным образом повелел? Ты ли издал повеление многократно меня наказывать, бить розгами, плетью?»—спрашивал он своего помещика, графа Шереметева 16 мая 1801 г.⁹³ И тут же — в духе просветительской традиции — старался доказать абсурдность и бесчеловечность таких издевательств ссылкой на равенство и естественные права людей, требования разума и добродетели: «Вспомни, что ты и я человек, что ты и я христианин, что ты и я равному подвержены жребию... На то ли размножила человеческий род натура (природа.— Л. К.), дабы один другого поражать, терзать и рвать... члены по подобию зверей свирепых и алчных? На то ли премудрый соградитель миров человеку дал разум, чтобы только сей изящнейший перед прочими дар попирать ногами?»⁹⁴

Не ограничиваясь отвлеченно моралистическими рассуждениями, В. Никитенко и на практике выступал против бесчеловечных порядков; так, в 1798 г. он возглавил крестьянский бунт в слободе Алексеевке. Шереметев называет этого крепостного вольнодумца «главным и первым зачинщиком в возмущении крестьян»⁹⁵.

Некоторые авторы — А. А. Титов, М. В. Нечкина, П. Г. Рындзюнский — приводят такой на первый взгляд парадоксальный факт, как проникновение влияния Вольтера в секту федосеевского согласия (одно из сравнительно радикальных направлений старообрядчества). Полиция, установившая тайное наблюдение за «федосеевцами», в 40-е годы XIX в. констатировала возникновение нового «еретического» течения среди них — «вольтеровщины».

В секретном донесении наблюдателя по этому поводу сообщалось: «От прихожан Преображенского кладбища слышно, что даже к удивлению их возникает в Федосеевском согласии небывалая ересь, — живущий в 1-м квартале Лефортовской части федосеевец мещанин Федор Емельянов и последователи его мещане (того же согласия) Михайло Иван Шабловский, живущий во

⁹³ Там же, 1801 г., д. 790, л. 245.

⁹⁴ Там же, лл. 245об.—246.

⁹⁵ Цит. по кн. «Отголоски XVIII века», вып. XI. М., 1905, стр. 213.

2-м квартале той же части в собственном доме, Яков Кортонщик, проживающий в 1-м квартале Лефортовской части и Василий и Иван Осиповы, гончары, той же части и квартала,— утверждают, что известный всей Европе Вольтер весьма достоверно доказал, как бесполезно соблюдать посты, почитать святых, как справедливо истреблять монахов. По его писаниям, говорят они, следует жить с женщинами без браков и как указывает воля. Стоит заметить, что означенные лица весьма много приводят цитат из сочинений Вольтера»⁹⁶.

Особого внимания заслуживают здесь три момента: во-первых то, что влиянием Вольтера оказались затронуты демократические элементы, «низы» — городские мастеровые; во-вторых, то, что они рассуждали о знаменитом мыслителе — антикрепостнике и антиклерикале не с чужих слов, а на основании его произведений; и, в-третьих, то, что увлечение новыми для этого круга идеями, идущими вразрез не только с церковной догмой, но и с внутррелигиозной оппозицией, расценивалось другими членами секты как ересь, чуждое, инородное направление мысли — «вольтеровщина».

Последующее изложение покажет, что «яд» вольтерьянства просачивался и во взгляды некоторых русских крепостных интеллигентов и даже дворовых людей первой трети XIX в.

Знакомство простых русских людей с идеями Вольтера и сочувствие их этим идеям подтверждает пронизательное замечание Н. Г. Чернышевского о том, что в России была не только «комедия гуманных возгласов и угодность Вольтеру» (имеются в виду демагогические заигрывания с Вольтером Екатерины II и других крепостников, лицемерно хваставшихся «либерализмом»), но что «Вольтер имел у нас много и таких приверженцев, которые не были лицемерами»⁹⁷. Приведенные факты тем более заслуживают внимания, что в то время, когда выступили интересующие нас русские вольнодумцы-крепостные, поверхностно показное дворянское «вольтериан-

⁹⁶ См. М. В. Нечкина. Вольтер и русское общество. «Вольтер». Статьи и материалы под ред. академика В. П. Волгина. М.—Л., 1948, стр. 74—75.

⁹⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. V. М., ГИХЛ, 1959, стр. 657.

ство» окончательно изжило себя и осталось далеко позади. Для лермонтовского Казарина и его прототипов Вольтер уже не являлся кумиром. У них было иное мироощущение:

Что не толкуй Волтер или Декарт —
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк: рок мечет, я играю
И правила игры я к людям применяю⁹⁸.

Зато в те же 30-е годы со словами признания к Вольтеру обратился человек из народа, поэт-прасол А. В. Кольцов, друг и ученик Белинского.

Знакомство с Вольтером вовсе не означает, что представители народного вольномыслия безоговорочно разделяли все высказывания французского философа, были правоверными вольтерьянцами. Их восхищала и вдохновляла вольтеровская критика феодальных привилегий и предрассудков, попов и «гадины»-церкви. Но в некоторых других пунктах их пути должны были расходиться. У Вольтера сочувствие к народным массам сочеталось с недоверием к ним. Он отрицательно относился к «самочинным» действиям «снизу», к крестьянскому движению. Крепостные вольнодумцы, естественно, поддерживали антикрепостническую активность масс. Не могли они солидаризироваться и с подходом Вольтера к просвещению трудящихся, с его положениями о том, что философия «не для портных и сапожников», что все пойдет прахом, если «чернь» начнет философствовать. Мыслители из народа сами являлись философствующими представителями «черни»; их возмущало, что правящие сословия боятся просвещения масс, препятствуют ему.

В заключение заметим, что русское народное свободомыслие имело некоторые точки соприкосновения и с культурой других народов, в частности, английской литературой и общественной мыслью. Это обстоятельство отмечал, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин. Вспоминая о беседах с Лениным, имевших место вскоре после переезда советского правительства из Петрограда в Москву в 1918 г., Бонч-Бруевич пишет: «Как-то, зайдя ко мне, Владимир Ильич обратил внимание на ряды книг

⁹⁸ М. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. 5. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 339.

в старинных самодельных переплетах, стоявших на полке моей библиотеки. Тут же стояли книги более современные, также в самодельных нарядных и обыкновенных переплетах.

— Что это за книги? — спросил Владимир Ильич.

— Это рукописи, собранные мной во время исследовательских этнографических поездок, — ответил я.

Он взял одну из рукописей и внимательно стал просматривать ее, обратив внимание на простонародность речи, на своеобразие слога, на грамматические ошибки, на тщательность и любовь, с которыми были сделаны записи.

— Это очень любопытно! Кто это писал?

— Неизвестный автор, — ответил я ему. — Эти рассуждения я с трудом достал; они ходят по рукам среди крестьян.

— А когда это написано?

— Этот список, я полагаю, написан в начале XIX века...

Я пояснил Владимиру Ильичу, что все эти рукописи принадлежали различным писателям из народной среды, которые входили в разные тайные организации, в так называемые сектантские общины.

— Да, да. Так оно и похоже. Это то, что и в Англии было в XVII веке. Здесь, несомненно, есть влияние той литературы, вероятно, пришедшей к нам через издания Новикова, которая там в XVII и XVIII вв. была сильно распространена. Ведь у нас ходили по рукам такие же рукописи еще со времен Петра Первого и даже раньше»⁹⁹.

Пока не удалось, к сожалению, установить с какими именно рукописными книгами знакомился В. И. Ленин. Но его замечания должны быть учтены и при исследовании наследия известных нам мыслителей из народа.

Среди произведений английских авторов, переведенных и опубликованных в России во второй половине XVIII — начале XIX в., были труды Гоббса, Локка, Мора

⁹⁹ Изумительно это мимоходом брошенное замечание об изданиях Новикова. Действительно, при детальном изучении некоторых рукописей удалось уже обнаружить заимствования из авторов конца XVIII в. и как раз из книг, изданных Новиковым (замечание В. Д. Бонч-Бруевича). — «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 119.

и других передовых английских мыслителей, романы Смолетта, Стерна, Филдинга. В 1786 г. Н. И. Новиков издал на русском языке книгу английского писателя XVIII в. анабаптиста Джона Бэньяна «Путь паломника». Бэньян происходил из «простонародья», был бродячим лудильщиком, затем пуританским проповедником. В аллегорической форме он обличал современное ему общество как ярмарку суеты, на которой царят все виды преступлений. Представители правящего сословия выведены в книге Бэньяна под сатирическими именами: министр Сребролюбие, лорды Промотай, Сибарит, Скопидом, судья Добра-Ненавистник и т. п. Резко антидворянская по своей тенденции и написанная простым, доступным народу языком, книга Бэньяна получила сочувственный отклик в России. В 1835 г. отрывок из нее переложил на стихи Пушкин. «Путь паломника» приобрел известную популярность в среде простых людей, чей протест против крепостничества облекался, как и у Бэньяна, в религиозную форму. Изъятая вскоре после появления в России из продажи книга Бэньяна тайно распространялась, в частности, среди духоборов¹⁰⁰.

Не раз переводились на русский язык поэмы Мильтона. «Потерянный рай» начал распространяться в России в рукописном переводе А. Г. Строганова еще с середины 40-х годов XVIII в.¹⁰¹ В 1780 г. эта поэма была издана в Москве Новиковым, затем выходила несколько раз в начале XIX в. Общедоступность этого издания содействовала проникновению произведения Мильтона в народную среду¹⁰². Прямые ссылки на Мильтона и его поэму имеются в рукописных сочинениях русских крепостных вольнодумцев. Поэт и идеолог английской буржуазной революции, провозглашавший свободу и равенство естественными, неотчуждаемыми правами человека, закономерно привлекал к себе симпатии мыслителей из народа, поскольку они тоже боролись, хотя и в иных исторических условиях, за эти права. В поэме Мильтона, которую

¹⁰⁰ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. I. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 289.

¹⁰¹ РОГБЛ, ф. 178, № 10461.

¹⁰² «История английской литературы», т. 1, вып. 2. Изд-во АН СССР, 1945, стр. 201. Популярность «Потерянного рая» в русской народной среде отмечал Л. Н. Толстой (Полное собрание сочинений, т. 8. ГИХЛ, 1936, стр. 363).

Белинский назвал апофеозом восстания против религиозно-церковного и феодально-крепостнического авторитета, крепостные вольнодумцы находили подтверждение своих собственных устремлений.

* * *

История русского народного свободомыслия связана с развитием крестьянского, а затем пролетарского освободительного движения и демократической культуры.

Мыслящие люди из народа, особенно вольнодумцы, не были «Иванами, не помнящими родства». Нити исторической преемственности связывают их (в силу обстоятельств — в ограниченных пределах) с некоторыми достижениями литературы и философии, с традициями Просвещения.

Важнейшими идейно-философскими предпосылками русского народного вольномыслия были произведения устного и письменного народного творчества и русской классической литературы, передовой русской общественной мысли. Некоторые из вольнодумцев были в той или иной степени знакомы и с прогрессивной западноевропейской литературой и философией.

При всем этом в своем миропонимании они исходили из жизни, из практически назревших потребностей развития русского общества. Главным, что характеризует их взгляды и определяет их оригинальность они обязаны этой книге жизни, тому, что они выросли на почве родной страны, были сыновьями своего народа, защитниками интересов трудящихся, выразителями их протеста против порабощения человека человеком.

Взаимосвязь, взаимовлияние, переплетение этих двух традиций, существенно различных, но в то же время близких, родственных по духу и преломляемых через собственный жизненный опыт, наблюдения, взгляды простых людей: традиции народного творчества, крестьянски-демократической литературы — с одной стороны, и традиции передовой просветительно-гуманистической общественной мысли — с другой, придают произведениям русских мыслителей-самородков неповторимое своеобразие.

СВОБОДОМЫСЛИЕ КРЕПОСТНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 20—30-х ГОДОВ XIX в.

1

Ощутимый толчок развитию свободомыслия в России дало движение декабристов. Будучи страшно далеки от народа они в то же время, отмечает Ленин, помогли разбудить народ. Народная молва далеко разнесла весть о восстании 1825 г.¹ При всей противоречивости этих слухов и «толков», часто окрашенных в наивно-монархические тона (в связи с идеализированным представлением многих крестьян и солдат о Константине Павловиче, противопоставляемом ими Николаю I), порой в них пробивалась высокая оценка выступления декабристов, понимание того, что восставшие хотели, как говорил один из крестьян Московской губернии, «свободы нашей, свободы крестьян». Восстание декабристов способствовало росту крестьянского движения. В 1826 г. волнения крестьян происходили в 26 губерниях, некоторые из них были прямым откликом на это событие.

¹ Свое сочувствие декабристам народ выразил уже в момент их восстания. Кроме мастеровых, дворовых, разночинцев, поддерживавших восставших на Сенатской площади и готовых погибнуть вместе с ними, были и такие, которые им тайно сочувствовали. Нежелание помочь царю выражало до известной степени симпатии к его противникам. В этой связи интересен эпизод, приводимый в письме Ф. Булгарина управляющему III отделением фон Фоку 7 августа 1826 г. «Чем ты промышляешь зимою? — спросил я у перевозчика. — Колею лед и пилим дрова, — отвечал он, — да в эту зиму не посчастливилось, чуть было не убили поленьями во время бунта». «Вы же виноваты, — сказал я, — зачем не перевязали зачинщиков-разбойников». — «А нам, сударь, какая нужда, — отвечал крестьянин, — дело шло о присяге, а мы не присягали ни одному, ни другому, так грешно и живот нести». Здесь я кончил разговор, который заставил меня призадуматься. В столице, где было довольно верного войска для усмирения злоумышленников, это равнодушие было безвредно; но в провинциях от равнодушия до преступления один шаг. Не удивительно ли, что многочисленное сословие народа не связано никакою нравственною нитью с престолом» (ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1826 г., ед. хр. 1880, л. 3 об.).

Декабристские идеи нашли отражение в потаенной рукописной литературе, распространявшейся, а иногда возникавшей в простонародной и разночинной среде. 28 ноября 1827 г. в доме присутственных мест в г. Владимире были обнаружены стихи под названием «К Николаю. Ода свободы». О сочувствии героям 14 декабря говорит и содержание этих стихов — прямое прославление восстания декабристов, и подпись, намеренно подчеркивающая преемственную связь с ними неизвестного автора: «Северное 3-е тайное общество мстителей»².

Владимирская «Ода свободы» навеяна Пушкиным и Рылеевым, особенно пушкинской «Вольностью».

Стихотворение, найденное во Владимире, как и пушкинская ода, направлено против самовластья.

Бичи покорного народа!
Вселенной ужас, смерть и страх!
На тяжких ваших раменах
Скорбит священная свобода³.

Пушкин отрицал право царей творить беззаконие, угнетать народ.

Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон⁴.

Это отрицание характерно и для «владимирского» стихотворения. Обращаясь к царю и другим деспотам, автор восклицает:

Кто дал вам власть и меч, кто мог
У нас отнять права родные
Я царь, я раб, я червь, я бог —
Вот мудреца слова святые.

² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 423, л. 5. Это сочинение цитируется в статье: А. Сабуров. Дело о возмутительных листках в 1830 г.— «Каторга и ссылка», кн. 5 (66). М., 1930. Поскольку между текстом, который опубликовал Сабуров, и рукописным экземпляром, находящимся в деле «О подкинутых в доме Владимирских присутственных мест двух пакетах со вложением возмутительных стихов. 1827 год», имеются разночтения, приводим все выдержки из стихотворения «К Николаю. Ода свободы» по названному делу.

³ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 423, л. 3.

⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. I. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 315.

Тебе шипит, бумец злой
У деспотического трона
Придворных ненавистный рой
О благе русского народа.
И внемлешь ты, что все цветет
Под злым егидом тяжкой власти;
Не хочешь знать в тиранской страсти,
Что крест терпения несет
Народ тобою угнетенный.
Тебе не слышен скорби стон,
Твой слух от воплей удален
Концертом славы упоенный⁵.

Симпатии автора целиком на стороне «низшего класса», угнетенных.

Скажи, кто их не властелин,
И чья рука на них не ляжет,
Закон их в цепи рабства вяжет,
Судьба их дерзкий господин⁶.

«Вольность» Пушкина предрекала гибель самодержцу⁷. В приближение часа расплаты с ненавистным самовластьем верит и неизвестный автор:

...Но близок час, в умах волненье,
И Петербургский заговор
Хотя разрушен злой рукою,
Но он не дым, не пылкий вздор,
Зовется вольности зарею.
Да и московская гроза
Не без причины зашумела.
Мудрец посеял семена,
Лишь бы рука не оробела,
Плоды взрастут сами собой
И с миртовым венком свобода
Для блага русского народа
Провозгласит закон святой.
Какой звездой благоденья
Свое правленье осветил?

⁵ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 423, л. 3.

⁶ Там же, л. 3 об. В тексте, опубликованном А. Сабуровым, слово «закон» (предполагающее царское законодательство) заменено отвлеченным «судьба»: «Судьба их в цепи рабства вяжет» («Каторга и ссылка», кн. 5/66. М., 1930, стр. 48).

⁷ А. С. Пушкин. Указ. соч., стр. 316.

Ты славу граждан помрачил,
Достоин ты небес каранья...
Тиран, сложи с себя венец
Нас тяготит законов бремя,
Не то придет святое время
И встретишь славы злой конец⁸.

Точки идейного соприкосновения пушкинской «Вольности» и владимирской оды очевидны. Общность их антиабсолютистских и антикрепостнических мотивов оттеняется и названием. Оба стихотворения восходят к Радищеву, его оде «Вольность». Но между произведением Пушкина и явно уступающим ему своими художественными достоинствами стихотворением неизвестного автора протекло бурное десятилетие: прогремели залпы на Сенатской площади, громче стал звучать голос протеста из глубин России. Знаменательно, что именно от лица этих народных «глубин» и выступает автор «владимирской» оды, угрожая тиранам поистине плебейской расправой:

О вы властители закона
О правосудия щиты,
Вины народной нищеты,
Причины траурного стона.
От злой Сибири до Москвы
Из вас настелим мостовые,
Заложим тройки удалые
И зазвенят колоколы.
Страдальцы злого деспотизма
Поскачут шумной чередой
И прежний их язык немой
Прославит быль республицизма.
Свободы солнце к нам войдет
И озарит объятых тьмою.
И нянька темною подсю
Рассказы детям заведет
Про злых царей державы прежней
Про их губительный закон,
И кроткий, безмятежный стон
Прервет тот час их слух прилежный.

⁸ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 423, л. 4—4об.

Мы пишем в тишине ночей,
Несем с собой свободы знамя,
Мы страх и ужас всех царей.
Их пожирающее пламя⁹.

Перед нами — фактически революционное воззвание, идейно связанное с восстанием декабристов, задуманное как продолжение их дела. Так это произведение и было воспринято. Николай I потребовал от своих агентов «стараться узнать, откуда», т. е. из какого социального круга, появилась «Ода свободы»¹⁰. В ходе следствия был обыскан местный канцелярский служащий Радугин, у которого обнаружили стихи «сочинения якобы Рылеева» и «пасквильное» произведение под названием «Вертеп плутов»¹¹. Но выявить автора «Оды», возмущившей царя, не удалось. Некоторые ее особенности позволяют думать, что он вышел из бедной демократической среды. Он пишет о себе и подобных ему людях, что они «отягчены трудами», гниют «за душными стенами», что зачерствелый хлеб им «стоит стонов»¹²; словом, речь идет, говоря словами автора, о «низшем классе», забытом богом и царем¹³.

Вдохновленный почином декабристов, автор «Оды свободы» мечтал, как мы видим, о новом тайном революционном обществе и даже выступал от его имени. С подобными помыслами, а иногда и попытками их осуществления, царизму приходилось сталкиваться в то время неоднократно. Сошлемся на дело Осинина, относящееся к 1827 г. Бедняк-канцелярист Осинин, служащий Владимирской гражданской управы вел среди своих знакомых разговоры о тайном «благоуспешно человеколюбивом обществе», членом которого он якобы состоит. Общество, говорил он, ставит целью разрушить самодержавное правление и искоренить царствующий дом¹⁴. Стараясь увлечь этой идеей своего сослуживца Иванова, приказного Прозоровского и других лиц, принадлежав-

⁹ Там же, л. 4 об. В тексте, приведенном А. Сабуровым, последние антимонархические строки сглажены: вместо «всех царей» там говорится «злых царей», вместо «их пожирающее пламя» — «и пожирающее пламя» (А. С а б у р о в. Указ. соч., стр. 49).

¹⁰ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 423, л. 16.

¹¹ Там же, л. 9.

¹² Там же, л. 3 об.

¹³ Там же, л. 3.

¹⁴ Там же, д. 314, л. 9

ших к низшему чиновничеству, Осинин «обольщал» их перспективой завоевания свободы и утверждал, что местное отделение общества возглавляет человек, связанный в прошлом с декабристом Пестелем, а члены общества находятся в Петербурге, Москве, Костроме, Нижнем Новгороде и Ярославле¹⁵. Осинин составил некоторые документы задуманной им организации — «форму присяги» и «правила», состоящие из восемнадцати пунктов, в одном из которых говорилось о том, чтобы «стараться всемерно о искоренении в России императорской фамилии и свойственников ее»¹⁶. На следствии Осинин признал, что его свободолюбивые замыслы связаны с восстанием 14 декабря. Ему вменялось в вину и знакомство с антимонархическими стихами Пушкина, копией письма Рылеева к жене, интерес к французской революции конца XVIII в.

Революционное общество, о котором шла речь, в действительности не существовало, о нем лишь мечтали. Но сами эти мечты свидетельствуют о глубоких сдвигах, происходивших в сознании многих русских людей. Революционные традиции, идущие от Радищева и декабристов, все чаще становились достоянием непривилегированного, разночинного круга. Участники подпольного кружка братьев Критских (1827) в большинстве были мелкими чиновниками. Они тоже «пробудились» к сознательной жизни под влиянием движения декабристов.

Эти влияния проникали иногда и в среду крепостной интеллигенции, дворовых людей (деление до известной степени условное: немало дворовых были интеллигентами), доходили до отдельных грамотных солдат, крестьян, мастеровых.

2

Крепостная интеллигенция играла важную роль в развитии демократической культуры и распространении передовых идей в России первой половины XIX в.¹⁷

¹⁵ Там же, л. 6—9.

¹⁶ Там же, л. 13.

¹⁷ О крепостной интеллигенции см. работы: М. П. Башилова. Крепостные художники. М., 1949; С. В. Бессонов. Крепостные архитекторы. М., 1938; Л. П. Гроссман. Крепостные поэты. М., 1930 и др. Образ крепостного интеллигента ярко воплощен в художественной литературе («Путешествие из Петербурга в Москву»

Появление этой социальной прослойки было одним из симптомов разложения крепостного строя, запутывавшегося в неразрешимых для него противоречиях. Интересы экономического развития стихийно вовлекали крепостных во все отрасли хозяйства и требовали обучения этих людей, приобщения их хотя бы к зачаткам культуры, выдвижения из их среды квалифицированных работников. Помещики надеялись с лихвой окупить расходы, получив в свое безраздельное пользование послушных, хорошо подготовленных агрономов, врачей, адвокатов, художников, домоуправителей, конторщиков. Но, видя одну сторону дела, «господа» не замечали до поры до времени другой — развития сознания своих крепостных. Чем больше расширялся духовный кругозор этих пострадавших в неволе людей, чем глубже и острее они ощущали тяжесть и унижительность своего бесправного положения, тем сильнее поднимался в их сознании протест против крепостничества. Конфликт между новым, растущим сознанием и старым положением, между чувством человеческого достоинства, верой в свои силы, с одной стороны, и прежними, все более гнетущими обязанностями «крещеной собственности» — с другой, был характерной чертой трагедии крепостных интеллигентов. Это противоречие не только причиняло им страдания — оно одновременно толкало вперед их мысль в поисках выхода.

Неудержимое стремление этих людей к знаниям, просвещению, связанное с надеждой вырваться из крепостной неволи, приводило их к неизбежному столкновению с существующими порядками. Примером может служить судьба Василия Васильевича Подзорова — крепостного художника, принадлежавшего князю Долгорукову. В 1784 г. девятнадцатилетним юношей Подзоров бежал из села Студеница, где был дворовым. Некоторое время, проживая по подложной отпускнутой, занимался живописью, служил лакеем у купца. Затем был

А. Н. Радищева, «Дмитрий Калинин» В. Г. Белинского, «Кто виноват?» и «Сорока-воровка» А. И. Герцена, «Художник» и «Музыкант» Т. Г. Шевченко и др.). Из обобщающих работ отметим: Е. И. Леткова. Крепостная интеллигенция. «Отечественные записки», 1883, № 11; П. Н. Сакулин. Крепостная интеллигенция. «Великая реформа», т. 3. М., 1911; Е. С. Коц. Крепостная интеллигенция. Л., 1926.

пойман, наказан плетью и возвращен своему помещику. «Не видал я дней веселых, а всегда был во кручинушке»,— пишет он в сочинении, известном под названием «Стихи крепостного живописца». Здесь же запечатлен зверский облик его господина: «Без резону он всегда гневался. Без вины нас наказывал, он наказывал нас все палочьем, а после того под караул сажал, под караул сажал на хлеб, на воду».

Горькие испытания пали на долю и другого крепостного интеллигента конца XVIII в.— дворового человека князей Голицыных — Николая Семеновича Смирнова. Ему удалось получить хорошее по тому времени образование, он слушал «приватно» лекции в Московском университете и отдельно занимался с профессором Десницким. Большое внимание уделял Смирнов изучению французского, английского и итальянского языков, архитектуры и т. д. Но хозяева всячески помыкали им, постоянно отрывая от любимых занятий. «Всегдашние сии неудовольствия и беспрестанные в желаниях моих препоны,— пишет Смирнов,— учинили тогдашнюю мою жизнь совершенно мне постылою, и унижающее меня имя холопа представляло мне рабство тяжелою цепью, меня угнетающею»¹⁸. Отказ «господ» отпустить Смирнова на волю переполнил чашу его терпения. «Я остался,— пишет он,— без всякой надежды пользоваться когда-либо драгоценнее всего мне казавшеюся свободою. Сия неудача и встречавшиеся мне весьма часто досады и огорчения усугубили омерзение мое к рабству»¹⁹. Смирнов поклялся: «или погибнуть, или предупеть в обретении вольности»²⁰. В 1785 г. он бежал, но вскоре был арестован. Вначале его приговорили к повешению, затем к избиванию кнутом, вырезанию ноздрей, клеймению и ссылке на каторгу в кандалах. После пересмотра дела в Тайной экспедиции Смирнов был сослан солдатом в Тобольские воинские команды с тем, чтобы иметь (как сказано в повелении Екатерины II) «за жизнью и поведением его смотрение»²¹. Есть сведения, что в дальнейшем Смир-

¹⁸ ЦГАДА, ф. VII, 1785 г., д. 2679, л. 50; К. В. Сивков. Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII века.— «Исторический архив», 1950, т. V, стр. 291.

¹⁹ ЦГАДА, ф. VII, 1785 г., д. 2679, л. 51.

²⁰ Там же, л. 52.

²¹ Там же, л. 69 об.

нов занимался литературной деятельностью. Характеризуя людей, с которыми общался в Сибири А. Н. Радищев, его сын Павел Александрович пишет, что в 1797 г. в Тобольске проживал отпущенник князя Голицына Смирнов, знавший прекрасно французский язык и сотрудничавший в журнале «Приятное и полезное препровождение времени».

Иначе сложилась жизнь крепостного музыканта Алексея Чемеровцева, принадлежавшего помещице Сенявиной. «Быв обучен несколько истории, географии, арифметике и некоторым иностранным языкам,— писал он,— имея от самого юношества непреоборимое желание быть полезным отечеству моему, я не мог снести бесчеловечных поступков с родителями моими вышеупомянутой сей помещицы...»²² Проданный помещицей графу Орлову, Чемеровцев выехал с ним в 1796 г. за границу и вскоре бежал. В течение восемнадцати лет он зарабатывал на жизнь, давая концерты на флейте в разных городах Германии и Франции, преподавал русский, немецкий и французский языки. Но длительное пребывание в чужих краях не заглушило любви Чемеровцева к Родине. В 1814 г., когда русские войска находились в Париже, он обратился с просьбой о возвращении в Россию: «...Я с восхищением готов посвятить некоторые приобретенные познания для благосостояния отечества моего»²³, писал этот простой человек, которому крепостной строй не давал возможности послужить своими способностями и знаниями собственному народу. Едва ли его патриотический порыв был оценен и на этот раз. Скорее всего он остался безответным.

Желая унизить крепостных интеллигентов, подавить в них чувство человеческого достоинства, помещики вынуждали своих художников, музыкантов, архитекторов прислуживать в качестве лакеев, а крепостных актрис заточали в свои гаремы. Аракчеев безжалостно сек своего крепостного архитектора профессора Семенова.

Дворовый человек Александр Поляков стал известным художником, не раз получал академические награды, но в отместку за это навсегда был оторван по барской прихоти от занятий искусством и вынужден был

²² «Русская старина», август, 1901, стр. 284.

²³ Там же.

сопровождать своего хозяина в его поездках по Петербургу на запятках кареты. Выдающийся русский художник В. А. Тропинин находился в крепостной зависимости до сорокасемилетнего возраста; даже после поступления в Академию художеств его заставляли приносить свой талант в жертву барскому самодурству. Такова же примерно была участь крепостного живописца Григория Мясникова. Покончив с собой в знак протеста против помещичьего деспотизма, он писал в предсмертной записке друзьям: «...я умер за свободу»²⁴.

Жизнь брала свое, и как ни старались защитники реакции помешать расцвету самобытных дарований своих рабов, заглушить проникающие в их умы зерна вольномыслия, даже в самую тяжелую пору крепостничества, из народной среды вышло немало замечательных деятелей культуры, борцов за передовое искусство, просвещение и свободу. Великий украинский поэт-мыслитель Т. Г. Шевченко, четверть века томившийся под панским ярмом; знаменитый артист М. С. Щепкин — основоположник сценического реализма в России, выкупленный у помещика лишь на шестнадцатом году своей артистической деятельности; известные актрисы П. И. Жемчугова и Е. С. Семенова; выдающийся художник О. А. Кипренский; композитор А. Л. Гурилев; талантливые архитекторы — строители Останкинского дворца П. И. Аргунов и А. Ф. Миронов; известный зодчий и живописец, строитель Казанского собора и петербургского Горного института А. Н. Воронихин; физик и химик С. П. Власов; механики-изобретатели Е. А. и М. Е. Черепановы, создавшие первый в России паровоз и построившие первую железную дорогу на Нижнетагильском заводе; талантливые самородки-техники братья Дубинины, построившие первый в мире нефтеперегонный завод — все они и многие другие крепостные, выходцы из гущи народной внесли свой ценный вклад в сокровищницу отечественной и мировой культуры.

Одаренность русских крепостных проявлялась и в сфере социально-политической и философско-социологической мысли. Мы встречаем среди них неутомимых правдоискателей, старавшихся понять и самостоятельно

²⁴ П. Корнилов. Арзамасская школа живописи. Изд-во АН СССР, 1947, стр. 9.

выразить дух своего времени и чаяния народа, выдвигавших смелые проекты общественных преобразований. Иногда ценой огромных усилий им удавалось получить образование, чаще же они оставались самоучками. Появление среди крепостных большого числа людей светлой мысли не прошло незамеченным для «социологов» от жандармерии, внимательно, хотя и негласно, изучавших различные оттенки общественного мнения.

«Среди этого класса, отмечалось в 1827 г. III Отделением, встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить в первого взгляда»²⁵. Были среди этих «рассуждающих голов» и рядовые агитаторы против социальной неправды, именуемые в официальных донесениях «ослушниками», «подстрекателями», были и самородки-теоретики, сочинявшие рукописные морально-философские и еретические трактаты, авторы смелых антифеодальных листовок, инициаторы создания тайных революционных кружков. Главное из того, что эти самородки могли и хотели сказать народу, вообще не доходило до него; даже имена большинства из них остались неизвестны потомкам. Жизнь этих людей обычно обрывалась под барской плетью или ударами шпицрутенов и пулями карательных команд, в тюремных застенках или в сибирской ссылке. Но все же слово крепостных вольнодумцев не пропадало бесследно: оно находило раньше или позже благодарных слушателей, передавалось от поколения к поколению. Сам факт появления таких людей был знаменем времени, вызовом существующему строю, свидетельством начинающегося пробуждения народного самосознания.

В первом ряду представителей русского народного свободомыслия 20—30-х годов XIX в. мы находим крепостных интеллигентов Н. И. Сабурова, А. В. Лоцманова, П. И. Поносова, работавших на уральских заводах. Это глубоко закономерно. Урал был центром русской горной и металлургической промышленности, одной из первых кузниц российского пролетариата, находившегося тогда еще в начальной стадии своего развития, аренной острой классовой борьбы.

²⁵ «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 1. М., 1931, стр. 9.

Труд — первый источник силы и богатства

Николай Иванович Сабуров родился в 1803 г. в семье крепостного заводского служителя²⁶. Окончив с похвальным листом Пермскую гимназию, Николай Сабуров стал поверенным в делах Сысертских заводов. Но вскоре «заводосодержательница» Колтовская обвинила его в вольнодумстве и уволила. Это произошло за год до восстания декабристов²⁷. Само же «дело», возникшее в связи с предъявленными Сабурову обвинениями, протекало уже на фоне революционных событий, развернувшихся в Петербурге и на юге России, являясь в известном смысле одним из их отголосков.

Вначале наказание Сабурова выразилось в том, что он был послан «в тяжкую работу» на завод до 25 марта 1825 г.²⁸

Спустя несколько месяцев Колтовская вызвала его и потребовала, чтобы он просил у нее прощения, добиваясь одновременно выдачи тех, кто внушил ему вольнодумные взгляды. Получив отказ, разгневанная «обербергмейстерша» велела направить Сабурова на один из дальних рудников, что было равносильно ссылке на каторжные работы. Мотивируя свои действия в письме, адресованном Главной Сысертской заводской конторе, Колтовская писала 6 июля 1825 г.: «Как мною из города Перми выслан Николай Сабуров за разврат его и вольнодумство противу самого государя, то для равенства его с тем сословием, в котором он рожден, я его определила быть в работе с подобными ему мастеровыми людьми. Но сие кратковременное исправление его не обуздало... Дабы в заводах не могло последовать злоумышленного упущения, отправляю оного в Сысертский завод, дабы его отправить в дальний рудник на работу и иметь за ним строгий присмотр, дабы он и там людей не развращал и не поселял вольнодумство»²⁹.

²⁶ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 12, оп. 1, д. 801. «Дело по обвинению мастерового Сысертского завода Сабурова в вольнодумстве» (краткое его изложение дано в кн.: М. А. Горловский. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954).

²⁷ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 801, л. 13.

²⁸ Там же, л. 13 об.

²⁹ Там же, л. 8.

21 ноября 1825 г. началось официальное расследование по делу Сабурова, и он был посажен под караул в Сысертскую управу благочиния, где находился до 13 января 1826 г.³⁰ Дальнейших репрессий, судя по имеющимся материалам, не последовало, но тем не менее дело это еще в течение нескольких лет находилось в поле зрения Екатеринбургского уездного суда.

Чем же навлек на себя мастеровой служитель Сабуров барский гнев? Прежде всего тем, что он отстаивал принцип естественного равенства всех людей. Спор, вспыхнувший в связи с этим, рисуется в следующем виде. Колтовская заявила своему крепостному: «из дураков вышел, в умные не попал и стал межеумок» (так она определила по-своему положение крепостного интеллигента). «Стало быть, по вашему мнению, мы должны оставаться в невежестве?» — возразил Сабуров. Колтовская ответила, что рожденный невеждой и умрет таковым. Сабуров сказал: «Да разве цари не так же рождены, как я? Все люди одинаковы».

Возмутившись этим «крамольным» выводом, заводчица противопоставила ему версию о фатальной предопределенности неравенства, пытаясь для начала подменить вопрос о разном положении сословий в обществе различиями этнического порядка (которые она ошибочно толковала как национальные). Бог, говорила она, разделил людей не только на сословия, но и на нации — «различными чертами на лице изобразил». Сабуров ответил, что подобные различия обусловлены не «божественными», а климатическими влияниями. Спорящие вернулись снова к социальным отношениям, и Колтовская стала внушать собеседнику, что все люди рождены с определенной целью, предначертанной свыше: «Царь родился быть царем, ибо его сама природа всем одарила», а крепостной, в данном случае Сабуров, «родился быть мужиком» — ему и зеркало может показать его грубые чувства. Сабуров решительно не согласился с поповски-теологической постановкой вопроса, сказав: «Да разве цари не имеют грубых таких же чувств и не рождаются тиранами?» К этому он добавил, что ясным доказательством сказанного служит «История государства Российского» Карамзина. Иван Грозный подобен римскому

³⁰ Там же, л. 6.

тирану Нерону. На утверждение Колтовской, что царствующий в России монарх есть лев среди людей, а он, Сабуров, всего лишь крот, крепостной интеллигент ответил с достоинством: «умные люди не так судят». Он назвал царя «плутом» и выразил неприязнь к дворянам. Исчерпав свои доводы, Колтовская заявила, что подобные взгляды могут довести до гибели и что она постарается доказать Сабурову «равенство его с тем сословием людей, в котором сам бог определил ему быть»³¹.

Обыск, произведенный у Сабурова, показал, что его вольнодумные рассуждения не были случайны, а подкреплялись мыслями, которые он высказывал ранее. У него были отобраны сочинения и заметки «вредного направления», в том числе «его собственной руки» тетрадь, содержащая высказывания о царях. Рассматривая причины падения Римской империи, Сабуров писал, что императоры «утопали в роскоши», в то время как их подданные «претерпевали все ужасы грабежа и смерти насильственной»³². Это вопиющее неравенство, царящая в обществе несправедливость привели к катастрофе. «Но долго ль они (императоры. — Л. К.) господствовали, долго ль утопали в роскоши? Едва один всходил на престол, другой уже свергал его, наконец, последнего сверг иноземец...»³³ В другом отрывке говорилось о Сибири, которая живет «стеною, плача», будучи «рабыней белого царя»³⁴.

Внимание властей привлекли и некоторые мотивы в сочинении «Треножник Елены», представляющем, как заявил Сабуров, перевод с французского. Хотя действие там развертывалось в рабовладельческой Греции, вопросы, волнующие героев, оказались жгуче злободневными и для крепостной России. Об одном из персонажей было сказано, что он считает первым благом, чтобы все были «счастливы и свободны»³⁵. Высшее благо видит в свободе рабыня Гликерия. В ответ на слова Солона: «где бы ты нашла господина столь же доброго и снисходительного, как я», — она восклицает возмущенно: «Подлинно великая милость и великое снисхождение — не давать мне

³¹ Там же, лл. 50 об.— 51 об.

³² Там же, л. 90 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 52.

³⁵ Там же, лл. 75 об.— 76.

ни малейшей свободы»³⁶. Иначе говоря, даже «добрый господин — враг своих рабов, поскольку он господствует над ними, подавляет их естественное стремление к свободе. Когда Солон сетует на то, что отпущенник, которого любит Гликерия, насмехается над законами рабовладельческого государства, она сочувственно повторяет слова, сказанные ее любимым: «Законы суть паутинные сетки, где запутываются только маленькие мушки, но откуда большие всегда вырываются»³⁷.

Считая, что крамола, заразившая ее крепостного, гнездится в пермской гимназии, Колтовская писала 27 ноября 1825 г., что тамошний наставник Сабурова «конечно не его одного имел в предмете развратить, но пустить через него искру вольнодумства в черный народ, даже и в отдаленном краю Сибири. Как полагать должно, ведая, что Сабуров принадлежит заводам и должен иметь пребывание в оных, как мастеровой, то неприметным образом и заразить может других таковых ядовитыми рассуждениями, ибо в сей же тетради сам означал, что внутренняя война была пагубнее для римской империи, нежели внешняя. И сей наставник достиг своей цели. И внушил дух неповиновения оному мастеровому Николаю Сабурову и дерзость рассуждать о миропомазаннике»³⁸.

В «деле» отсутствуют данные, которые бы подтверждали обвинения, высказанные Колтовской по адресу гимназических наставников Сабурова. Но вполне возможно, что некоторые вольнодумные идеи действительно им были восприняты от кого-либо из его учителей. В записях, отобранных у Сабурова, высказаны исключительно интересные мысли о роли народных масс (отождествляемых им, как и другими вольнодумцами того времени, с крестьянством) в развитии общества. Народ, говорится в одной из этих записей, должен подходить к истории со своей меркой, с особой точки зрения, вытекающей из его места и роли в общественной жизни. Этот подход поможет глубже осмыслить истоки и побудительные мотивы социального прогресса. «Поселянин,— писал Сабуров,— в истории с самого начала усмотрит причины соединения людей в общества, главные основания, на коих последние утверждаются, и пружины, коими действуют: вникая

³⁶ Там же, л. 67 об.

³⁷ Там же, л. 68 об.

³⁸ Там же, л. 51 об.

во все сии, может здраво судить о возможности и пользе своего состояния»³⁹. В чем же состоит эта важность и польза крестьянского сословия («состояния»), т. е. народа, с точки зрения Сабурова? В том, что «его искусство (в данном случае — мастерство, вообще трудовая деятельность. — Л. К.) было первым основанием обществ: что его труд есть первый источник силы и богатства; и что могущество всего целого заключается в нем самом»⁴⁰.

Эта глубокая постановка одной из коренных социологических проблем, данная почти полтора столетия назад, делает честь русскому крепостному вольнодумцу.

В записях Сабурова упоминаются материалисты прошлого: основатель милетской натурфилософии Фалес, родоначальник английского материализма Бэкон и основоположник русской науки и материалистической философии Ломоносов. В деле Сабурова имеется небольшое сочинение, целиком посвященное великому русскому ученому. Автор высоко ценил «бессмертного мыслителя», его вклад в развитие естественных наук и философии, которыми он занимался, пишет Сабуров, «к пользе и славе Отечества»⁴¹. Он был «искусный химик», знаток математики, физики, естественной истории, философии⁴². Сабуров упоминает труд Ломоносова «Первые основания металлургии, или рудных дел»⁴³, на который ссылался и Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Слово о Ломоносове»). Сабуров высоко ценит заслуги Ломоносова перед русской художественной литературой: «Заслуживая почтенное титуло преобразователя нашей словесности, он первый очистил язык наш и доказал, что на нем можно выражать мысли ученые и нежные. Грамматика и Риторика всегда будут напоминать нам о стараниях сего великого мужа усовершенствовать язык русский. Он первый показал нам правила прозаических сочинений»⁴⁴.

Талант Ломоносова ярко проявился, по мнению Сабурова, и в других жанрах: он был «хороший трагик», и его поэма о Петре I показывает, что «ни хладные льды Севе-

³⁹ Там же, л. 88.

⁴⁰ Там же, л. 88—88 об. (курсив мой.— Л. К.).

⁴¹ Там же, л. 86 об.

⁴² Там же, л. 85.

⁴³ Там же, л. 84—84 об.

⁴⁴ Там же, лл. 84, 85—85 об.

ра, ни продолжительные морозы не могут ослабить пылкого воображения и что всякая земля может производить на свет своих великих мужей и поэтов». В результате своей титанической, многогранной деятельности, — пишет Сабуров, — Ломоносов получил мировое признание, «заял почетное место не только между своими соотечественниками, но даже многие иностранцы почитали для себя особенною честью иметь его членом своих ученых обществ»⁴⁵.

Эти слова проникнуты высоким патриотизмом. Они звучат особенно значительно в устах бесправного уральского мастерового 20-х годов прошлого века, — одного из тех, кто видел в Ломоносове живой, вдохновляющий пример, кто услышал его призыв к талантливым русским людям, которых «ожидает Отечество от недр своих». Откликнуться на этот призыв Сабурову помешала крепостническая действительность.

Дело Лоцманова

К числу крепостных интеллигентов-вольнодумцев начала XIX в., познавших на собственном опыте бесчеловечность самодержавно-помещичьего строя и сделавших попытку вступить с ним в единоборство, принадлежит Андрей Лоцманов⁴⁶.

⁴⁵ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 801, л. 86 об.

⁴⁶ Высказывания о Лоцманове, имеющиеся в нашей литературе, немногочисленны. Некоторые обстоятельства его жизни кратко изложены в сообщении: К. А. Пажитнов. Волнения среди фабрично-заводских рабочих.— «Архив истории труда в России». Пг., 1921, кн. 1. Этот текст, в основном, воспроизведен в книге того же автора «Положение рабочего класса в России», т. 1. Пг., 1923. В 1927 г. Лоцманову была посвящена небольшая глава в статье: В. Ганцова-Берникова. Отголоски декабрьского восстания 1825 г.— «Красный архив», т. 4. (17). М., 1926 г. Сообщения этих историков носили в основном информационный характер и лишь в незначительной степени использовали материал «дела» Лоцманова. Более полное изложение жизни и взглядов Лоцманова на основе использования архивных источников дано в работах: К. В. Боголюбов. Дело о «возмутительном письме» заводского служителя Андрея Лоцманова.— «Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга». Свердловск, 1947; М. А. Горловский. Горный город Екатеринбург. 1857—1863 гг. Свердловск, 1948; М. А. Горловский, А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954, стр. 189—205; М. И. Байтин, В. В. Пугачев. Политические идеи Андрея Лоцманова.— «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. IX.

Откуда возникли и что собой представляли его идеи? Почему имя этого даровитого человека в течение нескольких лет привлекало к себе пристальный интерес III Отделения и самого царя Николая I?

Ответ на эти вопросы дают архивные материалы полицейского дела «О возмутительном письме, написанном заводским служащим корнета Яковлева Лоцмановым. 1827 года». Это дело находится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Наряду с протоколами допросов и другими следственными документами, в него включены «вещественные доказательства» — рукописи Лоцманова: «Отношение», адресованное Н. С. Мордвинову, «Подробное жизнеописание» и повесть «Негр, или возвращенная свобода».

В 1827 г. пермский гражданский губернатор доносил Николаю I о том, что заводским служителем Верх-Исетского завода Лоцмановым написана бумага (обращение к сенатору Мордвинову), содержащая «злоумышление против высочайшей особы государя-императора и спокойствия государства»⁴⁷. Царь велел передать это дело III Отделению. Бенкендорфу было дано указание произвести «строжайшее о происшествии сем исследование»⁴⁸.

Что же показало расследование?

Андрей Васильевич Лоцманов родился (по сообщенным им полиции сведениям) в 1807 г. на Верх-Исетском заводе в семье крепостного служащего. Его отец, Василий Зиновьевич, был мыслящим человеком, живо интересующимся судьбами Родины. Сначала Андрея обучали в семье, а после переезда в Москву отдали в народное училище, затем в частный пансионат А. П. Терликова, где он изучал историю, географию, математику, русский, французский и немецкий языки. Здесь он пробыл около полутора лет, а в 1821 г., скрыв свое крепостное положение, поступил в новый пансион штабс-капитана И. И. Галушки. В годы пребывания Лоцманова в Москве складывалась в своей основе его мировоззрение.

Москва была еще покрыта руинами, оставшимися от наполеоновского нашествия. Но не только атмосфера, на-

Саратов, 1960; Л. А. Коган. Из истории народного свободомыслия в России начала XIX века (дело Лоцманова). — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 3.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1927, д. 441, л. 1.

⁴⁸ Там же, л. 2.

сущенная воспоминаниями Отечественной войны, воздействовала на Андрея.

Положение крепостных помещика и заводчика Яковлева, насильственно превращаемых в рабочих, было ужасно, это признавали даже официальные наблюдатели. Вот что писал Александру I флигель-адъютант Панкратьев, расследовавший причины волнений на Халунских железоделательных заводах Яковлева в Вятской губернии: «Они (крестьяне.— Л. К.) внезапно лишены были всякой собственности и погнаны, как стадо скота, из мирных жилищ своих на каторжную работу. Я говорю в каторжную, ибо работа на Халунских заводах столь же трудна, как и на Нерчинских». Панкратьев сравнивал положение этих людей с участью американских негров. Такова же была обстановка на других предприятиях Яковлева. Руда из штолен выносилась рабочими на носилках, вода откачивалась вручную. В Верх-Исетске женский труд применялся на тяжелейших земляных и копровых работах, переноске руды и т. д.

За малейшее сопротивление работники Яковлева подвергались жестоким наказаниям. В 1814 г. за «ослушание начальства» был посажен на хлеб и воду мастерской Верх-Исетского завода «с подпиской подтверждения, дабы впредь никакого ослушания делать не отважился». Рабочий того же завода Василий Ярославцев писал в 1818 г., что мастера Верх-Исетского завода «терпят побои кулаками и битьем палками». Мастерской Верх-Исетского завода Дмитрий Уфимцев был неоднократно избит, его морили голодом и в заключение недели на него цепь, весившую более двух пудов.

Сведения о волнениях рабочих и прописных крестьян, доходившие до Лоцманова, сыграли свою роль в пробуждении его политического сознания.

Годы пребывания Лоцманова в Москве были периодом возникновения и роста декабристского движения. В ходе следствия Лоцманову был задан вопрос: «Чем подкрепить можешь, что ты действительно не только не принадлежал к тайному обществу, обнаружившемуся событием 14 декабря 1825 г., но не имел об оном никакого сведения ни даже знал кого-либо из членов оногo?»⁴⁹ Отвечая, Лоцманов ссылался на свое крепостное положение

⁴⁹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 257.

ние, свою молодость и строгость отцовского нрава, не допуская до «особливых знакомств», в кругу которых он мог слышать о существовании таких обществ или познакомиться с кем-либо, принадлежавшим к ним⁵⁰. «Ибо кто бы решился,— говорил Лоцманов,— не быв прежде уверенным в расположениях и чувствах другого человека, сделать ему предложение о вступлении в тайное общество или объявить ему, что он член такового»⁵¹.

Эти доводы звучат убедительно, но вряд ли они сами по себе исключают возможность соприкосновения Лоцманова с людьми более или менее близкими к декабристскому кругу и хотя бы частичного, опосредованного знакомства с некоторыми идеями декабристов. Лоцманов и сам фактически признал в 1828 г. во время дополнительного допроса, что вступление в тайное общество отвечало его намерениям. «Что ж надлежит до того, что ежели б в то время было сделано предложение о вступлении в какое-либо общество, то в сем случае никак не могу ручаться, особенно по тогдашнему расстроенному моему состоянию, за свои чувства и намерения»⁵².

В первый период формирования передового общественного лагеря в России 20-х годов XIX в. некоторые декабристы — П. Пестель, А. Муравьев, Ф. Глинка, В. Кюхельбекер, Н. Бестужев и другие — были связаны с масонскими ложами. Это объясняется не идейным тяготением дворянских революционеров к ортодоксальному масонству — последнее было явно враждебно всему передовому, — а желанием использовать на раннем этапе движения готовую, реально существующую форму тайной организации в интересах нового политического содержания. Но влить новое вино в старые мехи не удалось.

Интерес к масонству питал и Лоцманов. И в данном случае этот интерес был вызван отнюдь не симпатией к масонскому мистицизму. Молодой, поднимающийся на борьбу с окружающим злом крепостной интеллигент искал пути к революционному действию и именно поэтому хотел приобщиться к какой-нибудь тайной организации, предполагая в ней родственные ему самому стремления. Косвенное подтверждение того, что дело обстояло именно так и что Лоцманов не является в этом смысле

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 283.

исключением, мы находим в высказываниях известного масона—графа Виельгорского. «Простолюдины,—писал он,— в особенности дворовые люди, не имея никакого понятия о существовании нашего ордена, весьма его любят, предполагая, по названию свободных каменщиков, что наше братство старается их сделать вольными, в чем они весьма ошибаются, ибо мы стараемся свергнуть с себя оковы не мнимые, но истинно тяжкие, а именно оковы греха, смерти и ада»⁵³.

Живя в Москве, Лоцманов был осведомлен «по общим слухам» о масонских ложах⁵⁴. Вопрос о масонах одним из первых затрагивался по возвращении Лоцманова на Верх-Исетский завод, в беседах его с новым приятелем Петром Степановичем Махотиным, таким же, как он, крепостным. Махотин был из крепостных крестьян, на заводе работал писцом. Речь шла о закрытии масонских лож. Махотин интересовался причинами их запрещения и спросил, «точно ли принадлежит и он (Лоцманов.— Л. К.) к ним, ибо по слухам о том знает»⁵⁵. Лоцманов сначала отрицал, а потом подтвердил («для шутки», как он говорил позднее) свою принадлежность к масонам. Более того, он говорил, что «кроме обществ масонских есть *другие* общества, которые пекутся о *благе народном*», имеют главной целью *общественное благо*, «*общее народное благо*», «*коих цель более заключает благотворения*»⁵⁶. Все эти понятия близки названию тайного декабристского общества, действительно существовавшего в 1818—1821 гг. и связанного отчасти с Москвой. Я имею в виду «Союз Благоденствия». Н. И. Тургенев, ознакомившийся в 1819 г. с уставом этой организации, характеризует ее почти теми же словами: «Общество ставило своей целью служение общественному благу»⁵⁷. За отвлеченными формулировками скрывалась идея революции.

Находясь в заключении, Лоцманов вспоминал, как тяжело ему было покидать в 1823 г. Москву, в которой он вырос, и остающихся там «друзей, близких к сердцу»⁵⁸

⁵³ Цит. по работе: Н. П. Сидоров. Масонство и крепостное право.— «Великая реформа», т. 2. М., 1911, стр. 171.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 54.

⁵⁵ Там же, л. 10.

⁵⁶ Там же, лл. 47, 56—57, 73 об. (курсив мой.— Л. К.).

⁵⁷ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. Госполитиздат, 1951, стр. 227.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 103.

Это признание заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

В литературе о Лоцманове он рассматривался большей частью, особенно в московский период своей жизни, вне связи с какой-либо определенной средой. Сам он, естественно, старался создать в ходе следствия впечатление о своем образе жизни в Москве как очень замкнутом, почти затворническом. Это плохо согласуется с его признанием о *друзьях, близких сердцу*.

Некоторые из этих людей упоминаются в следственных материалах — Гавриил Иванович Галлер (его полная фамилия Галлер-Фион или Фиони), дававший Лоцманову уроки рисования и обсуждавший с ним философские и другие вопросы, однокашники — Алексей Алексеевич Соколовский и Павел Александрович Павлов. В числе преподавателей Лоцманова в деле упоминаются также губернский секретарь (служивший в Московском губернском правлении) Иван Епифанович Корнеев и казанский студент, служивший при Московской таможне, — Петр Егорович Лубняков.

Но московские связи Лоцманова этим не исчерпываются.

В начале 20-х годов XIX в. в Москве вышла книжка, озаглавленная «Переводы и сочинения в прозе». Составитель книги посвятил ее Г. И. Галлеру-Фион, и это не может не привлечь внимания каждого, кто интересуется Лоцмановым. Обращаясь к Галлеру, составитель писал:

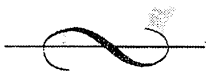
«Милостивый Государь! Питая в душе моей истинное чувство признательности и благодарности за ваше ко мне особенное расположение и не имея, чем бы мог достойно возблагодарить вас за оное, по крайней мере осмеливаюсь льстить себя надеждою, что вы не откажетесь принять сей слабый труд мой и вместе моих юных сотоварищей, воспитанников Пансиона г. Галушки. Если вы примите опыт благосклонно, то мое желание совершенно будет исполнено». Под обращением стоит подпись «А. Лоцманов»⁵⁹. Совершенно очевидно, что перед нами книга, подготовленная крепостным вольнодумцем с Верх-Исетского завода.

Уникальное это издание представляет собой сборник объемом в 156 страниц, состоящий из оригинальных и

⁵⁹ «Переводы и сочинения в прозе». М., 1823.

ПЕРЕВОДЫ
и
СОЧИНЕНИЯ

ВЪ ПРОЗѢ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1823:

Титульный лист книги, подготовленной А. В. Лоцмановым

переводных работ. А. Лоцманов был одним из его авторов и, кроме того, судя по всему, инициатором и редактором. Кроме него в подготовке книги участвовали А. Лихарев, П. Павлов, М. Щербинин и Ф. Салманов. Все они упоминаются Лоцмановым в ходе следствия по его делу, при перечислении учащихся пансиона, с которыми он «имел дружество»⁶⁰.

Лоцманову принадлежат в этом сборнике следующие произведения: «Утро», «Мысли на развалинах Бряхимова, столицы болгарской», «Задонская битва», «Сравнение Александра Великого с Петром I», «Мысли об уединении», а также несколько переводов с французского. Подлинник, с которого сделан перевод, не указывается,

и это дает основание полагать, что, возможно, мы имеем дело с вольным изложением идей автора подлинника, а может быть, и с наброском собственных мыслей переводчика. Некоторые отрывки, приводимые в сборнике, не подписаны; не исключено, что они принадлежат Лоцманову; во всяком случае они выражают в той или иной степени его точку зрения как составителя книги.

«Переводы и сочинения в прозе» проникнуты настроениями, во многом сближающимися с идеологией раннего декабризма. Есть здесь и бесцветные, ученически наивные вещи. Сборник не отделим от духовной атмосферы, в которой складывались взгляды многих русских юношей

⁶⁰ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 260, 10.

начала 20-х годов, он помогает конкретнее и полнее представить различные аспекты мирозерцания Лоцманова. Ни в одной из работ, в которых шла речь о Верх-Исетском крепостном, это издание не рассматривалось и даже не упоминалось.

Книга Лоцманова выпущена видным московским «типографщиком» С. Селивановским. Трудно было подобрать для нее более подходящего издателя. Сын крепостного крестьянина, самоучка, работавший после переезда в Москву наборщиком, а затем выбившийся в купцы, Семен Селивановский был просвещенным человеком, с увлечением читавшим произведения Вольтера⁶¹. В своей издательской деятельности С. Селивановский был связан с декабристами. К. Ф. Рылеев, поручивший ему опубликование своих «Дум» и поэмы «Войнаровский», писал о нем в январе 1825 г. П. М. Строеву: «Прошу сказать мое истинное почтение г. Селивановскому. Он у меня из головы не выходит. Истинно почтенный человек»⁶². Декабрист В. И. Штейнгель, отвечая на вопрос Рылеева о возможности привлечения кого-либо из московских купцов к тайному обществу, назвал С. Селивановского, который «образованнее других», добавив, что этот «типографщик» и «без привлечения его в общество содействует достижению его цели изданием книг, распространяющих «свободные понятия». Селивановский называл Штейнгеля своим «почтеннейшим другом»⁶³. Кюхельбекер, Муханов, Пущин, Рылеев, Штейнгель и другие декабристы бывали в доме этого издателя. После восстания декабристов полиция во время обыска у Селивановского обнаружила и конфисковала три тома напечатанного им «Энциклопедического словаря» (активное участие в составлении которого принимал наряду с другими В. К. Кюхельбекер); целью этого издания было «способствовать к развитию просвещения и свободомыслия»⁶⁴. Подозреваемый в со-

⁶¹ См. «Записки Н. С. Селивановского». — «Библиографические записки», 1858, № 17, стр. 515—516, 526.

⁶² К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений. М., Academia, 1934, стр. 480.

⁶³ В. И. Семевский. Барон Владимир Иванович Штейнгель. — «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. 1. СПб., 1905, стр. 305.

⁶⁴ Там же; «Ученые записки Саратовского университета», т. XXXI, 1952, стр. 355.

действии декабристам, С. Селивановский находился в 1826 г. под следствием⁶⁵.

Лоцманов, желая издать свою книгу, не случайно обратился именно к этому человеку и получил от него поддержку. Многие из того, с чем столкнулся крепостной юноша в доме издателя-демократа, сочувствовавшего передовым идеям, должно было оказать воздействие благотворное, вдохновляющее. Касаясь вольнодумных понятий Селивановского, В. С. Нечаева пишет: «Среди кого он распространял их? Конечно, среди той учащейся молодежи, которая находила в его доме приветливый прием и заработок, правя корректуры, готовя переводы, статьи для энциклопедии и т. п.»⁶⁶. Лоцманов был одним из представителей этой разночинной молодежи, рвущейся к знаниям, правде.

Знал ли он что-либо об упоминавшихся им тайных обществах или только догадывался об их существовании, верил в него или просто фантазировал, имея в виду то тайное общество, которое сам собирался создать? На это трудно ответить. Разумеется, его осведомленность была невелика, но все же эти моменты могли в какой-то мере переплетаться, дополняя друг друга. Когда до Лоцманова дошла весть о восстании 14 декабря, он признал, что написанная им «бумага» (обращение к Мордвинову) «имела сходство и некоторую связь» с намерениями декабристов. Это признание идейной общности с декабризмом представляет огромный интерес.

Действительно, между делом Лоцманова и делом декабристов имеется глубокая связь. Она состоит в том, что духовное формирование этого крепостного вольнодумца протекало в обстановке нарастания движения декабристов, и в том, что в свете пламени, вспыхнувшего на Сенатской площади, настроения и мысли безвестного заводского служителя приобрели в глазах царских властей особо зловещий, угрожающий характер.

Было еще одно, более частное, но все же существенное, обстоятельство, содействовавшее созреванию антикрепо-

⁶⁵ Ю. Г. Оксман. Белинский и политические традиции декабристов. Декабристы в Москве. Изд-во «Московский рабочий», 1963, стр. 191.

⁶⁶ В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Учение в Университете и работа в «Телескопе» и «Молве» (1828—1836). Изд-во АН СССР, 1954, стр. 45.

стнических взглядов Лоцманова. В пансионе Галушки, в котором он учился, служило несколько политических эмигрантов из Франции — современников буржуазной революции конца XVIII в. Это были люди, удалившиеся, по словам Лоцманова, из своего отечества «из одного опасения подвергнуться строгости законов»⁶⁷, т. е., видимо активные участники революционных событий, якобинцы. Назвать на следствии их имена Лоцманов не захотел, ссылаясь на свою забывчивость. Французы, соблюдая естественную в их положении «полуоткровенность», беседовали со своими питомцами о революции. Их живые рассказы о победоносной европейской битве против феодализма не могли не воодушевить таких людей, как Лоцманов.

Интерес Лоцманова к революции и тайным обществам подогревался и читаемой им литературой. Не вся она названа в его показаниях; однако отдельные книги, произведшие на него сильное впечатление, он упомянул в том числе роман немецкого писателя Г Шписса «Рыцари льва». Что привлекло внимание русского крепостного к этому сочинению? По-видимому, пробывавшие в нем ноты гуманности, человеколюбия, протеста против несправедливости (правда, выраженного в аллегорической, туманно-романтической форме). «Рыцарская» терминология приобрела в России конца XVIII — начала XIX в. своеобразное звучание, будучи связана с организацией тайных обществ. Она использовалась по-разному, в зависимости от их направления. В реакционной масонской среде имелось в виду «рыцарство» в дворянско-кастовом и духовно-мистическом смысле — защита основ существующего порядка и служение «внутренней церкви». Иное, противоположное толкование понятий «рыцарь» и «рыцарство» давали передовые, оппозиционные по отношению к самодержавию элементы дворянства. Так, вынашивая в 1814—1815 гг. идею создания тайного общества, будущие декабристы М. Ф. Орлов и Н. И. Тургенев намеревались назвать его «Орденом русских рыцарей»; кста-

⁶⁷ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 54 об., 55. Сообщение о подавлении восстания декабристов повергло Лоцманова в отчаяние. «Горестное событие 14 декабря,— говорит он в другом месте, отвечая на вопросы следователей,— повергло меня в ужас: я трепегал, находя некоторое сходство моих химер с преступными действиями...» (там же, л. 262).

ти, первые шаги в направлении создания этой организации были предприняты в Москве.

Книга Г. Шписса, которую читал Лоцманов, повествует о рыцарях, являющихся членами тайного ордена защитников угнетенных.

Мы не найдем в этом романе ярких картин и впечатляющих образов, сколько-нибудь определенного социального подтекста, но в нем речь идет о том, что семена злобы всюду произрастают на земле, и этого было достаточно, чтобы у прогрессивно настроенного, чуткого русского читателя сразу же рождалась аналогия с положением в его собственной стране, угнетаемой крепостниками. Перенесенный в иную, неведомую автору обстановку и обращенный к неизвестным ему читателям, материал книги говорил им несравненно больше, чем имел в виду автор. Нетрудно себе представить, как воспринимались этими читателями такие, например, слова: «Мы поклялись препираться с нечестием и злобою. Скоро наступит время, что мы объявим всем и каждому нашу клятву... До сих пор сражались мы лишь отдельно, поодиночке; но скоро будем препираться соединенными силами»⁶⁸. Для Лоцманова эта фраза не была отвлеченной моральной формулой, она звучала как клятва верности, крик его собственной души. «Рыцарская» тема звучит и в книге, подготовленной Лоцмановым. В небольшой заметке «Рыцарь Баярд» (перевод с французского, сделанный товарищем Лоцманова Павловым) намечен образ неустрашимого героя, чье мужество «никогда не превращалось в свирепство и бесчеловечие». «Он не имел богатства», делил с бедняками «плоды своих побед», и «гонимая невинность» встречала в его лице надежного защитника⁶⁹.

Лоцманов читал много и «с пламенным усердием»⁷⁰. Рыцарские романы были лишь первой ступенью его самообразования. Важный свет на направление духовных интересов Лоцманова проливает его рукописная повесть «Негр, или возвращенная свобода». В ней немало автобиографического. Герой повести — негр Иорико, «невольник», как и сам Лоцманов, с детских лет был одержим

⁶⁸ «Рыцари льва, исторический роман, заимствованный из летописей XIII века. Сочинение Г. Шписса. Перевод с немецкого», ч. I. М., 1819, стр. 125, стр. 205.

⁶⁹ «Переводы и сочинения в прозе», стр. 66.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 259 об.

жаждой знания, увлекался историей и особенно героическим в ней. Занятия историей и другими науками внушали ему «чувства благородные и смелые»⁷¹. Уместно вспомнить, что пламенный интерес к истории питали и декабристы, находившие в произведениях античных авторов много поучительного, использовавшие их для обличения современной тирании и ее приспешников, для прославления гражданского мужества и патриотизма.

В связи с этим особый интерес приобретают признания героя Лоцманова (а в сущности его самого) о том, что он читал «жизнеописания великих мужей, древних и новейших веков»; изучал жизнь законодателя Ликурга, «летал на крыльях воображения в Спарту», «хотел сравниться с Аристидом, Фемистоклом; справедливость первого делала его задумчивым и важным, блестящие победы и значительные услуги отечеству другого приводили его в радостный восторг и желание во всем последовать ему. Аннибал удивлял его, Сципион был его любимый герой», Юлия Цезаря он считал опасным честолюбцем. Пламенное воображение беспрестанно водило его по лабиринту древности». Иорико не только сам восхищался героизмом борцов против тирании, но горячо пересказывал «деяния героев» другим невольникам.

Важнейшую роль в формировании мировоззрения Лоцманова играли произведения передовых философов-просветителей. «Воображение мое питалось мечтательною пищею...— писал он в затребованной от него по ходу следствия автобиографии,— и постепенно приготавлилось и образовывалось к странным и гибельным замыслам. Я пожирал все софизмы ложных умствователей, рассеянные в их сочинениях под приятными цветами красноречия, силою коего невольно увлекался слабый и ничем не подкрепленный рассудок мой»⁷². Это признание, вырванное тюремщиками и рассчитанное на то, чтобы обмануть их мнимым раскаяньем и вырваться на волю; за ним — годы упорной самообразовательной работы.

Кто же были упомянутые Лоцмановым «умствовате-

⁷¹ Там же, л. 39.

⁷² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 39—39 об., 260. Почти то же говорил Лоцманов о себе: «Упоенный восторгом (под влиянием идеи революционного освобождения крепостных.— Л. К.) я забывал свое состояние, препятствия и все меня окружающее, и считал себя счастливым» (там же, лл. 260 об., 361).

ли»? Каковы основные теоретические источники его мировоззрения?

Лоцманов нигде не называет Радищева, но можно допустить, что он был знаком с идеями великого русского революционера. Еще находясь в Москве, он мог узнать о «Путешествии» через кого-либо из своих знакомых, например С. Селивановского, который лично знал Радищева. По словам сына С. Селивановского, Радищев в свое время выражал намерение опубликовать «Путешествие» в уже известной нам типографии. Хотя сделать этого не удалось,—ознакомившись с текстом труда и «поняв всю важность его содержания», С. Селивановский не решился взять на себя ответственность за его обнаружение,—можно не сомневаться, что «Путешествие» произвело на него сильное впечатление.

С. Селивановским была открыта в Москве публичная библиотека — одна из тех, которыми мог пользоваться Лоцманов. Русское Просвещение было представлено в ней сочинениями Ломоносова, изданиями Новикова, «Почтой духов» Крылова, журналами «Беседующий гражданин» (где была помещена статья Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества») и «Санкт-Петербургский журнал»; последний издавался «радищевцем» И. П. Пниным.

Кроме того, известно, что рукописные копии радищевского «Путешествия...» доходили до Урала; одну из них видел в Кунгуре сам автор, возвращаясь из ссылки.

Характеризуя последовательность и диапазон своего чтения, Лоцманов отмечает влияние, оказанное просветителями XVIII в. «За романами,—вспоминает он,—последовал ряд книг исторических, над коими, так сказать, отдыхала мысленная моя способность; за сим возродилось во мне желание прочесть сочинения Волтера, Гельвеция и других авторов, известных своим вольнодумством и о которых иногда упоминалось в прежде прочтенных мною книгах⁷³. Лоцманов говорит также о прочитанных им книгах «вольтерьянцев». Здесь-то, в произведениях Гельвеция, Вольтера и вольтерьянцев (последнее понятие обычно употреблялось как равнозначное свободомыслию вообще.—Л. К.), Лоцманов, по его словам, «почерпал идею о вольности» и с этого времени

⁷³ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 260.

«стал считать себя несчастливым и быть недовольным своим состоянием»⁷⁴.

Приобщение Лоцманова к идеям французского просвещения прошло, судя по всему, два этапа. Вначале он узнал о них от авторов, так или иначе затрагивавших историю предреволюционной Франции. Одним из таких авторов был аббат А. Баррюэль. Лоцманов прочитал его книгу «Записки об якобинцах, открывающие все противухристианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы»⁷⁵. Сочинение это не лишено интереса. Написанное от лица бывшего масона, современника французской революции 1789—1793 гг. с целью развенчания революционной и материалистической философии, оно служило для молодых людей, подобных Лоцманову, своеобразным пособием по истории революционного и просветительского движения.

Лоцманов почерпнул из него сведения о якобинцах, которые «основали начала свои на равенстве и вольности», о повсеместном распространении якобинских идей, об «идоле злоумышленников», подготовивших французскую революцию, и «главном начальнике» антихристианского заговора Вольтере, о «герое атеистов» — Дидро и его желании видеть «всех государей передавленных кишками священнослужителей», о «безбожнике Ламетри», о Гельвеции, Гольбахе, Руссо, Монтескье, Д'Аламбере, Кондорсе. Здесь же приводилось мнение Рейналя (на которого, как известно, ссылался и Радищев в «Путешествии») о том, что «государя суть дикие звери, пожирающие нацию»⁷⁶, и фигурировали призывы сторонников «существенного равенства», идей Бабефа: «Полно почитать

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ L'abbé Augustin Barruel. Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme. Londres, 1797, v. 4. В России эта книга издавалась без упоминания автора под разными названиями: «Волтерианцы, или истории о якобинцах» (М., 1805—1809) и «Записки о якобинцах» (М., 1806—1808). Отвечая на допросе — откуда он почерпнул идею о «соподвижниках свободы», ненавидящих самодержавную тиранию и мракобесие, Лоцманов назвал в числе источников «сего дерзновенного изречения» книгу Баррюэля (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., ед. хр. 441, л. 14). На эту книгу ссылался декабрист Никита Муравьев («Восстание декабристов». Материалы, т. VIII, Л., 1925, стр. 172). Интересовались Баррюэлем и другие декабристы.

⁷⁶ «Записки о якобинцах», ч. 1. М., 1807, стр. 313; ч. 2. М., 1806, стр. 79, 31, 9, 30.

собственностью землю, она никому не принадлежит. Мы негодуем, мы требуем общего наслаждения дарами земными. Плоды растут для всех... Исчезните, наконец, несносные отличия богатых от бедных, великих от малых, господ от слуг, государей от подданных! Да будет одно токмо различие между людьми в возрасте и поле»⁷⁷.

Вторым этапом на пути ознакомления Лоцманова с передовой философской мыслью были первоисточники.

В библиотеке Селивановского он мог найти русские издания философских произведений Вольтера, Руссо и Дидро.

Выше упоминалось, что, находясь в Москве, Лоцманов был связан с Г. И. Галлером. Полюбив пытливого крепостного за «остроту ума», Галлер занимался с ним проблемами «познания природы и самого себя»⁷⁸. Формула «Познай себя» (*Nosce te ipsum*), приписываемая одному из древнегреческих мудрецов, была воспринята и истолкована на мистический лад масонами, стала их девизом. Но отсюда нельзя делать прямолинейного вывода о содержании уроков, преподававшихся Лоцманову⁷⁹. Масоны видели в «натуре» мистический дух, проявление божественной воли. Познание «натуры» понималось ими как задача производная, средство познания бога. Считая своей целью врачевание «болезней души», они объявляли первой и самой опасной из этих болезней забвение бога. Лечить ее предлагалось «страхом божьим». Соответственно толковалось масонами и самопознание: «Божественное «познай себя»,— говорится в одной из масонских рукописей,— снизошло с неба». Человек дол-

⁷⁷ Там же, ч. 6. М., 1808, стр. 55.

⁷⁸ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 102. Формула эта заинтересовала следователей. В опросный лист был включен следующий пункт: «Известно, что Лоцманов был знаком в Москве с инженерным офицером Галлером, который обучал его... познанию природы и самого себя, то нужно знать, к чему наклонял Галлер учение свое в последних двух предметах; в чем заключались беседы с ним и не знал ли Галлер о предполагаемом составлении тайного общества или сам он в том же не участвовал ли» (там же, л. 255 об.).

⁷⁹ О различном толковании, дававшемся формуле «*Nosce te ipsum*», свидетельствует, в частности, то, что она была использована в начале 30-х годов XIX в. одним из предшественников В. Г. Белинского — известным публицистом Н. И. Надеждиным в качестве эпиграфа его журнала «Телескоп», в котором Белинский начал свою критическую деятельность. Выражение «*Nosce te ipsum*» употреблял и молодой Герцен (см. А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. I. М., 1954, стр. 18).

жен знать себя «не гокмо по философии», но и «по священному писанию».

Познание с целью усиления власти человека над природой осуждалось масонами как греховное: «Познание самого себя есть вредно и зло, когда через оное возвышаешь и приписываешь себе знание и познание, будто бы оно было свое собственное и будто бы мог ты все от самого себя без бога». Человек должен проникнуться, утверждали масоны, сознанием своего ничтожества и ничтожества других людей, уяснить себе свою абсолютную зависимость от «высших» сил. Самосознание оправдано с точки зрения масонов лишь тогда, когда оно направляется к цели, предуказанной богом, «а именно дабы через оное изучились мы познать, как каждый из нас самому себе есть наивеличайший враг, от самого себя есть ничто и ничего самим собою не может, но что все это, что каждый есть и может, происходит от милосердия божия». Можно сказать с уверенностью, что такое «познание природы и самого себя» не способно было увлечь Лоцманова. Скорей всего за масонской или близкой к ней формулой скрывалось в данном случае иное — чуждое масонской догматике и идеологии — содержание. В деле Лоцманова отмечается, что учение, преподававшееся Галлером, ему «чрезвычайно нравилось» и «произвело в нем сильное впечатление», в результате чего он «возвышал воображение свое»⁸⁰. Масоны, как мы видим, были противниками такого «возвышения». Судя по быстрому ходу созревания антикрепостнических убеждений Лоцманова и его отрицательному отношению к религии (о котором в деле есть прямые указания), напрашивается вывод, что характерное для масонства признание святости существующего строя и мистическое самоуглубление не могло бы вызвать в мятущейся, полной негодования против социальной неправды душе крепостного такой сильный отклик. Иное дело — идеи антиабсолютистские и атеистические. Не скрывалось ли в данном случае за словами «познание природы» то именно, что буквально означают эти слова, т. е. познание природы⁸¹ и,

⁸⁰ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 102 об.

⁸¹ Сведения, имеющиеся о Галлере, говорят о правомерности такого предположения. Наряду со служебной деятельностью и занятием живописью, он проявлял интерес к естественным наукам, увлекался ботаникой, был членом Общества испытателей природы при

в частности, изучение книги французского материалиста и атеиста XVIII в. Гольбаха «Система природы» и других, подобных произведений?

Просветительское толкование могла получить и вторая часть формулы «познание самого себя». Труды просветителей-материалистов были посвящены не только познанию природы, но и изучению человека, человеческого общества («О человеке» и «Об уме» Гельвеция, «Социальная система» Гольбаха и др.). «Обратим взор наш на человека» — призывал Радищев. Лоцманов жаловался на свою крепостную участь Галлеру. Последний имел, видимо, довольно определенное представление о народных страданиях (он работал в штабе военных поселений, сталкивался с Аракчеевым) и отвечал своему юному другу горячим сочувствием.

На мировоззрение Лоцманова повлияло произведение Гельвеция «Об уме»⁸². Наряду с «Системой природы» Гольбаха и трудами Дидро книги Гельвеция играли, как известно, ведущую роль в просветительском движении предреволюционной Франции; высоко ценя «Об уме», Дидро называл это произведение «здоровенным ударом» по предрассудкам всех родов.

Идеи Гельвеция быстро нашли живой отклик среди русских людей. Отрывки из произведений Гельвеция переводились и печатались в некоторых журналах XVIII в. («Невинное упражнение», «Собрание новостей» и др.). Еще в годы учебы в Лейпцигском университете книгу Гельвеция «Об уме» читали Радищев, Ушаков и их друзья. Узнав об этом через Гримма, Гельвеций эту новость «равнодушно не принял»⁸³.

Естественно, что, попав наряду с Вольтером в поле зрения Лоцманова, произведения Гельвеция не могли не вызвать большого сочувственного интереса Лоцманова. В то время как масоны видели в Гельвеции и других материалистах своих злейших врагов⁸⁴, Лоцманова осо-

Московском университете, в 1825 г. преподавал механику в Московском Технологическом институте (см. «Русский биографический словарь». М., 1914, стр. 176).

⁸² ЦГАОР, ф. III отд., I экзп., 1827 г., д. 441, л. 14. В деле Лоцманова книга Гельвеция именуется «Дух о разуме».

⁸³ А. Н. Радищев. Избранные философские сочинения. Госполитиздат, 1949, стр. 226.

⁸⁴ А. Лабзин, слушавший лекции масонского лидера И. Шварца, вспоминает, что слово последнего «исторгало из рук многих

бенно привлекала мужественная борьба французского просветителя-атеиста против поповщины и деспотизма, его идеи об естественном равенстве людей и народов, о связи личного блага с общим и т. п.

Помимо сочинения Гельвеция «Об уме» Лоцманов с увлечением читал и другие труды антиабсолютистского и антитеологического направления; именно эту литературу он имеет в виду, говоря об «энтузиазме», вызванном в нем «чтением опасных по своим системам книг». С их помощью он в полной мере «познал тягость состояния своего»⁸⁵.

* * *

С ростом самосознания и творческой активности нарастало возмущение Лоцманова своим подневольным положением. Поданное им ходатайство о получении «вольной» было отклонено Яковлевым. Прощение на «высочайшее» имя, поданное через обер-полицмейстера Шульгина, о зачислении на военную службу также осталось без ответа. «Когда и сия надежда исчезла,— пишет Лоцманов,— и я должен был вскоре отправиться на заводы, тогда отчаяние мое достигло последней степени».

Под влиянием всего пережитого и передуманного Лоцманов пришел к выводу о необходимости создания тайного революционного общества для борьбы с самодержавно-крепостническим строем,— «Общества ревнителей свободы», ближайшей задачей которого должно было стать «рассеяние мнений о свободе». Первым, кого Лоцманов попытался привлечь к реализации своих замыслов, был его товарищ по пансиону Соколовский. Познакомившись с идеями Лоцманова, он «в полной мере разделял их». Их встречи и беседы о вольности, «о составлении тайного общества к освобождению крепостных от зависимости помещиков» обратили на себя внимание хозяев пансиона. Не зная о далеко идущих намерениях Лоцманова, они все же решили избавиться от внушавших опа-

соблазнительные и безбожные книги и поместило на их место Святую Библию» (Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, стр. 137). Произведение Гельвеция «Об уме» занимало среди книг, ненавистных масонам, одно из первых мест.

⁸⁵ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 282 об., 102 об.

сение питомцев. Лоцманов был отчислен за сокрытие своего крепостного состояния и «вольность мыслей». Та же участь постигла Соколовского⁸⁶.

В ходе следствия Лоцманов ни единым словом не обмолвился о выпущенной им книге; она осталась неизвестной полицейским властям.

Не побудило ли его умолчать об этом то обстоятельство, что между подготовкой книги и идеей создания «общества» существовала некоторая связь? Поскольку «Переводы и сочинения в прозе» представляли собой плод коллективных усилий, выходу этого сборника, очевидно, предшествовали встречи и беседования авторов, переводчиков, обсуждение и отбор ими материалов. Книга открывается восторженным прославлением дружбы, как страсти священной, героической, «чувства великих душ»: тот, чье сердце горит этим пламенем, идет на все — он сопровождает своего друга «среди жесточайших несчастий», «готов умереть» за него. «О, божественная дружба,— восклицал автор этого сочинения П. Павлов,— почто не воспламеняешь ты всех сердец?»⁸⁷ Можно допустить, что еще в начале 20-х годов Лоцманов организовал нечто вроде пансионского кружка, члены которого, связанные дружескими отношениями, обменивались мнениями о жизни, литературе, политике.

Родители Лоцманова умерли (мать — в апреле, отец — в августе 1823 г.), а хозяева требовали возвращения своего крепостного на Урал. Ему пришлось повиноваться; он выехал из Москвы в начале сентября того же года. «Отправляясь из Москвы,— пишет он,— оставлял оную с горестным чувством и ненавистью к тому, чью волю должен был исполнить».

Прибыв в конце 1823 г. на Верх-Исетский завод и став учителем в заводской школе, Лоцманов продолжал вынашивать мысль о тайном обществе. «Приехав на заводы,— пишет он,— никак не мог обрести спокойствия. Мысль видеть себя крепостным мучила меня и беспрестанно подстрекала воображение, которое всякую минуту готово было вспыхнуть...»⁸⁸ Стремясь заинтересовать своими идеями заводского служителя Махотина (а в случае удачи и других крепостных), Лоцманов читал ему не-

⁸⁶ Там же, лл. 267 об.— 268.

⁸⁷ «Переводы и сочинения в прозе». М., 1823, стр. 1—4.

⁸⁸ ЦГАОР, ф. III отд., I экзп., 1827 г., д. 441, лл. 261, 77.

которые отрывки своих сочинений в прозе и стихах⁸⁹; среди них могли быть и те, которые входили в книгу, изданную в Москве.

Кроме того, Лоцманов сочинил в декабре 1823 г. «Отношение», ставшее главной причиной всех его дальнейших злоключений. Вот этот необычный документ, форма которого навеяна романтизированными представлениями о масонских ложах, а содержание выражает сложившиеся у Лоцманова антикрепостнические и антиабсолютистские убеждения (приводим его с небольшими сокращениями). «Высокопочтеннейшему Президенту тайного общества Ревнителей Свободы Вице-Адмиралу и Магистру 4-х степеней 500 Совета Мордвинову. Отношение. Действительного члена и представителя 2-й степени и Агента Уральских окрестностей... Исполняя волю вашу, Великий Магистр, и Пятисотного Совета, обстоятельно доносил о предметах, касающихся до меня, равно и сим спешу известить благородное собрание сподвижников свободы о выполнении его благих намерений... Семена свободы сеются на хребтах Урала и бесплодные скалы стараниями вашими превращаются в плодоносные нивы, представляющие приятное зрелище для сеятелей! Свобода, врожденное чувство человека, и здесь распространяет ветви свои, под сенью коих после трудов ратных спокойно отдохнут сыны ее; свобода, повторяю я, присоединила в число сподвижников своих, кроме уже известных вам, Великий Магистр, еще несколько человек, кои стараниями моими возненавидели династию, властвующую ныне над потомками древних Славян⁹⁰, столько же, сколь питают усердие к новому монарху — свободе, и смертная клятва во имя три кратно трех произнесена новыми ревнителями; объяснения о положении их, состоянии и видах, кои я простираю на них — при сем особо представляю на рассмотрение ваше, Великий Магистр, и Представителей свободы по установленному порядку. Великий Магистр! Представители, Агенты и вы, спод-

⁸⁹ Там же, л. 74.

⁹⁰ Провозглашение Лоцмановым ненависти к династии, властвующей «над потомками древних Славян», созвучно декабристам как по своей антимонархической направленности, так и по выраженному здесь уважению к героическому прошлому славянства: вспомним высокую оценку ими Новгородской вольницы, «Думы» Рылеева, «Общество соединенных славян».

вижники Свободы! Уверяю Вас страшною клятвою в верности моей»⁹¹.

Чем объяснить, что Лоцманов обращается в своем послании к Мордвинову? На следствии он показал, что слышал о последнем из бесед своего отца как о «муже знаменитом в государстве» и патриоте. «Имя его (Мордвинова.— Л. К.) употребил потому,— заметил Лоцманов на следствии,— что оно в числе знаменитых патриотов есть известнейшее...»⁹². С Мордвиновым был хорошо знаком С. И. Селивановский, опубликовавший книгу Лоцманова; в знак уважения к адмиралу-сенатору московский «типографщик» даже назвал сына своего Николаем. Видный государственный деятель Н. С. Мордвинов был сложной, противоречивой фигурой. Идеолог дворянского либерализма, сподвижник Сперанского, единственный участник суда над декабристами, воздержавшийся от вынесения им смертного приговора, он выступал в то же время за создание в России мощной, богатой аристократии, видя в ней преграду против революционного движения. Считая Мордвинова ревнителем свободы, Лоцманов, разумеется, не знал о двойственности его позиции, об его консервативных воззрениях на крепостное право. Но в 20-е годы не один Лоцманов идеализировал этого, по меткому выражению В. И. Семевского, либерала-крепостника. Мордвинова называли русским Катонем, он был популярен среди членов Вольного общества любителей российской словесности.

Рылеев посвятил ему свои «Думы». Ода Рылеева «Гражданское мужество», в которой говорилось о «бодрствующем» среди «сонма избранных мужей» — Мордвинове ходила по рукам и доходила в списках до III Отделения. Декабристы прочили Мордвинова в состав Временного революционного правительства. В агентурной записке от 9 июля 1826 г., полученной III Отделением в связи с судом над декабристами, было сказано, что «усердные патриоты не могут верить, чтобы одна молодежь предпринимала такую важную в государстве перемену, не имея скрытых и осторожных, но важнейших общников. Слишком много толков о подозрении на адм[ирала] Морд[винова], Сперанс[кого] и Булгакова».

⁹¹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 4—5 об.

⁹² Там же, лл. 261 об., 67 об., 11.

Не удивительно, что такой неопытный заговорщик, как Лоцманов, желая придать своему обращению «более вероятия», избрал именно Мордвинова своим адресатом. Вместе с тем все это проливает дополнительный свет на продекабристскую ориентацию Лоцманова. За его обращением к Мордвинову скрывалось глубокое убеждение в необходимости коренных общественных преобразований.

Вчитавшись в сочинение Лоцманова, Махотин оказался во власти противоречивых чувств: с одной стороны, он был явно заинтересован, а с другой — испуган тем, что дело зашло далеко. Во всяком случае он сказал, что сочинение это написано «очень хорошо», и выразил желание снять с него копию. Когда же рукопись очутилась у него, он под разными предлогами отказывался вернуть ее автору и в конце концов заявил, что она им уничтожена. Это расстроило их дружбу и заставило Лоцманова признать, что «опыт с Махотиным» не удался⁹³. Но идея о тайном обществе и на этот раз не была оставлена. Завязалась переписка между Лоцмановым и Соколовским, в которую включился еще один бывший соученик Лоцманова по пансиону — Павлов. Он также «предлагал себя к принятию в составяемое общество»⁹⁴.

Письма Соколовского и Павлова до нас не дошли — Лоцманов их уничтожил. Махотин же, переехавший на другой завод, долго сохранял у себя послание Лоцманова, адресованное Мордвинову, никому о нем не сообщая и выжидая, очевидно, дальнейшего хода событий. Только после того, как потерпело поражение восстание декабристов, он, — и то далеко не сразу (что объясняется, должно быть, его колебаниями), — показал сочинение Лоцманова своему брату, а от того оно попало в руки властей. Последствия не заставили себя ждать. В начале мая 1827 г. Лоцманов был арестован и закован в цепи. Полагая, что за ним стоит сильная революционная организация, местное начальство стремилось сразу же придать

⁹³ «Сначала желал было, — пишет Лоцманов о Махотине, — склонить его быть участником замышляемого мною общества, но, видя, что он не мог соответствовать моим ожиданиям, оставил сие намерение. Сие обстоятельство возобновило прежнюю мысль основать тайное общество...» (ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 444, л. 262).

⁹⁴ Там же, л. 264 об. Соколовский писал о Павлове, что «имеет на него виды» (там же, л. 283).

следственным мероприятиям большой размах. «Для строжайшего исследования,— сообщал министру внутренних дел 7 мая 1827 г. пермский губернатор,— я отправлюсь немедленно сам, в помощь себе приглашу берг-инспектора, ныне за Уралом находящегося, и начальника екатеринбургских горных заводов, но если по началу дела увижу, что одной власти моей будет не довольно, то представлю господам сенаторам, находящимся в Гобольске⁹⁵. Министр внутренних дел со своей стороны требовал, чтобы «непрерывно было разыскано и раскрыто, кто именно тот, кому вышеизложенная бумага Лоцмановым писана, где она находится, кто суть члены общества, в бумаге сей упоминаемые, когда оно образовалось и каким образом простой служитель иметь мог познания во французском языке и где обучался оному»⁹⁶.

Арестован был и Махотин.

В описи крепостных Верх-Исетского завода, составленной после очередной переписи, упоминание о Лоцманове сопровождалось примечанием: «Увезен по особому распоряжению высшего начальства, куда же именно о том знать не дано».

Лоцманов и Махотин были отправлены в Петербург, сначала в Главный штаб (где их допрашивал начальник штаба Дибич), а затем — в III Отделение. Более трех месяцев Лоцманов содержался под арестом в канцелярии шефа корпуса жандармов, оттуда был переправлен в Санкт-Петербургский Ордонансгаус. Данные, собранные по его делу, были доложены царю, который признал Лоцманова виновным в противоправительственных замыслах и велел его заточить в Бобруйскую крепость «с тем, чтобы о поведении его доносимо было начальнику Главного штаба через полгода»⁹⁷. Махотина отослали в распоряжение помещика, запретив работать на пермских заводах⁹⁸.

На том бы дело и кончилось, если бы в 1828 г. (Лоцманов находился в это время в 18-й арестантской роте Бобруйской крепости) в III Отделение не попал неожиданно новый материал — одно из писем, посланных Лоц-

⁹⁵ М. А. Горловский. Горный город Екатеринбург 1807—1863. Свердловск, 1948, стр. 115.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 243—243 об.

⁹⁸ Там же.

мановым Соколовскому в конце 1823 г. или в 1824 г.⁹⁹ В этом письме, дошедшем до нас в поврежденном виде, говорится: «Прибыв сюда, я по той причине долго не писал, что не знал, где ты находишься; теперь же, узнав, пишу к тебе. Отъезд мой более согласовывался с моим желанием. Сибирская пружина должна б[ыть] главною в машине... Все идет по-наш[ему...] Верь и надейся. Сии лозунги необходимы. Скрытность, скромность и молчаливость суть главные добродетели...»¹⁰⁰

Это письмо Лоцманова, как и его послание к Мордвинову, представляет интерес не в качестве конспиративного документа, свидетельствующего о существовании тайной организации (такой организации не было, да и конспирация, как мы видим, была весьма беспомощная), а как выражение революционных настроений автора. Письмо показывает, что, несмотря на неудачи, Лоцманов не пал духом и продолжал верить в возможность осуществления задуманного дела. Несколько аффектированный тон письма объясняется стремлением приободрить далекого единомышленника, внушить ему уверенность в победе. Что касается заверения в том, что отъезд на Урал согласовался с собственным желанием Лоцманова, то и оно не было простой бравадой, имевшей целью подчеркнуть независимость его поступков; молодой заговорщик действительно связывал с пребыванием на заводе (пусть вынужденным) надежду на скорейшее создание антикрепостнического общества. «Когда же я должен был отправиться на заводы,— писал Лоцманов в «Подробном жизнеописании»,— то мысль сия (о создании тайного общества.— Л. К.) возобновилась, и где я пола-

⁹⁹ До того как это произошло, т. е. на всех предыдущих этапах следствия.— на Урале, в Петербурге и позже в тюремном заключении— Лоцманов ни разу не упоминал о Соколовском и своих отношениях с ним. Это позволяет думать, что он надеялся на возобновление в будущем своих связей. Из следственных материалов видно, что вся переписка, которую Лоцманов вел с Соколовским после возвращения на Верх-Исетский завод (он упоминает о своих трех письмах и ответах, полученных на них), была продолжением их личного контакта по вопросу о создании тайного общества (ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 264 об.). Лоцманов предполагал, что Соколовский будет «действовать от общества» (там же, л. 279 об.), явится его представителем («агентом») в центре. Последнее обстоятельство особенно насторожило III отделение: в деле эти слова дважды подчеркнуты.

¹⁰⁰ Там же, лл. 245—245 об.

гал удобнее можно исполнить мое намерение»¹⁰¹. Лоцманов надеялся на революционные возможности Сибири (Урал и Сибирь в то время отождествлялись). Хорошо знавший местные условия, лично знакомый со многими рабочими, он высоко оценивал перспективы освободительного движения в этом далеком крае. Отсюда сравнение сибирской подпольной организации с пружиной, которая имеет большое значение для приведения в движение всей машины.

О направлении мыслей Лоцманова говорит и то, что он собирался разработать тайный шифр «для сокрытия смысла» переписки.

Письмо Лоцманова к Соколовскому вновь обеспокоило жандармов и прежде всего коронованного жандарма — Николая I. 17 января 1828 г. Бенкендорф писал Дибичу: «После отправления по высочайшему повелению крепостного корнета Яковлева заводского служителя Лоцманова в Бобруйскую крепость для определения в крепостные арестанты за сочинение возмутительного письма найдена в Москве дерзкая бумага подобного содержания, писанная сим же Лоцмановым».

В Бобруйск был спешно командирован для проведения дополнительного расследования полковник корпуса жандармов. Ему был вручен специальный опросный лист, заканчивавшийся распоряжением: «По отобрании против сих вопросов от Лоцманова ответов, вы имеете немедленно отправиться из Бобруйской крепости в Санкт-Петербург и представить оные лично мне. Шеф жандармов генерал-адъютант А. Бенкендорф. 21 февраля 1828 г.». Колесо следствия завертелось с новой силой. И хотя тайного общества обнаружить не удалось, Лоцманова поддержали в тюрьме до осени 1832 г.

* *

В противоположность религиозно-идеалистическим представлениям о сотворении человека потусторонней духовной силой, Лоцманов утверждал, что люди созданы натурой, материальной природой. Природа изменчива, и человек всегда находит в ней «что-то новое», она возбуждает в нем «высокие мысли». Так, беспредельное про-

¹⁰¹ Там же, л. 258.

странство, по которому движутся миры, вызывает у нас мысль о бесконечности бытия — «посредством нового благодеяния природы, образ вечности соединяется с душою...»¹⁰² В расцвете своих сил человек выступает как «обладатель природы», он «повелевает ей и принуждает ее согласоваться с благородными его намерениями».

В сочинениях Лоцманова, предназначенных для печати, встречаются упоминания о боге как творце, «виновнике» бытия. В этом сказываются, по-видимому, элементы деистической ограниченности его мирозерцания. В следственных материалах взгляды Лоцманова характеризуются как вольнодумные по отношению к церковно-теологическим канонам: в церковь он не ходил, постов не соблюдал; входя в комнату, крестного знамения не делал. «Слыхали от него, — говорится в секретном донесении Бенкендорфу, — что он о религии отзывался неуважительно»¹⁰³.

В книге Лоцманова есть заметка без подписи («Солнечное затмение в Перу»), в которой возникновение религиозных суеверий объясняется просветительски — темнотой, невежеством людей, незнанием ими причин происходящего. Смятение и мрачные предчувствия, возникающие у них при виде стихийных явлений природы, зависят от слабой «прозорливости». «Человек, ослепленный незнанием и любопытством, видит во всяком предмете, которого он постигнуть не может, чудесное»¹⁰⁴. Например, людям, которые обожествляют солнце, солнечное затмение кажется чудом, катастрофой. «Напротив, просвещенный спокойно видит, как дневное светило среди пути своего лишило света вселенную, спокойно ожидает ту минуту, когда мрак, покрывающий земной шар, исчезнет. Но как выразить смятение и ужас, коими сие явление исполнило его обожателей? При совершенной ясности, во всем блеске, то божество, которому они поклоняются, является на высшей точке своего течения и вдруг исчезает, им неизвестны ни причина сего чуда,

¹⁰² «Переводы и сочинения в прозе». М., 1823, стр. 115.

¹⁰³ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 47, 65, 73, л. 102 об.

¹⁰⁴ А. Лоцманов. Указ. соч., стр. 111.

ни время его продолжения». Счастливы народы, восклицает автор, перед которыми раскрываются тайны натуры. Их раскрывают наука, просвещение.

Темноту и забитость масс, гнет мракобесия Лоцманов связывал с существующим несправедливым строем. Он ненавидел крепостное право. Задуманное им тайное общество и должно было добиться «освобождения крепостных от зависимости помещиков».

Подобно декабристам, Лоцманов считал, что этой цели можно достичь лишь революционным путем. Но в отличие от декабристов, возлагавших надежды на военный переворот, Лоцманов ориентировался на растущую активность самих крепостных, на их почин «снизу». С этим связано его стремление построить тайное общество как организацию не только антидворянскую по существу и целям, но и демократически-разночинную по составу: Лоцманов не считал возможным обращаться с предложением о вступлении в задуманное им общество к знакомым, «имеющим крепостных людей».

Две социальные силы, полагал он, противостоят друг другу при нынешнем порядке вещей. Привилегированные и богатые тунеядцы погрязли «среди разврата и пороков»; в этом кругу царят злоба и корыстолюбие. Другой круг (против которого обращены эти низменные чувства) составляют люди труда. Без них промышленность и торговля пришли бы в упадок. Только у тружеников можно обнаружить черты высокой морали — «любезную простоту», «благородное соревнование без соперничества», «доверенность и чистосердечие». «Люди, живущие в кругу большого света, не могут иметь таких возвышенных чувствований».

Осуждая крепостничество, Лоцманов и его друзья пользовались различными формами иносказания. В притче Павлова «Сон» (которую автор характеризует как «размышления о состоянии человека в сем мире») пародируется идиллически-пасторальное изображение жизни крестьян. «На лицах сельских жителей изображалась радость и невинность. Одни составляли веселые хороводы, другие отдыхали на мягкой мураве или оглашали берега сладостным пением и звуками свирелей». Автор поражен этим странным зрелищем. «Люди всюду страждут,— замечает он,— а здесь они наслаждаются». Но счастье поселян оказывается всего лишь сновидением.

«Ужас объял мое сердце,— говорит автор,— я проснулся, мечта исчезла»¹⁰⁵.

Борьбе с крепостничеством призвано было служить рукописное сочинение Лоцманова «Негр, или возвращенная свобода», представляющее собой, по его словам, «повесть о бедствиях одного невольника, угнетенного, подобно своим собратиям». Это сочинение неотделимо от попытки Лоцманова создать революционную группу. Оно должно было, по всей вероятности, играть роль ее своеобразного манифеста. Отметив, что цель намечавшейся организации состояла в «рассеянии мнений о свободе», Лоцманов продолжает: «На сей предмет и начал писать повесть под названием: „Негр, или возвращенная свобода“...»¹⁰⁶. Связь между литературной деятельностью и политическими устремлениями Лоцманова выражена здесь достаточно определенно.

Аналогия положения крепостных в России с положением негров-невольников неоднократно проводилась в русской литературе. Свое сочувствие неграм выражал в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев.

Против угнетения негров выступали «радищевцы» — И. П. Пнин и В. В. Попугаев, декабристы — В. Ф. Раевский, В. И. Штейнгель и др. В условиях крепостной России «негритянская» тема приобретала особую остроту и актуальность, не сходя со страниц печати на протяжении многих десятилетий. А. А. Бестужев (Марлинский) писал, что «негры на плантациях счастливее многих помещичьих крестьян»¹⁰⁷. Закономерно, что «негритянская» тема нашла отражение и в творчестве русских простолюдинов.

В числе первых, кто использовал эту форму для осуждения рабства русских крестьян, был литератор из крепостных — Смирнов. «Злосчастливым невольникам» посвящено его сочинение «Зара».

В примечании к этой небольшой повести упоминается труд французского просветителя XVIII в. Рейналя «Философская и политическая история о заведении и коммерции европейцев в обеих Индиях», на который ссылался и Радищев. «Я читал,— замечает Смирнов,— Рейнале-

¹⁰⁵ А. Лоцманов. Указ. соч., стр. 5—6, 113, 115.

¹⁰⁶ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 260, 280 об.

¹⁰⁷ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 493.

ву историю обеих Индий и нашел в ней анекдот этот, в шести или семи строках замыкавшийся. Он столько поразил меня, что я, закрывши книгу, написал его по-русски, ничего не заимствуя от Рейналя, кроме основы».

Негодование Смирнова направлено против рабовладельцев, доведших «вероломство и злосердие до последней степени утонченности и покрывших человечество срамом неизгладимым»¹⁰⁸. События, описываемые в повести, происходят далеко от России — на острове Барбадос, но тесная связь их с тем, что наблюдал сам автор, не подлежит сомнению.

В повести Лоцманова аналогия между положением невольников на Западе и горестной участью крепостных в России проведена значительно резче. Лоцманов избирает ареной действия бразильские «рудокопни», алмазные прииски и сахарные плантации, которые должны были сразу же напомнить читателям (или слушателям) повести хорошо известные им уральские рудники и политые слезами и потом русских крестьян помещичьи земли. А для того чтобы не оставалось тени сомнения относительно условий, в которых живут реальные прототипы его героев, Лоцманов переименовывает надсмотрщика в «пристава».

В повести обличается бесчеловечное обращение работорговцев и плантаторов с «несчастливыми жертвами корысти» — неграми. Работорговля, считал Лоцманов, — порождение войны; захваченные в плен негры делаются собственностью «просвещенных» западных завоевателей, привлекаемых к берегам Африки жаждой обогащения. «На Золотом и Невольничьем берегах европейцы в множестве толпятся для покупки подобных себе существ и хладнокровно смотрят на сетования и скорбь своих невинных собратьев». Постыдный и бесчестный торг, «посрамляющий человечество», дополняется жестокой эксплуатацией рабов в Америке. Жертвой этой эксплуатации становится юный герой повести негр Иорико. Его владелец Мальфезан, «жадный к богатству человек», столь беспощаден с невольниками, что многие из них вынуждены покончить жизнь самоубийством, «не в силах будучи сносить бесчеловечие своего господина».

¹⁰⁸ «Приятное и полезное препровождение времени». 1795, часть пятая, стр. 361, 357.

Хозяин приказывает «кормить их мало», а работать много. «Негры, работав на рудокопне в самое жаркое время, томилась жаждою, не смея отлучиться от работы, а если кто и поступал противно сему, то тот был бесчеловечно наказываем приставом. Кто, умирая от жажды и зноя, переставал заниматься, тот получал множество ударов бичом, и кровь лилась по изнеможенному телу». Окончив к ночи этот подневольный труд, рабы ложились спать на холодную, сырую землю. Но ранним утром «бич приставов заставлял их снова сносить и тяжкие работы, и зной, и жажду, и жестокие наказания за самые малейшие проступки». Все это живо напоминало обстановку, царившую на рудниках и заводах Яковлева.

В повести Лоцманова сопоставляются различные подходы к рабству: христианско-квиеитистская покорность и возмущение, протест. «Я хочу видеть отныне покорных рабов» — таково кредо хозяина рудников. Отец Иорико, Айдо, сочувствует своим поработленным собратьям, но остается пассивным. Иначе относится к рабовладельческим порядкам главный герой повести. Он стремится пробудить в рабах чувство человеческого достоинства, разжечь гнев против жестокости и жадности хозяев. «Наш господин,— разъясняет Иорико своим товарищам,— очень бывает рад, когда вы много работаете, и сердит, когда кто-нибудь из вас перестает заниматься добычею этих светленьких камешков. Скажите мне, на что они ему? Разве он глодает их? Ах! Как он много ест! Сколько ему на прошедшей неделе отвезли какой-то желтой и белой глины, которую вы называете золотом и серебром. Для чего все это он заставляет вас доставать?»¹⁰⁹. На слова одного из негров, что драгоценности, добытые рабами, отправляются в Европу, где «белые раскупают алмазы, золото и серебро», ибо «кто больше имеет золота и алмазов, тот богаче и славнее других почитается», Иорико отвечает: «Куда как глупы и злы эти белые! Разве не все равно иметь чашку деревянную или золотую; как из той, так и из другой равно можно быть сыту. А эти женщины обвесят себя светлыми камнями и глиною и ходят, думая, что это хорошо; я бы засмеялся, увидя этих безумных... За всю эту дрянь я не отдам ни одного кокоса.

¹⁰⁹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., л. 441, л. 38.

Ах! Как мне жалко видеть вас, работающих на этих сумасшедших белых»¹¹⁰.

Вслед за Радищевым Лоцманов выступает от имени народа со словами приговора угнетателям: «...Миллионы жертв, принесенных на алтарь корысти европейцев, миллионы сих несчастных людей, погибших от угнетения и скупости европейцев, вопиют о мщении... Вы, жестокие скупцы, торгующие подобными себе, вы, посрамляющие свою религию сим бесчеловечием, вы некогда отдадите отчет в делах своих и ужаснетесь во время наказания собственных поступков¹¹¹. Просвещенные красавицы, коих грудь, волосы, руки украшены бриллиантами и золотом, гордятся сими произведениями природы, не зная, что каждый блестящий и поражающий взор луч сих драгоценных камней есть капля крови невольника, существа подобного им и равного с ними..., но презируемого сими ничтожными жертвами человеческих страстей и так называемого света. Взгляните моральным взором на себя, и вы, украшение блестящих обществ, увидите себя обогранными человеческою кровию!»¹¹²

¹¹⁰ Там же, лл. 38—38 об.

¹¹¹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 35—33 об., 34. Резкое осуждение угнетателей звучит и со страниц книги, подготовленной Лоцмановым. «Взоры мои,—говорится в отрывке, подписанном П. Павловым (и представляющем, видимо, перевод или пересказ неизвестного сочинения),—обращаются на знатных, на богачей, на притеснителей страждущего человечества... Итак, трепещите, дерзкие гордецы, слушающие меня!» (А. Лоцманов. Указ. соч., стр. 126).

¹¹² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 33 об.—34. Влияние Радищева могло проходить до Лоцманова и опосредствованно, преломляясь через произведения других авторов, воспринявших в той или иной мере идеи великого мыслителя. К числу этих людей относится видный литератор В. В. Попугаев (Г. П. Шторм. Неизвестное сочинение В. В. Попугаева.—«Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XVIII, вып. 1. М., 1959, стр. 55—56). Повесть Лоцманова перекликается с очерком Попугаева «Негр», опубликованным дважды—в 1804 и 1807 гг. «Европеец, славящийся своим просвещением и человеколюбием,—писал Попугаев,—сколь ужасное ты чудовище! Ты предпочитаешь себя неграм, чем ты их превосходишь?» (Периодическое издание вольного общества любителей словесности, наук и художеств. СПб., 1804, стр. 44). Герой Попугаева—негр Амру—говорит, обращаясь к варварам-рабовладельцам: «Страшитесь гнева небес за коварное сердце ваше—вы погибнете без всякой пощады. Вы дадите отчет за отъятие воли нашей! Кто дал вам на сие право? Кто позволил вам делать невольниками собратий наших? Негр не может принадлежать белому ни по каким правам. Воля не есть продажность, цена золота всего

Повесть Лоцманова осталась неоконченной. Однако все говорит о том, что автор сделал свой выбор — для героя его повести не было иного пути к свободе, кроме решительной борьбы против рабства. «В самом деле,— подчеркивал Лоцманов,— многие из негров живо чувствовали, сколько поносно их состояние и что они родились такими же людьми, как и их властелины»¹¹³. Лоцманов передал то, что он сам чувствовал. Он избрал темой своего произведения рабство негров, находя свое состояние «близким к оному».

Повесть «Негр или возвращенная свобода» должна была стать, по замыслу автора, апофеозом свободы: в итоге герой завоевывал свободу своим соотечественникам. Об этом же мечтал Лоцманов.

* * *

Идея свободы — одна из главных в миросозерцании Лоцманова. Недаром задуманную им организацию он называл «Обществом ревнителей свободы». Эта идея, говорил Лоцманов, «тем более усиливалась, чем более рассуждал о препятствиях, противоположных моему намерению».

В условиях России того времени, говоря о свободе, передовые люди имели в виду прежде всего освобождение крестьянства от крепостной зависимости. Вольность всего дороже, говорил трудовой народ. В секретных отчетах III Отделения отмечалось, что крестьяне все больше и больше думают о воле.

Царизм насаждал в массах идеи, которые сводились к тому, что простой народ не должен и не может пользоваться свободой, поскольку это, мол, вредно для него и опасно для общества. «Русский народ,— писал князь И. М. Долгоруков,— совсем еще не готов принять дар свободы и благоразумно им воспользоваться; он еще не в той мере образования, в какой были франки или германцы, когда у них пало феодальное право. Русский человек не иначе понимает слово вольность, как свободно делать все то, что он захочет, и не повиноваться никому.

на свете не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен» (там же, стр. 46—47).

¹¹³ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 40 об.

Спрашивается, при таких понятиях свободы, чего оставалось ожидать прежде всех помещикам? Неминуемой гибели, и за нею последовало бы и общее потрясение всего государства»¹¹⁴.

Масоны видели в свободе лишь внутреннее гармоническое состояние самопознающей и самоусовершенствующейся личности; свобода, утверждали они, привнесена в человеческую душу богом.

«Свободнейший есть человек,— писал Лопухин,— кто и в узах неволи свободен быть может». Такое же объяснение свободы давалось в «Сионском вестнике» Лабзина: «Добродетельный благочестивый муж и в цепях свободен...»¹¹⁵.

В противоположность этому взгляду Лоцманов, как и декабристы, считал, что свобода — не плод религиозно-схоластических умозрений, не дар провидения, не результат ухода в себя; она, подобно равенству,—естественное свойство человека, «врожденное чувство», выражающее существо человеческой природы. При всей своей метафизичности точка зрения естественного права, разделяемая Лоцмановым, содержала, как и у просветителей XVIII в., антифеодальную и антитеологическую направленность, звала на борьбу с тиранией. «Возможно ли,—говорил он,—что человек, сотворенный натурою без пагубного различия, должен быть поработен подобному себе и повиноваться его велению против своего желания?..»¹¹⁶

Лоцманов защищал не только свободу мысли, но и свободу действий личности; свобода не отделима для него от активной деятельности, которой каждый человек вправе располагать по своему усмотрению. Речь идет, однако, не об абсолютном произволе, поскольку человек обязан согласовывать свои действия со «спасительной властью» законов. «Самую же свободу,—говорил о себе Лоцманов,—понимал не иначе, как в произвольном расположении своих действий, подчиненных власти за-

¹¹⁴ И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... Пг., 1916, стр. 7.

¹¹⁵ Цит. по работе: Н. П. Сидоров. Масонство и крепостное право.— «Великая реформа», т. 2. М., 1911, стр. 167. См. аналогичные толкования свободы масонами Шварцем и Поздеевым (Г. И. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, стр. 170—171).

¹¹⁶ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, лл. 4 об., 103.

конов и перемене состояния, приноравливая к своему положению». Лоцманов имеет в виду истинные, справедливые законы, которые должны быть, по его мнению, установлены в государстве, взамен существующих, несправедливых, охраняющих помещичью собственность; только справедливые законы могли способствовать перемене его «состояния», т. е. освобождению от крепостной зависимости.

Отсюда видно, что свобода для Лоцманова не только *естественное* понятие (в противоположность «сверхъестественным» толкованиям защитников крепостничества), а категория *социальная, политическая*. Свобода неразрывно связана в его понимании с *борьбой* народных масс против самодержавно-помещичьего гнета. «Везде тиранство приводило его в негодование,— пишет Лоцманов о герое своей повести «Негр, или возвращенная свобода»,— но свобода, чувство великих душ, заставляла его трепетать от радости. Защитники ее казались ему людьми великими, необыкновенными, твердость и мужество их удивляли его». Иорико, как и сам Лоцманов, «с пламенным взором» рассказывал угнетенным «о торжестве свободы над кичливостью тиранов»¹¹⁷.

Человек рожден свободным, а между тем он находится в оковах; стало быть свобода должна быть вновь им обретаема, но не просто как человеком, существом, вышедшим из рук природы, а как гражданином, в «трудах ратных», в борьбе с врагами свободы и равенства, заковавшими человека в цепи.

Кто же эти враги? В ответе на этот вопрос мы сталкиваемся еще с одной характерной особенностью мировоззрения Лоцманова. В отличие от тех буржуазных философов, которые уповали на просвещенный абсолютизм, и в отличие от многих крепостных вольнодумцев, разделяющих наивную веру в «мужицкого царя», Лоцманов ненавидит самодержавие и приходит к выводу, что есть только один «монарх», достойный поклонения,— это свобода.

В письме к своему другу Соколовскому Лоцманов писал: «Исчезнет мнимое мог[ущество] тех, кои мнят [себя] выше других. Разрушится...»¹¹⁸ На вопрос следователей:

¹¹⁷ Там же, лл. 65, 39 об., 40, 5.

¹¹⁸ Там же, лл. 245—246, 5 об. (конца фразы нет вследствие повреждения рукописи).

к кому относятся эти слова, Лоцманов ответил: «Сии слова относились к помещикам и написаны были мною из ненависти к моему состоянию». В действительности эти слова относились и к самодержавию. В сочинении Лоцманова «Утро» говорится: «Предметы, прежде сокрытые от глаз под мрачным покровом ночи, становятся виднее. Уж свет распространился повсюду, и мрак ночной уступает сиянию зари, предшественницы лучезарного светила. Солнце появилось на горизонте и повсюду разлило лучи свои... Сколь разительна и величественна картина пробуждающейся природы!» Эти строки, написанные незадолго до восстания декабристов, являются гимном свободе и выражением надежды на ее торжество.

* * *

Лоцманов не разделял официальной апологетической точки зрения, сводившей историю к жизнеописанию венценосных завоевателей и покорителей народов.

Мнимому, показному величию, основанному на крови и костях людей, он противопоставлял истинное величие. «Здесь процветал некогда город,— читаем мы в его сочинении «Мысли на развалинах Бряхимова...»,— который своим могуществом, богатством и силою заставлял трепетать и удивляться все соседственные народы. Столица сильного царства, куда стекались народы разных племен с произведениями своих стран... Там, где прежде возвышались чертоги могущественных ханов, там, где были воздвигнуты великолепные мечети, там видны ныне кучи камней и развалины башен. Может быть, рука времени изгладит и сии единственные остатки, напоминающие нам бытие града обширного, исполненного некогда жизни, но теперь состоящего в одних развалинах». Руины Бряхимова вырастают здесь в некое обобщение — символ суетности и непрочности ложной славы; то, что добыто несправедным путем, ценой несправедливости, рано или поздно «низвергнется с высоты величия в бездну ничтожества...» Роскошь, которой предаются власть имущие, ведет к развращению нравов и подрывает силы государства, а междоусобицы и иноземные нашествия губят его окончательно. «Раздоры и роскошь,— заключает Лоцманов,— суть истинные источники гибели семейств и падения царей!.. Где не существуют общественные добродетели или мало

имеют влияния на народы, там ненадежны ни слова, ни громкие клики побед и завоеваний»¹¹⁹.

Особенно были ненавистны Лодманову и его единомышленникам захватнические войны.

Народная мысль издавна пыталась решить сложный вопрос: в чем причина войн, кто ответствен за их развязывание?

Она отвергала стремление правящих кругов изобразить захватнические войны общенародным делом, отвечающим интересам масс.

Люди из народа связывали такие войны с властью имущими, их порочным, паразитическим образом жизни, их выгодой и тщеславием. Не случайно зачинщиком войны выступает в русской народной сказке царь. Иное дело простые люди — крестьяне и солдаты, им такие войны ни к чему: «отслужил солдат три войны, не выслужил и выведенного яйца».

В сочинениях авторов, вышедших из народной среды или распространявшихся в ней, пробивалась мысль о том, что посредством войн реакционные правители стремятся отвлечь внимание от бедственного положения трудящихся в своей стране. «И дабы когда-нибудь народ не пришел в чувство, — отмечалось в рукописной «Благовести» XVIII в., распространявшейся в раскольничьей среде, — сами затевают нарочно войны не дельные, и хотя помощью божиею воины российские побеждают неприятелей, однако всегда завоеванные города и земли возвращают, потому что их благородия на войне получают в награждение казенные имения и при замирении от неприятеля получают довольные подарки, а отечество до основания разоряют войнами»¹²⁰.

Сурово осуждаются грабительские войны и в книге, подготовленной Лодмановым. «Какие бедствия оставляет после себя война! Какое жестокое неистовство, — говорится в одной из помещенных здесь заметок. — Для чего умножать толиким числом злодейств и опустошений горести, которые мы встречаем на каждом шагу? Все люди суть братья, но они терзают друг друга, не уступая в свирепости даже диким зверям! Лев не нападает на льва и тигр на тигра; ...А человек? Один только он делает то, чего не

¹¹⁹ «Переводы и сочинения в прозе», стр. 37—40.

¹²⁰ ЦГАДА, фонд Госархива, разряд VII, ед. хр. 2849, ч. 1, оп. VII, л. 33 об.

случается и между животными. И для чего же это? Неужели не довольно пространства во вселенной, чтобы всякий мог возделывать столько земли, сколько может? Напротив, много еще находится мест совсем ненаселенных»¹²¹. Хотя речь здесь идет, как видим, о людях вообще, но вся ответственность за развязывание войн и бедствия, причиняемые ими народу, возлагается на вполне определенных виновников — царей, жадных к завоеваниям. Завоеватель «приносит зверским образом в жертву своему тщеславию тысячи себе подобных. Надобно, чтоб все погибло, чтоб все плавало в крови, чтоб все было истреблено пламенем единственно для того, чтобы сей изверг полагал в сем общем разрушении свою славу. Какая варварская слава! Как не презирать людей, забывших до такой степени человечество, как ими не гнушаться! Нет! Вместо того чтоб называть их полубогами, они недостойны названия человек; они бывают проклиняемы и в то время, когда думали сделаться предметом удивления».

По-другому относилась народная мысль к освободительной борьбе против угнетателей, считая ее делом нужным и достойным. Русская патриотическая традиция воспевания подвигов, совершенных в борьбе с иноземными захватчиками, восходит к былинному эпосу, «Слову о полку Игореве». В книге Лоцманова мы также видим стремление выделить особо те войны, которые несут освобождение угнетенным народам. «Кровь человеческую тогда только проливать позволяется, когда можно чрез сие средство спасти целый народ» или «токмо для защиты страждущего человечества». Живо интересовал Лоцманов и вопрос о роли отдельных деятелей в общественном развитии. Требованиям справедливости и гражданственности противоречит, считал он, искусственное прославление тех правителей, которые никакой пользы не принесли народу. Против их возвеличения направлена работа «Разговор в царстве мертвых между Геростратом и Димитрием Фалерийским», опубликованная Лоцмановым как его перевод с французского. Приведем выдержку из этого сочинения:

«Геростр. В честь вашу сооружено в Афинах 360 статуй; это очень много! *Димитр.* Я имел верховную власть, после сего не трудно было вытребовать у народа столько

¹²¹ «Переводы и сочинения в прозе», стр. 131.

статуй. *Геростр.* Для вас было весьма лестно умножить самого себя в 360 раз и во всем народе беспрестанно встречаться с самим собою. *Димитр.* Признаюсь, но увы! Сия радость была неудовлетворительна. Состояние дел беспрестанно переменялось, и не осталось ни одной из моих статуй: их все разрушили. *Геростр.* Какой несчастный случай! Но кто же был причиною? *Димитр.* Димитрий Полиорцет, сын Антигона. *Геростр.* Дмитрий Полиорцет! Я бы желал быть на его месте. Весьма приятно разрушить столь много статуй, сооруженных для честолюбия одного человека»¹²².

Позиция Герострата ослабляется в этом диалоге тем, что и сам он известен своим непомерным тщеславием: предание гласит, что он сжег Эфесский храм для того, чтобы увековечить себя в памяти потомства; но это преступление меркнет, полагает Герострат, если сравнить его с теми, которые совершены завоевателями, разрушающими целые города и даже государства, истребляющими множество людей, «дабы покрыть себя бессмертною славою». В ответ на замечание Димитрия, что поскольку статуи в его честь были уже сооружены, незачем было их разрушать, Герострат резонно возражает: «...Но прежде, нежели они были воздвигнуты, не лучше ли было бы их не воздвигать?»¹²³.

С точки зрения Лоцманова, место человека в истории определяется не завоеваниями и не предвзятыми восхвалениями, а тем, насколько ему удалось выразить потребности своей эпохи, послужить народу, общественному благу. Как Фукидид, так и Геродот вошли в историю. Но симпатии Лоцманова на стороне Фукидида, поскольку «его возвышенная душа была удалена от всякого раболепства»; ратуя за справедливость, он сумел вскрыть язву, опустошавшую его отечество. Не менее характерно проводимое в книге Лоцманова сопоставление Сократа и Катона. Признание заслуг первого, как философа, сочетается здесь с предпочтением второго, как гражданина, который защищал свободу в борьбе против «завоевателей мира»; Катон «столько был предан своему отечеству, что жил для него и не пережил его свободы»¹²⁴. Сократ обучал «частных» людей, Катон воспитывал сограждан.

¹²² Там же, стр. 98.

¹²³ Там же, стр. 24.

¹²⁴ Там же, стр. 123.

«Достойный ученик Сократа будет добродетельнейшим из своих современников, достойный соревнователь Катона был бы гораздо более. Добродетель первого составила бы его счастье, а другой нашел бы свое счастье в счастии всех»¹²⁵. В достижении всенародного благополучия Лоцманов видел социальный и нравственный идеал.

Большим уважением среди передовых русских людей, в том числе декабристов, пользовался римский историк Тацит, которого Пушкин называл бичом тиранов. Обличение деспотизма привлекло к Тациту и сочувственное внимание Лоцманова и его друзей. «Имя Тацита,— читаем мы в одной из статей, входящих в лоцмановский сборник,— возвышает душу, питает ум и воспламеняет воображение. Если спросят, кто самыми живыми красками описал пороки и злодеяния и умел внушить негодование и презрение к виновникам несчастий человеческих? Я скажу — Тацит. Если спросят, кто умел заставить свято почитать добродетель и достойным образом представить ее или в оковах, или терзаемую мучениями? Я буду отвечать — Тацит. Если спросят, наконец, кто покрыл вечным бесславием тех, кто посеял разврат, негу и роскошь при дворах Римских Императоров, тех, кои несправедливо обременяли налогами и чрез то опустошали провинции, порученные их управлению, или, лучше сказать, покровительству? Конечно, Тацит».

Существенное значение для понимания взглядов Лоцманова на роль личности в истории имеет его статья «Сравнение Александра Великого с Петром I». Лоцманов идеализировал Петра, но не как «священную» особу, царя, богом данного, а как умного, талантливого и энергичного руководителя, многое сделавшего для своей страны, для просвещения. Лоцманов противопоставляет два типа государственных деятелей: разрушителя, завоевателя, добивающегося любой ценой мирового господства и созидателя, строителя, реформатора.

В постановке этого вопроса Лоцманов шел по пути, намеченному передовой русской мыслью.

В произведении Радищева «Письмо к другу, жителю в Тобольске, по долгу звания своего» не Александр Македонский — «разоритель полусвета» и не «тщеславный и кичливый» Людовик XIV, а именно Петр

¹²⁵ Там же.

признается за «мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно»¹²⁶, ибо он дал мощный толчок развитию России.

Обратимся теперь к сопоставлению Александра Македонского с Петром I, которое проводит Лоцманов. «Сии знаменитые герои, — пишет он, — удивившие вселенную, — один своими завоеваниями, а другой образованием своего народа и мудрыми учреждениями, клонившимися ко благу своих подданных — оба получили название великих. Они оба любили славу и свое отечество, оба старались доставлять своим народам благоденствие, но для сего избрали различные пути. Александр вскоре по вступлении на престол предпринимает намерение распространить пределы своего государства завоеваниями; увлекаясь славою, он не помышлял, что подданные в отсутствие своего государя бывают угнетаемы от корыстолюбивых правителей и часто терпят разные неудовольствия». Истребив на путях к своим победам многие тысячи людей, Александр жаждал новой славы и вновь желал утвердить свое могущество. Характеризуя Петра I, Лоцманов подчеркивает прежде всего его государственную мудрость, созидательную деятельность. «Петр I, — пишет он, — желал просветить свой народ и заставить другие нации уважать его. Он употребил для сего лучшие средства, нежели Александр. Россия в продолжении многих столетий была раздираема междоусобными войнами и внешними нашествиями неприятеля и стонала под игом татар более 200 лет. Эти бедствия препятствовали ее государям водворить в ней просвещение, подобно прочим европейским государствам. Следовательно, Петру I надлежало употребить все свои усилия для пользы Отечества, и в особенности для образования Россиян. Коль велик должен быть тот, кто в несколько лет, просветив свое Отечество, заставил самые отдаленные народы удивляться быстрому образованию России. Петр Великий сам трудился для доставления благоденствия своим подданным. Он созидал города и гавани... Он во многом превосходил Александра Македонского, который мечтал, что одними только завоеваниями и разрушением престолов можно увековечить свое имя. Положим, что

¹²⁶ А. Н. Радищев. Избранные философские сочинения. Госполитиздат, 1949, стр. 203.

имя его гремело во вселенной; но вопли и стенания побежденных народов, может быть, заглушали грома победы. Итак, кто из двух государей достоин имени великого? Петр ли, образовавший свое государство и доставивший благоденствие своим подданным, или Александр, славный только завоеваниями?»¹²⁷ Лоцманов не только решает вопрос в пользу Петра, но и намечает общий вывод относительно критерия, отличающего истинное величие от мнимого: «Завоеванные области часто отторгаемы бывают другими сильнейшими завоевателями, но мудрые законы, клонящиеся ко благу и счастью народов, суть единственные несокрушимые памятники истинно великих государей»¹²⁸.

Таково социально-философское «зерно» статьи Лоцманова. Есть в ней, на наш взгляд, и свой политический подтекст.

Радищев, сравнивая Петра I с императорами и королями прошлого, по существу противопоставлял его своей современнице — Екатерине II. Лоцманов так строил свое сопоставление Петра с Александром Македонским, что у современных ему читателей также могла возникнуть вполне понятная аналогия — на российском престоле в это время восседал Александр I. Если вспомнить, что деятельность этого самодержца, разыгрывавшего сперва роль «либерала», стала затем открыто и воинствующе реакционной (внутри страны ее наиболее полно представляли такие люди, как Аракчеев, Магницкий, Фотий, а за ее пределами основатель Священного союза не зря получил прозвание Агамемнона Европы), то уместно допустить, что обвинение Лоцмановым «Александра Великого» в том, что «он стремится за славою и победами, между тем, как его подданные стенают под игом правителей»¹²⁹, могло таить в себе смысл весьма злободневный.

* * *

Подобно другим представителям русского свободомыслия, Лоцманов был пламенным патриотом.

Его понимание патриотизма связано с той традицией в истории русской общественной мысли, наиболее круп-

¹²⁷ Там же, стр. 106—107.

¹²⁸ Там же, стр. 107.

¹²⁹ Там же, стр. 105.

ными представителями которой были в предшествующий период Радищев и декабристы.

В то время как господствовавшая дворянско-крепостническая идеология ставила знак равенства между отечеством и самодержавием, толкуя патриотизм как слепое повиновение царю и помещикам (в царствование Павла I слово «отечество» вообще было запрещено и заменялось словом «государство»), народное свободомыслие подошло к пониманию отечества иначе — оно апеллировало к «гражданам» и связывало служение отечеству с борьбой против крепостной неволи. Эту традицию продолжил и развил Радищев, используя при обосновании своих взглядов тот жанр, который был очень популярен среди пугачевцев и вообще народных вольнодумцев, — «наставление», беседу. В своей статье «Беседа о том, что есть сын отечества» (1789) он писал: «Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына отечества (патриота). Под игом находящиеся недостойны украшаться сим именем»¹³⁰.

В высказываниях Лоцманова мы также встречаем понятие «истинный сын отечества», совпадающее с понятием «патриот». «Под словом патриот,— говорил он,— я понимаю того, который любит свое отечество». Любовь эта понималась Лоцмановым не как чувство отвлеченное, пассивное; она необходимо связана с гражданским долгом. Патриот должен выполнять определенные обязанности перед народом, «говорить истину и сообразовать свои действия с сим правилом». Сыны отечества есть одновременно сыны свободы, ее «сеятели», «сподвижники», «ревнители»¹³¹.

Внимание Лоцманова привлекали переломные, кризисные моменты истории, когда свободолюбие и патриотическое воодушевление народа проявлялись с наибольшей силой и отчетливостью. Одним из таких моментов Лоцманов считал разгром в 1380 г. мамаевых полчищ. Этому событию посвящена его статья «Задонская битва». В течение долгого времени, говорится здесь, никто из русских князей, поглощенных междоусобицами, немышлял об избавлении родины от иноземного ига. Конец ему положил русский народ во главе с Дмитрием

¹³⁰ А. Н. Радищев. Указ. соч., стр. 262.

¹³¹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1827 г., д. 441, л. 63, 4, 4 об.

Донским, который, «болезнующий о бедствиях своего отечества, ... решился извлечь его из постыдного уничижения»¹³². Задонская битва рассматривалась Лощмановым как торжество действенного патриотизма, поднимающего массы на подвиг и дающего им неоценимое моральное преимущество в борьбе с угнетателями Отчизны. «Мамай алкал поработить Россию и прославиться победами; Россияне, напротив, не желали завоеваний и славы; они ополчались с тем единственным намерением, чтобы возвратить свободу Отечеству... Так разрушаются гордые намерения властолюбивых, основанные на честолюбии, гибели народов и падении царств!»¹³³.

В книге Лощманова приведено несколько патриотических обращений, произнесенных различными героями в разные исторические эпохи, но проникнутых одной идеей — нераздельности истинного патриотизма и свободолюбия. Такова, например, в изложении Лощманова речь Дмитрия Донского на Куликовом поле: «Россияне! Доколе враги будут опустошать землю Русскую? Доколе мы будем носить цепи рабства?.. Вооружитесь против утеснителей своих и докажите свету, что вы можете победить... Я готов разделить с вами все опасности и даже самую смерть!»¹³⁴

Близки этой речи по духу своему обращения спартамца Леонида к своим сподвижникам во время Фермопильского сражения. Вот первое из них: «Ныне, говорил он, ныне решится судьба Греции, — ныне узнаем должны ли мы кончить дни свои в рабстве?.. Весь мир обращает на нас взоры свои..., ибо справедливость на нашей стороне. Докажем робким сим полчищам, что может сделать любовь к отечеству; докажем им, что мы родились людьми свободными, а не рабами»¹³⁵. И второе обращение, произнесенное в разгар борьбы: «Умрем, сказал он им (лакедомонянам. — Л. К.), умрем и смертью своею докажем, сколь драгоценна для нас свобода! Да будет память наша драгоценна для потомства! Поклянемся здесь и покажем себя достойными друг друга»¹³⁶.

Острые этих призывов направлено против внешних

¹³² «Переводы и сочинения в прозе», стр. 42.

¹³³ Там же, стр. 44.

¹³⁴ Там же, стр. 42—43.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, стр. 7.

врагов. Но истинная любовь к родине предполагает, по мнению Лоцманова, и борьбу с ее внутренними поработителями. Социальный аспект проблемы патриотизма нашел известное выражение в статье М. Щербинина — товарища Лоцманова — «Любовь к Отечеству». Наиболее опасна, полагает ее автор, та война, которую ведут внутри данного общества пороки против прав¹³⁷. И хотя он не уточняет чьи именно пороки имеются здесь в виду, статья эта, как и весь сборник Лоцманова, в конечном счете подводит читателей к мысли, что главными носителями пороков и преступлений являются господствующие в современном обществе тунеядцы — помещики и царь. В своей рукописной повести «Негр или возвращенная свобода» Лоцманов призывал к мщению рабовладельцам. Этот мотив звучит и в рассматриваемой статье. «Мщение, — утверждает здесь от лица самой Отчины, обращающейся к своим гражданам, — не должно быть отлагаемо; предметами жесточайшей вашей ненависти и неусыпнейших гонений должны быть: своевольничество, развращающее нравы, хитрость, несправедливость, вероломство. Вообразите себе, какое пламенное рвение овладело бы вами, если бы вдруг известили вас, что неприятель принимается за оружие, что он уже на границах у врат ваших. Но теперь он не там находится; он среди вас, в Сенате, в народных собраниях, в судилищах, в домах ваших»¹³⁸.

«Своевольничество» означало здесь то же, что произвол, царское и помещичье самовластье.

Для того чтобы оценить по достоинству эти высказывания, надо представить их в контексте книги, подготовленной русским крепостным человеком около полутора веков назад, в преддверии событий на Сенатской площади.

«Для блага России и потомства»

Вывод о необходимости решительной борьбы с социальной несправедливостью и создания во имя этой цели революционного общества вынашивался в среде крепостных не только Лоцмановым. Спустя несколько лет после его осуждения была обнаружена — и снова на

¹³⁷ Там же, стр. 15.

¹³⁸ Там же, стр. 17—18.

Урале, в Пермской губернии,— новая попытка, идущая в том же самом направлении. Ее инициатором был такой же, как Лоцманов, крепостной, заводской служитель — Петр Поносов¹³⁹.

Петр Иванович Поносов родился в 1816 г. Он был сыном крепостного служащего Чермосского чугуноплавильного и железоплавильного завода. По окончании приходского училища Поносов четыре года изучал горнозаводское дело в специальной заводской школе — «студии». Там он обучался физике, химии, геологии, минералогии, черчению. Но не только эти науки привлекали крепостного юношу. С ранних лет проявилась у него любовь к художественной литературе, публицистике, истории.

В числе произведений, заинтересовавших Поносова, была книга Генриха Цшоке «Куно фон Кибург». В жизни Поносова она сыграла ту же роль, что «Рыцари льва» в жизни Лоцманова. Почва была настолько накалена, читателям-крепостным так страстно хотелось коренных изменений в жизни народа, они настолько были вооду-

¹³⁹ Документальные сведения о Поносове и его единомышленниках находятся в ЦГАОР («Дело о противозаконном обществе, открытом на заводах гг. Лазаревых в Пермской губернии»), в ЦГИАЛ («Дело о тайном обществе служителей Чермосского завода насчет уничтожения власти помещиков над крестьянами») и Государственном архиве Пермской области. Выписки из дела Поносова и его группы опубликованы в труде, вышедшем под редакцией А. М. Панкратовой — «Рабочее движение в России в XIX веке», т. I, ч. 2, изд. 2, дополнительное. М., 1955. Здесь приводится и интересное произведение Поносова — «Положение об организации «Тайного общества для уничтожения власти помещиков над крестьянами». В ходе следствия Поносов признал себя автором этого документа (см. ЦГИАЛ, ф. 37, 1837 г., д. 254, л. 2 об.). Изложение дела Поносова дано в работах: К. А. П а ж и т н о в. Волнения среди фабрично-заводских рабочих. («Архив истории труда в России». Пг., 1921, № 1); его же. Положение рабочего класса в России. Пг., 1923; А. А. С а в и ч. Тайное «Общество вольности» на Чермосском вотчинном (Лазаревском) заводе. 1836.— «Пермский краеведческий сборник», вып. II. Пермь, 1926. Автор этой работы опирается на использованное им «Следственное дело о предположении нескольких лиц из заводских людей на заводах помещиков Лазаревых к учреждению тайного общества, имеющего целью ниспровержение помещичьей власти». Некоторые уточнения к работе Савича на основе привлечения нового архивного материала вносит И. Ф. Ушаков в статье «К вопросу о возникновении Чермосского тайного общества «верных приверженцев свободы» («Ученые записки» Выборгского гос. пед. ин-та, 1957).

шевлены мечтами о рыцарских подвигах во имя спасения родины, что склонны были видеть в прочитанных книгах больше того, что там содержалось. В особенности их привлекала проповедь активности, самоотречения, презрения к опасностям, борьбы за справедливость. В этом плане должна была восприниматься Поносом и книга о Куно Кибурге, уничтожившем тайный суд инквизиции. Здесь повествуется о столкновении двух сил: плебейского по своей сущности реформационного движения — анабаптизма и средневекового мракобесия — папизма. Представителями первой из этих сил выступают в романе отец и сын Кибурги. Вторая представлена главным судьей Вестфальской провинции графом Вefeldсбург, епископом Патернсборном и другими «владельческими» особами. Вероломно заманив в свое логово старого Готфрида Кибурга, инквизиторы-паписты устраивают над ним суд, как над одним из «братьев вольного духа», отступником от христианской веры¹⁴⁰. Епископ обвиняет его и других «еретиков» в том, что они «свергнули с себя иго внешней власти и проповедают вольность и равенство»¹⁴¹. Мракобесам не удается склонить Готфрида Кибурга к смирению, — он до конца продолжает выступать против «злых гнусностей» римского папы, клеймит священников как «баснетворцев» и «идолопоклонников»¹⁴². После казни старого Кибурга в борьбу вступает его сын Куно. Он — против сословного неравенства — «несносной разности состояний»¹⁴³, против произвола и тунеядства тиранов. Самым злым врагом истины и справедливости является «святая» инквизиция. «...Будь проклято ужасное чудовище, пресмыкающееся в темноте, которое убивает несчастных и питается их кровью! — обращается к ней молодой Кибург. — Будь проклят тот дракон... похищающий в свою пещеру каждого благородного и из костей их соорудивший свой трон!»¹⁴⁴

Заводской живописец, близко знавший Поносова, характеризует последнего как человека, «начитанного кни-

¹⁴⁰ «Куно фон Кибург». СПб., 1809, стр. 8—9, 23.

¹⁴¹ Там же, стр. 23.

¹⁴² Там же, стр. 25.

¹⁴³ Там же, стр. 56.

¹⁴⁴ Там же, стр. 194.

гами»¹⁴⁵. Сам Поносов, отвергая версию о том, что идея создания тайной антикрепостнической организации возникла у него под влиянием «подстрекателей», признал, что к этому выводу его привела *собственная мысль*, породившаяся «от начитанных книг»¹⁴⁶.

Что же это были за книги, знание которых могло действовать в той или иной мере складыванию мировоззрения Поносова?

В общественной библиотеке Чермошского завода было около 900 книг — среди них несколько томов сочинений Ломоносова и произведения других выдающихся русских писателей: Державина, Дмитриева, Жуковского, Карамзина, Хераскова. Там же находились издания Н. И. Новикова и комплекты журналов: «Сын отечества», «Благонамеренный», «Вестник Европы», «Дух журналов», «Московский телеграф», «Отечественные записки», а также «Горный журнал» и «Ученые записки» Московского университета, выделяющиеся своими стихийно-материалистическими и эволюционистскими тенденциями.

Состав заводской библиотеки позволяет думать, что Поносов был знаком с западноевропейским Просвещением. В «реестрах» упоминаются «Гурон или простодушный» Вольтера, «Новая Элоиза» Руссо, «Логика» Кондильяка (перевод, изданный в 1805 г. в Москве, был сделан видным представителем русского естественнонаучного материализма, одним из первых критиков Канта — Т. Ф. Осиповским). «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля, а также «Записки о якобинцах», известные уже нам по делу Лоцманова.

Поносов и его сподвижники могли быть (а в некотором отношении можно утверждать со всей определенностью — были) знакомы с идеями декабристов. Среди книг общественной библиотеки Чермошского завода мы встречаем «Письма Русского офицера» декабриста Ф. Глинки. В журнале «Сын отечества», находившемся в поле зрения крепостных интеллигентов, работавших на заводе, публиковались произведения того же Глинки, Бестужева, Рылеева, Н. М. Муравьева, члена Союза Спасения П. А. Катенина, члена Союза Благоденствия

¹⁴⁵ См. «Пермский краеведческий сборник», вып. II. Пермь, 1926, стр. 35.

¹⁴⁶ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1837 г., д. 58, л. 2 об.

Н. И. Кутузова. В училищной приходской библиотеке в числе других пособий была книга «Ланкастерские школы». И, наконец, факт, представляющий для нас наибольшую ценность, как документальное подтверждение активного интереса поносовской группы к декабризму: при аресте у нее были изъяты переписанные членами группы стихи Рылеева ¹⁴⁷.

* * *

Решающую роль в пробуждении революционного самосознания Поносова играла окружающая жизнь, рост освободительной борьбы. Крепостные интеллигенты Чермошского завода знали о Кыштымском восстании 1822—1823 гг., о волнениях рабочих на предприятиях Яковлева и других фактах подобного рода; большое впечатление на них, несомненно, произвело выступление декабристов. Все это волновало и воодушевляло крепостную молодежь, будило ее мысль. По характеристике, составленной заводской администрацией, Поносов был «поведения не похвального и нравственности буйной...» ¹⁴⁸.

К середине 30-х годов у него созрело убеждение о реакционности, антинародности существующего строя. В декабре 1835 г. он поделился этой мыслью со своим товарищем Степаном Десятовым — тоже крепостным, вынужденным оставить заводское училище из-за невозможности платить за учебу. Поносов говорил Десятову, что крепостные люди «притесняемы и обижаемы своими помещиками, что вообще крепостное состояние тягостно и не существует ни в какой стране, кроме России» ¹⁴⁹. Он сказал также, что пришел к выводу о необходимости создать тайное антикрепостническое общество. Вначале предполагалось, что целью общества будет устранение власти «ближайших из среды их начальников». Затем эта мысль, говорит Поносов, «возрастала», и цель задуманного общества сводилась уже к тому, чтобы «отторгнуться от власти помещиков», но опять-таки не выходя за

¹⁴⁷ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1837 г., д. 58, л. 4.

¹⁴⁸ «Пермский краеведческий сборник», вып. II. Пермь, 1926, стр. 36.

¹⁴⁹ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1837 г., д. 58, л. 22 об. Эта мысль почти дословно воспроизводится в тексте «Положения», составленном вскоре Поносовым.

рамки местных условий. Наконец, Поносов решил создать такое общество, «которое бы старалось составлять как можно больше членов из разных владений и, когда оно возвысится до такой степени, что могут уже начать явно действовать, тогда распространить о восстановлении *всеобщей вольности*»¹⁵⁰.

Десятков принял предложение Поносова об участии в обществе. Заявили о своем согласии с этой идеей Федор Наугольный, Петр Мичурин, Андрей Михалев, Михаил Ромашев. Так наметились контуры антифеодальной организации. Все это была крепостная молодежь в возрасте от 17 до 24 лет. Душой группы был Петр Поносов, смело признавший себя на следствии «первым зачинщиком к составлению общества к ниспровержению власти»¹⁵¹.

В начале мая 1836 г. участники поносовской группы несколько раз собирались для обсуждения документа, написанного Поносовым. Это был своего рода учредительный манифест и устав создаваемой организации.

Поносов говорил своим соратникам, что «много есть заводских людей, желающих подписать бумагу, но не приищут места, где бы им для сего собираться»¹⁵².

Эти слова заслуживают внимания. И. А. Ушаков справедливо полагает, что нельзя считать группу Поносова лишенной возможностей роста на Чермосском заводе. Мнение об абсолютной изолированности этой группы насаждалось в интересах хозяев завода следователями с целью преуменьшить значение обнаруженной «крамолы». В действительности же на заводе было немало людей, сочувствовавших Поносову. К ним относился, быть может, и главный приказчик завода Шишкин, хотя и ответивший отказом на предложение всту-

¹⁵⁰ Там же, лл. 2—2 об. (курсив мой.— Л. К.). Из этих показаний Поносова видно, что «Краткая записка из следственного дела» допускает неточность, утверждая, будто создание «преступного общества» было им задумано лишь в апреле 1836 г. («Рабочее движение в России в XIX в.», т. I, ч. 2. Госполитиздат, 1955, стр. 167). В действительности эта идея возникла у Поносова в конце 1835 г., когда он уже высказывался по этому поводу. Версия об апрельской дате как исходной была выгодна властям, стремившимся изобразить чермосскую группу чем-то случайным, не имеющим глубоких корней в действительности.

¹⁵¹ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1837 г., д. 58, л. 2.

¹⁵² «Рабочее движение в России в XIX веке», т. I, изд. 2, дополненное. М., 1955, стр. 162.

пить в члены «тайного общества», но не выдавший его. С членами «общества» были связаны многие учащиеся Чермосского приходского училища. Показательно, что Лазарев поручил в начале 1837 г. подготовить списки людей, которые «по уликам, по подозрению и по сомнению участвовали с возмутителями, коих знали прямо или косвенно... Из тех, кто более заражен в испорченной нравственности, тех особо в списке означить, дабы со временем их, как язвы, избавиться и удалить из имения»¹⁵³.

Уставные положения или правила, принятые Поносовым и его товарищами, сводились к следующему. Основу организации должны составлять несколько членов, избираемых из «верных приверженцев свободы», поклявшихся сохранять в тайне начатое дело. После подписания основных правил общество должно выбирать из своего состава председателя, префекта (обязанного наблюдать за сохранением тайны), советников и секретаря. В задачу последнего входит составление шифрованных инструкций и писем, а также управление денежной кассой. Особо был выделен вопрос о привлечении на сторону общества новых деятелей. Эта задача, как одна из самых ответственных, доверялась лишь некоторым из «образованных членов». До тех пор пока новички не докажут своей верности и не выразят согласия скрепить это своей подписью, поверенные (эmissары, агитаторы) не должны знакомить их со всеми положениями, характеризующими тайное общество. «Правила» ориентировали на соблюдение членами общества высокой нравственности, строгой дисциплины, требовали сурового наказания изменников, предостерегали против клеветников.

Выработка этих уставных правил показывает, что Поносов пошел дальше Лоцманова по пути организационного оформления тайной антикрепостнической группы. Однако реализовать правила не удалось. «Общество вольности» было предано в конце ноября 1836 г. соприкасавшимися одно время с ним братьями Ширкалиными. Провокационную роль сыграл и участник группы Наугольный, обманным путем получивший у Поносова

¹⁵³ «Ученые записки» Выборгского гос. пед. ин-та. Выборг, 1957, стр. 51.

«Положение» об организации тайного общества и передавший его властям. В результате члены группы были арестованы и отосланы под конвоем в Пермь, где подверглись многократным допросам¹⁵⁴. О раскрытии «общества» было доложено министру внутренних дел и шефу жандармов. Последние сделали вывод, что попытка Поносова создать «Общество вольности» была «плодом безрассудной мечтательности молодых людей, увлеченных чтением вредных книг и превратным понятием о своем состоянии»¹⁵⁵. Впрочем, охранители «порядка» видели в данном случае больше, чем говорили. Их тревожило, что носителями вольнодумства становятся крепостные. Это внушало опасения, что пламя может распространиться вширь и вглубь, перекинуться на мастеровых и крестьян. Следственные материалы отчетливо выражают страх перед этой перспективой. «Со своей стороны,— писал исполняющий должность главного начальника уральских заводов 15 января 1837 г.,— я предписал заводскому исправнику наблюдать, не кроется ли какое-либо злонамерение между другими еще жителями и сверх того, для тайных розысканий я командировал туда под благовидным предлогом особого чиновника»¹⁵⁶. Подобными опасениями проникнуто и предписание, которое направил в январе 1837 г. министр внутренних дел пермскому гражданскому губернатору. От последнего требовалось «обнаружить, не было ли в означенном предприятии иных участников или и особенных руководителей и подстрекателей из людей, принадлежащих тем же или другим помещикам или и из свободных состояний, кроме тех, которые уже известны».

Кроме того, предписывалось участникам в составлении общества и изъявивших согласие, «хотя бы только словесное, содействовать цели оного, взять под строгий караул и содержать, не дозволяя никому никаких с ними ни письменных, ни иных сношений. Людей только знавших о намерениях и не обративших на то должного внимания, не по желанию успеха оного, а только потому, что считали, может быть, сии безрассудные за-

¹⁵⁴ Один из участников чермоесского «заговора» — Степан Десятов находился в это время в Петербурге в качестве дворового и там же был арестован.

¹⁵⁵ ЦГАОР, ф. 109, IV эксп., 1837 г., д. 58, л. 18.

¹⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 5, 1837 г., д. 254, л. 3.

мысли минутным заблуждением, также строго допросить и оставить впредь до повеления на местах под строгим надзором и на ответственности местного начальства»¹⁵⁷.

Следствие по делу поносовской группы длилось больше года¹⁵⁸. В результате Николай I распорядился: шесть человек «учредителей», подписавших «правила», направить рядовыми финляндских батальонов; троих, как участвовавших в работе по составлению «общества», но не подписавших «правил», — послать рядовыми в Кавказский корпус; троих, не уличенных и не сознавшихся, — оставить под надзором местной полиции¹⁵⁹. Был установлен секретный надзор за образом мыслей всех рабочих и служащих заводов, принадлежащих Лазаревым и другим соседним помещикам. Чермосское приходское училище прекратило свою работу, и десятки учеников были сданы в рекруты, а после того, как спустя почти два года училище вновь открылось, оно было уже не тем, чем прежде — там преподавали только чтение, письмо и «закон божий».

За этим последовали и другие — более широкие меры «пресечения», далеко выходящие за пределы Пермской губернии.

Еще в резолюции по делу Лоцманова, подводившей итог следствия и отмечавшей, что он был знаком с «понятиями века», рекомендовалось «воспретить давать высшее образование крепостным людям», которые «гибнут сами, других вовлекают в гибель и расстраивают общий порядок»¹⁶⁰. Николай I настаивал в своем рескрипте 1827 г. на строго сословном характере образования. «До сведения моего дошло между прочим, — говорилось здесь, — что часто крепостные люди из дворовых и поселян обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях. От сего происходит вред двойкий. С одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училища уже с дурными на-

¹⁵⁷ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1837 г., д. 58, лл. 18—19.

¹⁵⁸ Из Перми П. Поносов, М. Ромашев, А. Михалев, П. Мичурин, а также Ф. Наугольный, А. Ширкалин и П. Ширкалин были доставлены в Петербург, в III отделение.

¹⁵⁹ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1837 г., д. 58, л. 40.

¹⁶⁰ «Красный архив», 1926, т. 4 (XVII), стр. 172—173.

выками и заражают ими товарищей своих в классах, или чрез то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них, по прилежности и успехам, приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости онаго для них становятся несносны, и от того они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям»¹⁶¹.

Выступления крепостных вольнодумцев, решившихся на организацию тайных антиправительственных кружков, свидетельствовали о подъеме революционных настроений масс, и это представляло в глазах властей тем большую опасность, что и Лоцманов, и Поносов были связаны с заводской средой, с промышленным уральским районом, с новой социальной силой — складывающимся российским пролетариатом. «...Между людьми, принадлежащими к заводам Уральского хребта,— писал Бенкендорф министру финансов Канкрину в январе 1828 г.,— есть многие ума хитрого, напитанного духом своеволия и неповиновения начальству». И далее: «в числе таковых находится немалое количество людей грамотных...»¹⁶²

Эти вопросы с новой силой встали в связи с раскрытием Чермошского «заговора». В «Сведениях по Пермской губернии», имеющих в деле Поносова и его группы, обращается внимание на то, что «заводские люди Пермской губернии имеют более образования, нежели люди тех же сословий в других губерниях. Это приписать должно большому числу училищ в имениях главных заводчиков. В сих училищах преподаются науки по многим предметам вовсе ненужным или излишним для людей крестьянского состояния, как-то: основания российского права, русская словесность, всеобщая история и т. п.»¹⁶³.

В начале 1837 г., когда еще шло следствие по делу Поносова, Николай I приказал создать специальную комиссию в составе Бенкендорфа, Сперанского, министров народного просвещения и внутренних дел «для пере-

¹⁶¹ Н. К. Шильдер. Император Николай I. СПб., 1903, т. II, стр. 34.

¹⁶² М. А. Горловский. Горный город Екатеринбург 1807—1863. Свердловск, 1948, стр. 123—124.

¹⁶³ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1837 г., д. 58, л. 90.

смotra существующих постановлений о приеме в учебные заведения молодых людей несвободного состояния, а также настоящих предметов преподавания как в сих заведениях, так и в принадлежащих партикулярным лицам, в которых воспитываются их крепостные люди»¹⁶⁴. Начальник III Отделения, солидаризируясь со своим коронованным шефом, утверждал, что «не должно слишком торопиться с просвещением России, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул бы тогда на ослабление их власти»¹⁶⁵.

* * *

Общество Поносов рассматривал как совокупность людей, равных от природы и имеющих право на равенство перед законом. Поносов их называет гражданами. Никто не должен быть ни господином, ни рабом. Поскольку же в России, где господствует крепостное право, рабство санкционируется государственными законами, то отсюда следует, что эти законы противоречат природе. Царь и помещики выступают заодно, их интересы одинаково антинародны. Имея в виду революционный опыт народов, Поносов пишет: «Во всех известных странах света не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас в России напротив: с издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями полное право иметь своих крепостных людей, с полным же правом и неограниченную (разумеется, в отношении взысканий с крепостных за вины) властью, которая простирается иногда не только на самых господ, но от равных крепостных людей, установленных господами для управления их поместьями, властными начальниками до такой степени, что обидимые и притесняемые ими беззащитные люди впоследствии приходят в отчаяние, чрез что беднеют, развращаются, а после и совсем погибают; другие за малые вины наказываются жесточайшим образом: мучатся горною и другими тяжкими работами и, наконец, моло-

¹⁶⁴ Там же, л. 40.

¹⁶⁵ Андрей Яцевич. Крепостной Петербург пушкинского времени. Л., 1937, стр. 113.

дые отдаются в рекруты (которые в России во всеобщем презрении), а старые ссылаются на поселение...»¹⁶⁶.

Крепостное право препятствует историческому прогрессу, ведет к бессмысленной растрате материальных благ и варварскому истреблению высшей ценности — человека, производящего эти блага. «Господа же, принуждая к трудам своих людей, растощают (расточают.— Л. К.) без малейшего сожаления в поте лица приобретенное их людьми и чрез то разоряют себя и без того уже бедных крепостных людей, не заботясь о том, что последние часто не имеют и куска хлеба для утоления мучащего их голода. Из всего вышесказанного видно, что крепостные есть самые ничтожные люди, отличающиеся от скота и бесчувственных тварей одним чувством — рассудком, имея такую же слепую подчиненность к владельцам, как и скоты к своему хозяину»¹⁶⁷.

Для Поносова совершенно не приемлемо теологическое обоснование помещичье-самодержавного произвола («несть бо власть, аще не от бога») и социального неравенства. Отвергая легенду о том, что деление людей на господ и рабов, помещиков и крепостных внушено богом, он выводил общественное неравенство из земных источников — стремления одних людей обогащаться за счет других, из «нахальства», насилия тунеядцев по отношению к труженикам. «Какая же причина такового невольничества?— писал он.— Кто дал дворянам право поступать так с подобными себе? Многие скажут: бог, ибо без воли его ничего быть не может! Совсем нет, бог не хочет, чтобы его унижали твари в лице тварей же! Другие думают, что это обыкновение ведется от самого сотворения мира, полагая, что желает этого бог, ссылаются на то, что и Авраам имел рабов (почему же не Адам?). Но разве Авраам не был такой же человек, как и наши дворяне? Разве он не хотел обогатиться и жить не на счет своих трудов? Так, это правда, он имел свои виды для держания рабов. Еще доказательство: разве на свете сотворено два Адама, т. е. Адам господин и Адам раб? И этого ничего не бывало. Бог хотел, чтобы между людьми было равенство (для чего при сотворении жены сказал: жена, люби мужа своего, как саму себя, т. е. он тре-

¹⁶⁶ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. I, стр. 163.

¹⁶⁷ Там же, стр. 163—164.

бовал любви, но не слепого повиновения — исполняется ли это?). Но слепой случай и нахальство сильнейших сделало слабых невольниками»¹⁶⁸.

Ссылаясь на «слепой случай», Поносов, видимо, имел в виду, что социальное неравенство не представляет собой чего-то «священного», предустановленного свыше, а является естественным следствием изменений, происходивших в обществе и вытекающих из деятельности людей. Соотношения случайности и необходимости Поносов и его единомышленники еще правильно не понимали.

Мыслители-самородки не знали, что насилие, несмотря на свою большую роль в процессе возникновения социального гнета, само было фактором вторичным, производным от экономического развития — роста производительных сил, разделения труда, появления обмена и т. д. Поэтому в поисках первопричины всех зол они останавливались обычно на явлениях духовного порядка — темноте, непросвещенности одних и насилии, обмане других. Все это придает их взглядам ненаучный, утопический характер.

Вместе с тем необходимо признать заслугой Поносова и других вольнодумцев из народа то, что они, выражая стихийно-демократические и антиклерикальные настроения крестьян и рабочих людей, по-своему «секуляризировали» проблему общественного неравенства, низводили ее с «неба» на землю, настаивали на том, что социальная несправедливость вытекает не из божественных предначертаний, а из определенных человеческих взаимоотношений. Иначе говоря, они видели в неравенстве преходящее явление, которое не всегда существовало и не всегда будет существовать.

Продолжая радищевскую и декабристскую традицию, Поносов делает из идеи естественного равенства революционные выводы. Свобода, считает он, не даруется небом или власть имущими — она может быть лишь завоевана в борьбе, в результате восстания против тирании. «...Граждане образованных стран света все единодушно восстали,— пишет он,— и сбросили с себя поносное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами, но Россия, отставшая просвещением от прочих государств Европы, по сие время не отряхнувшая еще мрак

¹⁶⁸ Там же, стр. 164.

невежества своего, не чувствует тяжких оков, на ее граждан возложенных. Конечно, есть люди и в России, которые, чувствуя всю тяжесть оков невольничества, стремятся к одной цели — к искоренению невольничества, но таких еще очень мало и они рассеяны в различных местах, потому и намерение их привести к концу скоро или совсем никогда не может»¹⁶⁹.

Говоря о русских людях, стремящихся к уничтожению рабства, но «рассеянных в различных местах», Поносов имел, надо думать, в виду и сосланных декабристов. Дело, начатое ими, он считал необходимым продолжить. В этом он видел свое призвание. «Иго рабства в России от времени становится несноснее, и должно полагать, что на будущее время оно будет еще несноснейшим. Из опытов видно, что причина величия государства есть свобода граждан, но в России иго рабства в большой силе, следовательно она никогда не взойдет на степень величия. Посему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти присвоивших ее несправедливо и об ускорении свободы»¹⁷⁰.

Между антикрепостническими, тираноборческими идеями декабристов и призывом, с которым обратился к «благородным согражданам» чермоский крепостной — «испровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и чрез то заслужим благодарность потомства!!!» — есть глубокая связь. Такая же связь существует между революционным почином декабристов, их переходом к прямой политической борьбе против самодержавия и попыткой Поносова создать на Чермоском заводе «Тайное общество для уничтожения власти помещиков над крестьянами», его обращением: «...развязывая крепко завязанный до сего узел и достигая главной цели, могущей доставить притесненным гражданам России свободу, сделаем между собой заговор...»¹⁷¹

Однако во взглядах декабристов и Поносова нельзя не видеть и существенной разницы. В то время как дво-

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

рянские революционеры считали возможным опираться главным образом на людей своего, т. е. привилегированного, круга, Поносов, как и Лоцманов, обращается непосредственно к «низам».

* * *

Распространение свободомыслия в среде русской крепостной интеллигенции 20—30-х годов XIX в. показывает, как чутко воспринимала она передовые веяния эпохи. С декабристской традицией по-своему переключались не только такие известные студенческие организации того времени, как кружки братьев Критских, Сунгурова, Белинского, Герцена, но и «дела» Лоцманова и Поносова. Значение этих «дел» в том и состоит, что перед нами — первые страницы малоизученной истории русского народного вольнодумства XIX в., первые попытки создания революционной организации в России, исходящие из крепостной среды. Знаменательно, что они были связаны с промышленными предприятиями Урала — старейшего очага русского рабочего движения. В этих попытках еще много незрелого, наивного, и кончились они неудачей, не выходя в общем за пределы надежд и революционно-романтических мечтаний, но они, несомненно, говорят, наряду с множеством других фактов, что трудовой русский народ никогда не смирялся с крепостным ярмом и что в умах передовых людей из народа даже в самые тяжелые времена кипели смелые, благородные мысли.

ПРОСТОЛЮДИНЫ-РЕФОРМАТОРЫ 30-х ГОДОВ

1

Вольнодумцы из народа — крепостные интеллигенты, грамотные дворовые, солдаты и т. д. не только осуждали крепостнические порядки и мечтали о лучшем, справедливом строе, но и высказывали порой свои догадки, соображения о том, каким он должен быть. Ограниченные в большинстве случаев рамками наивного монархизма, эти высказывания касались реформирования различных сторон общественной жизни.

Немало представителей русского свободомыслия вышло из числа дворовых. Это была наиболее обездоленная прослойка крепостного люда. Переходя для обслуживания помещика в господский дом или отправляясь в поисках заработка по оброку, они лишались своего клочка земли (который отбирался «на барина»), теряли даже подобие экономической почвы под ногами, утрачивали собственное пристанище. Барский двор, гласила народная поговорка, хуже петли. Дворовый человек — мастеровой, повар, садовник, слуга всегда находился на глазах у господ, под их надзором, являясь поэтому первой жертвой их прихотей, произвола. «Дворовые люди, — констатировал Пестель, — самое жалкое состояние в целом пространстве Российского государства»¹.

Были в жизни дворовых, несмотря на всю ее тяжесть, и некоторые особенности, содействовавшие расширению их кругозора. До дворовых быстрее доходили всякого рода политические слухи, новости, они раньше многих других крепостных узнавали о событиях, происходящих в мире. В их руки чаще могли попасть книги и журналы, читать которые приходилось, конечно, урывками, тайком от хозяев.

¹ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II. Госполитиздат, 1951, стр. 121.

Иногда дворовые сопровождали своих господ в заграничных походах и путешествиях. И, наконец, в некоторых дворянских семьях, куда проникали революционные настроения, наиболее развитые дворовые их, несомненно, чутко улавливали и воспринимали. Булгарин в своем письме-доносе III отделению, ополчаясь на декабристов и других составителей тайных революционных организаций, продолжал, переходя к «низшему слою» — служителям из крепостных: «Скажу более: служители, понимая вполнину болтанье своих господ, составили себе также какое-то вздорное понятие о вещах, и приезжая в деревню с господами, сносясь с крестьянами, живущими в столицах, и переезжая на житье в деревню переливают свой незрелый образ мыслей в крестьян»². В этом рассуждении дворовым, как мы видим, отводится даже роль передаточного механизма, «переливающего» прогрессивные идеи из далекого от народа революционно-дворянского круга в головы крепостных крестьян»³.

Многие дворовые, отпущенные на оброк, с головой окунались в городскую жизнь, служили у высокопоставленных столичных чиновников и вельмож, поступали работать в мастерские, на фабрики. Город обогащал их новыми впечатлениями, подрывавшими в их сознании предрассудки, связанные с замкнутым, рутинным, однообразным деревенским существованием. Если к этому добавить, что в первой трети XIX в. дворовые составляли значительную часть населения крупнейших центров России (в 1821 г. в Петербурге проживали 91 928 дворовых — 21% от общего числа жителей), то станет понятно, почему эта прослойка привлекала к себе, с одной стороны, большой интерес передовых сил общества, а с другой — пристальное внимание царя и полиции. На «пагубное» влияние городской жизни на крепостных указывалось в «Кратком обзоре общественного мнения за 1827 г.», составленном III Отделением: «Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами и живя с согласия своих господ в городах, крепостные невольно учатся ценить

² ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., 1826 г., ед. хр. 1880, л. 2 об.

³ Иногда важная политическая информация поступала через дворовых и в дворянскую среду. Герцен впервые услышал о восстании декабристов от крепостного слуги, который был «большой охотник до политических новостей» (см. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 8. М., 1956, стр. 57).

те преимущества, коими пользуются свободные сословия»⁴. «Главари» и «подстрекатели» крепостных, говорится здесь же, «находятся среди барской челяди»⁵. Сам Николай I видел в дворовых «класс весьма дурной». Он предостерегал помещиков: «Люди эти (дворовые.— Л. К.) вообще развратны и опасны для общества, как и для господ своих. Я вас прошу быть крайне осторожными с ними. Часто за столом или в вечерней беседе вы рассуждаете о делах правительственных и других, забывая, что люди эти вас слушают и по необразованности своей и глупости толкуют суждения ваши по-своему, то есть превратно»⁶. Другой современник, представитель противоположного лагеря — декабрист Штейнгель говорил Рылееву, что только в Москве имеется 90 тысяч дворовых, «готовых взяться за нож...»⁷

Дворовые нередко становились узниками царских тюрем. В рапортах коменданта Санкт-Петербургской крепости от 28 и 30 мая 1822 г. говорится о посаженных им в казематы дворовых людях, доставленных из Курска, — Пармене Филиппове и Степане Щеплехине «под строгим караулом и наблюдением»⁸. Спустя несколько лет в той же крепости оказались вслед за своими хозяевами-декабристами некоторые их слуги, например, дворовый человек Кюхельбекера Семен Балашов, которого Николай I «соизволил» оставить в тюрьме «до окончания дела»⁹. Страх перед вольнодумством дворовых явственно выражен в предложении агента политической полиции от 30 января 1826 г.: «Всех приверженных дворовых людей господ, содержащихся в крепости, взять в строгий присмотр или разослать на их родину, дабы они, пользуясь ныне свободой, не разглашали о невинном страдании их господ»¹⁰.

В толках дворовых (как и крепостных интеллигентов, крестьян, мастеровых, солдат) отражалось народное

⁴ «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I. М., 1931, стр. 9.

⁵ Там же.

⁶ Андрей Яцевич. Крепостной Петербург пушкинского времени, стр. 198—199.

⁷ Там же, стр. 190.

⁸ ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, д. 10, л. 1.

⁹ Там же, д. 25, л. 15.

¹⁰ Л. В. Домановская. Народные песни, предания и рассказы о декабристах в тюрьме и ссылке.— «Советская этнография», 1956, № 2, стр. 19.

мнение о происходящих событиях. Это мнение, связанное непосредственно с восстанием декабристов, попытался зафиксировать в 1825—1826 гг. московский дворовый Федор Федоров.

Ф. Федоров родился в 1780 г. Участвовал в Отечественной войне. В 1815 г. был возвращен помещику, а в 1819 г. поступил в услужение к отставному поручику Зимбулатову в качестве дворового. Новый хозяин всячески издевался над Федоровым, отобрал у него боевой орден и в конце концов добился его ареста. Поводом к аресту послужила переданная Зимбулатовым полиции тетрадь Федорова, в которой последний вел записи политических слухов, начиная с декабря 1825 г. до середины мая 1826 г. Тетрадь эта была озаглавлена: «Московские новости или новые правдивые и ложные слухи, которые после виднее означатся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить ни одних не могу, но решился на досуге списывать для дальнего времени незабвенного именно 1825 года с декабря 25 дня»¹¹.

Записи Федорова — одно из свидетельств отклика, вызванного восстанием декабристов в сознании простых людей. Здесь и слухи о Константине Павловиче, который якобы хочет освободить невольников, и сведения о жестокой расправе царя с восставшими, и надежды на то, что «едва ли не отберут на весну всех крестьян от господ». Особенно интересны положения, имеющие обобщающий антидворянский характер. Так, в тетради подчеркнуто «варварское на все российское простонародие самовластное и тяжкое притеснение», выражается недовольство народа «верноподданными извергами, то-есть господами, благородными душами, первейшими в свете подлецами»¹².

В начале февраля 1826 г. возникло «Дело о нелепом слухе, что в Москве будет революция». Распространителем этого слуха были вольноотпущенный дворовый Егор

¹¹ В. Сыроечковский. Московские «слухи» 1825—1826 гг.— «Каторга и ссылка», кн. 3. М., 1934, стр. 80. См. также: К. В. Кудряшев. Народная молва о декабрьских событиях 1825 г.— Сб. «Бунт декабристов», Л., 1926; С. Н. Чернов. Слухи 1825—1826 годов (фольклор и история).— Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882—1932». Л., 1934.

¹² «Каторга и ссылка», кн. 3. М., 1934, стр. 80—83.

Иванов и сельский дьячок Василий Николаев¹³. В деле отмечалось, что «подобные толки были в Москве почти общим разговором»¹⁴. В 1826 г. был арестован за «дерзкие выражения» по поводу выступления Николая I на престол дворовый Матвей Анкудинов. 14 декабря 1825 г. он был очевидцем восстания, а позже, рассказывая о нем, старался разжечь в своих собеседниках недоверие и ненависть к царским властям. В одном из разговоров с солдатами он утверждал, что в намерения восставших входило «истребить царскую фамилию», назвал Николая I изменником и возмущался тем, что на Сенатской площади было пролито много крови¹⁵. Дворовый Константин Трофимов говорил в 1827 г., что «Императора Николая не будет и не должно быть...»¹⁶

Мировоззрение дворовых, как и других прослоек тогдашнего «простонародья», имело противоречивый характер. Смелые критические высказывания, направленные против царя и дворян, зачастую «подкреплялись» ссылками на Апокалипсис, а наивный монархизм нередко сочетался с боевым антиклерикализмом. Вольномыслие в политике не всегда совпадало с прогрессивным мировоззрением и наоборот. Известно, впрочем, что радикализм в одном отношении и консерватизм в другом присущи не только простонародному миропониманию прошлых эпох. Достаточно вспомнить Руссо, который шел впереди других французских энциклопедистов XVIII в. по своим общественно-политическим взглядам и отставал от некоторых из них в области философии.

В подавляющем большинстве случаев вольнодумство дворовых проявлялось в устных выступлениях. Были, однако, в этом кругу и попытки литературного, философски-публицистического оформления антифеодальной идеологии.

Ф. И. Подшивалов

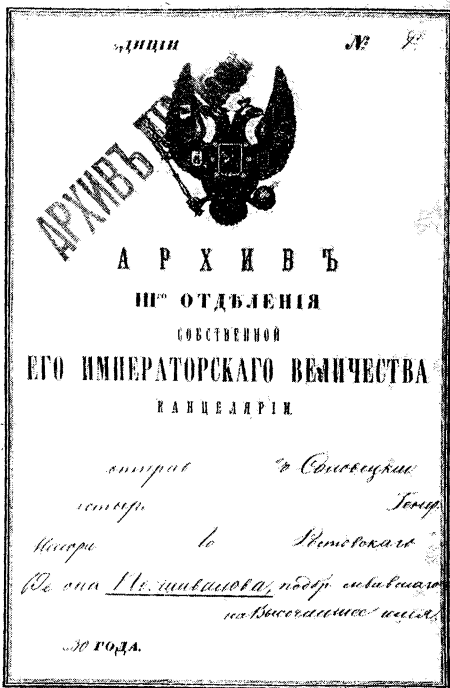
В мае 1830 г. в Петербурге появились необычные письма запечатанные в два конверта. Во внутреннем — находилось письмо к царю, а наружный был адресован

¹³ ГАМО, ф. 16, оп. 31, 1826 г., д. 8, лл. 1—15.

¹⁴ Там же, л. 19.

¹⁵ «Красный архив», 1926, т. 4(17), стр. 158—159.

¹⁶ ГАМО, оп. 31, св. 8, 1827 г., д. 19, л. 1 об.

Обложка «дела» Ф. И. Подшивалова

одному из жителей столицы. В нем содержалась просьба доставить письмо по назначению.

Автором этих писем был крепостной Федор Подшивалов, дворовой человек князя А. Я. Лобанова-Ростовского. Добиваясь свидания с царем, Подшивалов обещал открыть ему важную государственную тайну. Эти письма привлекли внимание тайной политической полиции. Ими лично занялся шеф жандармов Бенкендорф¹⁷.

¹⁷ Источником для изучения личности, жизни и взглядов Подшивалова являются его следственное дело и документы, письма, рукописные сочинения, извлеченные нами из Секретного архива III отделения. Дело «Об отправлении в Соловецкий монастырь дво-

Первое из рукописных сочинений, используемое в в дальнейшем изложении, называется «Родословная и описание жизни... Предупреждение о прошедшем и будущем, начиная с семи лет... Истинная правда, не скрывающая худых и хороших своих дел и своих родителей и знакомых, и все то только, что мог упомнить». Это — автобиография или скорее исповедь Подшивалова и вместе с тем как бы введение, психологический ключ и комментарий к его основной работе¹⁸.

Основное произведение Подшивалова — «Новый свет и законы его». В сущности своей это труд о *Человеке* — каков он есть и каким должен быть. Соответственно Подшивалов так определяет содержание своего труда: «О свойствах и качествах человека»¹⁹. Этот оригинальный рукописный социально-политический и философский трактат состоит из семи «книг» (тетрадей) с весьма причудливыми названиями: «Приношение жертвы», «Сокращенный катехизис» (или «О узнании, о Иисуса Христа господстве и о государе»), «Для духовенства», «Толкователь для черного народа и лечебник для слепых и невидящих», «Для государя и военачальников и для нижних чинов», «Символ веры», «Бог есть свет чистый и праведный» (или «О уведомлении первоначальных людей и последовании оным»). Четыре из этих «книг» (1, 2, 4, 5), как и «Родословная» не имеют нумерации, в трех «книгах» (3, 6 и 7) страницы нумерованы. Эта, казалось бы, незначительная деталь говорит о том, как торопился

рогового человека генерал-майора князя Лобанова-Ростовского Федора Подшивалова, подбрасывавшего безымянные письма на высочайшее имя», было начато в 1830 г. и закончено в 1840 г. (ЦГАОР, ф. III отд., I экзп., 1830 г., д. 258).

В деле находятся официальные материалы, связанные с осуждением и ссылкой Подшивалова, — переписка по этим вопросам между Бенкендорфом, Строгановым, Мещерским, Эссеном, сообщения обер-прокурора святейшего синода и другие документы.

Вещественные доказательства — личные бумаги Подшивалова, отобранные у него при обыске, хранятся в отдельной папке Секретного архива. Эти неопубликованные материалы представляют наибольший интерес для понимания мировоззрения Подшивалова. О Подшивалове см. также: М. Колчин. Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. М., 1908, стр. 108—111. Но автор не анализирует мировоззрения вольнодумца-дворянина на основе его рукописных сочинений.

¹⁸ ЦГАОР, ф. III отд., секр. архив, 1930 г., д. 55.

¹⁹ РОГБЛ, ф. 214, Оптина пустынь, ед. хр. 44, л. 130.

Подшивалов, готовя свой труд. Вся работа была написана в очень короткий срок — с 6 мая по 24 июня 1830 г.

Что же известно об авторе этих рукописных сочинений, погребенных более 130 лет назад в Секретном архиве царской полиции?

Федор Иванович Подшивалов родился в конце 90-х годов XVIII в. в Сычевском уезде Смоленской губернии. Точную дату его рождения установить трудно. В свидетельстве, выданном ему помещиком в 1830 г. — «Для письменных видов дворовым людям в Петербурге», сказано, что ему «от роду 31 год», стало быть, он родился в 1799 г. Сам Подшивалов писал (в том же году, когда было выдано это свидетельство), что ему 36-й год. Дата смерти Подшивалова неизвестна. Его отец, будучи крепостным крестьянином, содержал в последние годы жизни сельскую харчевню. В семье было пятеро детей. К тому времени, когда они подросли, материальное положение семьи пошатнулось. Управитель помещичьего имения решил прибрать харчевню к рукам. Но торговля шла плохо и получаемый доход его не устраивал. Поэтому он при каждом месячном расчете зверски избивал отца и мать Федора: в ход пускались и толстая суковатая палка, которой он бил «по чем попало», и «батожье» — сырые прутья в палец толщиной, и кнут. Федор и другие дети старались криком и плачем разжалобить мучителя, но «жалость неизвестна была его варварскому и каменному сердцу»²⁰. Постоянные побои подорвали здоровье отца Федора и он заболел неизлечимой чахоткой. Тогда управитель перевел его на оброк. После этого старший Подшивалов не прожил и года. Семья была разрушена. Мать Федора взяли в господский дом птичницей, а его самого отдали на ткацкую фабрику. «И чрез великое рачение и видимый страх, на четырнадцатом году начал харкать кровью, но все продолжал мое дело»²¹. Тягчайшие испытания выпали на долю сестры Федора. Придравшись к ее связи со слугой управителя, ее подвергли мучительным пыткам.

Бежавшие сестра и мать Подшивалова были преданы суду, куда их отправили с «пристойными обрядами, в рогатках и на сворке»²².

²⁰ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55, «Родословная».

²¹ Там же.

²² Там же.

Федора же послали в Петербург для обучения поваренному искусству. Овладев профессией повара, он служил затем у многих представителей высшей знати: князей Лобанова-Ростовского, Долгорукова, Гагарина, графов Потемкина, Панина. Насилиям и унижениям и здесь не было конца. Подшивалов рассказывает, например, как обращалась с ним одна заезжая иностранка, которой он был отдан в услужение княгиней Долгоруковой. «Я попал ей в сердцах в руки, и она до тех пор меня била, что окровенила всю переднюю комнату и на визг ее сбегались люди и едва меня живого высвободили из ее рук...»²³.

Служба в домах петербургского «света» расширила круг наблюдений Подшивалова: если раньше он видел только «низы» николаевской империи, то теперь увидел воочию ее «верхи». Вместе со своими господами он побывал и за границей: дважды жил в Париже, был в Швейцарии, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., был под Тарутином, Браиловом, Джурджей, Руцукон. Вернувшись на родину, он еще острее ощутил бесчеловечность крепостного права. Ему пришлось — об этом он пишет, обобщая не только личные переживания, но и опыт своих современников — «по возвращении с битвы за отечество вздыхать и рыдать, глядя на своих соотичей, на ихнюю изобильную бедность и мученическую жизнь, какую они терпят на барщине и от наложенного их господином оброку»²⁴.

Новые впечатления и идеи, с которыми сталкивался Подшивалов, пали на благодарную почву. «...Ревность вдруг в сердце мое вкоренилась»,²⁵ — говорит он, имея в виду вспыхнувшее в нем неудержимое стремление к свободе. И став под воздействием этой «ревности», как Лоцманов и другие вольнодумцы из народа, «ревнителем» свободы, он решил посвятить себя делу «избавления от ига рода человеческого»²⁶.

Так родилась работа Подшивалова «О новом Свете и его законах».

Эту рукопись нельзя читать без волнения. Она представляет собой яркий человеческий документ, страстный

²³ Там же.

²⁴ Там же. «Новый Свет и законы его», кн. 2.

²⁵ Там же, кн. 1.

²⁶ Там же. Письмо к Николаю I от 12 июня 1830 г.

монолог, проникнутый горечью, страданием и гневом. Не все здесь равноценно. Правильные, глубокие мысли, сделавшие бы честь признанным европейским философам, перебиваются порой наивно мистическими рассуждениями о собственной мессианистской роли, таинственных знаках, вещих снах, могущими, по мнению автора, придать его сочинению больше веса в глазах читателей. Но не это главное в рукописи Подшивалова. Главное в ней то, что она — обвинительный приговор крепостному праву.

Своими идеями Подшивалов делился с близкими ему людьми — дворовыми графа Румянцева Григорием Ивановичем и Леонтием Дмитриевичем, поваром графа Кушелева — Яковом, неким проживающим «по паспорту» Александром и другими. С некоторыми из этих людей у него были разногласия. «Я спорил с ними о всех материях», — говорит Подшивалов²⁷. Других собеседников ему удавалось убедить — «и много таких» — с удовлетворением замечает он, полагая, что вспыхнувшая в нем самом искра «теплится во многих сердцах человеческих и нигде угаснуть не может»²⁸.

Вначале Подшивалов не собирался обращаться в «высокие» инстанции. Однако, не найдя реальных путей к изданию своей рукописи и веря в то же время, как и подавляющее большинство крестьян, в царя, он решил обратиться непосредственно к Николаю I. Он считал, что нужно раскрыть царю глаза на укоренившуюся вокруг неправду и указать средства к ее устранению. В этом сказалась классовая ограниченность мировоззрения Подшивалова, влияние вековых крестьянских предрассудков, а может быть, в известной мере, и традиционное, бывшее ему, видимо, известным упование буржуазных просветителей XVIII в. на «просвещенного» монарха.

Первое письмо Подшивалова к царю, датированное 17 мая 1830 г., было подброшено в помещение Главного штаба. Второе письмо — от 29 мая он пытался доставить через владельца фруктовой лавки купца Смурова. На обратной стороне адресованного ему конверта Подшивалов писал, «Я бы и сам оный доставил, да я крепостной по должности, отлучиться никак не могу»²⁹. Третье пись-

²⁷ РОГБЛ, ф. 214, Опт. пуст., ед. хр. 44, л. 129.

²⁸ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55, «Родословная».

²⁹ Там же. Письмо к Смурову.

мо было послано 12 июня через директора Петербургского почтамта Булгакова. Подшивалов писал о катастрофическом положении страны, которая находится «в недалеком расстоянии от большого несчастья», поэтому необходимы коренные социальные реформы, раскрепощение народа. Он советовал царю отказаться от опоры на дворянство: «на своих столбовых не надейся: никогда свету не увидишь... Ты с ними одного разу не ступишь по пути истины и добродетели...»³⁰

В письмах Подшивалова к царю нет и тени подобострастия. «Я не льстец»,—характеризует он себя. В одном из писем он пишет: «...гербовой бумаги мне купить не за что, а можно и на этой видеть куда идет дело...»³¹ Не получив ответа на первые два письма, он выражает недовольство: «Крайне я не хотел писать к тебе третьего письма... Для меня все равно, а только каково вам после будет...»³²

Но все было тщетно. Ответ, на который рассчитывал Подшивалов, так и не пришел.

2

Письма Ф. И. Подшивалова попали в III Отделение. В июле 1830 г. он был арестован. Спустя месяц после того, как он дописал последнюю страницу своего сочинения «Новый Свет...», Бенкендорф уже сообщал царю о первых итогах следствия. «Дворовый человек генерал-майора князя Лобанова-Ростовского Федор Иванов Подшивалов,—говорится в этом донесении,—употребивший разные средства к подбрасыванию безымянных писем на высочайшее Вашего императорского величества имя, в коих просил быть лично представленным вашему величеству для открытия каких-то важных тайн, по приказанию моему был отыскан и после некоторых убеждений (каковы были эти полицейские «убеждения» и что пришлось вытерпеть Подшивалову в застенках III Отделения можно себе представить.—Л. К.) вручил мне несколько тетрадей, написанных собственною его рукою и заключающих в себе его тайну. По рассмотрении сих бумаг оказывается, что они весьма предосудительного содержания

³⁰ Там же. Письмо к Николаю I от 29 мая 1830 г.

³¹ Там же.

³² Там же. Письмо к Николаю I от 12 июня 1830 г.

и свидетельствуют как о развратности душевных способностей, так и частном расстройстве ума. Принимая исключительно в основание веру в единого бога и единого государя, Подшивалов отвергает Христа-спасителя, предлагает уничтожение веры христианской, расстраивает все связи гражданские и проповедует свободу состояний. Весьма естественно, что все им излагаемое перепутано разглагольствием, свойственным необразованному человеку, который от многого чтения помешался. Мы находим в его бумагах новые катехизисы, наставления священникам, воззвания к народу и проч.»³³ (Рис. 3).

В другом документе — письме к князю Мещерскому от 6 августа 1830 г., — говоря о Подшивалове как человеке, обратившем на себя внимание правительства, Бенкендорф отмечает, что отобранные у этого крепостного бумаги, «относящиеся до религии и до гражданского устройства, обнаруживают превратность идей Подшивалова о сих предметах»³⁴.

На допросах Подшивалов держался мужественно. Он, по признанию Бенкендорфа, говорил о своем плане «смело и без малейшей застенчивости»³⁵.

Вольнодумные идеи крепостного философа и их смелая защита убеждали представителей «высшего наблюдения», что перед ними опасный противник. В то время как Подшивалов находился под арестом в управлении корпуса жандармов, проводилось тщательное расследование о всех людях, бывших с ним в близком знакомстве.

Вопрос о судьбе Подшивалова решился довольно быстро. «Полагая, — докладывал царю Бенкендорф, — что свободное обращение подобного человека в обществе, в особенности между простолюдинами, не может не подать повода к различным соблазнам, превратным толкам и вредным впечатлениям, осмеливаюсь испрашивать высочайшего вашего императорского величества повеления на помещение Подшивалова в какой-либо отдаленный монастырь под особое наблюдение местного духовного начальства, которому и поставить в обязанность об-

³³ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1830 г., д. 258, л. 1—1 об.

³⁴ Там же, л. 4 об.

³⁵ Там же, л. 1 об.

20. Соборный секретарь

Соборный Секретарь
рукою и печатью Государственной

Вс. Соловецк. Монастыря.

Монрепо, 29 Января 1830.

Дворовый человек

Генераль. Маистра Князь

Лобанови Ростовский, Видурь

и звановъ Подшиваловъ, что

среди пва

подобрали к нимин -

путь на Высочайш

Вашего Император

ского Высочество иль,

и званъ просилъ бить киню

109

158

№ 168

Донесение Бенкендорфа по делу Ф. И. Подшивалова
с резолюцией Николая I

ратить его благоразумными увещеваниями на спасительный путь религии»³⁶.

Николай I одобрил это предложение и приказал заточить Подшивалова в Соловецкий монастырь. Так рухнула иллюзия Подшивалова о царской справедливости. 3 сентября 1830 г. он был привезен в Соловки и заточен в каземат под воинской стражей.

³⁶ Там же, л. 2.

Соловецкий монастырь представлял собой одну из самых мрачных тюрем, созданных самодержавием для расправы с инакомыслящими. Условия содержания заключенных были там настолько тяжелы, что в 1834 г., в то самое время, когда там находился Подшивалов, III Отделению пришлось даже заняться специальным расследованием положения тамошних арестантов.

Попав в Соловецкий монастырь, Подшивалов мог убедиться, что не он один пострадал за свою «ересь». Вместе с ним там же находился крестьянин Вятской губернии Семен Шубин, содержащийся в остроге по «высочайшему» повелению еще с 1812 г. за «произношение на святые дары и святую церковь богохульных слов»; и Иван Кудимов — с 1825 г. — по тому же повелению «за отступления от православной веры и надругательство над иконами»; и солдаты Филипп Макеев и Тарас Семенов за несогласие крестить своих детей по обряду православной церкви, и немало других людей из народа».

Под мрачной сенью Соловецкого монастыря пересеклись пути Подшивалова с участниками одной из московских революционных студенческих организаций — кружка братьев Критских. Подшивалов значился в Соловках под номером 29, а по соседству с ним, под номерами 20 и 21, там же находились еще с 1828 г. бывшие студенты Московского университета Михаил Критский и Николай Попов за «соучастие в злоумышленном обществе»³⁷.

С первых дней пребывания в монастыре Подшивалов стал объектом неусыпного наблюдения со стороны местного начальства. Настоятели — архимандрит Досифей и сменивший его архимандрит Иллариий в личных беседах и через подчиненных посулами и угрозами старались склонить Подшивалова к раскаянию. Это оказалось не легким делом. В рапорте от 1 июня 1831 г. архимандрит Досифей сообщал, что Подшивалов уже раскаялся было в своих заблуждениях, но потом «возвратился опять на прежнее лжетолкование»³⁸. Святейший синод продолжал относиться к крепостному «крамольнику» с недоверием и опаской; архимандриту Илларию предписыва-

³⁷ ЦГАОР, ф. III отд., 1 эксп., д. 141 «Об арестантах Соловецкого монастыря», л. 5.

³⁸ Там же, 1830 г., д. 258. л. 14.

лось «продолжить над арестованным Подшиваловым лично и чрез духовного его отца наблюдение...»³⁹

Подшивалов провел в Соловецком монастыре девять лет. Лишь в августе 1839 г. Николай I согласился его освободить под тем условием, чтобы крепостному вольнодумцу было запрещено проживать в столицах и чтобы он состоял под надзором своего господина.

Однако Подшивалов не получил даже этой «свободы». Его господин — князь Лобанов-Ростовский отказался взять его в свою вотчину, мотивируя это тем, что Подшивалов может «возобновить прежние свои поступки и развращать других крестьян»⁴⁰. По этому поводу завязалась ведомственная переписка между графом Строгановым и Бенкендорфом. И пока они обменивались канцелярскими любезностями, Подшивалов был отправлен в Тобольский приказ о ссыльных для поселения в Сибири. На этом и обрываются сведения о его жизни.

* * *

Подшивалов не получил систематического образования и не был силен в грамоте. Своим сочинениям он предпосылал даже специальное «предупреждение о несоблюдении правил грамматики». Но его пытливый, глубокий и самобытный ум жаждал знаний, и он много читал, хотя «всегда оставался виноват... за чтение книг»⁴¹. Книги, попадавшие в поле его зрения, отмечает Подшивалов, были «разные». Из русских авторов он особенно выделяет И. А. Крылова, чьи басни он читал не один, а в компании с другими дворовыми людьми.

³⁹ Там же, л. 15 об.

⁴⁰ Там же, л. 21 об. М. Колчин допускает ошибку (связанную с тем, что ему остались неизвестны материалы Секретного архива III отделения), говоря, что Подшивалов был отослан к своему господину («Ссыльные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв.». М., 1908, стр. 111). Неприязнь А. Я. Лобанова-Ростовского к своей «крещенной собственности» усугублялась в данном случае тем обстоятельством, что этот помещик не был рядовым «душеладельцем», а претендовал на роль активного глашатая церковной ортодоксии. Известный библиофил, он издал в 1821 г. в Париже «Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея на русском наречии» и «Молитву при божественной литургии» (см. «Современная летопись, 1867, № 3, стр. 15). Так что социальный антагонизм крепостного и помещика сочетался с религиозно-философским: первый поднял руку на то, что проповедовал второй.

⁴¹ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55, «Родословная».

Прямые высказывания Подшивалова свидетельствуют о его знакомстве с творчеством поэта английской буржуазной революции XVII в. Мильтона⁴². Сопоставляя свою постановку вопроса о происхождении социального зла («греха») в мире с аллегорически-библейской интерпретацией земных дел у Мильтона, крепостной правдоискатель пишет: «Тут не так будет сказано, что грех, и дело кончено; а надо знать, отчего оный грех, тот ли это грех, который у Мильтона написан во время небесного бунту или другой какой; от сатаны ли он произошел или от самого человека; а я полагаю так верно, что он происходит больше от необузданности самого человека. Если бы отцы наши не были столь глупы, как и по сю пору, и детей бы своих учили истинному закону, то тогда бы им сатана не так страшен казался, как теперь»⁴³.

Полемизируя с уважаемым им английским поэтом, Подшивалов подчеркивает земные истоки социальных бедствий.

Этот постоянный интерес к земному, посюстороннему, человеческому, стремление найти решение всех общественно-политических, философских и нравственных проблем на земле, а не на небесах, представляют собой характерную особенность мировоззрения крепостного мыслителя-гуманиста.

С большим сочувствием Подшивалов относился к Вольтеру. Предчувствуя жестокую расправу, Подшивалов писал: «...Я знаю наперед, что не простят, а просто осудят на вечное мучение...— только бы не здесь, а там (т. е. «на том свете», в аду, в который он не верил.— Л. К.), где я наверно не один буду из нашей братии, там я наверно увижу и господина Вольтера»⁴⁴. И далее Подшивалов говорит, что он рассчитывает встретить среди осужденных «на вечное мучение» не только Вольтера, но и его соратников, всю его «братию». «Я надеюсь,— продолжает Подшивалов,— что нам скучно не будет, они же тамошние давние жители»⁴⁵.

⁴² Там же. «Новый Свет и законы его», кн. 1.

⁴³ Там же. Ср. у А. Н. Радищева: «... бедствия человека происходят от человека» (Избранные философские сочинения. М., 1949, стр. 39).

⁴⁴ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830, д. 255 «Новый Свет и законы его», кн. 1.

⁴⁵ Там же.

Чтобы не оставить никакой неясности насчет его отношения к Вольтеру и всей вольтеровской «братии», Подшивалов выражает надежду, что они ему «и там растолкуют» (стало быть, раньше уже «растолковывали». — Л. К.), что надо делать: «суженого не обойдешь и на коне не объедешь»⁴⁶.

В этих признаниях характерно каждое слово: и отнесение старейшины французских просветителей, так много сделавшего для сокрушения феодализма во всевропейском масштабе, к «нашей братии», равнозначное признанию его заслуг перед простыми людьми, трудящимися всей земли, включая Россию; и указание на поучительность и приятность знакомства с идеями Вольтера и других просветителей; и созвучное Вольтеру развенчание поповских угроз «адам», и, наконец, колоритно увенчивающая все это рассуждение народная поговорка, выражающая в данном случае верность крепостного вольнодумца идеалам Просвещения и вместе с тем тенденцию к собственному крестьянски демократическому их осмыслению.

Высказывания Подшивалова говорят о его симпатии не только в Вольтеру, но и к просветительской антифеодальной философии вообще. Очевидно, не без ее влияния русский самоучка-мыслитель предлагает «завести школы по всему... государству и дать побольше книг с французских, да наделать русские, чтобы можно было их разуть»⁴⁷.

Интерес к Вольтеру не исключает того, что в некоторых пунктах точка зрения русского крепостного явно не совпадала с мнением французского философа. Тут мы вновь сталкиваемся с вопросом, по которому представители народного свободомыслия выступали, как правило, единым фронтом, — об отношении к просвещению масс. Понятия «Новый Свет» и «Просвещение» были неразрывно связаны в сознании Подшивалова. Он не разделял и не мог разделять мнения о том, что прогрессивные идеи противопоказаны трудящимся. Подшивалов возмущался дворянами, которые от «большого просвещения» мучают своих крепостных. «А если бы кто (из числа этих муче-

⁴⁶ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55. «Новый Свет и законы его», кн. I,

⁴⁷ Там же.

ников.— Л. К.) вздумал писать, так и то беда, что аза в глаза не знает. Да их, спасибо, и не учат братья, для чего ж? Для того, чтоб не видали свету, чтоб бродили, как свиньи в грязи и в темноте невежества»⁴⁸. С убийственным сарказмом обращался крепостной вольнодумец к «господам»: «К чему же вы нас так хорошо просвещаете?.. К тому только, чтоб издеваться над нашею бедностью»⁴⁹. «Когда нам господа наши,— спрашивает он далее,— оброк заплатят или шкуры наши, содранные с несчастных по причине большого просвещения, отдадут?»⁵⁰.

Рассмотрим теперь вопрос о возможном влиянии Радищева на миропонимание Подшивалова.

Подшивалов, как и Радишев, выступал не только против «крайностей» существующего строя, но против крепостничества как определенной общественной системы. Он даже специально предупреждал, что просит не считать свое произведение направленным персонально против его помещика, ибо оно написано «насчет всех»⁵¹; один помещик может быть лучше, другой хуже, но помещичий строй при всех этих обстоятельствах несправедлив, антинароден и не имеет права на существование.

В «Путешествии из Петербурга в Москву», в главе «Хотиллов», надвигающаяся революция уподобляется потоку, грозящему прорвать плотину («оплот») самодержавия. «Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав отплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможно. Таковы суть братья наши, в узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И ее пагуба зверства разливается быстротечно»⁵². Движимый стремлением «исполнить долг добродетели», Подшивалов обращается к своим согражданам с призывом: «Проснитесь, братья, воспряньте от сна вашего, плотина напряглась и больше уже не в силах в себе вместить прибылой воды, она старается всеми не-

⁴⁸ ЦГАОР, ф. III отд. Секр. архив, 1830 г., д. 55. «Новый Свет и законы его», кн. 2.

⁴⁹ Там же, кн. 1.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, кн. 2.

⁵² А. Н. Радищев. Избранные философские сочинения. М., 1949, стр. 129.

праведными силами завалить все прососавшиеся скважины, гатить то мусором, то навозом и вот-вот зараз обрушится... и вода с радостным восторгом ожидает той божественной минуты»⁵³.

В другом месте Подшивалов вновь обращается к причте о столкновении между потоком и плотиной. Он рисует такую картину. Вода, скованная плотиной, засто-ялась, стала непригодна для жизни, рыбе здесь невмоготу. Эта вода мутна, красна и солонa. Почему она мутна? От непросвещения. Почему она красна? «Это та краска, которую братья наши достают у нас из носу, изо рта и из спины — вот это какая красна». Почему она солонa? «От того, что если об этом хорошенько подумаешь и погадаешь, сердце стиснется, слеза навернется и падает, да разумному человеку в рот попадет, сейчас узнаешь от чего она солонa»⁵⁴. Но вот появился поток чистой и свежей воды, он устремился к плотине, его напор становится с каждым часом сильнее и рыба радуется, чуя приближение этого спасительного потока. «Источник прямо стремление свое имеет к плотине и ударение быстроты своей в самую середину так сильно, что вся плотина дрожит и колеблется и чуть-чуть держится; да не удержится... Как же не должно рыбе радоваться такой хорошей воде — она прыгает кверху, смотрит на плотину, скоро ль она обрушится — вот-вот пойдет гулять»⁵⁵.

И Подшивалов предупреждает, что если «не отворить побольше ставень» и не дать доступа свежей воде, то она «все потрет и поломает» и тогда «прощай, плотина»⁵⁶. Перед нами — почти один и тот же образ, одно и то же предчувствие надвигающейся грозы. Но Радищев и Подшивалов, как бы смотрят на эту картину с двух сторон: один — глазами передового мыслителя, выходца из господствующего класса, другой, так сказать, снизу, изнутри «потока»; однако оба с точки зрения интересов народа, ненавидящего крепостной строй.

Радищев опирался в своей критике крепостничества на теорию естественного права. Он считал, что все люди равны от природы. «Человек рождается в мир равен во

⁵³ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55. «Новый Свет и законы его», кн. 1.

⁵⁴ Там же. Письмо от 29 мая 1830 г., л. 2.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю»⁵⁷. С этим связана необходимость равных человеческих прав. Тот, кто посягает на эти права — преступник.

Идея равенства проникала в народное сознание различными путями. Литературно-философские влияния представляли лишь один из них и притом не главный, доступный в то время лишь незначительному меньшинству трудящихся. Главным, что со стихийной неизбежностью порождало эту идею в умах людей труда, в первую очередь крестьянства, был рост освободительного антифеодального движения. Идея равенства являлась идеологическим выражением борьбы крестьянских масс за землю, их стремления к ликвидации крепостничества и всех его порождений. «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю,—писал Ленин,—является идея равенства,—и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков»⁵⁸.

Обобщая свой многострадальный опыт, люди труда приходили в конце концов к выводу, что ни из каких преимуществ не вытекает право барина на лучшую долю.

Наблюдая, сравнивая, отделяя существенное от второстепенного, люди из народа приходили к общему понятию «человек»: «все мы люди, все человеки. Что ни человек, то и я». Абстракция «человек» выполняла в данном случае особую роль: сводя к «общему знаменателю» и царя, и помещика, и крепостного, «уравнивая» их, она как бы растворяла в себе ненавистные народу привилегии, титулы и ранги. Это «как бы» было той гранью за которой живая, полная гуманистического содержания абстракция «человек» могла превратиться (и нередко превращалась) в мертвую идеалистическую абстракцию,

⁵⁷ А. Н. Радищев. Указ. соч., стр. 88.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 15, стр. 226—227.

уводящую от реального понимания вещей. Ибо в действительности никакое переименование помещика и помещичьего крестьянина в людей «вообще» не меняло того факта, что первый оставался барин, а последний крепостным, хотя оба были людьми в смысле их принадлежности к человеческому роду. Но народ обычно не забывал этого: «На одно солнце глядим, да не одно едим»; «сытый голоду не разумеет»; «богатый бедному не брат»; «боярин и в рубище не брат, такой сякой барин, а все не мужик». Крепостной крестьянин Гаврилов в прошении, поданном 27 апреля 1805 г. от имени 57 крестьянских семейств одной из деревень Петербургской губернии министру внутренних дел, добываясь избавления крепостных из-под «ига несносного рабства» пытался подвести под крестьянские требования своего рода идейную базу в духе просветительской философии. «Хотя нет хуже, нет презреннее и беднее состояния крестьянина,— писал он,— но ежели вообразить общий род людей, то и он есть человек, имеющий душу и рассудок, могущий чувствовать сердечную скорбь и несчастье свое, следовательно по праву человечества может искать избавления себе...» Ставя таким образом вопрос о крестьянине как Человеке, Гаврилов не скрывал своего и своих товарищей сомнения в желании власти имущих посчитаться с народными требованиями. «Какое ж последует решение,— продолжал он,— бог весть; но только знаем мы по крестьянскому нашему смыслу, что всегда двое верх берут: сильный да богатый»⁵⁹.

В начале 20-х годов XIX в. распространение идеи равенства среди простолюдинов России отмечал В. Н. Казанин: «...На дороге из Украины и здесь в Петербурге, я слышал от самых простых рабочих людей такие разговоры о природном равенстве и прочее, что я изумился: «Полно-де уже терпеть, пора бы с господами и конец сделать»⁶⁰.

Иногда представления о равенстве проникали в народную среду из художественной и философской литературы. Этот источник не может не учитываться и при выяснении генезиса взглядов Подшивалова.

⁵⁹ «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.». Сборник документов. М., 1961, стр. 199—200.

⁶⁰ Цит. по кн.: В. Базанов. Очерки декабристской литературы. М., ГИХЛ, 1953, стр. 159—160.

Идея всеобщего равенства понижывает его мировоззрение. «...Все равны,— говорит он,— и подобны друг другу, как братья родные, в образе и во всех частях сложения тела подобны друг на друга»⁶¹. И далее: «...Судить надобно, сравнивая брата твоего с самим собой, потому что он сделан не из железа, так и ты не из хрусталя... Мы и должны иметь равное чувство человек о человеке»⁶².

Нормальным людям, считал Подшивалов, от природы присущи чувства человеческого достоинства, независимости, свободолюбия. Нельзя игнорировать, оскорблять эти чувства, требовать от другого человека рабского повиновения. «Теперь вот первая картина,— пишет Подшивалов,— взойди в свои чувства; вдруг если бы я начал требовать принужденно мне повиноваться и служить так, как мне рассудиться, притом ты знаешь, что я [у] тебя никогда не заслужил [права] на это мое требование. Что бы ты теперь ко мне почувствовал [?]. Природа бы твоя вмиг оскорбилась, а ко мне почувствовал бы отвращение; вот мы уже и видим первые чувства человека. Тут из этого можно разуместь, отчего и сам бог не требует от нас принужденного ему поклонения; так как же мы требуем от равного себе принужденного к себе обожания; не глупо ли от подобного себе требовать то, что нам самим противно; а мы иногда по глупости своей оскорбляемся на то, что перед нами не снимут шапки, а того не подумаем, заслужили мы это, чтобы нам отдавали столько чести. Если ты столько самолюбив и желаешь, чтоб тебе поклонялись, обрати их на себя вниманием твоими хорошими качествами, например, твоими хорошими наставлениями, полезными советами, ибо насильно заставить любить и почитать себя никак не можно, даже сама натура тому противится»⁶³.

Идея непротивления злу насилем органически чужда Подшивалову. «...Мы не должны,— говорит он,— терпеть от равного себе какой-нибудь обиды... Когда кто тебя ударит в ланиту занапрасно, тут не оставляй должником нашим, а отдай ему такожде, как он тебе... Если кто кого на этом свете лишит жизни, то есть убьет

⁶¹ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55. «Новый Свет и законы его», кн. 6, л. 8.

⁶² Там же, кн. 1.

⁶³ Там же.

или другим каким образом умертвит, такожде и сам заплатить должен»⁶⁴. В этих «заповедях», а фактически требованиях Подшивалова, противостоящих догмату христианского всепрощения, отчетливо выражена крестьянско-плебейская интерпретация теории естественного права, слышен отзвук пугачевских манифестов⁶⁵.

Принцип естественного равенства не раскрывал действительной сущности взаимоотношений людей в обществе; формы, в которых он проникал в народное сознание, были зачастую наивны и примитивны. Но тем не менее идея равенства имела под собой реальную историческую почву и играла революционную роль. Говоря о французской буржуазной революции конца XVIII в., Ленин отмечал, что она «...шла против помещиков под лозунгом равенства...»⁶⁶ Эти слова помогают нам по достоинству оценить и проповедь равенства русскими народными вольнодумцами. Когда трудовой русский народ по-своему формулировал идею равенства в сочинениях самородков-мыслителей, в сказках или пословицах, утверждающих, что «Иван и Степан из той же глины, что и пан», «все детки одной матки», то этот вывод звучал не благовестом к молебну, а как выражение стихийного протеста против социальной несправедливости.

Сопоставление некоторых близких по духу и форме высказываний Радищева и Подшивалова не говорит о тождественности их мировоззрения. Достаточно заметить, что хотя и Радищев и Подшивалов опирались в своей борьбе с крепостничеством на точку зрения естественного права, первый делал из нее такие революционно-республиканские выводы, к которым второй даже не подходил. Некоторые сходные положения сами по себе не доказывают знакомства Подшивалова с книгой Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Не исключено, что Подшивалов знал лишь некоторые положения этой книги, притом не обязательно непосредствен-

⁶⁴ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55.

⁶⁵ В указе Пугачева от 31 июля 1774 г. сказано: «Кои прежде они дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с своими крестьянами» («Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II. Госполитиздат, 1952, стр. 104).

⁶⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 352.

но из первоисточника. Он мог и сам, независимо от Радищева, дойти до этих мыслей. Существенно здесь другое: признаки духовной близости в ряде вопросов у безвестного крепостного вольнодумца и всемирно известного провозвестника русской революции. Эта близость свидетельствует о том, до какой высоты смог подняться в понимании своего времени и его потребностей простой русский человек, вдохновленный пламенной любовью к родине, и о том, насколько глубоко отразил великий революционный мыслитель XVIII в. сокровенные думы и чаяния своего народа.

В отличие от Лоцманова, избравшего в своей повести иносказательную форму критики крепостничества, Подшивалов наносит удар по существующему строю открыто. Характеризуя отношения, сложившиеся между помещиком и крепостным, он показывает, что это есть отношения бесовестного грабежа и порабощения первым второго. «Первый,— говорит он,— не знает куда расточить ваши, трудами приобретенные имения (имущество.— Л. К.); а последний средств не избирает, откуда бы достать оные; видите ли, первый делает бал, а с последнего дерут шкуру; за недоимки оброка первый едет лечиться на теплые воды от болезни, причиненной ему от излишнего роскошества; а последний и тут не прав — он должен денег ему дать на излечение; первый, не доживши до своего времени от непомерной роскоши, переселяется на прежнее свое жилище (т. е. умирает.— Л. К.); а последний тоже ему следует от непосредственных трудов человеку переселяется туда же для удобрения земли, на вечное забвение»⁶⁷.

Крепостной, показывает далее Подшивалов, совершенно бесправен, доведен до крайней степени унижения: не только тело его, но и душа подвластны помещицкому произволу. «Вы говорите,— обращается Подшивалов к хозяевам крепостных «душ»,— что мы рабы, ваши подданные... то есть, что вы пожелаете с нами делать, то и делаете, то есть, что ты не только волен в моем имении, даже и в теле, только не в душе; а и душа нередко вам попадается в жертву; и переносит другой не меньше Иисуса, только-только на кресте не бывает. Что же вы

⁶⁷ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55. «Новый Свет и законы его», кн. I.

молчите и ничего мне не отвечаете? Скажите хоть что-нибудь. Верно эта книга — не трагедия или не рифма, видно не лезет в ваши ученые головы»⁶⁸.

Подшивалов образно сравнивал обездоленных людей, замученных крепостной неволей, с некогда цветущими деревьями, загубленными варварским обращением. «Что за привычка,— негодует Подшивалов против современных рабовладельцев: — то палкою по дереву стучите, то бересту слупите, то листы осмолите — от чего же будет хорошо дерево!»⁶⁹.

Не умея материалистически объяснить истоки социальной несправедливости, Подшивалов считал паразитизм и жестокосердие помещиков и управителей результатом их неразумия, следования неправильным законам; впрочем, это нисколько не оправдывало их в глазах крепостного мыслителя. «Сами вы теперь видите,— продолжает он,— до какого вы заблуждения достигли, что начали принужденно и приневоленно ругаться над подобным себе творением, так что и с воли его и с неволи ругаетесь над ним, как будто над скотом; ведь он рожден, кажется, таким же человеком, как и ты, а вы до такой степени заблуждались, что управляете им хуже во сто крат, как простой мужик своею скотиною. Так скотина дело совсем особенное, но и тут не годится иногда понапрасну ее бить, ибо она бессловесная тварь и скота, когда в сердцах человек напрасно ударит, а после сам, на него глядя, казнится. А из господ есть и таких много, когда подданного по кочевым законам дерут с него шкуру розгами или плетьюми, растянувши по земли как Христа, и его мучают, оный стонет и жалостным, сострадальным голосом желает как бы скорее господина своего подвигнуть к жалости и освободиться от терпимого им мучения; а господин, вместо того, чтобы сжалиться, он во время его истязания бьет его палкою по голове и по плечам и концом оной заграждает ему уста, дабы он не отвечал ему истины; ибо всякий господин, еще малолетний, приучен, чтобы подданный не отвечал ему правды»⁷⁰.

Желая сделать свою критику крепостного строя более доходчивой и впечатляющей, Подшивалов, как и другие

⁶⁸ Там же, кн. 2.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, кн. 6, л. 14.

представители народного свободомыслия, обращался иногда к библейским и евангельским мотивам. Так, он писал, осуждая торговлю помещиков крепостными: «... Это откуда еще глупость взята продавать и покупать подобных тварей самих себя? Откудава этот манер сняли? Теперь я вспомнил, что этот манер взят должно быть от Иосифовых братьев, которые продали брата своего в Египет. Только тот был продан по ненависти своими братьями, ибо они крайне ненавидели его за то, что он любим был отцу своему больше, нежели прочие; итак, это сделано не из корысти, следственно до господ наших здесь не много касается. Так есть еще другой пример, когда Иуда Искариотский запродавал Иисуса на мучение и чтобы сделали его Христом; вот и господа бывшие или еще и теперь есть, в таком случае играют роль Иуды, а которого продают, тот занимает роль Иисуса Христа и мучается до тех пор, покудава перепродадут другому мучителю и так третьему, и до тех пор переходит из рук в руки, покудава от непосносного человеку труда и разнообразных мук помирает»⁷¹. Совершенно очевидно, что ссылки на подобные примеры играют в размышлениях Подшивалова подчиненную, подсобную роль.

Подшивалов обращается не только к помещикам, но и непосредственно к крепостным. Если первых он обличает в их преступлениях, а иногда пытается пристыдить, наивно взывая к их заглохшей совести, то в последних он хочет разжечь ненависть к угнетению и угнетателям, жажду свободы. «О, несчастные народы,— с горечью восклицает Подшивалов,— доколе вы будете блуждать во тьме невежества, как лягушки в болоте, пожираемые цаплями... Боги праведные, будет ли конец мукам, ежеминутно угнетающим сраженное мое сердце от вашего заблуждения, бедные черви, по земли пресмыкающие, неужель вы не чувствуете тягости вашего мучения?»⁷².

* * *

Мысли Подшивалова о будущем, о том, каковы должны быть отношения между людьми,— своеобразный пример крестьянской утопии. Это — нечто вроде плана общественного переустройства, создания нового мира, осно-

⁷¹ Там же, л. 16—17.

⁷² Там же, кн. 1.

ванного на справедливых, по мнению Подшивалова, законах.

Известно, что и прогрессивные философы XVIII в. — Дидро, Гельвеций и другие придавали большое значение законам, действующим в государстве. На этих законах, по мнению буржуазных просветителей, основан политический строй, они определяют среду, в которой воспитываются люди, обуславливают нравы людей. Радищев, видя в законе выражение общественной связи, первого «властителя» в обществе, считал вместе с тем, что народ вправе и обязан оказать неповиновение монарху, нарушающему законы⁷³. Наряду с общей постановкой вопроса, отправлявшейся от идеалистического понимания закона как результата договора между людьми, Радищев подвергал острой критике законы абсолютистско-крепостнического государства, являющиеся «посмеянием священного имени вольности», вся «премудрость» которых состоит только в их «слоге»⁷⁴.

Подшивалов и другие представители народного свободомыслия также полагали, что каковы законы, таковы и отношения между людьми; если хороши законы, то хороши и нравы, и наоборот. Надо, указывал Подшивалов, составить закон, но «не такой, какой у нас теперь существует»⁷⁵. Новому миру нужны новые законы, основанные на справедливости. И действительно — «законы будут новые» — предсказывает Подшивалов⁷⁶. Для человека, живущего во тьме заблуждений, закон есть исцеляющее лекарство и путеводитель в жизни во всех его начинаниях⁷⁷. Закон, в понимании Подшивалова, представляет собой не только государственно-юридическое установление, чисто правовую санкцию, но и определенную этическую норму, «заповедь», правило человеческого поведения.

Не следует рассматривать эту горячую защиту «Закона» вольнодумцами из народа, их веру в спасительную силу законов только как выражение философско-истори-

⁷³ См. А. Н. Радищев. Указ. соч., стр. 103, 123.

⁷⁴ Там же, стр. 176.

⁷⁵ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55. «Новый Свет и законы его», кн. 1.

⁷⁶ Там же, кн. 7, л. 19.

⁷⁷ Там же, кн. 1.

ческого идеализма, непонимания материальной основы общественных отношений. Идеализм Подшивалова и подобных ему самородков, связанный в данном случае с преувеличением, раздуванием роли «законов», не вызывает сомнения. Но несомненно и то, что в их пламенной жажде справедливого, «законного» порядка жизни сказалось многовековое недовольство народных масс царившим вокруг беззаконием. Этому торжествующему беззаконию народные вольнодумцы и противопоставляли «Закон», выраставший в их глазах в могучую общественно преобразующую и нравственно формирующую силу.

Интересно, однако, что даже в тех случаях, когда они допускали возможность осуществить общественные преобразования при помощи царя (что объясняется наивно монархическими предрассудками крестьянства, верой в то, что царь раньше или позже прислушается к советам, поучениям «снизу»), реформаторы из народа не уповали на добрую волю, инициативу самодержавно-помещичьей власти. Царю обычно предписывалось в этих случаях лишь внять «гласу народа» и подписать, официально санкционировать от своего имени новые законы; составление же соответствующих законодательных предложений мыслители из народа предпочитали взять на себя. Тем самым не царь и его сановники, а сам народ в лице своих представителей выступает здесь в качестве законодателя. Обращаясь к царю, Подшивалов предупреждал его: «...Наперед тебе скажу, что увижу и что теперь знаю, того не умолчу — когда делать свободу и освободить род человеческий и вывести всякие наружу злоупотребления и всякий бы знал, что худо и что хорошо...»⁷⁸.

Характерно и то, что свой проект указа об отмене крепостного права Подшивалов именует «Требованием»⁷⁹. Не веря в добровольное согласие помещиков освободить крестьян, он хочет заставить их это сделать. Этой цели и призван служить намеченный Подшиваловым «Полномочный указ о требовании от господ подписи руки его в отдаче бывших его крестьян или невольников...»⁸⁰ Указ этот должен быть подписан высшими властями, что-

⁷⁸ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, д. 55. «Новый Свет и законы» его», кн. 5.

⁷⁹ Там же. «Требование», 28 июня 1830 г.

⁸⁰ Там же.

бы помещики и «нижние духовные чины... не имели сопротивляться никакого права»⁸¹.

Каковы же основные идеи преобразовательной программы Подшивалова?

Первая и главная из них несомненно — отмена крепостного права. «...Всякий (крепостной.— Л. К.), — пишет он, — уволен будет от своего господина и всякий будет сам себе господин»⁸². «Мы не должны иметь... друг над другом какого ни на есть самовластия... Знайте, что теперь без причины никто и никому не может быть подвластен... Мучиться тогда из вас никто не будет, да и мучить вас некому будет... С этих пор терпеть более никто не будет, ибо никто из под неволи терпеть ни перед кем не обязан»⁸³. Вместе с тем Подшивалов предупреждает крепостных «невольников» против благодушия, доверчивости по отношению к их господам, против могущего произойти возврата к прежнему состоянию. «Смотрите же... не давайте опять расточителю вашими трудами приобретенного имени (имущества.— Л. К.), которое вы приобрели прежде сего совокупными силами, то есть тысячами вас собравшимися и работая на вашего господина в правом поте лица своего и старый и малый и все отдавали вашему разорителю проиграть в карты и отдать долг разврату, пропить, проесть и на всякие разные его наслаждения; то это опять вышло бы все и то же, что один скачет, а тысяча плачут»⁸⁴.

Подшивалов — за освобождение крестьян с землей. «Так отдайте же вы, — говорит он помещикам, — всех крестьян вашему, равно и нашему государю, и землю бывшим вашим подданным... Отдайте и не зовите их своими, хотя другому и не понравится, да что делать; свет новый иначе быть не может; ибо свет новый чистый и закон истинный злоупотребления никакого не терпит; так они идут прямо к точке истины»⁸⁵.

Подшивалов требует равного раздела земли. Она должна быть разделена по душам или по тяглам. Если, например, помещик имел две тысячи «мученников», в том числе и дворовых людей, а земли у него было 40 тысяч

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. «Новый Свет и законы его», кн. 4.

⁸³ Там же, кн. 7, лл. 17, 19, 20.

⁸⁴ Там же, кн. 1.

⁸⁵ Там же, кн. 2.

десятин, то на долю каждого придется по 20 десятин; «и всякой из них, владеющий землею, может управлять ею как ему заблагорассудится»⁸⁶.

Бывшие помещики также получают земельный участок в соответствии с этими положениями. Те из них, которые находятся на государственной службе, могут получать жалованье, «но чтобы это было соразмерно для общего порядка; чтобы не находился никто обиженным»⁸⁷. Проект Подшивалова предусматривает выплату всеми владельцами земли после ее раздела, податей (налогов) государству, в соответствии с количеством полученных ими десятин⁸⁸. Уплата податей должна проводиться строго по закону и оформляться выдачей соответствующей квитанции.

Подшиваловский проект утопичен. Действительное освобождение крестьян мирным путем, по мановению царя, было невозможно⁸⁹; да к тому же, если бы они и получили равные надель, о которых мечтал Подшивалов, это их не привело бы в царство справедливости, не спасло от эксплуатации, поскольку последняя неизбежна в условиях господства частной собственности. Но при всей своей ограниченности, крестьянская идея права на землю, выраженная Подшиваловым, имела в то время исторически прогрессивное значение, поскольку ее осуществление вело бы к ликвидации помещичьих латифундий, подрыву власти крепостников и более быстрому и широкому развитию капитализма в России. «Идея „права на землю“ и „уравнительного раздела земли“ есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»⁹⁰.

В будущем Новом Свете, считал Подшивалов, все

⁸⁶ Там же, кн. 6, лл. 28—29.

⁸⁷ Там же, л. 30.

⁸⁸ Там же, л. 28.

⁸⁹ Это понимал и на это указывал Подшивалову кое-кто из его знакомых. Когда он поделился своими мыслями с такими же, как он, крепостными, то реакция была различна: некоторые испугались; другие согласились с его идеями; вместе с тем Подшивалову пришлось выслушать такое замечание: «... Тогда это может быть, когда здесь польются кровавые реки, а иначе воля исполнена быть не может» (ЦГАОР, ф. 109, Секр. архив, ед. хр. № 55. «Родословная»).

⁹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 258.

люди должны будут трудиться. Труд — необходимое условие человеческого существования и обязанность каждого человека. «Должно человеку работать и трудиться, — говорит Подшивалов. — Вопрос: для чего? Ответ: не обработавши земли и не посеявши семян, не будет и хлеба, с голоду помрешь»⁹¹. Труд должен стимулироваться личной заинтересованностью. Каждый будет «трудиться для собственной своей пользы и для общего блага...»⁹², чем больше и успешнее он будет работать, тем больше должен получать жизненных благ «ибо что ты приобретешь через труд твой, то все твое, тогда ты будешь сам себе господин...»⁹³.

Всеобщий, обязательный труд, сочетающий собственную пользу с общим благом, — первая заповедь нравственного кодекса Подшивалова.

Законы Нового Света охраняют личную собственность от посягательства тех, кто хотел бы существовать за чужой счет. Обман, мошенничество запрещаются — за них «строго взыщется»⁹⁴. «Если же кто, не заслуживши, захочет чужую вещь присвоить, такому до двух раз поучить его соразмерно покраже, а за третью — худое дерево из сада вон, чтобы оно хорошего не заглушило... Если же кто имеет на чужое сокровище зависть от привычки или от худого воспитания, такого я почитаю мучеником на этом свете самому себе; пушай его мучается от произвольного своего дурачества»⁹⁵.

Подшивалов требует наведения порядка и в армии; он выступает в защиту солдат от жестокого произвола командиров. Отношения между солдатами и командирами, как и другие общественные связи, должны основываться на справедливых законах, быть гуманными. Нужно, указывает он, «солдату знать, что он получает и что он получил и что начальник его получает, чтоб он не был в таком случае слеп, когда он будет знать и видеть, что принадлежит начальнику и что принадлежит солдату, чтобы не был он в каком сомнении и в какой бы то он службе не находился, в коннице или пехоте, он не дол-

⁹¹ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55. «Новый Свет и законы его», кн. 1.

⁹² Там же, кн. 3.

⁹³ Там же, кн. 7, л. 18

⁹⁴ Там же, кн. 2.

⁹⁵ Там же, кн. 1.

жен тогда сомневаться, справедливо ли он ропщет на ихнего господина поручика или капитана, или господина полковника и командира полкового, господина генерала...»⁹⁶.

В связи с рассмотрением порядков в армии, перед Подшиваловым встает и более общий вопрос — о наградах. Он требует отмены сословных привилегий; единственное исключение делается для царя, да и то с оговоркой, что если его род пресечется, то «тогда можно обществом избрать достойного на царское место». Каждый человек имеет право только на те чины и награды, которые он заслужил своим трудом. Нужно, говорит Подшивалов, «чтобы благородия были установлены по достоинству службы, а не по природе, иначе, без этого хорошо быть не может; потому что от теперешних наших природных благородиев нередко случается, что происходит какой-нибудь глупец или и совсем дурак, только превозносится своим восхищением, а в поступках оказывает себя хуже простого солдата. Так что же мне до того что [он] какой-нибудь природный князь или граф, или генеральский сынок, воспитанный подданными его невольниками, ...мы должны лучше надеяться на того, который в точности дела исполняет, а не то, что он говорит: я-де природный дворянин, да дурак. Так как же ему препоручить какое-либо важное дело, о котором он и понятия не имеет [?]. А у нас теперь много есть таких природных благородиев, которые дальше своей деревни и маневров еще нигде не бывали, а только языком мелет, что он читал, а сам ничего не испытал и командует таким человеком, который уже давно забыл, что он помнит, который совершенно испытан и ...довольно перенес худа и добра; так как же ему не больно и не мучительно переносить какие-либо... нанесенные ему несмыслом неприятности. Только и достоинства, что он природный князь или граф, а надлежит так разбирать благородия, кто и что заслужит и в чем. То есть когда он солдат, заслуживающий степени и должно ему дать, чего он достоин... Если он заслужит чин генерала — пускай будет генерал. Но если он заслужит прохвоста, то и должен быть прохвостом. Итак, кто и чего будет достоин и кто чего заслужит, тот то и получит»⁹⁷.

⁹⁶ Там же, кн. 5.

⁹⁷ Там же.

Антидворянская направленность этих рассуждений видна и в отрицании наследования привилегий: дети не должны «присваивать себе отцовской заслуги и не числиться наследниками по чину»⁹⁸.

Пристальное внимание Подшивалова привлекают и вопросы брака, семьи. Вслед за Радищевым, который придавал большое значение институту семьи, и настаивал на свободном заключении браков крестьянами, самоучка-философ также утверждал, что в вопросах брака нельзя допускать принуждения; отношения между полами должны основываться на взаимной любви и уважении. Подшивалов — убежденный противник бесчеловечных «устоев», насаждавшихся в крепостническом обществе, насильственного заключения и расторжения браков по прихоти помещиков и т. п. Супруги, говорит он, должны любить друг друга, но это возможно лишь «по своей воле, а не по принуждению, ибо принужденное супружество, равно и принужденная любовь никогда благополучно быть не может»⁹⁹.

Подшивалов возражает против слишком ранних браков. В этой же связи он выступает против пьянства, ибо оно не только разрушает здоровье родителей, но и пагубно отражается на потомстве: «в таком случае произведенный плод ваш всегда будет иметь в себе какой-нибудь недостаток, например; или будет дурак, или пьяница, или человекоубийца, или завистлив, ненавистлив или зол, или слишком самолюбив, или слаб сложением тела и здоровья, даже совсем может родиться какой-нибудь урод или калека»¹⁰⁰.

Прочность и высокая нравственность семьи во многом зависит от здоровых, справедливых отношений между родителями и детьми. Те и другие должны не на словах, а на деле заботиться друг о друге. Родители обязаны обучать и воспитывать детей, учить их разбираться в жизни, понимать «что худо и что хорошо»¹⁰¹. В семье не следует допускать предпочтения одних детей другим, делить их на любимцев и постылых. «Смотрите ж, родители, только и различайте детей своих.. старшинством по рождению, а науками по классам и по прилежности их в пособии

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, кн. 6, л. 25.

¹⁰⁰ Там же, кн. 3, л. 13.

¹⁰¹ Там же, л. 16.

отцу и матери...»¹⁰². Воспитание должно с ранних лет приучать к нормам справедливости.

Уничтожение гнета, насилия, общественного неравенства, надеялся Подшивалов, приведет к очищению нравов, ибо исчезнут причины, побуждавшие людей идти против своей совести, лгать и т. д. «... Как только избавится народ от терпимого им ига,— писал крепостной реформатор,— тогда никто не должен будет лгать, ибо в том никому нужды не будет»¹⁰³.

Совесть, по мысли Подшивалова, это внутренний судья, голос которого должен постоянно звучать в человеческой душе. Категория совести занимает очень важное место в народном миропонимании, в этических суждениях русского народа. Об этом свидетельствуют, в частности, пословицы: «Совесть без зубов, а загрызет»; «с совестью не разминешься» и т. п. В русле этой народной традиции развиваются и этические воззрения Подшивалова. «... Не должен ты,— учит он,— нигде солгать или кого-либо обмануть, а то ты никогда свободен быть не можешь телом и душой, ибо ты сам себя свяжешь своими худыми поступками; если ты будешь что-нибудь делать ложно, тебя совесть будет укорять за худые твои дела и в таком случае ты сам на себя навлечешь мучения и угрызения совести, будешь себя томить и терзать. Следственно ты и не должен ничего и никому лгать или обманывать. Но будь кто не бросит свои прежние привычки, тот будет жестоко наказан, ибо теперь тебе лгать или обманывать совсем никакой нужды не будет. Ты прежде лгал для избежания мучения перед твоим господином, а теперь тебя никто мучить больше не будет»¹⁰⁴.

В корне преобразовывается в Новом Свете и суд. Он будет решать все дела «по новым законам», «по истинной правде».

В представлениях Подшивалова о будущем обществе, которое мыслилось им как царство справедливости, отразились мечты и стремления угнетенных крепостничеством народных масс. В то же время эти представления выявляют важный аспект духовной драмы мыслителя-самородка: тот общественный строй, который шел на смену

¹⁰² Там же, кн. 6, л. 26—27.

¹⁰³ Там же. Письмо от 12 июня 1830 г., л. 4.

¹⁰⁴ Там же. «Новый Свет и законы его», кн. 3, лл. 14—16.

феодализму, не мог не обмануть его надежд — это было не «царство божие на земле», а царство бессердечного буржуазного чистогана.

*

Исключительно большую роль в подшиваловском замысле общественного переустройства играет вопрос об отношении к религии. Для того чтобы покончить со старым, отжившим, несправедливым миром, необходимо, считал Подшивалов, освободить людей от сковывающих их религиозно-церковных догматов, развенчать господствующую религию.

Подшивалов не поднялся в своем мировоззрении до отрицания веры в бога. Но его вера во многом отличалась от официально признанной. Ей были присущи пантеистические и деистические мотивы, она сочеталась со стихийно-материалистическими размышлениями и резкой критикой христианства.

Бог понимается Подшиваловым не как особая надмирная личность, восседающая на сверхъестественном троне, а как «свет чистый и праведный»¹⁰⁵, существующий «везде» и одновременно «нигде»¹⁰⁶. Это в основе своей, для Подшивалова, категория этическая, своего рода синоним добра, правды. Недаром слово «свет» употребляется им и в смысле, означающем «мир», «общество», основанное на законах истины и справедливости.

Относя миротворение к далекому, неведомому прошлому, Подшивалов признает бога не единственным «столпом» настоящего. Такими «столпами» являются также «натура (природа) и истина. Эти три понятия сближаются и даже сливаются у Подшивалова: «они есть одно...»¹⁰⁷

Более того, человек непосредственно связан в своем происхождении и существовании не с богом, а с природой. Вопреки каноническому утверждению Библии: сотворил Бог человека по образу своему, — Подшивалов уверен в том, что эти слова должны быть отнесены к природе. Именно природа порождает человека по своему собственному образу и подобию. «Натура управляет че-

¹⁰⁵ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830, д. 55, «Новый свет и законы его», кн. 7, л. 1.

¹⁰⁶ Там же, кн. 6, л. 1.

¹⁰⁷ Там же, кн. 2.

ловеком,— пишет Подшивалов,— так как она его создала по своему небесному, земному и воздушному действию»¹⁰⁸. «Человек рождается от образа природы, ибо он все бытие свое получил от влияния в него природою; и все его чувства и желания побуждаемы природою, ибо она его с тем произвела на свет и сама в него вдохнула, дала ему жизнь или душу, через которую или посредством оной человек действовать должен. Ибо в нем душа подобна часовой пружине или органу, посредством которого человек действует и желает всего того, что он получил при вдохновении ему природою»¹⁰⁹. Поскольку человек создан природою, постольку «он и принял образ природы, а мнения получил от нее же...»¹¹⁰.

Подшивалов подчеркивал, что в своих рассуждениях он исходит из действительности, из природы. «...Написал я вам то,— замечает он,— что от природы, сама натура мне вдохнула и заронила в сердце искру истины»¹¹¹. «Я сам от себя ничего не выдумывал, а писал то только, что по вдохновению мне самой природою или природою побуждаемо было... Природа меня побуждает, чтоб я показал теперь вам истинный закон и заповеди его»¹¹².

«... Натура,— писал Подшивалов,— имеет вид разнообразный»¹¹³. Многообразие ее произведений вытекает из различия ее качеств и свойств. Это может быть доказано опытным путем, например, при помощи геологических изысканий. «... Мы должны опуститься в землю к разнообразным металлам,— от чего оные происходят разнообразны. Они... получили разнообразие по свойствам и качествам природы, равно и деревья произошли таким же образом по свойству земли и климата и воздуха; равно и всякая животная тварь сотворена таким же образом. Только здесь есть между ними небольшая разница, то есть между металлом и деревом и между животным простым и животным превосходным, ибо всякая тварь хороша в своем роде; дерево получило бытие свое от земли и воздуха и климата, руда таким же образом рождается там, где ей способно и какой вид она может

¹⁰⁸ Там же, кн. 1.

¹⁰⁹ Там же, кн. 6, лл. 19—21.

¹¹⁰ Там же, кн. 7, лл. 6—7.

¹¹¹ Там же, кн. 1.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, кн. 7, л. 5.

на себя принять. то есть золотой или серебряный или медный»¹¹⁴. В одних условиях под влиянием определенных естественных причин возникли одни металлы, растения, животные в других — иные.

Между произведениями единой природы имеется связь и даже сходство. Такое свойство, как чувствительность, присуще не только человеку и более простым животным организмам, но и растениям. «Да будет вам известно, что человек не только может в чувствах и создании сравняться с простым животным, но даже уподобиться и дереву. Но дерево только плод земной и безгласный, а сходство имеет с чувствами человека. Например, подруби дерево в нескольких местах, оно начинает сохнуть. Сними же с человека его бересту и выпусти из него сок, и человек начинает чахнуть, сохнуть и скорбеть и так, не дожидая своего термину, помирает. Оставим теперь сей предмет, а возьмем человека и животное. Это еще будет ближе к чувствам и к созданию человека»¹¹⁵.

Сравнение Подшиваловым человеческой «души» (психики), которую философы-идеалисты, не говоря уже о теологах, объявляют сверхъестественной, таинственной силой с часовой пружиной, имеющей земное, природное происхождение, уподобление человека как чувствующего существа животным и даже растениям говорит о некоторой близости натурфилософских представлений русского крепостного вольнодумца, при всей их наивности, метафизическому и механистическому материализму XVIII в.

Допуская, что природа была некогда создана богом, Подшивалов видит в ней, однако, не мистическую сущность и мертвый материал, не пассивное начало, а активную, жизнетворящую силу. Деизм является у него, как это не раз было в истории философии, формой высвобождения из религиозных пут.

«...Я по сию пору никакой сверхъестественной силы не знаю»¹¹⁶, говорит Подшивалов. Не слепая вера в сверхъестественное, возвеличиваемая религией, а познание природы и человека ведет нас к истине. «А истине мы должны быть все подвержены, ибо мы без нее никакого дела предпринять не можем; если мы какое-либо дело пред-

¹¹⁴ Там же, лл. 5—6.

¹¹⁵ Там же, лл. 1—2.

¹¹⁶ Там же. «Родословная».

принимаем против истины, тогда мы в ту ж самую минуту чувствуем какое-то непонятное чувство волнения духа... Правда светлее солнца, кто же дерзнет противу ее стоять; какой бы смертный мог дерзнуть испровергнуть истину, разрушить ее святыню и потрясти недра природы; это должен быть изверг человеков и нарушитель истины... Горе тому... кто не ходит по пути истины и правды, т. е. по чистой дороге»¹¹⁷.

Высмеивая известное библейское положение о сотворении богом человека «из праха земного», Подшивалов говорит: «Желаю я знать, каким бы это образом первый человек сделан был из песку, а когда бог в него дунул, то он встал и не рассыпался. И у нас столько было разума, что некоторые тому и поверили и эта выдумка была не последняя»¹¹⁸.

Библия, полагал Подшивалов, не способна разумно объяснить и происхождение остальных существ, «из какого же вещества прочие твари были сделаны»¹¹⁹. С точки зрения Подшивалова, люди, как и все остальные произведения природы, появились не в результате чуда, а вполне естественным путем: «натура... родила человека»¹²⁰.

Библейская легенда о грехопадении Адама и Евы вытесняется в сознании Подшивалова представлениями о «натуральном» человеке¹²¹, «первородном» племени, несколько напоминающими «естественное состояние» Руссо. Речь идет, разъяснял Подшивалов, не о том племени, «о котором нам упоминала книга Библия, или найденный и потерянный рай (имеются в виду сочинения Джона Мильтона «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». — Л. К.), т. е. не Адаме и Еве, которых искусил змей,.. а я о том племени вам говорю, о котором я вам уже и сказал, которые произвели по врожденной им натурою склонности любовное действие, никем будучи не искушаемы,.. по врожденной им склонности от природы; ибо чего сама природа требовала, то они и должны были сделать, и посредством одного плотисоединительного действия и произвели на свет подобных им самим. Иначе, без этого

¹¹⁷ Там же. «Новый Свет и законы его», кн. 1.

¹¹⁸ Там же, кн. 7, лл. 1—2.

¹¹⁹ Там же, л. 3.

¹²⁰ Там же, лл. 6—7.

¹²¹ Там же, л. 13.

обойтись им никак не можно было; ...их искушать было не для чего, когда они были с тем произведены на свет»¹²². В другом месте Подшивалов пишет: «Мать наша — земля, потому что родители наши произвели нас на свет от плодов земных, ибо они произвели нас на свет от соединения скопившихся жизненных соков; а соки оные они получили от плодов земных; и когда мы помираем, то опять в землю идем, ибо из земли взяты—в землю опять пойдем»¹²³.

Подшивалов не приемлет и религиозный миф о ноевом потопе. Ноя, согласно Библии, человека праведного и непорочного, «ходившего перед богом» и спасенного в награду за это вместе со своими сыновьями — Симом, Хамом и Иафетом от всемирного потопа, Подшивалов непочтительно называет «хмельным стариком». Он с иронией говорит о «мученической» вере, выдуманной апостолами или «Ноем праведным после большого наводнения, от которого произошли разные поколения [—] симы, хамы и яфеты, т. е. одни с рогами, а прочие просто так...»¹²⁴

Господствующая религия с ее лицемерием и ханжеством, «чудесами», догматикой и обрядностью, рассматривается Подшиваловым как одна из разновидностей идолопоклонства, результат того, что «прапрадеды наши заблудились». Вначале люди, впавшие в заблуждение, поклонялись «глиняным болванам или статуям», потом на смену этим идолам пришел Иисус Христос. По вере в Иисуса Подшивалов и наносит свой главный удар. Он видит в Иисусе историческую личность и категорически оспаривает его божественность. Иисус, по мнению Подшивалова, обманщик и злодей, навлекший на человечество величайшие бедствия, а учение Иисуса — несчастное наследство, с которым надо покончить как можно скорее.

«...Мучитель,— взывает к Иисусу Подшивалов,— долго ли еще будешь путать род человеческий в своих сетях и еще будешь их (людей.— Л. К.) слепить, как лягушек болотных [?]. Нет, время уже прекратить сие мучение»¹²⁵. «Пришло время то,— говорит он в другом ме-

¹²² Там же, л. 26.

¹²³ Там же, кн. 6, л. 9.

¹²⁴ Там же, кн. 2.

¹²⁵ Там же. «Родословная».

сте,— чтобы больше не поклоняться Иисусу Христу, матерям божьим и всем святым мощам»¹²⁶. «А если кому соскучится по привычке, что мало богов и некому свечей становить и попеременно молиться, то пожалуй пушай поставит хоть козла или теленка и попросит у него милости, ибо здесь выгоду найдет небольшую, а только тем может удобнее себе утратить напрасно полезное время. Но если соскучится кому, что не гонят его палкою на барщину и давно зажила спина, такому позволяется с самим собою удовлетворять себя как ему угодно будет, например, будет состоять в доброй и глупой его воле, если не избита у него спина, то может ее избить сам себе как ему угодно будет... Однако я вижу, отцы духовные, что это в храме божием читать неприлично,.. ибо тут без смеху дело не обойдется, а в церкви смеяться неприлично, то вы можете от избежания лишних трудов препоручить сие бывшим господским управителям; ибо от них весь смех оный происходит, а бедные миряне все оное делали по причине прежних наших законов, по преданию Иисуса и праотца нашего Ноя праведного»¹²⁷.

Подшивалов — гуманист и жизнелюб. Земная жизнь для него — единственное и абсолютное благо, человек — высшая ценность. Уделом человека на земле должно быть не страдание, а счастье. «Для чего мы произведены на свет: для того ли, чтоб царствовать и веселиться, или чтоб всю жизнь свою страдать и мучиться? Если бы кто у меня спросил, которого я желаю из двух вышеупомянутых царств — первого или последнего, т. е. царствовать и веселиться или страдать и мучиться, наверное я скажу, что царствовать и веселиться. Я думаю, что и вы со мной согласны будете потому, что страдание и мучение нам очень надоели и прескучили»¹²⁸. Поэтому в христианстве Подшивалова особенно отталкивало то, что оно признает земную жизнь юдолюю страданий и воспекает их. В культе мученичества проявляется бесчеловечность господствующей религии. Ссылкой на мучения, испытанные Иисусом, христианство оправдывает страдания человечества: бог терпел и нам велел. Вера в неизбежность и исцеляющую силу этих страданий породила несправедливые законы, все они основаны на мучении. Мучение

¹²⁶ Там же, «Новый свет и законы его», кн. 6, л. 11.

¹²⁷ Там же, кн. 3, лл. 7—10.

¹²⁸ Там же, кн. 7, л. 24.

привело к лжи и корыстолюбию, так что «теперь совершенный ад на земле, обман, разврат, самолюбие, роскошь, ненависть, вражда»¹²⁹.

Проклиная ад, устроенный на земле тиранами, Подшивалов не верит в ад потусторонний, сверхъестественный, возглавляемый дьяволом. Не верит он и в рай со всей его иерархией святых и праведников. «Ада и рая нету,— пишет он,— да никогда «не бывало и надеялись мы на них совершенно напрасно»¹³⁰. «...И сатану, вами выдуманного, не бойтесь, потому что его никогда не бывало»¹³¹.

С отрицанием потустороннего, загробного существования тесно связано выступление Подшивалова против идеи бессмертия души. И в этом вопросе крепостной самородок в меру своих сил и возможностей продолжает традицию передовой русской мысли.

Идея бессмертия души породила острые философские разногласия.

О бессмертии души проповедовали с церковных амвонов и университетских кафедр, в сочинениях, опубликованных русскими авторами и в переводных «опусах»¹³², а также на страницах рукописной литературы. В качестве примера сошлемся на большой рукописный трактат одного из ярославских помещиков: «Богословия дворянина-философа, сочиненная им самим. Списанная с собственной его руки. В Ярославле, 1790 года, мая 1 дня». Автор исходил из допущения в человеке двух начал: земного (тела) и небесного (души). Душа присоединена к телу по воле божией «как воевода дан граду, кормщик кораблю, господин дому или царь стране».

Не отрицая большой роли мозга в жизнедеятельности организма, философ-дворянин признавал его лишь исполнителем велений души. Последняя, утверждал он, ни из чего не сложена, божественна по своей натуре и

¹²⁹ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830, д. 55, «Новый Свет и законы его», кн. 3, л. 5.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же, кн. 1.

¹³² «Рассуждение о бессмертии души...» В. Золотницкого (1768); «Вольнодумец убеждаемый...» И. Кондорского (1824); «Беседа на гробе младенца о бессмертии души» Е. Станевича (1825) в масонской печати и т. д.; «Бессмертие души, основательно против безбожников и скептиков доказанное Иоаном Швелингемом». СПб., 1779; «Дифирамб на бессмертие души» Делиля. СПб., 1804 и др.

потому бессмертна. Бессмертие составляет ее главное свойство¹³³.

Бессмертие души отрицалось русскими вольнодумцами.

В одном из рукописных сборников приведено предсмертное письмо молодого литератора XVIII в. Михаила Сушкова, написанное в 1792 г. Выражая нежелание жить в «ничтожестве», пресмыкаться в обществе, где «бедность весится равно с злодейством», он писал: «Никогда и никто не был столько уверен в небытии души, как я, прочтя то место, где Волтер хотел доказать, что она существует; когда сам Волтер не мог меня уверить, то какие же богословы то бы сделали?»¹³⁴. Здесь же находится философское завещание ярославца Опочинина, относящееся к 1793 г. Решившись покончить жизнь самоубийством (и выполнив, подобно Сушкову, это намерение), Опочинин четко формулирует свое материалистическое и атеистическое кредо: «Смерть не что иное, как прохождение из бытия в совершенное уничтожение. Мой ум довольно постигает, что человек имеет существование движением природы, его оживотворяющей, и коль скоро ресурсы в нем откажутся от своего действия, то он верно обращается в ничто. *Post mortem nihil est*, т. е. после смерти ничего нет... Несколько частиц пороху чрез малое время истребят сию движимую машину, которую самолюбивые и суеверные мои современники называют душою»¹³⁵. В письме к брату Опочинин писал: «В церквях меня не поминай, я тебя уверяю, что это все пустое»¹³⁶.

Против религиозного догмата бессмертия души выступали и некоторые крепостные. А. Т. Болотов (1738—1833) вспоминает в своем «Опыте нравоучительным сочинениям» о разговоре между двумя дворовыми, принадлежавшими разным помещикам. Они жаловались друг другу на жестокое обращение своих господ, а затем стали утешать друг друга. Один советовал терпеливо сносить притеснения, полагаясь на милость божию. Другой с усмешкой ответил, что он неправильно говорит, терпеть больше невозможно. Вскоре они начали

¹³³ ЦГАДА, ф. 196, 1790 г., ед. хр. 1508, лл. 73, 58—58 об., 61 об.

¹³⁴ РОГБЛ, ф. 178, ед. хр. 2805, лл. 109, 110 об.

¹³⁵ Там же, лл. 111 об.—112. См. «Исторический вестник», т. XI, 1883 г., стр. 224—226.

¹³⁶ РОГБЛ, ф. 178, ед. хр. 2805, л. 114

пространно обсуждать общие проблемы жизни и смерти. «Живи, живи, трудись, трудись, а наконец умри и пропади, как собака», — сказал один. «Подлинно так, — отвечал ему другой, — покамест человек дышит, до тех пор он и есть, а как дух вон, так и ему конец». «Слова сии, — пишет Болотов, — привели меня в немалое удивление, но я больше удивился, как из продолжения разговора их услышал, что они и действительно с телом и душу потерять думают. Не мог я долее терпеть сего разговора, но, растворив окно, прикликал их к себе и им более сей вздор врать запретил. Они ответствовали мне, что лучше того не знают и про душу почти все они так думают; а как я их спросил, разве они про бессмертие души и про воскресение из мертвых никогда не слыхивали, то сказали они мне, что хотя в церкви кое-когда про воскресение они и слышали, но то им непонятное дело и что тому стать невозможно, чтоб согнившее тело опять встало...» На предложение Болотова обратиться к попам за разъяснением этой проблемы, господские служители, усмехнувшись, ответили: «Разве вы не знаете, что попы и господа помилуй даром не скажут, а нам где, боярин, деньги брать». Болотов впал в «великое смущение», не понимая, как смогли крепостные приобрести столь опасные понятия, дойти до отрицания бессмертия души, что «одним только материалистам свойственно». Его опасения еще более возросли, когда он услышал, что среди простого народа «едва ли сотого человека сыскать можно, который бы о бессмертии души твердо удостоверен был»¹³⁷.

Отрицательно относился к религиозному догмату бессмертия и крепостной В. Никитенко, о котором говорилось выше. «Все кончено.... — вот и философия», — сказал он после смерти одного из своих знакомых, полемически заостряя этот вывод против находившегося рядом священника¹³⁸.

Неприятие Подшиваловым идеи бессмертия души являлось логическим следствием его стихийно-материалистического подхода к «душе» (точнее к носителю психических функций — мозгу) как своего рода часовой пружине, приводимой в действие естественными причи-

¹³⁷ «Литературное наследство», 9—10, 1933, стр. 179—180.

¹³⁸ А. В. Никитенко. Указ. соч., стр. 32.

нами, органу, «посредством которого человек действует и желает», причем «все его чувства и желания побуждаемы натурою»¹³⁹.

Рассматривая душевную (психическую) деятельность человека, его ощущения и мышление в неразрывной связи с его телом и окружающей материальной действительностью, Подшивалов не мог не прийти к отрицанию бессмертия души. Смертно, полагал он, не только третируемое христианством тело («сосуд греховный»), но и перевозимая им душа, якобы связывающая человека с потусторонним небесным царством. «...Ты из земли вышел — в землю опять и пойдешь и землю опять будешь, — говорит Подшивалов, — а душа, которую ты называл душою, во время последнего твоего дыхания остается в воздухе и превращается в ничто»¹⁴⁰. «...В земле ты мертвый никакого другого свету не увидишь, а только живи хорошенько здесь и довольствуйся всем тем, что только ты по силе и возможности своей приобрести себе можешь»¹⁴¹.

Отрицание Подшиваловым бессмертия души было направлено как против христианского вероучения о воскресении Христа, так и против религиозной концепции вечной загробной жизни, обещания потусторонней справедливости, призванной примирить людей с реальным неравенством.

С целью культивирования веры в бессмертие и святых церковь часто прибегала к «открытию» так называемых нетленных мощей. Подшивалов не оставил без критики и эту деятельность церковников. Он писал: «Если, кто из вас будет упорствовать или ссылаться на мощи, по мнению вашему святых, — обращается он к читателям, — да откроется вам всем заблуждение глаз ваших и разум ваш да будет в здравом помышлении. Да будет вам известно и вразумительно — и сами вы теперь видите, — что святых мощей уже сколько лет, как они нигде больше не открываются, так вразумите ж вы сами себя, отчего их больше не является. От того, что стало много таких людей, которые смотрят собственными своими глазами и видят, что такое мощи и слепо не верят

¹³⁹ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, 1830 г., д. 55. «Новый Свет и законы его», кн. 6, лл. 20—21.

¹⁴⁰ Там же, кн. 3, лл. 5—6.

¹⁴¹ Там же, кн. 7, л. 21.

этим глупым бредням. Конечно, они прежде существовали, когда сила и власть существовала Иисуса, а если они теперь и есть, то знайте, что они только до сих пор поддерживаемы были спиртами и прочими тому подобными веществами для того только, дабы удобнее было им слепить хорошенько народ и делать умных безумными, т. е. дураками и подобными несмышленным скотам, т. е. попросту сказать глушить народ. Но здравомыслящего человека трудно в том уверить да и совсем нельзя, особенно в теперешнее время, которое уже пришло, перестать бродить в темноте невежества, ибо проницательный и остроумный человек никогда не заставит себя напрасно мучить и верить в долг и надеяться на будущее царство; ибо разумный человек сейчас проникнет какая там будет награда». Подшивалов обрушивается против монахов и монахинь, которые паразитируют на народной темноте и «смеются, что им удастся хорошо слепить малодушных, и не работавши пьют и хорошо едят и беззаботно спят. Они всегда были в том уверены, что по их век дураков будет, что из доброй и глупой своей воли будут их поить и кормить и с ихними мертвецами»¹⁴².

Центральным пунктом, фокусом подшиваловской критики христианства являются выступления против проповеди смирения, всепрощения и тесно связанной с нею веры в загробное утешение, потустороннее божественное воздаяние. В этом пункте религиозное вольнодумство Подшивалова особенно тесно переплетается с антикрепостническими взглядами.

Внушая народу мысль о потустороннем вознаграждении либо возмездии, угнетатели, церковники хотят при помощи этой иллюзии посеять покорность в умах людей, примирить их с социальным неравенством. Если бы, считал Подшивалов, крепостные, измученные барщиной, терзаемые помещичьим произволом, не надеялись на будущие небесные блага, они активнее ратовали бы за свои права здесь, на земле. Ничто не вызывает такой ненависти Подшивалова, как ханжеская проповедь: терпи на этом свете, ибо бог заплатит тебе на том свете. «Я право по сию пору не знаю,— заявляет Подшивалов,— какая там заплата (оплата.— Л. К.). ...Боже, боже праведный, когда велишь заплатить им (господам.— Л. К.)

¹⁴² Там же, кн. 4.

долги наши, что-то... не видать... Когда нам господа наши оброк заплатят или шкуры наши, содранные с несчастных, — по причине большого просвещения — отдадут; верно скажут: на том свете. Я знал наперед, что они точно так скажут; вот наши законы на чем основаны». «Заплати мне здесь, — продолжает Подшивалов, — а на том свете пушай господину заплатят; верно он не согласится, потому что где он будет, там и я; один рай будет, откуда взяты, туда и попадем. Так за что же мы говорим: терпи, дитяtko, на том свете заплатят [?]».

Кто же это такой плательщик, я еще ни одного не видал, который бы оттуда с заплатою возвратился; вот что он (Иисус. — *Л. К.*) сделал, только и успевай — стпущай в долг, а на том свете заплатят. Напрасно вы книги наши славянские перевели на чистый российский или гражданскую печать; а то бы и о сю пору мучились от невразумения; сами ж вы нам открыли глаза, — так теперь не посудите; теперь я у вас спрошу: расплатится ль господин какой-нибудь за оброк и за шкуры со своими подобными [?]. Пряমেхенько окажет: в будущем, потому что верно здесь надо пожить хорошенько... Итак, если бы не надеялись на будущее, а разрешали бы (споры. — *Л. К.*) здесь, наверное лучше было бы. А то все упования наши возлагаем на будущие два мнимые царства — ад и рай, выдуманные Иисусом, и на всю его путаницу. Если бы рассмотрели его выдумку, несообразную человеческому природному наклонению (естественной склонности. — *Л. К.*), давно бы увидали и узнали свое происхождение и равенство и в долг бы отпущать не стали, а всякой бы расплачивался здесь, чтоб не позабыть кто, кому и сколько должен»¹⁴³.

Далекий от понимания материальных основ общественной жизни, Подшивалов, естественно, не мог видеть социально-экономических, классовых корней религии. Вслед за Вольтером и другими просветителями XVIII в. он полагал, что религиозные предрассудки коренятся в сфере идей — в обмане одних и темноте, невежестве других. Но его жизненный опыт помог ему подойти к осознанию того, что господствующая религия играет роль духовного жандарма в закабалении трудящихся. Так, разбирая бытующие в народе представления об аде,

¹⁴³ Там же, кн. 1; кн. 2.

Подшивалов показывает, что они служат для устрашения простых людей, подчинения их барской воле. С этой целью, пишет Подшивалов, «вколотили нам в головы такую чепуху», т. е., что сатана будет варить людей в котлах и сечь их раскаленными железными прутьями. «За что же, спроси, — чтоб повиновались своим господам, то есть братьям своим, которые и на этом свете не позабывают нас потчивать дубиною, а иногда и по образу и по подобию, за власы и в потасовку, а иногда мало, так и прутьями в палец толщиной»¹⁴⁴. И далее: «Скажите им (угнетенным.— Л. К.), что черта или сатаны, который по ихнему мнению мучил в аду народ за грехи, тоже никогда не было и того, а это только для того было им сказано, дабы они надеялись на будущее, которого совсем не бывало, ибо это для того было еще сказано, чтобы удобнее всякого, в Христа верующего, свободнее привести к повиновению господам и чтоб они без всякого упорства мучились...»¹⁴⁵.

Подход к уяснению социальной функции религиозных суеверий как орудия угнетения масс — одна из сильных сторон мировоззрения Подшивалова.

Какие же выводы вытекают из подшиваловской критики христианства?

Прежде всего Подшивалов предлагает отбросить пустые упования на загробную жизнь и требовать справедливости на земле. Нужно, «чтобы никто не надеялся на будущий ад и рай и всякий бы расплачивался бы здесь и всякий бы работал и трудился сам для себя, а если господин пожелает, чтоб ему работали, то должен заплатить здесь, а в долг больше не верить никому, что на том свете оплаты никакой никому не будет»¹⁴⁶.

Второй вывод состоит в том, что официальная религия противоречит истине и интересам народа. Поэтому Подшивалов требует «не веровать больше Иисусу и его святым и матерям Божиим, аду и раю и сатане, который изсушал род человеческий; ибо покудова человек не перестанет в них веровать, до тех пор и свободен быть не может телом и душой. Итак, я советую лучше бы с ними разделаться и не путаться больше в их тенетах»¹⁴⁷.

¹⁴⁴ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, д. «Новый Свет и законы его», кн. I.

¹⁴⁵ Там же, кн. 3, л. 11.

¹⁴⁶ Там же, л. 7.

¹⁴⁷ Там же, кн. 6, л. 10.

Нужно оставить «мученическую христианскую веру» и предать ее забвению¹⁴⁸.

Отрицание Подшиваловым божественности Иисуса Христа, библейско-евангельских легенд о чудесах, святых и бессмертии души, аде и рае, осуждение обмана и тунеядства попов и монахов, выражало рост антиклерикальных и атеистических настроений крестьянских масс и вообще трудящихся. Религиозному мифу о потустороннем воздаянии и возмездии Подшивалов противопоставлял свою веру в возможность установления справедливых отношений на земле, в победу будущего Нового Света, который явится царством торжествующей человечности и жизнеутверждения. «...Пришло время,—говорил он,—сотворить Новый Свет на земле нашей и отыскать правду»¹⁴⁹. «Этот свет совсем будет не на мучении основан; ибо он основан будет на воле и удовольствии рода человеческого, потому что человек рождается совсем не для того, чтобы он мучился или кто бы его мучил, а человек единственно для того родился, дабы он украшал природу и землю... и был бы в совершенном виде человека для украшения природы»¹⁵⁰.

Но иногда Подшивалова охватывало отчаяние: он чувствовал, что его голос одинокого проповедника, лишённого непосредственной связи с массовым революционным движением и вступившего в неравный бой с человекоубийственной машиной самодержавия, не доходит до народа, не встречает желанного отклика. И тогда он восклицал, страдая, подобно Лоцманову, от безучастия равнодушных, стараясь пробудить спящих: «Видите ли да слышите ли, с вами ли уши ваши, носите их с собой; когда же вы столько самолюбивы и не хотите верить этому и слышать, так заколотите же их совсем и замажьте ваши глаза болотной тиной». «Да разрушится ваша окаменелая нечувствительность, сжальтесь, несчастные, над самими собой...»¹⁵¹.

На призыв героя Запорожской Сечи — гоголевского Остапа, терзаемого палачами: «Батько? где ты? Слышишь ли ты?» — отец Остапа Тараса Бульба отвечал: «Слышу!» Это был отклик самого народа. Подшивалову

¹⁴⁸ Там же, л. 15.

¹⁴⁹ Там же, кн. 2.

¹⁵⁰ Там же. Письмо от 27 июня 1830 г.

¹⁵¹ Там же, «Новый Свет и законы его», кн. 1.

и его единомышленникам не суждено было услышать такой ответ. Но голоса, созвучные их собственным, раздавались непрерывно в обширном пространстве Российской империи. Эти голоса невозможно было заглушить.

Владимирские «листки»

В то самое время, когда Подшивалов вынашивал свои вольнодумные идеи, в конце марта 1830 г., в районе г. Мурома были найдены кем-то из крепостных прокламации, направленные против существующего строя. Они были написаны от руки, на небольших узких листках синей и белой бумаги. Такое же воззвание было обнаружено в доме одного из крестьян села Борисоглебского Муромского уезда. Он заявил, что не знает откуда этот листок попал к нему, однако сослался на приезжих крестьян, ночевавших в его избе. 5 апреля 1830 г. в Муроме было поднято на улице другим крепостным обращение к «россиянам».

В конце января 1831 г. в Судогодском и Ковровском уездах, на проселочных порогах снова были обнаружены «бумаги», призывающие к вольности,— того же содержания, что найденные прошлогодней весной. Только за один день — 28 января 1831 г.— в разных местах были кем-то подброшены сначала 73 таких листка, затем 39 и, наконец, еще 40. 8 февраля этого же года у крестьян деревни Большегригоровой было отобрано еще 54 листка¹⁵². Общее количество подобных прокламаций, о которых стало известно полиции в 1830—1831 гг. достигло нескольких сот экземпляров. Много листов, очевидно, осталось у крестьян, было потеряно или уничтожено.

Полиция встревожилась. В письме от 30 апреля 1830 г. Бенкендорф сообщал о «преступном покушении неизвестных лиц рассеивать злодейственные между народом мысли», а также о приказании царя владимирскому генерал-губернатору употребить все возможные средства «к непременному отысканию виновных столь преступных замыслов»¹⁵³.

Возникло пятитомное дело «О подкйдывании [во] Владимирской губернии, в Муромском уезде и в других

¹⁵² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1830 г., д., 284, ч. 1, л. 3; ч. 2, лл. 160—160 об.

¹⁵³ Там же, ч. 1, л. 6.

местах возмутительных листов. При сем о разных лицах, на коих при исследовании пало подозрение»¹⁵⁴.

Следы повели в гуцу народа. Допрошены были многие помещичьи крестьяне, в том числе крепостной князя Голицына Николай Васильев, ранее обвиненный в рассуждениях о «вольности крестьянам», о том, «чтобы у помещиков не было крестьян»¹⁵⁵. Колоритной фигурой оказался арестованный по делу о владимирских листовках деревенский дьяк Никифор Канакин, уроженец г. Мурома, сын пономаря, совмещавший церковные обязанности с работой кузнеца, стекольщика и стряпчего. Часть прокламаций была найдена неподалеку от его кузницы. При обыске у него были изъяты рукописи «весьма предосудительного» содержания. Это представитель низшего сельского духовенства, тесно соприкасавшийся благодаря своему положению и жизненному укладу с крестьянством и отражавший в известной мере его настроения.

В рукописи, обнаруженной у Канакина, как и в ранее найденных листовках, изобличался социальный строй, основанный на порабощении тружеников тунеядцами. «Для чего,— говорилось тут,— оставляют в презрении, уничтожении, притеснении и ограбляют большую часть тех трудолюбивых и невинных людей, кои обрабатывают землю повседневно для доставления всяких плодов и земных произрастаний? Напротив того, почитают и обходятся с великою учтивостью с человеком совсем бесполезным, а часто и весьма злым, который живет только их трудами и разорением сих бедных трудолюбцев себя обогащает»¹⁵⁶. Канакин обвинялся и в устном распространении подобных взглядов. Четверо муромских жителей показали, что в декабре 1830 г., увидев их беседующими, он подошел к ним и спросил: «Не помещаю ли вам, нет ли у вас какой тайны?» Услышав ответ одного из беседующих, что между четырьмя людьми не может быть тайн, Канакин сказал: «Тайна может быть и между тысячами», добавив, что «чернь угнетена, бо-

¹⁵⁴ А. Сабуров. Дело о возмутительных листовках в 1830 г.— «Каторга и ссылка», кн. 4 (65) и кн. 5 (66), 1930; И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1958, стр. 79—83.

¹⁵⁵ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1830 г., д. 284, ч. 1, лл. 18 об., 20.

¹⁵⁶ Там же, л. 197.

гатый виновный будет прав, а бедный правый останется виновным». Стало известно также, что он высказывал недовольство по поводу проводившейся в честь царя иллюминации, говоря, что «сие не нужно».

Политическое свободомыслие Канакина дополнялось скептицизмом по отношению к церкви. Эти настроения были навеяны отчасти просветительской философией. По одному делу с ним подверглись аресту муромские священники Лекторский и Лавровский, также пользовавшиеся репутацией вольнодумцев и посаженные в июне 1831 г., как и Канакин, в Санкт-Петербургскую крепость. В библиотеке Лекторского были книги Вольтера, Даламбера, Дидро и Руссо. Чтение этих и подобных авторов, писал следователь, сделало Лекторского «богоотступником». При помощи Лекторского, Лавровского, а может быть через сына, исключенного по бедности из философского отделения Владимирской семинарии, или иным путем, идеи прогрессивных мыслителей доходили в какой-то мере и до Канакина. Среди отобранных у него бумаг есть рассуждение о духе, позволяющее предполагать некоторое (скорее всего отрывочное и отдаленное) знакомство его с локковской критикой теории врожденных идей. «Ты точно считаешь себя уверенным,— говорится в этом отрывке,— что твоя душа с самого начала своего имеет свойство мыслить. Но мы не совершенно еще в том уверены, ибо когда мы рассматриваем зародыш, то с трудом можем поверить, чтоб душа его могла иметь какие мысли, будучи в матерней утробе; равным образом мы всегда сомневаемся, чтоб человек, находясь в крепком и глубоком сне или совершенном беспамятстве, мог непрестанно иметь мысли»¹⁵⁷.

Еще больший интерес представляет другая, взятая у Канакина, «богохульная» бумага, формулирующая убийственные для Библии вопросы. «I. Отчего сие происходит,— сказано здесь,— что бог, будучи толикой премудрости, толикого всемогущества, толикой прозорливости и милосердия, сотворил так наилучшую тварь свою, т. е. праотца нашего Адама, что он лишь только вошел в место, ему определенное, то сделался преступником ослушным и жестокое наказание заслуживающим? II. Когда воля всемогущего творца была та, чтобы со-

¹⁵⁷ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 284, ч. 2, л. 102; ч. 3, л. 59.

творить первого человека добрым, сердечным и послушным себе рабом, то что же могло мешать ему в могуществе таковым сотворить его? III. Каким образом сатана мог отважиться взять столь дерзкое намерение против всли всевышнего: 1) чтобы взойти в святой его рай, 2) превратиться в змия, а 3) к наиважнейшему моему удивлению иметь могущество чрез помощницу его Еву довести до искушения Адама, богом в рай введенного и много им любимого? IV. Как творец всея твари все видит, все знает и все может, то без сумнения известно было ему то, что Ева, помощница им Адаму сотворенная, будет причиною искушения его. Для чего же, ведая оное и имея толикую премудрость и могущество из праха делать бытие, из ничего — все те вещи, которые удивляют и утешают зрение человеческое, для чего, говорю, не сотворил ее таковою, чтоб она могла отвратить, а не подучить к преступлению мужа своего? V. Имеет ли нужду испытывать те вещи, будут ли оные производить действие свое по его желанию тот, который есть творец и коему все возможно?» Автор этого сочинения в деле не назван и остался неизвестен следователям, но перед нами не что иное, как часть рукописного русского перевода одного из антихристианских памфлетов Вольтера. Другой отобраный у Канакина отрывок также содержит, в частности, типичный для Вольтера вопрос относительно несовместимости признания всеблагого бога со злом: «Для чего существует на свете столько зла, будучи все создано единым богом, которого все богочтитатели единогласно признают благим и добрым?»¹⁵⁸.

Вместе с другими материалами у Канакина была найдена копия распространенного в различных вариантах сочинения «Ведомость из ада», сатирически повествующего о том, как «господа», «бояре», «вельможи» и «лукавцы»-церковники получают в аду возмездие. «Появились на тот свет господа, а бес из ада кричит: «пожалуйте сюда; я вас буду отменно угощать... Я велю чай греть не в самоваре, но для роскошных и жирных тел во аде; есть большой котел, что вам промочит скаредную душу, разогрею вам олова вместо пуншу. Нутка ты, куцый, что стоя, рычишь, почто бояр в ад не тащишь? А куцый

¹⁵⁸ Там же, ч. 3, лл. 63–64 об., 61 об.

давно тому и рад — собрал вельмож и потащил во ад». Вместе с «подлыми дворянами» получает достойную награду и «грешников бесчисленный собор» — монахи, попы и высшие церковные чины — митрополиты, архиепископы и епископы: с них срывают «мантии» (рясы) и бросают в пропасть.

Эта рукопись привлекла внимание III Отделения наряду с ранее обнаруженными листовками; почерк напоминал надпись на конверте, в котором находились некоторые из них. Подозрение в составлении и распространении листовок, возникшее в отношении Канакина, усугублялось следующим фактом: получив еще в конце 1829 г. от дворового человека Ильи Потапова «возмутительные записки», дьяк-вольнодумец не вернул их, заявив, что потерял; в действительности он оставил их у себя. Духовное правление сообщало, что Канакин «нравственности нехорошей, дерзок». По «высочайшему» повелению он был заточен после крепости для дальнейшего «обезвреживания» в монастырь. Такая же судьба постигла Лавровского и Лекторского.

Основное подозрение в связи с появлением прокламаций пало на дворовых людей: Герасима Алексеевича Хитрова, Александра Никоновича и Федора Никоновича Неустроевых, Василия Десятирова. Они работали у помещика П. А. Нарышкина, служившего некогда в опальном Семеновском полку и разжалованного затем в солдаты. В его имении было обнаружено больше всего листовок. Их знали многие крестьяне.

Хитров уличался в том, что читал крамольные листовки группе дворовых, выражая свое одобрение словами: «Молодец, кто писал, видно пошел на господ перебор». Кроме того, о нем говорилось, что он «писал сам подобные записки».

Александр Неустроев раньше был крепостным помещика Богданова, по заданию которого обучался несколько лет в Москве игре на фортепьяно. Став музыкантом, занимался преподавательской деятельностью, в том числе в Арзамасе, где познакомился с выросшим в простонародной среде художником А. Ступиным¹⁵⁹. Это открыва-

¹⁵⁹ Там же, ч. 4, лл. 17—18 об. В книге И. А. Федосова «Революционное движение в России во второй четверти XIX в.». Федор Неустроев — живписец по профессии — фигурирует под фамилией Никонов. Это объясняется, очевидно, тем, что в некоторых доку-

ло новые возможности для идейного роста. В частной школе рисования, основанной в 1802 г. Ступиным, училось много крепостных и была библиотека, позволявшая им приобщаться к современной литературе — произведениям Пушкина и т. д. Вполне вероятно, что там они могли получить некоторые сведения и о декабристах. А. Ступин отличался «свободными мыслями»¹⁶⁰, а его сын Рафаил был знаком с женой декабриста Шаховского и говорил, что царское правительство «не знает цены достойным людям, а ничего незначущие получают награды»¹⁶¹. В одном из писем, полученных А. Неустроевым от его знакомого Зотова, подчеркивалось почти то же самое: «Здесь люди меньше надобны, нежели неодушевленный металл или государственные векселя»¹⁶².

Из писем самого Неустроева полиция сделала вывод, что он «домогался быть отпущенным на волю». Можно не сомневаться, что и достигнув этого, став вольноотпущенным, А. Неустроев, как и его товарищи-дворовые, не утратил жгучей вражды к крепостничеству и стремления к свободе. Связь нарышкинской дворни со Ступиными являлась одним из каналов, через которые в ее сознание проникали вольнодумные идеи.

ментах разбираемого дела назывались лишь имя и отчество людей из «нижнего класса», например: «Федор Никонов» (вместо «Федор Никонович Неустроев»). Александр Неустроев не упомянут в книге вовсе, зато там говорится о некоем музыканте Вильфорте, привлекавшемся по делу о владимирских листовках (стр. 82). Разъясним это недоразумение. Вначале Вильфорт действительно фигурировал в следственных материалах, но позже выяснилось, что это не иностранец, а русский — Александр Никонович Неустроев, избравший себе псевдоним «Вильфорт».

¹⁶⁰ См. И. А. Федосов. Указ. соч., стр. 83.

¹⁶¹ «Каторга и ссылка», кн. 5 (66), 1930, стр. 41. В своем рукописном сочинении «Наука рисования и живописи. С верным руководством к правильному и скорейшему достижению познания их», Р. А. Ступин писал, обращаясь к своим ученикам-простолюдинам: «Но велико ли ваше число в сравнении с тем, которое находится беспомощно в настоящих правилах образования и живописи по обширному нашему государству; почему я первый и решил изложить и обнародовать систематическое и методическое учение рисованию и живописи с частями входящих в них наук и других принадлежностей и тем проложить и сократить дорогу и дать помощь всем бедным и лишенным средств к настоящему учению». О своем собственном «учении» Ступин говорит, что «оно зародилось в бедности» (см. П. Корнилов. Указ. соч., стр. 68).

¹⁶² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 284, ч. 4, л. 28 об.

Дворовые, привлеченные в качестве свидетелей по данному делу, не растерялись под нажимом следствия: они, «не взирая ни на какие убеждения, не хотели признаться, что помянутая записка (речь идет о прокламации, читавшейся Хитровым.— Л. К.) была читана при них». Да и «все вообще люди Нарышкина, не быв еще спрошены, беспрестанно повторяли, что они ничего не знают и обратили сим на себя подозрение»¹⁶³.

В ходе следствия отмечались и другие проявления антифеодальной критики снизу, родственные по духу «возмутительным листкам». В 1830 г. в селе Рахманове — по дороге из Москвы к Сергиевскому посаду, в одной из комнат на постоялом дворе были замечены «дерзкие» надписи, авторы которых подчеркивали свою симпатию декабристам. «Скоро настанет то время,— говорилось в одном из этих своеобразных обращений,— когда дворяне, сии гнусные сластолюбцы, жаждущие и сосущие кровь своих несчастных подданных, будут истреблены самым жестоким образом и погибнут смертью тиранов». Ниже было приписано: «Один из сообщников повешенных и ссыльных в Сибирь, второй Рылеев». С этим полностью солидаризировался автор следующей надписи: «Ах! Если бы это свершилось [!]. Дай господи! Я первый возьму нож». «И мы здесь были и видели»,— гласила четвертая надпись¹⁶⁴. Подобные надписи-воззвания появились и на другом постоялом дворе — в Сергиевом посаде: «Ненавижу дворян-глупцов, они слишком перевоспитаны и переобразованы, но не знают толку в свете», «дворянам всем скоро нечего будет есть»¹⁶⁵.

Антидворянский характер этих надписей наводит на мысль об их простонародном происхождении¹⁶⁶. Сделанные разными людьми, они являются безмолвными свидетелями их революционного единомыслия, своеобразной переключкой союзников, незримо спаянных одинаковой

¹⁶³ Там же, лл. 181—181 об.

¹⁶⁴ Там же, ф. III отд., I эксп., д. 284, ч. 1, л. 45 об. В «Деле о надписях в селе Рахманове в доме крестьянина Москалева», находящемся в архиве Московской области, начало этой надписи сформулировано так: «Скоро настанет то время, когда свергнутся гнусные сластолюбцы...» (ГАМО, ф. 16, оп. 31, св. 12, д. 13, л. 1 об.).

¹⁶⁵ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 284, ч. 1, л. 66 об.

¹⁶⁶ См. Л. В. Домановская. Народные песни, предания и рассказы о декабристах в тюрьме и ссылке.— «Советская этнография», 1956, № 2, стр. 32; И. А. Федосов. Указ. соч., стр. 83—84.

ненавистью к самодержавно-помещицкому строю. Они свидетельствуют о том, что в народе была жива память о героях 14 декабря.

Зона распространения антикрепостнических прокламаций среди крестьян все расширялась. 2 апреля 1831 г. некая Глафира Бурцова писала из Вереи помещику Емельянову: «У нас по соседству не так-то хорошо. Между мужиками оказываются прокламации, коими вызывают их к бунту. В Смоленской губернии очень дурно, а она у нас в соседстве».

Николай I лично следил за ходом следствия. На многих сообщениях Бенкендорфа по этому делу имеются его собственноручные резолюции, призывающие к выявлению авторов прокламаций: «За сим строго следовать»; «поручить протоиерею Мысловскому»; «продолжать строго следовать»; «арестовать и доставить сюда; равно арестовать и дворовых людей; взять и все бумаги. Поручить г. Маслову»; «дело не запускать»; «велеть сюда доставить»¹⁶⁷

III Отделению не удалось распутать до конца дело о владимирских листовках. Ясно, однако, что их авторами и распространителями были люди из народа и, судя по размаху, который приобрело дело, их было немало. К выводу о возникновении прокламаций в крепостной среде пришел и знакомившийся с ними по поручению царя, протоиерей П. Мысловский. Николай I хорошо знал этого человека, не раз оказывавшего ему услуги осведомительного характера. Всего несколько лет назад этот же поп «исповедовал» заключенных в крепости декабристов. В «Записке о священнике Лавровском и дьяконе Канакине, подозреваемых в сочинении и распространении возмутительных листов» он писал Бенкендорфу: «...Решительно полагать должно, что сочинителем возмутительных листов и других статей был какой-либо крепостной человек, грамотей и притом раскольник»¹⁶⁸. В докладе царю от 10 июня 1831 г. также делался вывод, что листовки «писаны дворовыми людьми или раскольниками»¹⁶⁹.

Что же представляли по своему содержанию листов-

¹⁶⁷ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 284, ч. 1, л. 294; оп. 86, ед. хр. 28, л. 160; ед. хр. 29, лл. 142, 180; ед. хр. 30, лл. 25, 125.

¹⁶⁸ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 284, ч. 2, л. 103.

¹⁶⁹ Там же, оп. 86, ед. хр. 30, л. 125.

ки, разбрасывавшиеся в Судогодском, Ковровском и Муромском уездах Владимирской губернии, «коиими возмущались крестьяне против своих помещиков?»

При всех различиях, имеющихсЯ между ними, их объединяет ненависть к крепостному праву, стремление добиться быстрейшего освобождения крестьян. Сравнивая, подобно Лоцманову, участь крепостных с положением чернокожих рабов, авторы одной из листовок, найденных в 1830 г., пишут: «...Никакой земной царь не смеет сказать человеку: ты мой. И во всем свете нигде сего нет, а у нас и дворяне по научению врага человеческого дьявола овладели уже двести лет людьми, как скотину, и продают нас как свиней на базарах, никто не знает почему»¹⁷⁰. Необходимо, говорится далее, бороться с этим современным рабством, распространять правду о нем. «...Всякой должен, сколько силы позволяют, помогать правде. Не робей, говорите везде и все списывайте сие сколько можно более и рассылайте к знакомым во все города, села и деревни»¹⁷¹.

Другая листовка, написанная от имени крепостных крестьян и обращенная к ним, проникнута такой же ненавистью и непримиримостью к социальной несправедливости: «Несчастные и невинные невольники — рабы русские, вас бьют, секут, дочерей берут на ночь, хлеб обирают, а воровать посылают. И дети наши будут вечно невольниками и внучата. Хоть спросим за что? Боже милостивый, создай нам сердца дворянские, чтобы могли мы младенцам нашим при рождении их разможать головы и тем избавить род свой от лютого рабства...»¹⁷².

Владимирские прокламации обличают паразитизм, в условиях которого в обществе появились «толпы бесполезных тунеядцев», «добродетель названа глупостью», а в судах процветает «явное лихоимство»¹⁷³.

Народные публицисты взывают к различным сословиям и слоям общества, стремясь их убедить в том, что уничтожение крепостничества отвечает их собственным интересам. Не делают они исключения в этом смысле и для помещиков. «А вы, господа,— сказано в листовке,— для собственной вашей пользы дайте нам свободу, тем

¹⁷⁰ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 284, ч. 1, л. 3.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же, л. 168.

¹⁷³ Там же, л. 26.

избавитесь от множества тайного зла в домах ваших и тучи бесполезных тунеядцев; земли ваши будут обработаны лучше и оброк получите вернее»¹⁷⁴.

Листовка обращается и к купечеству с предложением содействовать «богоугодному» делу ликвидации крепостной зависимости, обещая, что в случае успеха в этом начинании купцы обогатятся, ибо торги удвоятся; к духовенству (очевидно, сельскому), которому уделяется роль агитаторов в пользу общественных преобразований; и, наконец, к солдатам, призывая их к тому, чтобы они, со своей стороны, ратовали за освобождение крестьян, которые «всеми забыты» и живут, «не имея никакой собственности, в рабстве, хуже негров-невольников»¹⁷⁵.

Общность мотивов, внешнее сходство и одновременное появление владимирских «листочков» — все это свидетельствует о том, что хотя в их создании и распространении участвовали разные люди, между этими людьми (по крайней мере частью из них) существовала связь и согласованность. Но, делая общее дело, они не имели достаточной ясности и единства взглядов по вопросу о способах его осуществления, характере преобразований, которыми должно быть подготовлено (или сопровождаться) достижение главной цели — уничтожение крепостничества. Предпочитая в целом реформу народному восстанию, они являлись в то же время противниками самовластия. «Есть ли возможность одному человеку делать везде и все?» — спрашивали авторы одной из листовок, вкладывая этот вопрос в уста «императора» Константина (явно противопоставляемого Николаю I)¹⁷⁶. Ответ, даваемый в листовке, был безусловно отрицательным. Самовластие пагубно для общества, противоречит интересам народа. Лица, приближенные самодержцем, по его воле привлеченные к нему в «помощники» и составляющие в условиях абсолютизма правительство, — «всегда люди, понятия не имеющие о нуждах народа, алчущие корысти» и решающие государственные дела не в соответствии с истиной, а «как им выгодно», «не помышляя о справедливости»¹⁷⁷. Это происходит потому, что «честный человек

¹⁷⁴ Там же, л. 168.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же, л. 88.

¹⁷⁷ Там же, лл. 88—88 об.

при дворе жить не может и должен умереть или удалиться; окружают же царя всегда ласкатели, плуты и дураки»¹⁷⁸.

В поисках выхода из такого положения авторы склоняются к конституционно-парламентскому ограничению царской власти. Одни из них не идут дальше чисто дворянской конституции, требуя, чтобы «в помощь государю избрать от губерний дворянских депутатов, а он будет глава их на всю его жизнь... Без сего и нам вольными быть не возможно, непрочно и неверно»¹⁷⁹. Другие ходатайствуют за купечество, которое «стеснено в оборотах своих». В листовке, начинающейся с призыва к «россиянам», предлагается избрать по два депутата от каждой губернии от дворян и по одному от купцов, «положа небогатому богатое жалованье из суммы той губернии и выдав половину наперед на три года». Крестьяне же, мещане и солдаты «к таковым выборам ни под каким видом не допускаются, но кто из них чувствует себя способным и надеется быть избранным, должен только сперва перейти в купечество». С большой симпатией упоминает листовка «бедных священников».

Сочувствуя крестьянам, как обездоленной, страдающей массе, но не видя в них силы, способной добиться освобождения своей борьбой против самодержавно-помещичьих порядков, авторы впадают в противоречие; они идут на уступки господствующему сословию и тут же угрожают ему. Стремясь к созданию наиболее широкого фронта сторонников предлагаемой реформы, они достаточно трезвы, чтобы не взывать к «благородным» побуждениям знатных и имущих, хотя уповают на возможность убедить эти силы, апеллируя к их выгоде, заинтересованности. «Господские крестьяне и дворовые,— объявляет разбираемая листовка,— совершенно свободны и могут жить, где сами хотят, но не иначе как по уборке полей и окончив молотьбу хлеба. Продавать же людей в рабство, сотворенных по образу и подобию божию,— самое противное богу дело и никакой земной царь не смеет того делать».

Авторы «листочков» выступают против захватнических войн, развязываемых в условиях самовластья «из-за

¹⁷⁸ Там же, л. 88 об.

¹⁷⁹ Там же, л. 3.

земли, ни на что не нужной». В будущем, полагают они, «при депутатах войны вечно не будет...»

Революционные, крестьянски-демократические устремления противоречиво сочетаются во владимирских воззваниях с царистскими иллюзиями и либерально-дворянским влиянием. Разные авторы как бы полемизируют между собой, а подчас спор приобретает характер внутреннего диалога, развертываясь в пределах одной и той же листовки.

Значение этих документов не в их конструктивной части, а в антифеодальной и антиабсолютистской направленности. Насколько решительным было осуждение ими существующего строя, свидетельствует требование: «тотчас и непременно оставить» этот строй, покончить с ним. «Лучше,— подчеркивают авторы,— всем умереть с оружием в руках, защищая свою свободу, нежели безвинно вечно жить рабом и невольником»¹⁸⁰.

Этот вывод знаменателен. Пусть даже призыв к оружию звучит здесь в значительной мере как крик отчаяния, рассматривается как крайнее средство на тот случай, если все другие меры окажутся безрезультатными; все же — и это главное — такой призыв раздался, и он исходил из глубин России, из народных «низов».

Одним из наиболее радикальных и цельных по своей настроенности произведений, фигурирующим в разбираемом деле, следует признать стихотворение «Истинное величие». Оно написано на такой же бумаге, что и другие прокламации, и представляет собой в сущности по своему духу одну из них. Автором этого стихотворного воззвания был крепостной Гаврила Пономарев¹⁸¹. Хотя он и не находился во время следствия во Владимирской губернии, но настолько привлек к себе внимание, что руководивший следствием жандармский полковник Маслов специально ездил в Нижегородскую губернию, на Выксинский железодельный завод, где работал Пономарев, чтобы произвести у него обыск. Следствие установило

¹⁸⁰ Там же, л. 90.

¹⁸¹ Там же, оп. 86, ед. хр. д. 29, л. 117 об. О принадлежности этого сочинения Пономареву (пытавшемуся в целях самооправдания выдать его за свой перевод с немецкого) см. А. Сабуров. Дело о возмутительных листках в 1830 г.— «Каторга и ссылка», кн. 5 (66), 1930, стр. 46. Сабуров не приводит в своей статье стихотворения Пономарева, ограничиваясь его пересказом.

связи Пономарева с муромскими жителями, а также то, что несколько лет назад он был наказан своим хозяином «за разные сочинения», а сами эти сочинения, вызвавшие барский гнев, были сожжены. В докладе Бенкендорфа царю, заинтересовавший полицию крепостной характеризуется как «человек весьма образованный», который «известен своим вольнодумством». С такой оценкой вынужден был посчитаться и Николай I, предложивший в своей резолюции на докладе III Отделения от 26 марта 1831 г. «когда кончится следствие, сего Пономарева не терять из виду».

Автор «Истинного величия» не верит в самодержцев и ставит своей задачей развенчать их в глазах других людей, прежде всего «черного народа».

Пускай цари, мой друг, блистают,
К чему завидовать нам им?
Пускай в чертогах обитают
С несметным золотом своим.
Наш долг сорвать личину ложной
(Что чернь могла так ослеплять)
Великости их ненадежной
И в точном виде показать.

Богатство царей и раболепие придворных не в состоянии скрыть от пронизательного взора ложности «величия», основанного на обмане и насилии.

Вельможи с рабскими чинами
Пред троном пасть готовы ниц,
И прах перед его ногами
Составить из фальшивых лиц.
Но где же мир, покой священный,
Добро началом коих есть?
Их нет! Что ж значит позлащенный
Венец царей, придворных лесть?
Великость ложная...
Подумай, отчего на троне
Дрожит тиран, лишь грянет гром?
Не рад тогда своей короне...
Злодей с душою беспокойной
Дрожит, дрожит почти всегда,
Лишь только слышит звук нестройный,
Он громы слышит, мнит тогда...

Один мудрец взирает гордо
На счастье своего руин[ы]
Стоит всегда как камень твердо,
Как благородства, чести сын...
Пускай тиран его в оковы
Велит навеки заковать,
На зло родятся силы новы,
Велик, кто может то понять ¹⁸².

«Истинное величие» имеет много общего с «Одой свободы», обнаруженной во Владимире за три года до возникновения настоящего дела. В том и другом сочинении сходно изобличаются придворные льстецы-дворяне («у деспотического трона придворных ненавистный рой» — в «Оде»; «вельможи с рабскими чинами пред тронем пасть готовы ниц» — в «Истинном величии»), царь характеризуется как злодей («гибельный злодей» — в «Оде», «злодей с душою беспокойной» — в «Истинном величии»), притом трусливый, трепещущий от страха перед возмездием (в первом стихотворении его объемлет «плотно страх, как будто плута», во втором — он «дрожит, дрожит почти всегда»). В обоих произведениях носителями мудрости выступают не «власть имущие» деспоты, а борцы с тиранией. («Мудрец посеял семена», — говорится в «Оде» о героях декабрьского восстания 1825 г. и подобных им людях; «один мудрец взирает гордо» — сказано во втором стихотворении, — «стоит всегда как камень твердо, как благородства, чести сын».)

Эти точки соприкосновения говорят об идейной и отчасти текстуальной близости «Истинного величия» и «Оды свободы». Они связаны своим содержанием, демократическим происхождением и общей причастностью к развитию народного свободомыслия в одном из центральных районов России — Владимирской губернии. Их объединяет и придает им революционно-оптимистическое звучание вера в неминуемую гибель самодержавия. Пока еще сила на стороне реакции, но так будет не всегда — дает понять своим читателям крепостной вольнодумец Пономарев; в борьбе против социальной неправды рождаются новые силы, которые сметут тиранию с лица земли.

¹⁸² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 284, ч. 1, лл. 202—203 об.

Рядовой Иван Смирнов

Мысли о страданиях трудового люда и судьбах родины волновали многих людей из народа. В разных концах страны — больших городах и заброшенных селениях неизвестные реформаторы задумывались о том, как найти выход из тупика крепостничества.

Одним из таких людей был рядовой Ревельского пехотного полка Иван Смирнов, до поступления на военную службу крестьянин деревни Коняшиной Рузского уезда Московской губернии. Самоучка, книголюб, много повидавший в жизни и хорошо знавший народные нужды, он решил обобщить свои наблюдения над пороками современного общества в специальном сочинении. Писал скрытно, а отправляясь в походы, носил свои бумаги в ранце. Это был проект государственных реформ. Смирнов придал своему труду форму прошения на «высочайшее имя».

Усмотрев в предложениях самоучки-солдата посягательство на основы империи, царские власти арестовали его. В 1833 г. с его идеями ознакомился Николай I и, «признавая необходимым по образу мыслей и рассуждений сего солдата, обратить его на некоторое время к содержанию в один из монастырей, высочайше повелеть соизволил: исключив Смирнова по полку из списочного состояния, отправить на сей конец, по распоряжению обер-прокурора святейшего синода в Валаамский монастырь с нарочным и благонадежным жандармом»¹⁸³.

Приказание Николая было выполнено, но вскоре обер-прокурор Синода уведомил тайную полицию, что 31 августа Смирнов бежал из Валаамского монастыря и неизвестно где находится. Об этом доложили царю; в результате предпринятых розысков 18 сентября того же года крамольный реформатор, обнаруженный в Выборгской губернии, был вновь схвачен полицией.

В деле «О рядовом Ревельского пехотного полка Иване Смирнове, подавшем у развода всеподданнейшее прошение государю императору» нет рукописи, вызвавшей недовольство властей, но сохранилась протокольная запись допроса, на основании которой можно составить представление об идеях, воодушевлявших этого человека.

¹⁸³ Там же, д. 94, л. 6.

Как и другие выразители престолярного общественного мнения, Смирнов подчеркивал свою ориентацию на действительность, на жизненные факты и мысли людей «разного звания» — крестьян, солдат и т. д. «Прислушиваясь как они между собою разговаривали и рассуждали, я так и написал»¹⁸⁴.

Свою преобразовательную концепцию Смирнов связывал прежде всего с упразднением крепостнических отношений. Поскольку такой «замах» непрошенного законодателя ставил под удар основу власти и преуспеяния господствующего класса — помещичью собственность, Смирнову был задан на следствии вопрос: «Знаешь ли ты, что есть собственность?» На это последовал ответ: «Знаю, собственностью мы называем все то, что кто законно имеет». Едва ли понятие о законности сводилось в данном случае к формально-юридическому моменту. Когда народ имел в виду эту сторону дела, т. е. вел речь о законах чуждого и враждебного ему эксплуататорского государства, он обычно употреблял понятие «закон» как одиозное, говорил о нем осуждающе: «Где закон (или законники), там и обида». Но понятие «закон», «законно», имело в устах таких людей, как Смирнов, еще другой — нравственно-нормативный — смысл. Обычно, употребляя это понятие при обосновании своих взглядов, они апеллировали не к своду законов Российской империи, а к закону правды, справедливости. В этом же смысле, думается нам, говорил и Смирнов о собственности как законном владении имуществом. Помещичью собственность на землю и крестьян, хотя она и санкционировалась правовым кодексом крепостнического государства, он считал несправедливой и потому противозаконной. Смирнов предлагал отобрать эту собственность у помещиков, передать землю крестьянам, а помещиков, которые окажут этому сопротивление, подвергнуть суровому наказанию вплоть до смертной казни. На вопрос: «Почему ты полагаешь, что эту собственность следует отобрать от помещиков, а с теми, кои не согласятся оную отдать, поступить жестоко, собрав всех помещиков на лобном месте?» — он ответил: «Потому в народе много жалоб есть на помещиков, что они делают разные беспорядки», истязают крестьян непосильными работами, «к коим понуждают их

¹⁸⁴ Там же, л. 14.

даже в праздники и воскресные дни, отнимают у них все, так что у многих даже хлеба нет. Для того в народе говорят, что лучше бы отобрать у помещиков земли и крестьян и раздать землю сим последним...»¹⁸⁵. Что касается народного достояния, например солдатского имущества и довольства, то его необходимо охранять, а расхитителей этого добра, не взирая на чины, казнить, как и помещиков, враждебных народу. «Фельдфебелей же, ротных и полковых командиров за покушение на солдатские деньги наказывать расстреливанием для того, что как они люди военные, преступление их противу военных, то и военное следует им наказание»¹⁸⁶.

Упразднение антигуманных аракчеевских порядков в армии, облегчение положения солдат занимает, естественно, важное место в преобразовательных наметках Смирнова. Он требует упразднить рекрутские наборы и «призывать граждан по мере надобности», покончить с телесными наказаниями. Двадцатипятилетний срок пребывания солдат в армии непомерно велик. Достаточен будет и значительно сокращенный срок, для того, чтобы «хорошо знать службу»; по его истечении «можно бы уволить солдата в отставку, а в случае войны потребовать его опять во фронт»¹⁸⁷. Нижние чины, возмущался Смирнов, обременены смотрами и прочими мероприятиями, лишены отдыха. Несправедливым и вредным считал он и порядок расквартирования военнослужащих в домах местных жителей, при котором «одни обыватели слишком отягощены постоем, а другие оногo вовсе не имеют». «Обыватели обижаются также и тем, что солдаты вместо полного пайка получают только одну муку, за которую они должны их кормить; а крупы вовсе не получают... Выручаемые за крупы деньги записываются в роте в приход, но остаются у ротного командира в виде займа; случается, что другой ротный командир употребит эти деньги в свою пользу, тогда солдат и круп не получил...»¹⁸⁸.

Выступая как реформатор-моралист, Смирнов хотел, чтобы рекомендуемые им преобразования содействовали нравственному обновлению общества, в первую очередь развития самосознания трудящихся, составляющих боль-

¹⁸⁵ ЦГАОР, ф. III отд., I экзп., 1833 г., д. 94, л. 16.

¹⁸⁶ Там же, л. 16 об.

¹⁸⁷ Там же, л. 19 об.

¹⁸⁸ Там же, лл. 20 об.— 21.

шинство. Заботой об улучшении нравов проникнуты все его предложения.

Смирнов — за то, чтобы «весь народ обучить грамоте». Всеобщая грамотность поможет людям уяснить «как жить честно», придерживаясь «хороших правил», т. е. нравственных требований, «для чего одно наставление священников недостаточно». Пагубное влияние на нравы оказывает несправедливое судопроизводство и другие антинародные действия помещичьего государства. Обрушиваясь против взяточничества, Смирнов говорил: «Есть такие места, где воров и других виновников не наказывают, а берут с них деньги и освобождают. Те же самые виновники говорят после в народе: такой-то чиновник взяточник, он взял с меня столько-то денег. При рекрутских наборах богатые крестьяне откупаются деньгами, а бедные отдаются в рекруты, хотя между ними случаются молодые, не достигшие еще законных лет или, старые, неспособные уже к фронту»¹⁸⁹.

С большой настойчивостью ратовал Смирнов за высоконравственные отношения между полами, за укрепление семьи. «Рекрутские наборы,— говорил он,— разлучая мужчин с женщинами, делаются причиною разврата и худых нравов; то же происходит от питейных откупов, ибо торгующие горячим вином всеми способами заманивают народ к пьянству, от чего много происходит зла»¹⁹⁰. В брачные отношения следует вступать только по достижении определенного возраста, причем желательно, чтобы муж был старше жены, «потому что муж, не достигший двадцатилетнего возраста, ни во что не уважается женою, старшею его; она делает, что хочет, а он как мальчик ни жену воздержать, ни хозяйством управлять не умеет»¹⁹¹. Вопреки домостроевским церковным установлениям, Смирнов настаивал на допущении развода в том случае, если отношения между вступившими в брак не могут основываться на любви и уважении. В связи с этим ему был предложен вопрос: «Ты знаешь, что православная церковь запрещает разводы браков, для чего ж ты написал, что оные нужно дозволить?» «Я так полагаю и в народе говорят,— отвечал Смирнов,— что так бы должно быть потому, что есть много браков несоглас-

¹⁸⁹ Там же, л. 18 об.

¹⁹⁰ Там же, лл. 13—13 об.

¹⁹¹ Там же, л. 17 об.

ных», вследствие чего муж и жена «беспрестанно ругаются и даже дерутся... Таким бракам лучше бы развестись». Против разврата церковников направлено предложение Смирнова: обязать католических священников жениться, поскольку они, «будучи безбрачными, живут с женщинами незаконно, предаются развратной и распутной жизни».

Болея душой за поруганное человеческое достоинство простых людей, русский солдат-вольнодумец открыто осуждал высокомерное их третирование властью имущими. Дело доходит до того, негодовал он, что люди «простого звания» не имеют зачастую имен, а получают лишь клички, прозвища; «многие принимают таковые произвольно, заимствуя оные от зверей. Я сам до поступления на службу не имел никакого прозвания, и тогда только назвал себя Смирновым»¹⁹². Эти, полные горечи, признания как бы предваряют мысли Белинского в его письме к Гоголю об ужасном «зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Шешками, Васьками, Палашками»¹⁹³.

В 1837 г. в крепостной среде были выдвинуты предложения, дополняющие и развивающие мысли о государственном устройстве России, высказанные в некоторых владимирских листовках. Если там речь шла об ограничении монархической власти дворянско-купеческим парламентом, то здесь выдвигалась идея народного представительства, включающего, очевидно, глубочайшие «низы» общества.

В «Обозрении расположения умов и некоторых частей государственного управления в 1837 году», составленном III Отделением, сообщается о «весьма странном» обстоятельстве, которое выявилось в Москве во время пребывания там царя. Неизвестный помещичий крестьянин, «слыша жалобы крестьян на помещиков и земские начальства, людей фабричных на фабрикантов, солдат на тягость службы, возымел мысль о составлении некоего посредничества между правительством и народом чрез

¹⁹² Там же, л. 19.

¹⁹³ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X. М., 1956, стр. 213.

избранных из среды народа представителей для улучшения быта простых людей. Мысль сию обдумывал он, как по исследованию оказалось, в продолжение нескольких лет и толковал о ней с разными людьми простого звания...»¹⁹⁴. На этих людей, отмечается далее, крепостной конституционалист оказал «значительное влияние»¹⁹⁵. Он был арестован и по личному приказанию царя отправлен в монастырь¹⁹⁶. «Частный случай сей, взятый в отдельности,— резюмировал шеф жандармов,— конечно, сам по себе не представляет особой важности, но он незольно ведет к заключению, что и у нас в простом сословии народа могут порождаться мысли об изменениях в образе правительства, для ограждения себя от притязаний и несправедливостей начальников своих и помещиков»¹⁹⁷.

* * *

Период, наступивший после подавления восстания декабристов, характеризуется известным упадком революционной активности дворянской интеллигенции. Усилились цензурные преследования. Цензурный устав 1826 г. поставил вне закона сочинения, отражающие «пагубные умствования новейших времен». Только лишь в 1830 г., который называли «холерным годом русской литературы», было приостановлено издание «Литературной газеты», журналов «Атеней», «Вестник Европы», «Галатей», «Московский вестник»; то же продолжалось в последующие годы: в 1832 г. был закрыт «Европеец», а в 1834 г.— «Московский телеграф», в 1836 г.— «Телескоп».

В 1833 г. министром народного просвещения стал С. С. Уваров, известный как один из главных сторонников монархо-крепостнической идеологии «официальной народности» с ее девизом «самодержавие, православие, народность» (где слово «народность» предназначалось для маскировки действительных оплотов самодержавия

¹⁹⁴ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., Отчеты с 1837 по 1839 г., л. 89; «Красный архив», т. VII, 1925, стр. 253—254.

¹⁹⁵ ЦГАОР, ф. III отд., «Отчеты III отделения...», л. 89.

¹⁹⁶ Там же, л. 89 об. Возможно, что автором этого проекта был крепостной крестьянин Ефим Никитин, заключенный в 1837 г. в Рыльский монастырь «за сумасбродные вымыслы о преобразовании государственного правления» (см. М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 2. М., 1951, стр. 476).

¹⁹⁷ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., «Отчеты III отделения...», л. 89 об.

и православия). Революционным и просветительским идеям, материализму и атеизму эта идеология противопоставляла воинствующий обскурантизм, мракобесие¹⁹⁸.

Но под покровом внешнего оцепенения внутри русского общества совершалась, как говорит Герцен, «великая работа,— работа глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная» — росло повсеместно недовольство существующим строем, все шире распространялись революционные идеи¹⁹⁹. Герцен, однако, ошибался, полагая, что «в народ они (эти идеи.— Л. К.) не проникли»²⁰⁰. Он, естественно, еще не знал многих фактов, говорящих о том, что русский народ не оставался безучастным свидетелем этого процесса. Состав участников общественного движения в России постепенно, но неуклонно демократизировался. Передовые идеи, проникая все глубже, не только овладевали сознанием выходцев из среднего и мелкого беспоместного дворянства, бедного чиновничества, но доходили в ряде случаев до низших слоев общества, простолюдинов — крепостных интеллигентов, самоучек-дворовых, отдельных грамотеев-крестьян и мастеровых. Родник народного свободомыслия не иссякал и в эту тяжелую пору, внося свою лепту в великую работу по подготовке сил грядущей революции.

¹⁹⁸ В 1835 г. появился новый университетский устав, имевший целью помешать влиянию передовых идей на студенчество и профессуру. Крайне отрицательным было отношение Николая I — этого, по словам Энгельса, посредственного человека, с кругозором взводного командира (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 35) — к философии, особенно прогрессивной. Назначенный в середине 30-х годов на должность обер-прокурора Синода лейб-гусарский полковник граф Протасов (лично занимавшийся, кстати сказать, делом Подшивалова) вспоминал: «Когда я напомнил государю, что в духовных семинариях читают философию, государь в гневе и в недоумении воскликнул: «Как? У духовенства есть философия, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука! Изгнать ее!» Государь не терпит самого имени философии». (Биография Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. I. М., 1889, стр. 421).

¹⁹⁹ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 7. Изд-во АН СССР, 1956, стр. 211.

²⁰⁰ Там же.

1

Нередко характеристика прогрессивного лагеря русской мысли 40-х гг. XIX в. строится на основе слишком ограниченного материала, связывается лишь с несколькими именами. Но ведь как ни малочислен был этот лагерь, в нем существовали не одни только лидеры.

Составной частью прогрессивной общественной мысли России 40-х годов, как и в предшествующие периоды, являлась деятельность мыслителей-самородков, представителей народного вольнодумства. Отнюдь не поднимаясь в своем творчестве до уровня мировоззрения передовых философов-революционеров, вольнодумцы из народа, как и властители дум русского общества, руководствовались патриотической заботой о благе народных масс, стремились к их освобождению от феодально-абсолютистских оков, самоотверженно сражались доступными им средствами с реакцией и мракобесием.

Народное свободомыслие было в первую очередь связано с ростом освободительного движения. Все более многочисленными и бурными становились крестьянские выступления. Если в 1826—1834 гг., по неполным сведениям, произошло 145 крестьянских выступлений, то в период с 1846 по 1854 г. их число возросло до 348. Все чаще угнетателям народа приходилось расплачиваться своей головой. В 1836 г. крестьяне расправились с десятью помещиками и управителями, в 1840 г. это количество удвоилось, а в 1842 г. почти утроилось. Широкий размах приобрело движение государственных крестьян в Поволжье и на Урале.

В 1848 г. крестьянские волнения охватили 27 губерний. Активизировалась и городская беднота. С одобре-

нием была встречена передовыми людьми России весть о революциях в Западной Европе.

Жестокий полицейский террор, при помощи которого самодержавие стремилось подавить революционные настроения, дополнялся наступлением реакции в идеологической области. Ее «рупоры» — журналы «Маяк». «Москвитянин» — яростно ополчались на революцию и материалистическую философию, проповедовали смиренномудрие, мистицизм. Активной поддержкой правительства пользовалась псевдонародная литература, наподобие «Воскресных посиделок» Бурнашова. Не брезгуя прямой фальсификацией, этот реакционный журналист помещал здесь якобы от имени простых людей басни, притчи и другие сочинения, внушавшие народу рабское повинное помещикам. «Помни всегда, что ты слуга», «сберегай начальника или господина своего от убытков и досад», «никогда сопротивления не оказывай» — с такими поучениями обращались «Воскресные посиделки» к крепостным¹.

Как всегда, особенно в периоды обострения классовой борьбы, реакция старалась возвести новые преграды на пути просвещения трудящихся. Обращая в 1842 г. внимание Государственного совета на недопустимость роста их образованности, царь связывал «перемену мыслей и чаще повторяющиеся в последнее время беспокойства» с «неосторожностью» помещиков, дающих-де своим крепостным несвойственное состоянию последних воспитание».

В декабре 1839 г. в Пермской губернии был отстранен за неповиновение господам от должности, а затем арестован управляющий Суксунскими заводами Демидовых крепостной человек Яков Кириллович Кузнецов. У него изъяли рукописи «вредного содержания», в том числе копию письма Рылеева.

Бумаги, написанные рукой арестованного и направленные «к уничтожению властей помещиков», вызвали подозрение, что Кузнецов намеревался «посеять пагубные мысли между мастеровыми, весьма расположенными к изысканию свободы»².

Опасность распространения таких мыслей усугублялась тем, что, как отмечается в деле «О крепостном че-

¹ См. Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений. Редакция и примечания Корнея Чуковского. Л., ГИХЛ, 1934, стр. 569.

² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1840 г., д. 12, лл. 2—2 об., 21 об.

ловеке Демидовых Кузнецове, о найденных у него записках предосудительного содержания», крепостные, проживавшие в Пермской губернии, были связаны с ссыльными³.

Одна из бумаг, изъятых у Кузнецова, характеризуется в следственных материалах, как выписка из сочинения «некоего графа Валерьяна С. С.»⁴ Выяснить фамилию автора следователям не удалось. Сопоставление текстов показывает, что сочинение, которым заинтересовался пермский крепостной,— это книга видного польского экономиста, служившего в России,— Валериана Стршмень Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами», изданная на русском языке в 1809 г. Реформаторские проекты автора были половинчатыми, но антикрепостническая направленность книги навлекла на нее гнев реакционеров (один из которых, П.И.Голенищев-Кутузов, писал, ссылаясь на «благомыслящих» людей, что «эта книга набат, зловредная и терпима быть не могущая») и в то же время, вызвала сочувственное внимание «снизу», со стороны некоторых представителей «простонародья». «Сия книга ходит по рукам — возмущались крепостники — ее даже читают лакеи».

В записках, обнаруженных у Кузнецова, воспроизводятся как раз те разделы книги Стройновского, в которых дана наиболее резкая критика крепостного права. Нам удалось выявить лишь одно разночтение (являющееся, видимо, результатом описки), но оно не лишено известного интереса, поскольку подтверждает, что обличение помещичьей тирании рассматривалось русским крепостным и его единомышленниками, как свое собственное кровное дело. Стройновский предупреждал помещиков, что если они будут препятствовать освобождению крестьян, то это вынудит последних прибегнуть к силе. «...Примеры научают нас,— писал он,— что нетерпеливость перенесения угнетающей тягости многократно побуждала земледельцев свергнуть с себя оную, что не однажды им то удавалось...»

В списке, хранившемся у Кузнецова, добавлено слово «нас», в результате чего эта угроза звучит уже как исходящая непосредственно от поработанного крестьянства:

³ Там же, л. 33 об.

⁴ Там же, л. 2.

«нетерпеливость перенесения угнетающей нас тягости многократно побуждала земледельцев свергнуть с себя оную» и т. д. Фраза, начиная со слов «угнетающей нас тягости», подчеркнута в рукописи карандашом⁵.

Антикрепостнические соображения, приводимые в другой рукописи, отобранной при аресте Кузнецова, несколько напоминают поносовское «Положение». Крепостное право разоряет и губит крестьян, создающих своим трудом общественное богатство. «Есть ли кто у нас в большем презрении, как земледелец? Он кровавым потом обливается, ради общественной жизни в ночь не доспит, в день недоест... Какую же он за это от нас получает награду? Ах, жалко и упоминать о их состоянии». Далее автор рисует картину жизни крепостных, мало чем отличающуюся от известных нам страниц Лоцманова, Поносова и Подшивалова. «Трудится бедный крестьянин ежедневно, чтоб, питая других, и самому себе кусок хлеба заработать, но как скоро боярин его увидит, что житница у него полная, то выбрав на него какую-нибудь вину, всего лишает, и последний кусок хлеба у него, бедного, похищает; иной мужичек день весь разные тяжести из одного на другое место переносит, или без отдыха дрова рубит, так что в день два или три раза выжимает с поту свою рубашку, а как придет всем работающим вожделенный вечер, то что же за награду он получит за весь данный свой труд? Или велят его за это высечь, что он не мелко дрова рубил, или за то, что они худо горят, по какой причине в горнице чад, и так всегда тот виноват, кто кому подвластен. Я не знаю, как такие люди, какие имеют у себя крестьян, не подумают, что такие же люди, как и они, и что одно имеют происхождение. Мне кажется, что с натурою несходно отягощать беспомощных».

«Дерзкое» поведение Кузнецова и найденные у него «записки», использовавшиеся, возможно, для разжигания ненависти мастеровых к крепостному праву, послужили поводом к обвинению его в вольнодумстве. Начальник VIII округа корпуса жандармов генерал-майор Фалькенберг доносил своему шефу, что смысл рукописей, изъятых у Кузнецова, «явно клонится к уничтожению власти по-

⁵ Об условиях помещиков с крестьянами. Сочинение графа Валериана Стрешемь Стрйновского. В Вильне. 1809, стр. 35; ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., 1840 г., д. 12, л. 14 об. Курсив мой.— Л. К.

мещиков». Демидовы потребовали переселить «крамольного» крепостного в Сибирь. Царь выразил согласие с их мнением, написав на докладе Бенкендорфа: «справедливо».

В 1843 г. у Петра Полякова, находившегося в станице Малодельской на Дону и назвавшего себя отставным унтер-офицером, была отобрана написанная им книга, где «преступно» осуждались законы и распоряжения правительства и «даже высочайшие особы царствующего дома». Автор — из крестьян села Никитского Лукьяновского уезда Костромской губернии, признал, что подготовленная им рукописная книга предназначалась «как для себя, так и для снабжения оною других, кто пожелает». «Образ мыслей моих по тем предметам,— продолжал он,— действительно противен государственным постановлениям, но я его не перемену, по убеждению в справедливости моего мнения»; «За истину слов своих готов пострадать жизнью»⁶.

Сочинение, о котором идет речь, в деле, находящемся в архиве III Отделения, отсутствует, но здесь излагаются высказывания Полякова, по которым можно судить о его взглядах. Он «постоянно и с ожесточением хулил и поносил бранными словами» православную веру и учение старообрядцев (хотя именуется раскольником), «святых апостолов и угодников божьих», священников и «начальников», царские законы, в которых «нет ничего священного», и «августейшее имя государя императора». Церковь называл «преисподним адом», царские врата — «иродскими», попов — разбойниками, да, к тому же опровергал, как сказано в деле, Евангелие, совершая все это «богохульство» «не по легкомыслию, а с намерением внушить оное слушающим». За свое неверие и антимонархический образ мысли Поляков был посажен в Усть-Медведевскую окружную тюрьму, а затем по приказанию Николая I отправлен, закованным в кандалы и под надзором «расторопных и самых надежных жандармов», в Суздальский монастырь⁷.

Не дошла до нас, к сожалению, и рукописная книга другого «богохульника» того времени — воронежского крестьянина Ивана Буракова, работавшего вахтером

⁶ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1843 г., д. 117, лл. 11 об., 4 об.

⁷ Там же, лл. 1—1 об., 3 об.—4, 11. 15—15 об.

ставропольского полевого комиссионерства. В своем «учении», изложенном в этой книге, он отвергал божественность Иисуса Христа и вообще религию. В 1853 г. Буракова заточили в тюрьму Соловецкого монастыря и рукопись его, переданная Синоду, по-видимому, не сохранилась. Касаясь своих бесед с заключенным, архимандрит Александр писал: «Бураков — величайший враг имени Иисуса Христа. Когда я (архимандрит) при посещении его на Пасху, сказал: Христос воскрес! то он молчал, а когда сказал: во имя воскресшего прими яйцо красное, то он отвечал мне грубо, с запальчивостью и ругательством на святыню». Судя по официальным релициям, размышления Буракова привели его к атеизму. «Ничему не верит... В церковь никогда не ходит», — говорилось в данной ему характеристике. — ...Величайший богоотступник, увещаний не принимает, святыню, догматы и самого Иисуса Христа хулит... Присяги на верность подданства не захотел выполнить. Характера дерзкого. Должен оставаться в строгом заключении»⁸. Спустя семь лет после заключения в острог, Бураков умер без раскаяния.

Против реакционной идеологии выступали и мелкие, обездоленные чиновники. Уровень их жизни мало отличается от условий, в которых жили люди, занятые физическим трудом. Бедность, полная зависимость от произвола старших по чину, постоянная неуверенность в завтрашнем дне — все порождало в этих людях забитость, униженность и тому подобные черты, запечатленные Гоголем в образе Акакия Акакиевича Башмачкина. Но не все бедняки-чиновники были Башмачкиными. Порой и в этой среде раздавался голос протеста. Недаром «тысячи мелких чиновников» причислялись в отчете о действиях III Отделения на 1839 г. к числу людей, имеющих «один общий интерес с народом» и прививших ему «много новых идей», раздувающих в его сердце «искру, которая может когда-нибудь вспыхнуть».

В 1849 г. возникло дело о регистраторе Сергее Филипповиче Степанове, служившем в конторе Московского вдовьего дома. Сын отставного военного (потом учителя), Степанов был образованным человеком, но жил плохо: «имения недвижимого за мною никакого не состоит, —

⁸ М. Колчин. Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря..., стр. 136, 175—176.

писал он,— содержа себя единственно одним жалованьем»⁹.

Степанов порицал царские власти и «дерзко» отзывался о религии. За вольнодумным писцом установили секретное наблюдение. При обыске были обнаружены написанные им сочинения, из которых «открывалось: 1) что Степанов действительно отвергает чудеса Иисуса Христа и называет идолопоклонством почитание и поклонение святым мощам и иконам; эти, совершенно противные догматам православия, понятия изложены им на бумаге. 2) в некоторых стихотворениях и романах собственного сочинения критикует распоряжения правительства, а стихи под заглавием «Воззвание» и другие, начинающиеся словами «Царю однажды дал бог сына» суть не что иное, как произведения преступного вольнодумства»¹⁰.

В рукописях Степанова ясно прослеживается его недовольство царизмом. Среди них есть фрагмент статьи, специально посвященной критике самодержавия. Это понятие Степанов отождествляет с понятием «деспотизм». «... Так как статья наша,— писал он,— относится единственно до монархического правления самодержавного, чтобы показать во всех фазах его недостаточность, бросить взгляд и на то, что есть и на то, что быть могло при других условиях, то мы и не коснемся области других правлений... Монархия деспотическая и самодержавная есть соединение всей власти в обществе в одних руках без всякого ограничения; законы и постановления безусловно истекают из этого же центра; власть распорядительная... происходит все оттуда же». Под ярмом самодержавного правления, говорилось в другой отобранной у Степанова рукописи, «раздаются вопль и стоны». Беседуя со своими знакомыми о революционных событиях на Западе, Степанов говорил, что «если у нас вспыхнет революция, то он первый поднимет красное знамя». Прошло уже, продолжал он, то время, когда царские манифесты могли иметь большое влияние на доверчивый народ, «весь свет будет республикой, теперь наступило время,

⁹ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., 1849 г., д. 219, л. 5. «Средства наши,— говорит герой одного из рукописных сочинений Степанова,— так бедны, что немного найдется бедняков, могущих сказать: мы беднее вас» (там же, л. 14).

¹⁰ Там же, лл. 1 об.—2.

когда и русский народ понял, что такое республика; это дух времени, это идея века».

Духовная тирания так же осуждалась в сочинениях Степанова, как и политическая. «За свободу мыслить,— писал он,— сердятся цари земные». Степанов критически относился к догматам религии. Библейский вымысел о божьей мстительности, противоречит, доказывал он, версией о том, что бог есть сила добрая, всезнающая и всемогущая. Такой бог не стал бы мстить всему роду человеческому за «грех», совершенный двумя людьми — Адамом и Евой, тем более, что он как «всевидающий», знал заранее грехопадение, а как «всемогущий» — мог предотвратить его. Не признавая святых, восхваляемых церковью, Степанов писал, что «обожание их, или даже самое только поклонение есть не более, не менее — идолопоклонство, даже хуже идолопоклонства, потому что язычники в идолах своих обожают идею; а вы, христиане, горсть земли, мумию, доску, часто даже с неизящным изображением ваших святых. Никто, само собою разумеется, не говорит здесь, чтобы не уважать память человека, прославившегося или добрыми делами, или ...примерною жизнью; мы уважаем память наших добрых знакомых, как же забудем память тех людей, которые приобрели мировую известность? Это невозможно, а если невозможно, то несправедливо. Мы станем, и я первый, уважать память их, как людей добрых. Но молиться им?.. Никогда, и я первый». Поскольку в сочинениях Степанова был выявлен «вольный образ мыслей» и «противорелигиозные понятия», его заточили, как многих других, в монастырский острог.

В том же 1849 г. в руки тайной полиции попало письмо мелкого чиновника Веревкина, в котором он одобрительно отзывался о Фурье и других утопических социалистах. «Мы живем,— говорилось в письме,— в эпоху брожения, разрушения старых основ общества; все кругом нас падает, все колеблется, старые боги свергнуты; что для наших дедов было святым, то для нас сделалось пустой игрушкой». Автор ждал от революции «лучшего порядка дел»¹¹.

¹¹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1849 г., д. 122, лл. 4, 6 об., 1 об., 13, 19, 24 об.

Особое место среди произведений русской народной мысли занимает крестьянская стихотворная повесть «Вести о России». Пакет, содержащий в себе это произведение, был сдан на петербургскую почту в августе 1849 г., на имя принца Ольденбургского. Не принятый адресатом, он пролежал долгое время на почте, где был вскрыт, после чего попал в III Отделение. Рукопись представляет собой объемистую тетрадь — 203 страницы. На многих страницах — пометки красным карандашом, выделяющие наиболее «крамольные» места. В

связи с их обнаружением возникло в 1850 г. дело «О стихотворениях «Вести о России», поданных в Санкт-Петербурге на городскую почту с адресом на имя принца Петра Ольденбургского». В деле, кроме упомянутого произведения, содержится секретная записка графа Адлеберга от 4 марта 1850 г. о появлении рукописи, полицейские выписки из повести (соответствующих пометкам в тексте), препроводительное письмо нового начальника III отделения — графа Орлова к принцу Ольденбургскому с просьбой ознакомиться с рукописью. Последняя была возвращена адресатом на следующий день явно не прочитанной и больше столетия пролежала в архиве III Отделения. Это замечательное произведение подготовлено к печати Т. Г. Снытко и впервые опубликовано с его вступительной статьей и комментариями, под редакцией академика М. В. Нечкиной в 1961 г. в г. Ярославле.

-99-

визды влания худыя
в тилищозы сумныхх пустоты
однуды пелюдыжя зрѣткыся,
цмы покрыла темнота.
въ поляхъ непашеной земли
и прочишия маетъ гороздо болн,
повстудъ визды пустыри,
отъ обзучеткохъ вомволн

оучетъ ркия мучиков
въ тучинѣ дни ихъ протыкелотъ.
мкх жоль себѣ, изъмяковъ
въ келье вен телянти поживалти.
келье въ болыи релте живучи
работи рабекія вручелотъ;
отъ провезенія лучи
сквозе иго ихъ внейе не вѣютъ.

темля всталила я, рѣчь стерики
которая меня пугала!
и евова всрѣдъ грусть твоя
келье ржи възглазо проникла.

Из рукописи «Вести о России»

Автор повести не был обнаружен. Сведения, которые он сообщает о себе, намеренно скупы. Так, он пишет, что «Вести» почерпнуты «из мирской жизни, с дел и слов народа»¹². Желая, чтобы рукопись прочитал Николай I и надеясь, что это поможет царю уяснить действительное положение народа, автор понимал в то же время, что «наградой» за высказанную правду вероятнее всего будет тюрьма или ссылка. Отсюда — следующие, предъявленные им царю, условия: 1) «прочитать все, что в рукописи означено, 2) после чтения не обвинить писателя. Без согласия на выше описанные условия государю Николаю I и его высокой царской фамилии, рукописи не читать, но предать ее огню. Писатель рукописи — полуграмотный крепостной, господский по телу крестьянин, но по душе христианин Петр»¹³.

Здесь, да и в тексте повести, сказывается крестьянская наивно-монархическая ограниченность автора; он еще верит царю, хотя безотчетной эту веру уже нельзя назвать.

Итак, об авторе известно, что он был крепостным крестьянином; из повести видно также (если признать автобиографичность образа главного героя, а это, по нашему мнению, несомненно, хотя точку зрения автора выражают и другие персонажи), что он — уроженец одного из сел Ярославской губернии, провел несколько лет в Петербурге, работал приказчиком у купца, затем вернулся в семью и занимался хлебопашеством. Т. Г. Снытко предполагает, что формула «писатель П.», встречающаяся в тексте, указывает на заглавную букву не имени, а фамилии, и что под этим псевдонимом мог скрываться беглый ярославский крепостной Савва Дмитриевич Пурлевский¹⁴.

¹² «Вести о России». Повесть в стихах крепостного крестьянина (1830—1840)». Ярославль, 1961, стр. 23. «Внимательно исследуя «Вести о России», названные нами повестью в стихах,— пишет Т. Г. Снытко,— прежде всего следует отклонить возможные сомнения в подлинно народном происхождении этого документа. И язык, и содержание повести убедительно говорят о том, что она не является подделкой какого-либо профессионального литератора под народное творчество, а действительно написана представителем народа» (там же, стр. 7).

¹³ Там же, стр. 4.

¹⁴ Автобиографические записи Пурлевского «Воспоминания крепостного» опубликованы посмертно в журнале «Русский Вестник» за 1877 г. (т. 130 и 131).

Ярославские простолюдины не раз выступали против крепостничества и господствующей идеологии. Еще в 1830 г. в Пошехонском уезде Ярославской губернии был схвачен Егор Иванов, заявлявший, что он не признает ни царя, ни установленные им гражданские и духовные власти. В 1835 г. в той же губернии был арестован человек, назвавший себя Иваном и не признававший «святых угодников, императора и никакого начальства». В 1847 г. высшая политическая полиция «заинтересовалась» крепостным человеком Никитиным, принадлежащим ярославской помещице. В анонимной «записке», поданной великому князю Михаилу Павловичу, Никитин утверждал, что в мире «все дела идут криво», выражал ненависть к «делам николаистским» и высказывал намерение вступить в открытый спор с духовенством. Заточенный в Соловецкий острог, он и там остался непреклонен. В 1847 г. в Петергофе был арестован ярославский крепостной Николай Подрядчиков. Этот начитанный крестьянин, сочинявший стихи, предсказывал наступление в России событий, подобных французской революции. Эти и многие другие факты позволяют сделать вывод, что автор «Вестей» — человек безусловно незаурядный, самобытного ума и таланта — не был тем не менее исключением в простонародной среде.

В «Вестях о России», как и в ранее рассмотренных произведениях крепостных вольнодумцев, житейские наблюдения и фольклорные мотивы переплетаются с литературно-публицистическими построениями и философскими идеями, говорящими о большом интересе автора к прогрессивной литературе. Во введении к изданию «Вестей» справедливо отмечено отразившееся здесь влияние русской литературы XVIII — начала XIX в., в частности, творчества Крылова и Рылеева¹⁵.

Интересующее нас произведение состоит из краткого биографического вступления — «О жизни писателя П.» и трех частей «Вести и предвозвестия о России», «Вести о России» и «Речь последняя и сильно выраженная простодушным писателем, как то о себе, так и о положении народной жизни». В конце приложено несколько примечаний, составленных автором или переписчиком.

¹⁵ «Вести о России», стр. 7, 17.

Свою личную жизнь автор не мыслит в отрыве от горячо любимой Родины, жизни народной.

Повесть начинается с описания путешествия героя вместе с его земляками по стране — из Петербурга в родные села и деревни. Во время этого путешествия и после, по прибытии домой, он встречается с разными людьми; авторский монолог чередуется с живыми, динамичными диалогами, рассказ ведется от имени многих действующих лиц (отец, мать, сын Степан, Соломонида, Андриан и другие). Форма повествования свободно преобразуется в зависимости от обстоятельств («Письмо», «Песня оброчного», «Степанов сон и разные рассказы», «Причеты моей матери» и т. д.). Есть в книге поэтические описания природы, ярко намеченные типы (прежде всего лирический образ главного героя), но самое ценное в ней — это публицистически острые мысли автора, полные гражданского пафоса и философской глубины. По мере развития сюжета они становятся все смелее; в действие вступают новые лица и каждый говорит о чем-то своем, но в то же время общем, что одинаково волнует всех — о страданиях поработанного народа.

3

Превыше всего для автора «Вестей» — *труд*, создающий лучшее, что есть на свете; он «для всех полезен». Народный труд (или в метафорическом толковании автора — плуг) — первоисток общественной жизни, «твердый корень царству». Трудом созданы все богатства. «Но власти труд берут себе», присваивают, объявляя своей собственностью. Доходы крепостников, полученные таким путем, автор называет насильственными. «Через нас богаты», — говорит он об узурпаторах крестьянского труда, сравнивая их с голодными тиграми или волчьей стаей.

Обличительное острие повести и направлено против тех, кто «губит труд малоимущих», расточает «труды мирские», — Бездушиных, Обираевых, Раззориных, Дармовзяткиных и других помещиков, а также богатых купцов, откупщиков и прочих «господ».

Пожалуй, ни в одном из произведений русского народного творчества, появившихся ранее, жизнь крепостных не показана с таким размахом и реалистической

наглядностью, как в «Вестях». Перед нами, как живая, предстает крепостная деревня первой половины XIX в. — ветхие, полуразвалившиеся, дымные избы, напоминающие скорее шалаши, чем постоянные жилища; плохо удобренные, а зачастую незасеянные и не вспаханные земли, бесчисленные пустыри, образовавшиеся «от безуспехов во неволе», обнищавшие, изнуренные непосильной работой и тяжелыми поборами «злосчастные мужики», еле передвигающие ноги от голода. Это катастрофическое положение возникло не само по себе, не из-за мнимой нерадивости крестьян, о которой любили разглагольствовать крепостники. Русский народ известен своими трудолюбием и талантливостью. Причиной народной нищеты является «бестолковый порядок», установленный помещиками, крепостническое рабство. «Давно б нам надо объяснить, что рабством страдает здесь народ»¹⁶. Помещики, или как они сатирически именуется в повести, «бояре», «корольки», «воеводы» — вот виновники народного горя. Они-то, образно замечает автор, и ставят бедность «на постой» в крестьянские избы, расправляются с крепостными, как огонь с сухой соломой.

«Горька, горька вам эта чаша. Во власти их судьбина ваша, безвинно могут наказать, от вас именье отобрать. От их окладов и оброков крестьянские умы повяли. От выполнения грозных сроков деревни всюду обветшали. Здесь страшна язва нищета свирепствует в рабах жестоко».

Не меньше страдает народ от бесправия. Каждый помещик требует, чтобы его крепостные видели в нем свою судьбу и повинвались, как царю, преклонялись, как перед богом. Во всякой вотчине — свои законы, «где судят так, где сяк, где — как придется!», словом всюду процветает беззаконие и этим беззаконьям нет конца¹⁷. Истязая крестьян и дворовых, помещик Бездушин сопровождает порку «дворянскими припевками». Сочиненная им специально для этого песня, исполняемая «крестьянам во увещание», открыто выражает человеконенавистическую философию рабовладельцев: «Вот слушай, бестия, припевы от нас, ученых россиян. Скоты,

¹⁶ «Вести о России», стр. 34.

¹⁷ Там же, стр. 53.

козлы, ленивцы — все вы должны трудиться для дворян! Должны приобретать нам царство — вот русское для вас лекарство. Лежит большое розог бремя — ну, Андриашка, развернись! Опомнись, шельма, попекись! Томися с детства ты на деле!... забудь о праздниках в неделе и думай только об одном, чтоб с господином расчитаться»¹⁸.

Когда во время экзекуции ее исполнитель обращает внимание барина на то, что истязуемый крестьянин потерял сознание и замолк, в ответ раздается садистское распоряжение: «Пригрянъ, пригрянъ! Я вижу, что дышит...» И порка продолжается до тех пор, пока барин устанет.

Разрушительное воздействие крепостного строя сказывается семья, ослабляет и рвет родственные связи. Многие крестьяне, гонимые нуждой, отправляются на заработки (львиная доля которых достается помещику) и вынуждены надолго разлучаться с женами и детьми.

Жизни крепостных калечатся насильственными браками, заключаемыми по прихоти помещиков: «Не спросят, думно ли жениться, а скажут: вот тебе жена. Другой, мы видим, век томится, кому не по сердцу она. Также случается жене муж не по мысли попадает, она живет с ним как в огне, несчастная по гроб страдает». Некоторые «владельцы» разрешают своим крепостным жениться на женщинах из мещанского сословия. Но последним такие браки сулят горькую жизнь, ибо, выходя замуж за крепостных, они утрачивают свободу, сами становятся рабынями. В связи с этим терпит неудачу и сватовство героя повести к полюбившейся ему девушке.

Рабские отношения пагубно влияют на нравственность, затемняя сознание простых людей, особенно крестьян, и нередко заражая их такими пороками, культивируемыми в господской среде, как эгоизм, своекорыстие и т. п.

Эта порка нравов проникает и в семейно-бытовой уклад деревни, и тогда, как показывает автор, жены и мужья обманывают друг друга, дети «вздорят» с родителями, брат поднимается на брата, сестра на сестру. «Вошла в сердца нечистота и всяка мерзость запустенья. О, как сия утрата многа!»

¹⁸ Там же, стр. 83.

Бедность и темнота, бесправие и растление нравов — все это «против природы» (природы), все это «от господ»: «худой порядок у господ, не стоит, право, ни гроша».

Этот порядок может и должен быть уничтожен.

Как это сделать? Автор хотел бы возложить эту задачу на царя и для этого направить к нему депутацию от народа с целью побудить его разорвать «ржаву цепь крепостного права»¹⁹. Но жизненный опыт и знание некоторых фактов истории подсказывали крестьянину-поэту (в повести их выражает в данном случае отец героя), что царь не одобрит мужицких ходоков, а жестоко расправится с ними, как уже не раз делал это с теми, кто осмеливался выступать в защиту истины и справедливости. «Услышит он,— велит молчать, вновь ни о чем тебя не спросит, иль вздумает тебя сослать туда, где ворон и костей не носит. Или отдаст тебя под суд неправильной нашей власти. Тогда, увь, что будет тут, в какой ты вновь будешь напасти? Тебе за добрые затеи судьи законы подведут, потом как книжники, как фарисеи, быть может, и на площади убьют».

«Вести о России» — приговор существующему строю и вместе с тем проект социально-политических преобразований. Общая их идея выражена здесь посредством образа, напоминающего притчу Подшивалова о загубленных деревьях. Отец героя видит во сне обширный и, по видимости, цветущий сад. Это — царская империя. Верхушки деревьев зеленеют, но корни их гниют. Высокая ограда «заглушает» много растений и сад все больше вянет. Для того чтобы его спасти, нужно «все снова учредить», сломать тюремную ограду, убрать накопившийся хлам, прокопать канаву²⁰. Смысл этих иносказаний ясен: речь идет об уничтожении крепостничества, искоренении горя и злодейства.

Важная роль в реформационных замыслах автора отведена науке, она уподобляется им реке, которая «древо развивает», и чистые струи которой принесут с собой плодородие и изобилие. Без науки и просвещения не может быть счастливой жизни. Однако эти блага не придут к народу сами собой: в условиях помещичьей тирании «к нам не проникнет просвещенье». Невежество — неиз-

¹⁹ Там же, стр. 60.

²⁰ Там же, стр. 46—47.

бежный спутник неволи, его насаждают в своих корыстных целях дворяне.

«О, участь горька мужиков! В тумане дни их протекают. Мне жаль себя и земляков: в нас все таланты погибают. Нам, в белом свете живучи, работы рабские вручают. И просвещения лучи, сквозь иго их в нас не сияют»²¹.

Автор призывает кару на головы тех, «кто сам не внемлет просвещенью, прильнувши к праздной суете! Ей вводит многих в тьму мученья, погибнет первый в слепоте»!²²

Для того чтобы живительный поток науки и просвещения хлынул на ограбленные, иссушенные крестьянские поля, принес счастье народу, необходимо «всех рабов вывести из крепостной тюрьмы, цепь общую разорвать».

В «Вестях о России» отстаивается идея естественного равенства людей. В первобытную эпоху не было господ и рабов: «Адам у нас был не господский»... И в настоящее время одни люди не имеют права господствовать над другими, для этого нет никаких моральных или естественноправовых оснований. У «господ», говорит автор, такие же точно чувства и желания как у нас, мы так же хотим есть, сено и траву в пищу не потребляем, нам тоже нужно одеваться, хотя бы худо. Умом и нравственностью крепостникам нечем гордиться: «дворян веленья непристойны», «их ум, как тонкая флюгарка, от ветров в ненастьи лжи кругом вертится».

Между тем дворяне не считают крепостных людьми, слово «мужик» произносят как бранную кличку. Это бесконечно возмущает автора:

«Ужель мы для того родились, чрез власть чтоб цепи всяк носил? И власти чтоб чрез нас блудились, в тьме злодействий всякий жил?.. Над всем земным царь — человек! Но что же? Нас зовут — «именье» — и те же люди... Ох, рабство бедного народа! О, варварство хитрых властей! Нам богом данная свобода ужели требует цепей?... Ужель с сих средств дани, оброки рабы властям должны платить... Ужель граблением возможно народ

²¹ «Вести о России», стр. 39.

²² Там же, стр. 56.

жить честно научить? Тиранством и злодейством должно в мир добронравия вводить?... На что ж бог? Вера? И законы? Для виду б только почитались?!

Ужель крестьянин и не человек»²³.

Поразительна близость последних слов высказываниям Белинского и других революционных демократов. О том же (и почти теми же словами) говорил позднее Добролюбов в «Думе при гробе Оленина»:

Скажите, русские дворяне,
Какой же бог закон нарек,
Что к рабству созданы крестьяне
И что мужик не человек?²⁴

Совпадение это не случайно. Великий критик и философ-революционер не был знаком с рукописью неизвестного крестьянина-правдоискателя, но он с величайшим проникновением выразил то, о чем думали миллионы русских крестьян.

В том же стихотворении Добролюбова крепостной человек бросает вызов тиранам, почти повторяя слова автора «Вестей»:

Протек для русского народа
Тьмы и тиранства долгий век!
Я жить хочу, хочу свободы
Я равен вам, я — человек!²⁵

Добролюбов как бы услышал эти требования из уст самого народа.

Проблема равенства толкуется автором «Вестей» в двух планах — правовом и социально-экономическом. В первом случае речь идет о равенстве всех граждан государства — от вельможи «до мужика» перед законом. Вопрос — что нужно народу решается так: свобода и «всем один закон»²⁶. Не упраздняя сословной структуры общества, крепостной реформатор предлагает, чтобы крестьяне, мещане, купцы и дворяне имели «правды щит равне»²⁷. В повести содержится и другое предложение, несколько напоминающее уравнительную утопию Руссо.

²³ Там же, стр. 97, 98, 144, 68.

²⁴ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 6. М., ГИХЛ, 1939, ст. 221.

²⁵ Там же, стр. 226.

²⁶ «Вести о России», стр. 38.

²⁷ Там же, стр. 102.

Известно, что, критикуя неравномерность в распределении богатств, обрушиваясь против роскоши, великий французский философ не доходил до отрицания частной собственности; он ограничивался требованием сближения крайних ступеней имущественной лестницы. «...Ни один гражданин,— писал Руссо,— не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один — настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя»²⁸. Автор «Вестей о России» тоже видит в богатстве и бедности вредные крайности, которых надо остерегаться. Он советует передвинуть элементы общества, представляющие эти противоположные стороны, «с краев опасных на середину». «Краям [и] или крайностям [и], вредными для народа,— разъясняется в примечаниях к повести эта точка зрения,— названы две: первая — большая бедность, вторая — большое богатство». Крайностям предпочитается середина (средний уровень материального благосостояния), признаваемая «полезною для людей».

Отвергая строй, при котором человек является объектом надругательства, предметом купли-продажи, «Вести» резко критикуют и охраняющее этот строй законодательство: «худой закон в Руси ведется».

Гражданские законы, стоящие на страже интересов дворян, «дремучим лесом поросли», используются для ограбления трудящихся. Судьи, назначенные господствующим сословием, оградилась от народа «кичливым барством», вооружились против него «злым самовластием». Учреждения, в которых создаются и вершатся законы крепостнического государства,— не храмы правосудия, а «здания расправ». Нужны новые, мудрые законы и новая система судопроизводства, основанные на признании свободы и равенства людей,— в этом залог прочности и процветания общества, ибо «без правды царства упадут». Каждому сословию необходимо дать возможность выбирать в судьи своих талантливых представителей, которые были бы верны законам, оправдывали невиновных и осуждали преступников. Особо выделяется требование, «чтоб судейских род отвык совсем от взяточного сбора».

В противоположность «неправому суду», орудию дворян и богачей, защитнику и рассаднику зла, новый,

²⁸ Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. М., 1938, стр. 44.

справедливый суд призван бороться со злом и уничтожать его.

«И только б зло, где зародилось, Спешить, чтобы не расцвело», судом везде бы искоренилось и вновь глядеть, чтоб не росло».

Вводится подотчетность судей народу (по существу это требование распространяется на всех государственных чиновников), с тем чтобы каждый гражданин «за ложь их весть мог до позора».

В итоге всех намеченных преобразований — ликвидации крепостничества, установления правового равенства людей, справедливого законодательства и судопроизводства, преодоления имущественных «крайностей» должно возникнуть, полагал автор, новое общество, которое он называл «миром правды». Утопизм, свойственный этим замыслам, не должен заслонять от нас их исторически прогрессивного, революционного значения. «Вести о России» — глубоко патриотическое произведение, проникнутое верой в трудовой русский народ и его светлое будущее. Страницы, на которых автор набрасывает свои представления о новой России, в которой восторжествует справедливость, принадлежат к лучшим в книге. Простые люди «свободными руками» возродят страну во всем ее величии. «Тогда б земля возобновилась хорошим хлебом на полях, густой травой на лугах, к нам с плодородьем бы явилась. От воли б дома уллучились, всем заведеньем и скотом, и дети б наши научились своим жить собственным трудом. И все б наполнилось при этом хорошим воздухом и светом... И вся сказала б с нам [и] природа: цветы, российская страна, неволи нет, у нас свобода!... И будет всякий для себя о исполненьи дел стараться, тем правильну жизнь разглядя, фальшивой будет противляться. ...У нас при воле всякий труд в хорошем виде совершится, за кой успеть бы можно тут приятной жизнью насладиться. И расцвела б весной Россия, умы б понятем развились наук источники благие в народе б быстро разлились ...Вошла бы в мир наш тишина, с плодам [и] природа б к нам явилась, все правильно б всем раздала она, трудом бы Русь обогатилась. В сердцах у кротких добродетель с премудрости б родилась. И всякий добрых дел владетель успел для будущности бы припасть.... И от достатка нас науки до звучной славы доведут, таланты вырвутся из муки и все полезное поймут. ...Вос-

кликнет голосом поэта крестьянина-простолюдина сын и вскоре он себе от света получит почести и чин. И весть пройдет по всем странам, когда дождется дня Россия».

Автор «Вестей» не только с нетерпением ждал наступления этого дня — освобождения Родины от рабства, и взывал к царю и помещикам: «Отдайте на Руси свободу»²⁹, но и все более открыто угрожал поработителям Родины кровавой расплатой.

«Вострепешите, русски ханы! Хоть тьма у нас, не рассветло, но уже зрят ваши обманы и вам [и] содеянное зло. Напрасно главные лжебоги в сердцах своих лукаво мнят, чрез тяжки податей налоги мир в нову цепь сковать хотят. Они в том много ошибутся, в цепь вечну сами закуются, затем, что утрення заря в сердцах у русских занялася, хоть в темноте еще горя, но уж приметно проясняся. Уж даже много из людей на зло созрелое взирают, уж много страшных новостей к жнитву его предвозвещают. Светает день, народ молчит, судьбы свои обзрывает. Находят тучи, месть ворчит — бояр род гордый не внимает. Страдает мир, бичи ликуют, в чертогах, в роскоши живут, но тайно между тем тоскуют, ужасного определенья ждут. Одним дают его за гробом, кому-то по делам вполне, другие здесь, и в мире новом получают божий гнев вдвойне. Их, как волов для закалання, судьба взлелеет на великий пир. Так за премноги злодеянья с лица земли их скроет мир»³⁰.

Завершающие книгу высказывания ярославского крепостного, в которых звучат мотивы крестьянской революционности, признается реальная возможность революционного пути освобождения России, особенно близки Радищеву: «Вдруг грянет гром со всех сторон, во мраке молния заблещет, от звуков потрясется трон, и царь от страха вострепешет. И не единый изверг здесь не скроется, не убежит — везде увидит зорко месть и лютой смертью поразит. И как от буйного яренья не вдруг утихнет ураган, не вдруг от сильного волненья реветь умолкнет океан».

Можно не сомневаться, что если бы автор этих перекликающихся с радищевской «Вольностью» строк, попал в руки царских властей, его постигла бы та же участь, что и других представителей русского народного свободомыслия.

²⁹ «Вести о России», стр. 94—95. 103—104, 147—148, 146.

³⁰ Там же, стр. 145—146.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ УЗНИК С. Н. ОЛЕЙНИЧУК

1

История русской мысли тесно связана с духовным развитием других народов, в том числе украинского. Эта связь нашла одно из своих проявлений в антикрепостнических взглядах С. Н. Олейничука.

Семен Никитич Олейничук родился в 1798 г. в Винницком уезде Подольской губернии¹. Он был крепостным помещика Собошанского. В 1818 г. отец Семена втайне от господ отдал его в Винницкую гимназию, где он учился до 1824 г. По возвращении юноши в имение помещик намеревался отдать его в рекруты, но Олейничук, «враждуя к крепостному своему званию», бежал и многие годы скитался под чужим именем; жил в нескольких монастырях, работал приходским учителем. В конце 30-х годов его потянуло в родные места; он вернулся и был предан суду, в результате чего «еще более возненавидел крепостное свое звание». Лишь в 1845 г. Олейничук получил «отпускную». Но он не успокоился, не смирился. Начался период новых странствий. Кроме Киевской, Подольской и Волынской губерний, он побывал в Нежине, Кролевец, Глухове, Чернигове, Орле, Туле, Калуге, Новгороде, Москве, Петербурге и в других местах. Повсюду

¹ Дело «О вольноотпущенном крестьянине Винницкого уезда Семене Олейничуке, у коего найдено рукописное его сочинение, заключающее в себе вредные суждения о сословиях и правительстве» находится в архиве III отделения (начато в 1849 г. и закончено в 1852 г.). Наряду с ведомственной перепиской и показаниями Олейничука здесь имеются полицейские выписки из его сочинения, которое хранится в том же архиве. Произведение Олейничука «Исторический рассказ природных или коренных жителей Малороссии заднепровской, то есть Киевской, Каменец-Подольской и Житомир-Волынской губерний про свое житье и бытие» представляет собой объемистую черновую рукопись большого формата.

Прото. представителем твоим
 Яковъ иль батюшкѣ
 Карповоу духови соимому
 ави, А. В. Листаевъ, мавъ вали
 виливъ илхескій разавъ...
 равно на вопросѣ Губовдеса въ
 оубъясненіи, твоя съ-
 лави мавъ убвдзавіи, сохати
 мотили, но воеи оправдываюу

1² Кому дни ответствило въ
 мотравѣ на А. В. Листаевъ со-
 ствляе сурно писала маво на
 равно о важности повторения
 переписки и прѣвѣ

2² Твоя нас. цѣль оти
 чини аввѣнны стова повадѣ
 побудивши мави вавитави силъ
 вавитави илхескѣ буди мави
 критискои вавитави илхескѣ
 Гавитави и вавитави въ прѣвѣ
 вавитави быту и буди склѣво дя
 мави вавитави грамотни
 въ мави переписки твоя мави
 вавитави въ вавитави мавитави
 вавитави вавитави при вавитави
 мави вавитави вавитави аввѣ
 мави вавитави вавитави

Отрывок из показаний С. Олейни-
 чука по поводу отобранного у него
 сочинения

в тайне», находясь в Винницком уезде. Но заметив, что его ночные занятия вызывают подозрения, перешел в Киевскую, а затем Черниговскую губернию и расположился со своими книгами и бумагами за Днепром, в Никольской слободке.

Здесь он собирался закончить рукопись, а потом пустить ее «в ход». Но эти надежды не осуществились.

² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1849 г., д. 405, лл. 27—27 об.

³ Там же, л. 30 об.

он собирал сведения об угнетенном положении крестьян и в конце концов решил, что настало время изложить свои наблюдения на бумаге. Объясняя как у него возникло это решение и определяя цель своей книги, он говорит: «Будучи сам из крепостного звания, имея родных, близких и дальних в крестьянском быту и будучи сколько для меня возможно грамотным, я не мог переносить того положения, в каком находились вообще крестьяне при произвольном и нередко жестоким обращении с ними помещиков и их экономических служителей...»² «Меня только занимала одна мысль о крепостном звании, на которое я насмотрелся в прежние годы»³.

Олейничук начал писать свой труд укладкой, «совершенно

«В сочинении этом,—говорил Олейничук,—я успел только выразить мысль мою в такой силе, в какой понимал историю здешнего края, читая по сей части разные сочинения, равно обременяясь крепостным званием, испытав на себе и собрав в разное время сведения из рассказов о разных зловредных и произвольных поступках. Я описал народную ненависть... Все то, что я в сочинении своем описал, клонило меня к тому, чтобы выставить в разных видах положение крестьян, дабы облегчить их участь...»⁴ В 1849 г. странствующий «социолог» был схвачен полицией и заключен в Киевскую крепость.

Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор писал об Олейничуке начальнику III Отделения графу Орлову 21 ноября 1849 г.: «Как человек этот обнаруживает много мыслей, противных настоящему порядку вещей, могущих при его отношениях с простым народом вредно действовать на умы, то было б полезно выслать его навсегда в одну из отдаленных губерний и подвергнуть такому содержанию, чтобы он не имел никаких отношений с крестьянами»⁵. Но граф Орлов счел такого рода репрессию недостаточной. Он «всеподданнейше» доносил царю: «Необходимо заключить Олейничука в Соловецкий монастырь, потому что он со своим образом мыслей и с понятиями, заимствованными в латинских монастырях, может быть везде вреден, преимущественно для низшего класса людей, с которыми он неминуемо должен быть в сношениях»⁶.

Николая I не удовлетворило ни первое, ни второе предложение. Он признал их недостаточными и лично приказал посадить вольнодумца, осмелившегося протестовать против феодально-крепостнических порядков, в Шлиссельбургскую крепость. Туда и был доставлен Семен Олейничук, закованным в кандалы. Там он и умер 27 июля 1852 г.⁷

⁴ Там же, лл. 28 об.— 29, 29 об.— 30.

⁵ Там же, лл. 2—2 об.

⁶ Там же, лл. 40 об.— 41.

⁷ Ему посвящена статья П. Е. Щеголева «Семен Олейничук» («Исторические этюды», СПб., 1913). Трагическая судьба С. Н. Олейничука представлялась П. Е. Щеголеву беспрецедентной. «В чем же вина этого страшного государственного преступника?» — спрашивал он, и отвечал: «Да ни в чем. У него были найдены вредные мысли, и только. Дело Олейничука представляется необыкновенным даже в административной практике Николая I» (там же, стр. 132). В дей-

Труд Олейничука своеобразен по материалу и композиции. Автор стремился придать ему характер документально достоверного отображения бедственной жизни трудового народа. С этим отчасти связаны и заглавие «Исторический рассказ...», и летописный эпиграф: «сотворилось великое зло в русской земле, какого не быть от самого ее крещения», и ссылки на высказывания многочисленных спутников автора на дорогах его странствий — «странников», людей различных профессий, положений, возрастов, характеров. Не менее многопланова рукопись Олейничука в жанровом отношении: это и путевой очерк, в котором нет ничего выдуманного, и народная песня, легенда, пришедшиеся к слову пословицы, сатирические стихи, бичующий памфлет и философские раздумья о мире и жизни; и своего рода конкретно-социологическое исследование. Все это служит обличению общественного неравенства.

Сюжетной осью сочинения Олейничука, как и главного произведения Радищева, является путешествие по родной стране с определенной целью — обличения виновников страданий народа. Но путешествует на этот раз не дворянин, а крестьянин. На фоне сменяющих друг друга картин народной жизни перед нами разворачивается своеобразный судебный процесс. На скамье подсудимых — враги автора: помещики, управляющие именьями, крючкотворы-чиновники, изверги-офицеры. Против них дают свои гневные показания единомышленники автора: крестьяне, крестьянки, солдаты. А в качестве главного обвинителя выступает сам автор, говорящий от лица народа. Всенародность его позиции оттеняется названием труда: речь идет здесь не о впечатлениях одного человека, а о рассказе «природных», коренных жителей — массы людей, самого *народа*. От его имени осуждает Олейничук феодально-крепостнические порядки. Олейничук презирает «господ», видящих свое назначение в том, чтобы «для света жить»⁸, и блистающих не

ствительности подобная же расправа постигла многих вольнодумцев. «Написанные бумаги,— заключает Бенкендорф по делу Лоцманова,— есть действие, следственно учиненное преступление...» («Красный архив», 1926, т. 4 (17), стр. 172).

⁸ ЦГАОР, ф. III отд. I эксп., оп. 214, 1849 г., ед. хр. 76, л. 33 об.

гражданскими достоинствами, а отборными гардеробами, французскими экипажами и скакунами в серебряном уборе. «... Много ли вы между несметным числом дворян насчитаете полезных... отечеству и здравомыслящих людей?» Подлинные патриоты — не те, кто живут «для света», а те, кто трудятся и борются для блага своей родины. «... Тот, кажется мне, сын отчизны, кто все дни своей жизни в кровавых трудах провел, ей сыном верным быть сумел». Народ, прославляющий своим трудом и подвигами родную страну, «бедный крестьянин, сей истинный сын отечества» — вот, по убеждению Олейничука, носитель и оплот истинного патриотизма. И вольнодумец-крестьянин призывает сограждан «показать себя достойными сынами отечества». Возмущаясь положением дел, при котором люди труда, имеющие наибольшие заслуги перед родиной, являются рабами, Олейничук приводит слова народной песни: «Эй, мать ты наша родина, на что ж ты нас породила... наших детей посрамляли, нашими душами торговали и кровь нашу проливали». В тон этой песни он пишет далее, что земля, за которую предки нынешних крестьян «весьма часто проливали кровь свою, на родине праотцов поднимаемая оружие против утеснителей, не щадя живота, ...свергая тяжкие оковы, наложенные на них иноплемениками, не знает долгое время народной отрады, будучи сиротою и пленницею жестоких своих завоевателей»⁹, т. е. помещиков, царских сатрапов и т. д.

Трудно не согласиться с мнением современного исследователя радищевского наследия, что «при всей незрелости, противоречивости и зачастую наивности политической мысли Олейничука, страстностью своего протеста против рабства он напоминает Радищева»¹⁰.

Олейничук был знаком с творчеством Крылова. В исследуемой рукописи приводится выдержка из басни Крылова «Крестьянин и работник», иллюстрирующая размышления о том, что трудовой народ, которому Родина обязана своим величием, ныне в порабощении и пренебрежении у хозяев страны — крепостников. Отметив, что у них «один кумир — корысть», что каждый из них живет на чужой счет, достигая своих целей обма-

⁹ Там же, л. 32, 76, 78, 105.

¹⁰ В. Орлов. Радищев и русская литература. М., 1949, стр. 104.

ном, злобой и коварством, Олейничук говорит в заключение: все это выражают «в живых картинах и лицах басни знаменитого Крылова»¹¹.

3

Олейничук не сомневался в объективной реальности окружающего мира. Его отталкивало мистико-идеалистическое истолкование природы и человека как чего-то бесплотного, потустороннего. «... Вдруг наговорят вам чего непонятого, выведут на сцену духа, — писал он, — вы ничего не поймете и скажете: может быть правда, да только мы этого не можем проверить на самом себе». Выражено это осторожно, с оглядкой, но и с заметной дозой скептицизма, с насмешкой над туманными рассуждениями теологов. Человек, считал Олейничук, способен посредством своих органов чувств и разума познавать природу и общественную жизнь. Его ощущения и мысли не хаотичны и иррациональны, а, естественно детерминированы, как и окружающие явления, подчинены определенным законам, разработкой которых занимаются различные науки. Созвучно просветительской философии XVIII в., Олейничук писал, что человек как мыслящее существо «пытает (спрашивает, исследует.— Л. К.) природу и человека, доискивается причин того, что видит, слышит. Человек как существо чувствующее и одаренное воображением, то трепещет от восторга, то страдает от страха...»¹².

Природа и общество не есть, по Олейничуку, царство покоя и неизменности, это «мир, наполненный противоположностями»; «вселенная,— подтверждает он ту же мысль,— наполнена противоположностями». Поскольку это так, познание не должно останавливаться на поверхности явлений, ограничиваться их отдельными, произвольно взятыми сторонами. Необходимо судить об этих явлениях, обо всех делах на основании «не одного только наружного внимания, а надобно обозреть дело со всех сторон, вникнуть во всякий предмет и тогда судить о делах, смотря по положениям и качествам пред-

¹¹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., оп. 214, 1849 г., ед. хр. 76, лл. 38 об., 81.

¹² Там же, л. 97.

метов, и заключать обо всем, смотря по обстоятельствам».

Олейничука особенно привлекали вопросы философии истории. Идеалистически понимая общественную жизнь, он все же считал, что непосредственные двигатели истории — это не какие-то неизвестно где витающие духи, а живые люди с их чувствами и мыслями, жаждой познания и стремлением как можно лучше устроить свою жизнь на земле. История общества представлялась ему ареной борьбы светлых и темных *человеческих* идей, знания с заблуждением, правды с ложью.

Из того, что история не представляет собой бессмысленного нагромождения фактов, вытекает полезность, поучительность тех выводов, которые должны делать люди из ее опыта, познавательное и воспитательное значение исторической и вообще социальной науки.

Олейничук, как и другие вольнодумцы XIX в., имел в этом отношении предшественников в лице деятелей русского и французского Просвещения. Еще Мабли рассматривал историю как школу для политиков и помощницу народов против королей. Русские просветители, испытавшие влияние Радищева, видели в истории лучшее средство к образованию гражданина и человека (И. П. Пнин), «училище людей» (И. М. Борн), науку, формирующую героев (В. В. Попугаев).

Близкую им точку зрения высказывал Олейничук. В ходе общественного развития, полагал он, «политическая жизнь богатеет опытами». Люди должны исследовать эти «нравственные сокровища», пользоваться их богатым запасом. «Не всякий верит советам опытных, но кто же не верит действительным случаям? И кого обстоятельства не научили размышлению и мудрости, тот не может... или не хочет быть никогда мыслящим человеком».

Ценность истории как науки связана с тем, что в ней отражается деятельность народных масс. «История есть зеркало веков и действий народов». Она помогает осмыслить пройденный путь и приоткрыть завесу грядущего, «в ней видим прошедшее и поучение предугадываем на будущее»¹³.

Олейничук выступал против тех, кто утверждает,

¹³ Там же, лл. 64, 84, 69, 92 об., 106.

будто «русские мужики столь темны», что им недоступно понимание смысла исторических событий, ибо они, «когда глядят в зеркало (истории.— Л. К.), думают, что в нем изображается бог и ему кланяются». «Нет, напротив,— возражал крестьянин-социолог,— они... понимают смысл в историческом зеркале», «из великих происшествий времени почерпают народы драгоценные уроки мудрости».

Видя, подобно Руссо и Мабли, в так называемом естественном состоянии царство равенства, Олейничук предлагал, как и они, «возвратиться к простому порядку». Переход от патриархального прошлого, когда «всяк жил свободно», к крепостному рабству явился, по его мнению, следствием темноты народных масс, обманутых тунеядцами. «В старые времена,— читаем мы в рукописи Олейничука,— среди белого божьего дня была народная темнота. При том всем нужно было грамотных людей, а у нас их не только со свечой, но и с факелом в руке нигде не сыщешь. Потому к нам пришли с целого света со своим грамотным знанием... Одни сунулись в попы, другие — в разные казачьи урядники, третьи — в шинкари, четвертые — в разные торговые промыслы или барышники и, наловивши в нашей мало-российской мутной воде и среди белого дня в совершенной темноте рыбы и овладевши совершенно всем нашим краем, теперь они едят мясо, а мы глодаем кости, они нашими землями владеют, и всяк из бродяги сделался помещиком... Не зная ни рекрута, никаких податей, решительно никаких общественных, ни государственных тягостей... прежде чрез разные плутовства завладели нашими землями, а впоследствии нашими душами»¹⁴.

Не только неравенство, которое Олейничук считал отходом от естественной нормы человеческих отношений, но и «нормальное» общественное устройство есть результат деятельности людей, определенного взаимодействия их свойств, страстей и стремлений. Общество должно соответствовать человеческой природе. Ссылаясь на мнение крестьян и беднейших представителей городского мещанского сословия, высказывающихся «по одному внушению разумной только природы», Олейничук пишет: «...Общество или политическое тело

¹⁴ Там же, лл. 106, 92 об., 54.

устраивается разумной природой людей, там добродетель, честь, страх и польза разным образом разделены или соединены, делаются источниками мира, благополучия и порядка; там все члены друг с другом связаны, движутся правильно и гармонически»¹⁵.

Не ограничиваясь моральным осуждением крепостного права, Олейничук подкреплял свои высказывания конкретным исследованием имущественных отношений, условий труда и быта закрепощенных людей: «Загляните вы в крестьянские избы,— пишет он,— и вы ужаснетесь, какая в них отвратительная нищета, продранные рубища, полунагие не только дети, но и старые; пройдите вы вдоль села, за вами будут дети бежать и кричать: Христа ради, дайте хлеба... Если бы вы посмотрели на пространство здешних лугов и лесов, сколько тут разного рода скота, какое здесь множество овец и лошадей, и вы бы подумали, что эти стада здешних жителей, которые несут на себе все государственные тягости податями, постоем и прочим, которых сыны и родственники проливают кровь свою за царя и отечество. Нет, напрасно бы вы так думали. Эти стада — заграничных странников, официалистов графа Потоцкого... Здешним непросвещенным жителям нельзя дать держать и гуся, ибо его убьют просвещенные странники... Здешний необразованный мужик, баба, даже и ребенок не смей ходить через лес, ибо тебя заграничные странники отдерут и обсекут, хотя бы ты ни одного сухого прутика не поднял». Во время странствий по Черниговской, Полтавской и другим губерниям Олейничук наблюдал «разительную противоположность» условий жизни имущих и неимущих.

С одной стороны, говорит он, вы увидите великолепные чертоги, а с другой — «развалины египетских коптов»: «Тут вашему взору представится великолепный двухэтажный, с роскошным садом, дворянский дом и развалины безземельной казацкой хижины; там возле балкона, у парадного крыльца стоят модные экипажи, а здесь единственное казацкое богатство — свинья на веревке; там с парадного крыльца сходят к подъезду в сопровождении лакеев разряженные богини, а тут из подземелья вылезит полунагая казачка и прикрепляет

¹⁵ Там же, л. 14 об.

свое сокровище, чтобы сорвавшись не пошло на дворянскую землю...»¹⁶

Тяжелый труд из-под палки и бесчисленные поборы превращают жизнь крестьян в непрерывное страдание. «Ну, скажите мне, люди добрые,— восклицал Олейничук,— как теперь мужику на свете жить? Как видите, всякий божий день на панщине со всею семьею, на шаг из села не смей выходить, ибо тебя с перебитою головою приведут назад связанного, за переробные (переработанные.— Л. К.) дни. Плюнь да молчи. Тебе если еще заплатят, то столько, что харч в день гораздо более будет тебе стоить; нужно при том одеться и обуться, а паче всего большую подать оплатить; скотины рабочей, несмотря на то, что ею всякий божий день нужно работать почти одну панщину, не дадут нигде попасти, хоть бы она сдыхала,— все луга и сенокосы в строжайшем запрещении, там только пасутся многочисленные стада овец, лошадей и всякого скота помещицы». Крестьяне «стенают под игом жестокого рабства», между тем как помещики «пожинают плоды их трудов».

Тягчайшее преступление Олейничук видел в торговле людьми — русский народ «посчитан на души», а Киев, как и другие города, превратился в унижительное для человеческого рода торжище этих «душ», мучеников-крестьян. Туняец, не приносящий никакой пользы родине, и даже ее враг, «имеет право истинного сына отечества... продать, подарить, за собаку променять, жену или дочь взять в наложницы, мужа ее отдать в солдаты или посадить безвинно в тюрьму, сослать в Сибирь, даже не опасается и предать его смерти... Вникните вы порознь в сельскую историю и каждого эконома или помещика действия; мало ли там под жестокими побоями испустило дух, мало ли беременных поронило несчастный плод свой, мало ли там [от] непереносимого горя наводят на себя руки и собственноручно прекращают несчастную жизнь свою, мало ли там насильно оскверняют супружеские ложа, растлевают невинных дев... Нас, жестоко связанных, бьют и плакать не дают; ...не дают даже и рта отворить, если что-нибудь хочешь говорить, яснее сказать,— порабощена здесь не только свобода, народность, но даже и свобода мысли...»¹⁷.

¹⁶ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., оп. 214, 1849 г., ед. хр. 76, лл. 57—57 об.

¹⁷ Там же, лл. 55 об., 106 об., 3 об., 4 об.— 5, 2—2 об.

Особенно угнетена, бесправна в условиях крепостничества женщина: помещику ничего не стоит «выменять на корову девку или бабу». В одной купеческой семье, рассказывает Олейничук, воспитывались парень и бедная девушка, дочь солдата. Они полюбили друг друга, но вынуждены были расстаться, ибо помещик потребовал возвращения своей крепостной в имение. «Эта несчастная сирота только для того прозрела, чтобы увидеть перед собой ужасную пропасть, осужденная подобно прочим на страдание еще в утробе своей матери и целый век промучиться на свете, не постигая причины своего невинного страдания; ее невинное сердце только начало ощущать свет и значение человека, как вдруг ад зевнул на нее своим отравляющим и смрадным адским дворянским испарением... Бедный крестьянин сей (отец девушки.— *Л. К.*) настоящий сын отечества, идучи на военную службу проливать кровь свою за царя и отечество, в награду своих военных трудов и подвигов и в пользу праздного дворянина должен отказаться от своих детей»¹⁸.

Резкой критике подвергает Олейничук реакционные порядки в армии. Крепостники-дворяне и на военной службе остаются господами, баловнями судьбы. Большинство из них при всем своем «храбром хвастовстве» избегает каких-либо тягот и риска: одни «ныряют в пучинах канцелярских чернил за офицерским чином, зная то, что воюя приказным или судейскими крючками, менее подвергаются опасности и военным трудам», другие «толпятся для парада при императорской и великих князей свитах, вообще при высочайшем дворе», служат в гвардии и т. д.¹⁹ На многие офицерские должности командование назначает иностранцев — «лишь бы не русских из податного состояния»²⁰, т. е. крепостных, какими бы способностями последние не обладали. В подтверждение Олейничук приводит следующий рассказ,

В 1818 г. из одного помещичьего имения бежал грамотный дворовый. Приобретя подложный документ, он стал в армии юнкером. Но когда спустя некоторое время полк, в котором он служил, проходил через его родное село, односельчане и родители приветствовали беглого

¹⁸ Там же, лл. 65 об., 67 об.

¹⁹ Там же, л. 40 об.— 41.

²⁰ Там же, л. 41.

крепостного, чем невольно выдали его. В результате мечты об офицерском звании рассеялись, как дым, он был разжалован в рядовые. «...Будь ты настоящий Геркулес,... далее унтер-офицера не поползешь,— говорит рассказчик,— а если кто грамотный, притом расторопный, то, пожалуй, сделают в пехоте фельдфебелем, а в коннице эскадронным вахмистром, которых кожа в непрерывной выправке, как воловья в кожевничьих руках, они отвечают своею спиною за последнюю в роте или эскадроне тряпку». Еще более тяжелой, поистине каторжной, была жизнь рядовых солдат. Вот как описывается подготовка к смотру в одной из воинских частей. «Каждый капральный, куда вел свой десяток на место сходки, пересчитывает своих десять солдат... и отпустит щедрою рукою пощечин каждому солдату. Приведши на место, тут унтер-офицер начал действовать в свою очередь, тут пошла перечистка опять солдатских зубов и кож, а наипаче тех, которые не имели из чего исправно подносить унтер-офицерам и капральным в кабаке... Приходит и фельдфебель, вот начался уже и третий осмотр солдатским зубам и кожам, пошли в действие палки, розги. Наконец, повели их чуть теплых до площади, где они все вообще с вычищенными уже и еще не вычищенными зубами и кожами, со страхом и трепетом будут дожидаться грозных завоевателей своих зубов и кож...»²¹

Олейничук, как и Подшивалов, считал, что звания и награды должны присуждаться на равных основаниях, строго по заслугам: «пусть всяк себе заслужит». Этот вывод распространялся им и на другие сферы человеческой деятельности. Его возмущало, что царское правительство присваивает помещикам награды «единственно только за то, что они вместо распространения, как они говорят, сельского хозяйства и разных полезных изобретений, изобретают хороших палачей на мужицкую шкуру»²².

Олейничук мечтал о новых справедливых государственных законах, которые бы разумно регулировали отношения людей в обществе сообразно с природой

²¹ Там же, лл. 43 об.— 45.

²² Там же, л. 50 об. «Барщина,— писал Олейничук еще в 1847 г.,— ничего другого не представляет как только совершенное беззаконие, насильственные меры, грабительства, а паче всего жестокие и бесчеловеческие побои» (там же, л. 126).

человека. Такие законы есть «священный залог гражданского устройства», щит, охраняющий собственность «последнего крестьянина». Но в условиях, когда существует «презренное и постыдное рабство», нет и не может быть справедливых законов. Какое значение имеет закон там, где угас чистый свет воли? Если роду человеческому невозможно жить без законов, то еще тягостнее жить там, где законы служат интересам угнетателей народа, «где всяк защищает законом только себя, а в рассуждении же других делается совершенным беззаконником, где на прародительской русской нашей земле законы природных наших русских царей не защищают нас от варварского и жестокого тиранства вечно нас терзающих гонителей».

Помещики, пишет далее Олейничук, «основав свои силы на силе законного варварства и под видом законного порядка вещей, ввергли мирных и необразованных коренных жителей здешнего края и прародительской земли в узы жестокого рабства... Правительство, между нами будь сказано, угрождает постоянно их даже страстям и любостяжанию...Чернь исключается из числа людей, их души покупаются на штуки, как у просвещенных народов скот». Все эти надругательства над народом и личностью прикрываются щитом «закона, охраняющего всякого праздного дворянина, его собственность». Кто составляет подобные антинародные законы? «Кто же может больше законы писать, разумеется, русские цари написали».

В представлениях Олейничука по этому вопросу, как и по другим, много недосказанного, противоречивого; критические замечания по адресу самодержавного правительства сочетаются с непреодоленным еще влиянием наивно монархических предрассудков. Любопытно, что в сочинении Олейничука мы встречаемся с «константиновской» легендой, восходящей к первым народным отголоскам на восстание декабристов. Олейничук рассказывает о беседе между несколькими солдатами, во время которой «один из них начал сыпать ругательства насчет государя и до того дошло, что назвал государя самозванцем... Он говорит, что не ему (Николаю I.— Л.К.) следовало быть царем, а его старшему брату Константину, это говорят наши даже офицеры...». В другом случае версия о Константине — народном заступнике

фольклоризирована, преобразована народным творчеством в сказку²³. «Я сам ее не выдумывал,— показывал на допросе Олейничук,— а как слышал от разных лиц, так и написал»²⁴.

Придав Константину черты былинного богатыря и правдоискателя, народная фантазия недвусмысленно противопоставляла этот идеализированный образ сказочного Ивана-царевича реальному царю Николаю I. В сочинении Олейничука — один из вариантов легенды о «добром», «мужицком» царе, точнее о возможном и законном, с точки зрения авторов, претенденте на престол. Нельзя не заметить и того, что действительный царь начисто лишен в притче Олейничука эпического, да и всякого вообще ореола, он осуждается как человек, чуждый народу, царствующий без правды и вопреки ей. «...Покуда Николайчик будет царствовать,— писал Олейничук,— не будет добра в свете»²⁵. Подлинным героем — героем в нравственном смысле слова выступает в рассказанной Олейничуком притче о Константине простой человек, солдат, символизирующий трудовой народ России, настоящий, по мысли Олейничука, сын Отечества, его спаситель.

Олейничук не дошел до понимания революционных возможностей народных масс и необходимости ниспровержения ими самодержавно-помещичьего строя. Но он не верил в справедливость этого строя, для которого характерны «казни без преступления, а преступления без казни, награды без заслуги, а заслуги без наград, зако-

²³ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., оп. 214, 1849 г., ед. хр. 76., лл. 76, 3, 2 об., 50, 67 об., 43, 44 об., 39—39 об.

²⁴ Там же, д. 405, л. 29 об.

²⁵ Там же, оп. 214, 1849 г., д. 376, л. 8. Если еще несколько лет назад Олейничук возлагал некоторую надежду на обращение к царю с ходатайством об улучшении жизни крестьян, то в 1848—1849 гг. он постепенно начинает понимать, что ратующий за правду может рассчитывать лишь на один ответ со стороны крепостнических властей — жестокую расправу. «Несчастный тот навек,— пишет он,— кто выйдет из терпения или по неосторожности скажет что друг другу о своей беде, а тем паче, что промолвит о царских указах... Несчастному набивают на руки и ноги кандалы и везут, как бунтовщика, для пострашки другим в рекрутское присутствие или в тюрьму... Несчастный погиб сам и посиротил жену и детей за одно только слово о законе и правосудии. Но это общая история». (ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., оп. 214, 1849 г., ед. хр. 76, л. 5 об.).

ны без действия и правосудия»²⁶. Не верил он и в неизблемость такого строя: «Основания здания н[ашего] уже подорваны со всех сторон и чем более мы будем увеличивать его временную огромность, тем более обременим его тяжестью, которая ускоряет его падение...»²⁷

4

Интересно свидетельство Олейничука о распространении в народе атеистических идей и особенно то, что он связывал этот факт с ростом революционных настроений. Якобинское безбожие, говорил он, «уже перешло и в самый низкий класс народа; все дворовые люди, бродящие по белому свету, лакеи, писаря, экононы...— совершенные атеисты, явственно и безбоязненно смеются и богохулят вообще христианскую веру, называя ее обманом и поповскою или ксендзовскою выдумкою»²⁸.

У самого Олейничука мы не находим высказываний, которые позволили бы делать вывод о наличии у него сколько-нибудь четкой атеистической концепции. Но бесспорно то, что он сомневался в истинности церковного вероучения, а в ряде случаев прямо выступал против религиозных суеверий. Хотя священники, говорил Олейничук, любят рассуждать о человеке как божьем творении, это не мешает им издеваться над человеческим достоинством миллионов простых людей. «Рассматриватели дел всемогущего! — язвительно вскрикает Олейничук, — ваше удивление истощается, когда вы взираете на сие чудесное творение. Будучи поражены благородством сего предмета, желали бы вы живо изъяснить все его красоты, меня человека на скотину или собаку»²⁹.

Возражение со стороны Олейничука вызывает христианская легенда о триединстве, чудесном воплощении бога в трех лицах — отца, сына и святого духа. «Кто ж сего святого духа нам дает или посылает? Сын, воплотивший[ся] из того ж святого духа. Хорошо. Итак, воплощение называется сыном или вторая ипостась святыя троицы. Тот же дух, чрез которого сын воплотился — от кого происходит? От святобезначального предвечного отца, т. е. от первые ипостаси святыя троицы. Хорошо.

²⁶ Там же, л. 106.

²⁷ Там же, л. 97 об.

²⁸ Там же, л. 16 об.

²⁹ Там же, л. 68 об.

Из этого следует, что сын посылает нам того ж святого духа, через которого воплотился и говорит: примите, или пошлю вам духа иже от отца исходит и называется сие послание третьею ипостасью святыя троицы»³⁰.

Критикуя религиозные обряды, в частности, ритуал захоронения умерших, Олейничук затрагивал и бытующее в народе представление о рае, видя в нем одно из суеверий, связанных с темнотой, забитостью людей. «Наш деревенский народ,— писал он,—...имеет понятия, свойственные вообще всем народам еще не образовавшимся, и, как бы сказать, выходящим только из природы; увлекаются тоже в некоторых случаях предрассудками и суеверием; чем кто громче и с пронзительным, хотя бы-то притворным, криком и рыданием препровождает покойника к могиле, а поп за всяким шагом Евангелие читает, того душа по их преданиям наверно пойдет в рай»³¹. Олейничук явно не разделял такой точки зрения. С откровенной издевкой отзывался он и о вере в загробное чистилище человеческих душ, и о богородице; вера в чистилище, говорил он, покоится на таком основании и есть явление такой же, с позволения сказать, важности «как сон пресвятыя богородицы»³².

Во многих высказываниях Олейничука обличаются проповедники религиозного дурмана — церковники, их обман, двуличие, жадность. Он критикует чаще всего католических ксендзов и богословов, но эти высказывания во многом относятся и к православной церкви, имеют антиклерикальный характер в широком смысле слова.

Церковники характеризуются Олейничуком, за редким исключением, как верная опора деспотизма. Рассказав о зверствах некоего Нелиповича, который был для народа «лютейшим тигром», и о других столь же свирепых блюстителях помещичьих интересов, Олейничук отмечает, что крестьяне повсеместно толкуют в таком же духе о своем мужицком горе: кто про Нелиповича, кто про изверга-лесничего, а кто про попа. И это вполне понятно: «Поп, он тот же дворянин и помещик...» «Наши духовные наставники с большим церковным окладом, с большими скирдами хлеба, с многочислен-

³⁰ Там же, л. 83.

³¹ Там же, л. 17.

³² Там же, л. 84.

ным скотоводством... для нас недоступны»³³. Олейничук предлагает «не последовать по стопам таких пастырей», отличающихся от простых людей отнюдь «не святостью, а пышностью и роскошной жизнью».

Попы, твердящие, что земное существование есть тлен и лишено поэтому ценности, на самом деле, показывает Олейничук, изо всех сил стараются присваивать себе земные блага, выжать как можно больше из прихожан. «Полтиничные миссионеры» — правая рука помещика, их проповеди — средство закабаления народа, выколачивания податей и т. д. «В церквах вообще вместо проповедей читаются разложенные на аналое регистры неотработанных дней панщины или поповщины, вместо назидательных поучений грубая брань за всякую житейскую всячину, за неотработанные дни,... за траву, за сено, за овес, или спорят о пропаже церковных денег и проч[ее], и проч[ее] и проч[ее]. Прибавьте вы еще к сему другие поповские крючки, вне церкви происходящие. Всякий шаг мужика до попа или, лучше сказать, до попадьи и ее большой шляпы и салопов, дорого стоят, низкими поклонами не отделаешься. Мертвец в хате смердит на все село, но, несмотря на крайнюю нищету, не похоронят до тех пор, пока не заплатят попу за проход, а если из другой деревни — за прогон...»³⁴

Источником обогащения служителей церкви являются и другие обряды. «Здесь, говорят все вообще мужики, вступать в брак, женить сына или отдавать дочку, нужно пройти девять поповских и попадьиных крючкотвор[ных] мытарств и за каждым шагом и за каждый крючок вези или неси попу рублевки, пшеницу, овес и последнюю курицу с хаты»³⁵.

Попы не только корыстолюбивы, они к тому же еще трусы и предатели. Во время холерной эпидемии поп «боялся и нос показать», а когда крестьяне пожаловались ему, что умерших погребают, как скот, он «ложно и бессовестно» обвинил жалобщиков в нападении на его дом; в результате каждый из них получил на помещичьем дворе по пятьдесят ударов розгами³⁶.

³³ Там же, лл. 57 об., 16 об.

³⁴ Там же, лл. 16, 16 об.— 17.

³⁵ Там же, л. 20.

³⁶ Там же, л. 22.

Олейничук возмущался лицемерием попов, у которых на словах, как сказано в поговорке, медок, а на сердце ледок. Эти, как говорил он иронически, пастыри или «светильники, возженные в разных местах на пути, ведущем нас от времени к вечности», проповедуют народу пост, а сами занимаются чревоугодием³⁷ Разоблачая их высокопарные поучения, несоответствие слова и дела, Олейничук противопоставляет ханжеской поповской морали искренность и благородство тружеников, готовых помочь человеку без громких фраз. «Деревенский мужик по внушению своей мужицкой природы говорит: что тебе не мило, не делай того другому», а священники, богословы, в противоположность этому, «бьют мужиков напрапалую». Простой человек, крестьянин «накормит и напоит голодного», в то время как «богословских батраков и работников голодных в полиции розгами секут и принуждают, чтобы они... в голоде работали... Крепостной крестьянин с нагим своим братом разделится последнею рубашкою; напротив того, богослов, проповедуя в церкви, как, например, наш ксендз Дзюбинский, и доказывая свою великую духовную власть, что священники суть наместники апостолов Иисуса Христа, коснулся как-то мимоходом их одежды, сколько они в подражание апостолам должны иметь, чем рассмешил до крайности в церкви мужиков и даже плачущего Демьяна Гниду, бывшего в одной рубашке; ибо кожух его вместе с прочею мужицкою одеждою лежал у проповедника и наместника апостолов Иисуса Христа»³⁸.

Видя в подобных глашатаях «слова божия» своих недругов, простые люди, естественно, относились к ним с неприязнью, неуважением и насмешкой. Олейничук пишет, что на вопрос одного из церковников к прихожанам: «присягнете ли вы, каналы, что я взял церковные деньги?» — последние отвечали: «присягните лучше вы... что вы их не брали»³⁹.

Насколько страстно ненавидел Олейничук угнетателей народа, в том числе духовенство, насаждающее в массах невежество и предрассудки, видно из его проклятия, обращенного к этим людям, чью деятельность он считал враждебной интересам родины: «Стадо голод-

³⁷ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., оп. 214, 1849, д. 76, л. 14 об.

³⁸ Там же, лл. 13 об.—14.

³⁹ Там же, л. 14.

ных псов! Подлые и низкие невежды, вам сребролюбие затемнило глаза и вы не видите бездонной пропасти, в которую вы ввергаете свое отечество...»⁴⁰

Дело не меняется от того, что иногда церковники прикрывают свои антинародные и антипатриотические дела тогой «учености». «Но что тут делать, когда наши диковинные философы и богословы своими учеными лекциями, за которые нам попы уже голову проклепали, зачали от нас, кроме церковных, так достаточных окладов, земель и сенокосов, за каждый почти свой поповский шаг так дорого платить (видимо, описка автора — надо: запрашивать.— Л. К.), и [требовать] панщину или поповщину работать, когда, говорю, они приехавши из школы, своими учеными лекциями соблазняют наших детей»⁴¹. Священники, получившие специальное образование в духовных учебных заведениях и затвердившие «ученые академические фразы», приносят своими проповедями и поборами только вред народу, как и их менее образованные коллеги.

Мракобесию противостоит подлинная наука, вооружающая нас познанием жизни. Человек, не имеющий возможности опираться на науку, достоин, по мнению Олейничука, жалости. «Науки дают новую жизнь человеку, изошряют память, украшают ум познанием, а сердце добродетелями, они дают нам чувствовать красоты, коими изобилует вселенная, научают познавать все перемены и поставить (установить.— Л. К.) причины явления... Если науки озаряют светом своим, то познания наши бывают ясны, суждения основательны, тогда умеем отличать пользу от вреда, любить одно добро, отвращаться всякого зла»⁴². Пиетет к науке, горячее стремление к познанию мира, к правде для того, чтобы вооружить ею и просветить угнетенных,— характерная черта мировоззрения Олейничука, как представителя народного свободомыслия. При этом он отдает себе отчет о несовместимости просвещения и рабства. «О, сколько счастлив,— писал Олейничук,— тот, кто при свободном состоянии воспользовался просвещением, приобрел основательные сведения...»⁴³

⁴⁰ Там же, л. 15 об.

⁴¹ Там же, л. 23.

⁴² Там же, л. 22 об.

⁴³ Там же.

Крестьянин-вольнодумец верил в нравственные силы и умственные способности людей труда и надеялся, что его слово рано или поздно дойдет до них. «Да падут рассказанные в сем сочинении семена на добрую землю» — восклицает он в конце своего труда, воодушевленный этой верой.

* * *

«Исторический рассказ...» Семена Олейничука, как и рассмотренные в предыдущей главе размышления неизвестного ярославского крестьянина о судьбах родины («Вести о России»), не отделим от освободительного движения 40-х годов XIX в. «Дела», заведенные III Отделением по поводу этих произведений, были непосредственно связаны с революционным подъемом 1848—1849 гг., отражали страх правящих кругов перед ростом революционных настроений трудящихся.

Рукописные труды вольнодумцев-крепостных еще раз подтверждают глубокую правду ленинской оценки известного письма Белинского к Гоголю как документа, с огромной силой отразившего настроения крестьян против крепостного права. Письмо Белинского относится к тому же периоду, что и разобранные нами произведения, и проникнуто тем же пафосом решительного отрицания отжившего, антинародного строя, что и они. Поучительна и близость некоторых мотивов знаменитой поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и написанной за четверть века до нее крестьянской повести «Вести о России». Конечно, мыслители-самородки, скованные цепями крепостной неволи, ограниченные рамками крестьянской идеологии и не имевшие возможности опираться на огромные, разносторонние знания, которыми обладали Белинский, Герцен и их соратники, были далеки от ясности и революционной последовательности мысли передовых русских философов-материалистов. Олейничук и другие правдоискатели из народа тянулись к знаниям, к культуре, но крепостнический строй душил эти стремления, не давал возможности полностью развернуться их способностям. Идя в своих исследованиях ощупью, часто останавливаясь на полпути, оставляя многие проблемы нерешенными, народные вольнодумцы тем не менее с поразительной чуткостью откликались по-своему на вопросы, волновавшие передовую общественную мысль.

**РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
ИДЕОЛОГИЯ И НАРОДНАЯ МЫСЛЬ
50-х — НАЧАЛА 60-х ГОДОВ.
СПОДВИЖНИК ГЕРЦЕНА — П. А. МАРТЬЯНОВ**

1

Участие крепостных в идеологической борьбе вокруг крестьянской реформы и своеобразие их подхода к выдвинутым жизнью животрепещущим вопросам не раз отмечалось современниками.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. кризис феодально-крепостнической системы в России достиг наибольшей остроты. Количество крестьянских «бунтов» неудержимо росло. В 1859 г. было 91 выступление крестьян против помещиков, в 1860 г. — 126, а в 1861 г. волнения произошли уже в 1259 имениях, причем в 358 из них посылались войска для подавления восставших.

В 1859—1861 гг. в России сложилась революционная ситуация. Сила хозяйственного развития, толкавшего страну на капиталистический путь, поражение в Крымской войне, ослабившее царизм, страх перед растущим крестьянским движением вынудили царское правительство отменить крепостное право.

Само крестьянство, забитое и притупленное столетиями рабства, не могло подняться до ясного понимания происходящего. Его стихийные, разрозненные бунты не были освещены политическим сознанием. Но отсюда не следует, что в народе отсутствовало стремление критически разобраться в происходящем, осмыслить его. Тот факт, что «низы» не хотели больше жить по-старому и не мирились с узаконенным грабежом, каким являлась реформа 1861 г., означал определенные изменения в психологии масс, революционизирование их настроений. Иначе и не могло быть, поскольку «...падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от веко-

вого сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу»¹.

В сообщении бронницкого уездного судьи Клеванова гражданскому губернатору в феврале 1858 г. говорилось о том, что помещичьи крестьяне повсеместно и открыто толкуют о вольности, позволяя себе «совершенно превратно и по-своему обсуждать этот важный политический вопрос, превышающий их разумение, не щадя при том — что самое важное — ругательств и угроз для помещиков и дворянства вообще»². «Крестьяне начали философствовать,— отмечал в мае того же года нижегородский помещик,— что, дескать, бог создал землю не для одних господ, что они (будто бы) и могут ей распорядиться, а создал, дескать, для всех людей поровну!»³ Где бы ни возникал в крестьянской среде вопрос об «освобождении», он интерпретировался большинством крестьян в том духе, что не может быть воли без земли и земли без воли. «Одна воля хлебом кормить не станет...»,— заявляли крестьяне Мещовского уезда Калужской губернии⁴. Пунктом, вокруг которого вращались крестьянские толки, было, по свидетельству этнографа П. И. Якушкина, положение: «земля будет наша». «Земля принадлежит народу, а не панам»,— говорил крестьянин Павел Рубаха, выражая не только собственное убеждение, но и мнение миллионов крепостных⁵. Со своим проектом освобождения крестьян выступил еще до царского манифеста бывший крепостной графа Строганова уроженец Перми Андриан Пушкин. Он возражал против освобождения крестьян «одного душою без тела» (земли), говорил, что «прошли те времена, чтоб цари земные царствовали на земле мечом, огнем и пролитием невинной крови». В заключении, подписанном

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 141.

² Н. М. Дружинин. Москва накануне реформы 1861 г.— «Вестник Московского университета», 1947, № 9, стр. 55.

³ В. А. Федоров. Требования крестьянского движения в начале революционной ситуации до 19 февраля 1861 г.— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960, стр. 137. «Странно подумать,— писал 25 декабря 1859 г. другой перепуганный нижегородский крепостник,— какая судьба ожидает в будущем, так умы в нижнем слое напряжены до непобиновения и дерзости» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 1925, л. 4).

⁴ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960, стр. 136.

⁵ М. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, стр. 281.

пермским архиепископом, губернатором и другими лицами, отмечалось: «Принимая во внимание, во-первых, что предлагаемый Пушкиным способ умиротворения крестьянского дела, состоящий в отчуждении владельческих земель без соответствующего вознаграждения помещиков и уравнием ныне же временнообязанных крестьян по отбыванию повинностей с государственными, что при всеобщем заявлении со стороны первых о высоте взимаемого с них оброка не может не встречать сочувствия в простом народе; во-вторых, что крестьяне вообще не отличаются здесь чистотою и твердостью религиозных убеждений,... удаление Пушкина из Пермской губернии представляется мерою едва ли не необходимою»⁶ По царскому повелению «еретик» Пушкин был заточен в Соловецкий монастырь.

Весной 1858 г. в одной из петербургских портерных был арестован крестьянин Михаил Михайлов из села Архангельского Ефремовского уезда Тульской губернии, дворовый человек помещика Бибикова. Михайлову предъявили обвинение в том, что он читал собравшимся свое сочинение об устройстве крестьянского быта, о всеобщем равенстве людей и тяготах крепостной зависимости. Особо отмечалось, что крестьяне, слушавшие Михайлова, полностью сочувствовали его идеям.

Уповая на освобождение «сверху», Михайлов открыто выражал в то же время недовольство существующими порядками. Отобранная у него рукопись, отрывочная и незавершенная, была одним из предвестников наступления революционной ситуации в России. «При сотворении неба и земли создании,— писал крепостной публицист,— человека бог сотворил по образу и подобию [своему] и дал господствовать и владеть землею, зверьми и птицами, но не властью народа человеческого»⁷ Поскольку люди равны, каждый должен иметь то, чего заслуживает. «Если я чести, славы заслужил,... слава и честь мне»⁸. Между тем помещики «простого человека ни во что считают», «за малую вину бесчеловечно приводят к наказанию», «требуют последнюю овцу со двора своего крестьянина»⁹ Михайлов с возмущением отзывался

⁶ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., оп. 214, 1866 г., д. 44, ч. 2, 4, л. 10 об.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 19, 1858 г., д. 603, л. 3

⁸ Там же, л. 6 об.

⁹ Там же, лл. 6, 2 об.

о позорных «торжищах народа», на которых дворяне торгуют людьми, «как скотами и птицами», призывал уничтожить рабство, ратовал за просвещение народа, вооружение его наукой, которая «есть великий путь жизни человеческой, якоже свет просвеща[ающий] одаренных разумом человекoв»¹⁰.

Считая необходимым наказать крестьянина-пропагандиста, петербургский генерал-губернатор запросил мнение помещика, которому принадлежал Михайлов. Бибииков ответил, что этот крепостной в случае его возвращения «может быть, особенно в настоящее время, весьма вреден», поэтому он, Бибииков, предоставляет Михайлова в распоряжение правительства¹¹.

В 1859 г. министр внутренних дел получил письмо за подписью «гражданин Можайский Московской губернии»; автор письма, называя помещиков разбойниками, жаловался, что они «стали последую шкуру драть», и выдвигал следующие требования: «1) должно крестьян освободить безобидно с землею; 2) чтобы все суды пропали и родились словесные (гласные.— Л. К.), допустив в суды все сословия, потому все могут быть судьями — портной, кузнец, купец, земледелец; тогда мошенники за заставу выйдут, грабители помещики возьмутся за подряды и крестьяне возьмут их по участкам...»¹²

Требование освобождения крестьян с землей обособывалось в подложных манифестах. В одном из них, посредством которого отставной унтер-офицер Павел Приходько возмущал в 1861 г. крестьян в Харьковской губернии, говорилось: «...Не слушайте ни панов, ни попов, они вас будут обманывать... Если будут насылать на вас чиновников, бейте, держитесь кучи, не выдавайте из себя и того, кто будет читать, и каким-нибудь способом приходите ко мне и правы будете... Земля помещичья остается вся крестьянам; а помещикам оставляется очерета, болота, чтобы было где гнездиться, как чертям...»¹³ Такие речи звучали в ходе многих крестьянских бунтов¹⁴.

¹⁰ Там же, л. 6—6 об.

¹¹ Там же, лл. 8—8 об.

¹² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1859 г., д. 1991, л. 3—4.

¹³ ЦГАОР, ф. III отд., IV эксп., 1861 г., д. 236, л. 28.

¹⁴ «Помещикам и попам не верьте, они на одной линии», — говорил, например, Антон Петров (Антон Петрович Сидоров) в апре-

Требование земли и воли, выдвинутое народом, было подхвачено идеологами революционной демократии. В 1861 г. оно прозвучало со страниц «Колокола» как ответ на вопрос, сформулированный в качестве заглавия статьи-прокламации Огарева, «Что нужно народу?» «Очень просто,—гласил этот ответ,—народу нужна земля да воля»¹⁵. Аргументы, подкреплявшие здесь право народа на землю, не случайно во многом напоминают крестьянские размышления по этому вопросу — они выражали революционные стремления крестьян и были обращены к крестьянам. Воззвание, о котором идет речь, было программным документом тайного революционно-демократического общества, возникшего летом 1861 г. под идейным руководством Герцена, Огарева и Чернышевского и также избравшего своим названием девиз «Земля и воля». Герцен, по совету которого было принято это название, писал в письме к Гарибальди в 1863 г.: «Мы вместе с крестьянином говорим: «Нет воли без земли» и прибавляем только, что «земля не крепка без воли»¹⁶. Признавая народные истоки идеи *земли и воли*, Герцен отмечал в одной из своих статей 1864 г.: «...Не мы выдумали, а народ русский подсказал нам, что надобно ставить на хоругви, наша заслуга только в том, что при шуме барабанов, положений, учреждений, освобождений, мертворождений, мы уловили их...»¹⁷

Велико было влияние подъема крестьянского движения 50—60-х годов и пробуждающейся народной мысли на революционеров-разночинцев. С юных лет наблюдали они мрачные картины крепостного гнета и несправедливости, огромное множество, как говорил Чернышевский, «обыденных историй страдания»¹⁸. Эти впечатления наполняли их пламенным сочувствием к трудовому народу и в то же время уважением к нему, приучали видеть в горьких, бесхитростных признаниях простых русских

ле 1861 г. во время восстания в селе Бездна (Сб. «Бездненское восстание 1861 года». Казань, 1948, стр. 81).

¹⁵ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 527.

¹⁶ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. XVIII. М., 1959, стр. 26.

¹⁷ Там же, стр. 103.

¹⁸ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1939, стр. 614.

людей, жаждущих свободы и справедливости, «квинт-эссенцию национальной мысли»¹⁹.

Своеобразной беседой с крестьянами, беседой поэта и поэтому особенно задушевной, открытой, проникновенной, является обращение Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Здесь используется понятие «взаправдашной», истинной воли, очень популярное среди крестьян. Суть вопроса состоит в том, что народ не признавал «воли», объявленной помещичьим государством, за настоящую. Он противопоставил ей свое собственное понятие, выходящее за рамки формально-юридического толкования и предполагающее не только личное раскрепощение, но и уничтожение экономической зависимости крестьян от помещиков. Таковую волю, в отличие от урезанной и ложной, объявленной «господами», называли в народе «полной», «безусловной», «настоящей», «совершенной», «истинной». «Истинная воля,— говорил А. Петров,— до тех пор не дастся, пока не прольется много крови христьянской»²⁰. Это вызревшее в гуще народа противопоставление воли ложной и истинной подхватывает автор воззвания и, обличая обман народа пресловутым «освобождением», разъясняет «какая в исправду-то воля бывает на свете»²¹.

Признание идеологами революционной демократии влияния, которое оказывала на них народная мысль, отнюдь не означает, что они лишь повторяли то, о чем говорил или что думал народ. Это было не повторение, а творческое преобразование, обогащение, развитие на основе широкого философского осмысления происходящих событий. К народным толкам, мнениям революционные демократы подходили дифференцированно, используя одно и отбрасывая другое. Подхватывая антикрепостнические крестьянские требования, революционеры 60-х годов очищали их от патриархальных, религиозных и наивно монархических наслоений, придавали им политически острый, целеустремленный, программный характер, теоретически обосновывая

¹⁹ Там же, стр. 661.

²⁰ «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права». М., 1960, стр. 63 (курсив мой.—Л. К.) «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 138, 144.

²¹ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. XVI (дополнительный). М., 1953, стр. 951.

борьбу не только с помещиками, но и с крепостнически бюрократическим государством, с самодержавно-помещичьим строем. Это легко показать на примере толкования «воли». Крестьянская масса верила в то, что царь хочет даровать ей настоящую волю, но помещики будто бы извратили его намерения и подсунули народу вместо подлинного царского указа подложный.

Антон Петров и другие крестьянские вожаки клеймили «господ» и карателей как царских ослушников.

Сравним эту постановку вопроса со статьей Герцена «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», написанной вскоре после подавления бездненского восстания. Герцен начинает с того, на чем остановился Петров, и, подводя итоги восстания, стремится развенчать наивную крестьянскую веру в царя. «Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав,— говорил Герцен народу, как бы откликаясь на приведенные выше слова Петрова; но веришь еще в царя и в архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его»²².

Легенду о добром царе настойчиво опровергали и другие революционеры 60-х годов. «Ждали Вы, что даст Вам царь волю, вот Вам и вышла от царя воля,— сказано в обращении «К барским крестьянам...» — Хороша ли воля, которую дал Вам царь, сами Вы теперь знаете»²³. И далее крестьянам разъяснялось, что неверно считать царя обманутым помещиками, ибо царь — это тот же помещик, а «собака собаку не ест»²⁴. Не ограничиваясь выводом о необходимости вооруженной борьбы за свободу и землю, обращение это указывает главную цель борьбы — ниспровержение существующего строя и учит крестьян, как нужно эту борьбу организовать, притом не в местном только, а в общероссийском масштабе. Наглядным примером того, как, вслушиваясь в крестьянские размышления, толки и даже почти дословно иногда воспроизводя их, революционные демократы не останавливались на этом, а шли дальше, вперед, может служить следующий факт. Во время волнений в Чемборском уезде в 1861 г. кре-

²² А. И. Герцен. Указ. соч., т. XV, стр. 135.

²³ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. XVI (дополнительный), стр. 947.

²⁴ Там же, стр. 950.

стьянские позиции формулировались таким образом: «...Земля вся нам, леса, луга, господские строения — все наше, а барину нет ничего, господ, попов — бей, души»²⁵. Принимая этот боевой лозунг, Чернышевский доводит его до логического завершения — требует завоевания политической власти народом, разъясняет крестьянам, что им нужно делать, чтобы «в исправду вольными людьми стать», показывает, что истинная воля возможна лишь при том условии, «чтобы народ всему голова был». Позже Чернышевский писал, выражая в концентрированном виде программу революционной демократии: «вся власть мужицкая, выкупа никакого! Убирайся помещики, пока живы!»²⁶ В этой формуле хорошо различимы черногай-кандиевские, безднинские и другие крестьянские требования, но она не является их простым повторением, а идет гораздо дальше, содержит их, так сказать, в снятом виде, поднимает на высоту революционно-демократической идеологии. Чернышевский, Добролюбов и их соратники были не крестьянскими философами, а идеологами крестьянской революции — из сопоставления этих понятий ясно видно качественное различие между стихийным бунтарством и сознательной революционностью, опирающейся на науку. Другое дело, что и революционные демократы заблуждались, впадали в утопизм, не имея возможности исходить из научно-материалистического понимания истории и возлагая свои надежды преимущественно на крестьянство, полагали, что крестьянское восстание может привести непосредственно к социализму; в то время в России не было еще революционного класса, способного возглавить народную революцию и обеспечить ее победу.

2

«... О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской», — писал в 1861 г. Герцен²⁷ Горечь, связанная с сознанием своей вынужденной отдаленности от народа, переплетается здесь с

²⁵ Сб. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», стр. 142.

²⁶ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. XIII, стр. 202.

²⁷ А. И. Герцен. Указ. соч., т. XV, стр. 135.

горячим желанием донести до него революционную правду.

Заметим, что эти слова Герцен произнес тогда, когда он увидел в России революционный народ. Услышал ли он какой-либо отклик в народе на свою страстную проповедь? Доходило ли слово Герцена и других революционных демократов до народа? Факты позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Нужно, конечно, иметь в виду, что поскольку речь идет о простом народе, мы можем говорить в данном случае не о массе людей, а лишь о сравнительно узком круге.

Издания Вольной русской типографии, основанной Герценом в Лондоне, быстро вызвали большой интерес в России. Особенно выросла популярность Герцена в связи с изданием «Колокола». Его набатный призыв разносился по всей стране. Общеизвестно также влияние произведений Чернышевского, Добролюбова, Писарева и других передовых мыслителей.

Проникновение революционно-демократических идей в народ шло в 50-х — начале 60-х годов XIX в. разными путями: через подпольные кружки и общества (особенно — «Землю и волю»), прокламации и другие нелегальные сочинения, народные библиотеки и читальни, школы, самообразование и т. д.

Сравнительно мало исследована роль, которую играли в этом деле рукописные сборники, газеты, журналы, — тем бо́льшая, чем свирепее расправлялась царская полиция и цензура с легальной прессой.

К числу таких неподцензурных документов относится иркутский сборник «Либералист или собрание разных либерально-литературных произведений русских авторов» (1860—1863) — прямой отголосок герценовского «Колокола». Это открыто подчеркивали составители, избрав в качестве эпиграфа девиз Герцена, сформулированный на титульном листе «Колокола», — «Vivos voco!» (Призываю живых!)²⁸. Сборник этот подготавливался исподволь, по мере получения составителями новых материалов. Последние неравноценны в идейном и художественном отношении. Некоторые из них несут на себе печать недостаточной последователь-

²⁸ Государственный Архив Свердловской области (ГАСО), ф. 101, оп. 1, ед. хр. 596.

ности мышления авторов, противоречивости их мировоззрения. Но при всем разнообразии творческих индивидуальностей, представленных в «Либералисте», сборник этот — не альбом, предназначенный для собственного удовольствия, не альманах, включающий в себя случайный материал; он отличается известной цельностью, имеет свое направление. Это — своего рода памятная книжка пропагандиста-шестидесятника.

Составители сборника располагали изданиями вольной русской прессы; были они осведомлены и об антиправительственной рукописной литературе, знали «разные уличные статьи и ходящие по рукам в рукописях»²⁹.

«Либералист» состоит из материалов «Колокола» (с 1 по 138 лист), «Полярной звезды» за 1855, 1857, 1860 и 1862 гг., сборника Герцена и Огарева «За пять лет», сочинений Герцена («С того берега», «Крещеная собственность», «Бруты и Кассий III отделения», «Опыт беседы с молодыми людьми» и др.). В сборник включены стихи из «Собрания стихотворений» Огарева, фрагменты герценовских изданий «Голоса из России», «Под суд!», «Исторический сборник». Нашли свое место в «Либералисте» и прокламации «Великорусс» и «Что надо делать войску?», а также «Письмо Белинского к Гоголю» и вольнодумные стихи Пушкина, Лермонтова, Рылеева, А. Одоевского, Добролюбова, Некрасова, Михайлова, Курочкина, Щапова.

Кто составил эту интересную рукописную книгу? Ее появление в Иркутске, где находились политические ссылки и проходил их путь в более отдаленные места, не было случайностью. Центром притяжения прогрессивно настроенной части населения города была библиотека, основанная мещанином Шестуновым. К ее активу принадлежал проживавший в Иркутске выдающийся представитель передовой русской мысли 40-х годов М. В. Буташевич-Петрашевский. Живое участие в просветительской (а может быть и революционной) работе, развертывавшейся вокруг библиотеки, принимал купеческий сын Н. Н. Пестерев³⁰. Это был незаурядный человек. Мировоззрение Пестерева складывалось под

²⁹ Там же.

³⁰ О нем см. статью и публикацию: В. Н. Шулъгин. Из истории поздних связей Герцена и Огарева с Россией. — «Литературное наследство», т. 63. М., 1956.

непосредственным влиянием сосланных в Сибирь декабристов, а затем — революционных демократов. В доме его отца бывал декабрист Веденяпин, рассказами которого о «декабристском деле» Пестерев заслушивался в детстве. Сведения, почерпнутые у Веденяпина, дополнялись в ходе общения с другими декабристами — Н. Бестужевым, Бесчастновым, Волконским, Завалишиным, Мухановым, Поджио, Трубецким³¹. В библиотеке Шестунова Пестерев познакомился и беседовал с известным публицистом и мыслителем революционно-демократического направления, соратником Чернышевского — Н. В. Шелгуновым. В 1864 г., будучи в Лондоне, Пестерев вступил в личные отношения с Герценом и Огаревым, встречался с деятелями молодой революционной эмиграции — А. Серно-Соловьевичем и Н. Утиным. Герцен, видя в Пестереве представителя пробуждающегося народного самосознания, посвятил его в свои мысли о необходимости организовать побег Чернышевского.

Был ли Пестерев до своего отъезда из Иркутска (в 1863 г.) причастен в той или иной мере к сборнику «Либералист»? Это не исключено. И. Дергачев, изучавший этот сборник, считает, что «Либералист» создавался кружком Н. С. Щукина — учителя иркутской гимназии³². Наши предположения не противоречат друг другу. Вокруг библиотеки Шестунова, отмечал Пестерев, группировалось «все новое и мыслящее». Щукин принадлежал к этой же среде, он упоминается в деле Пестерева в числе лиц антиправительственного направления. Были, конечно, в Иркутске и другие люди, сочувственно и даже восторженно следившие за сочинениями Герцена и другой нелегальной литературой³³.

На этой почве закономерно вырос прогерценовский «Либералист». Возник он, очевидно, в разночинной среде. Появление его в Иркутске свидетельствует о широте распространения революционно-демократических идей.

Нельзя в то же время рассматривать этот сборник как чисто местное, только лишь иркутское явление. По своему духу и источникам «Либералист» не отделим

³¹ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, 1866 г., д. 302, ч. 4, лл. 116, 253.

³² «Урал», 1962, № 4, стр. 138.

³³ ЦГАОР, ф. 95, 1866 г., д. 302, ч. 4, л. 138.

от общероссийского революционного подъема. Это подтверждается и датами составления сборника: с начала 1860 г. по 2 декабря 1863 г.

Иркутский сборник был связан с другими городами. Мы встречаем здесь известное стихотворение, начинающееся словами «Долго нас помещики душили», с карандашной пометкой: «Ка[занского] студента Умнова» (ученик Чернышевского по Саратовской гимназии, а затем один из участников «Казанского заговора») ³⁴.

Есть в «Либералисте» произведение под характерным названием «Triste vae» («Печальное прости»). Неизвестный автор, по-видимому, обучавшийся ранее в духовной семинарии, решительно порывает со своим религиозным прошлым и обличает поповский дурман. Приведем выдержку из этого интересного документа: «Прости рассадника духовного дурмана, училище притворства и обмана, гнездо бессмысленных глупцов и фарисеев-подлецов, людей презренных и бездушных и к удовольствиям притворно равнодушных. Прости и навсегда ты, мачеха моя, пусть мохом обрастут твои пороги, не знает пусть никто к тебе дороги, и сгибнет, наконец, пусть память самая твоя! Простите... Нет, нет, нет! Проклятье вам, всесветные опекуны, вам представители обскурантизма, поборники невежества и фанатизма, кнута и каторги сыны! Прикрывшись рясою смиренья, вы хотите трон вечный на Руси себе воздвигнуть; погодите!» ³⁵. В этом сочинении чувствуется влияние Белинского (особенно его Письма к Гоголю), Добролюбова и других идеологов революционной демократии.

В том же архиве, в котором находится «Либералист», нам удалось познакомиться с рукописью стихотворной комедии П. Рычкова «Искупитель», написанной в Екатеринбурге в 1866 г. Это произведение перекликается с приведенной выше антирелигиозной исповедью. Можно думать, что автором его был Платон Рычков, исключенный в 1861 г. из Пермской духовной семинарии за распространение революционной прокламации и отданный под полицейский надзор ³⁶. Для комедии Рычко-

³⁴ ГАСО, ф. 101, оп. 1, отд. хр. 596, лл. 130—131.

³⁵ Там же, лл. 132—133.

³⁶ «Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь», т. 1. М., 1928, стр. 358. Сочинения революционных

ва, как и для стихотворения, помещенного в «Либералисте», характерно резкое идейно-философское размежевание, противопоставление передовых и реакционных сил общества. Пьеса Рычкова бичует людей, кичившихся некогда «либерализмом», а потом погрязших в рутине и мракобесии, врагов материализма и атеизма. Главный персонаж комедии Илья Самсонович, против которого непосредственно направлено острое критики,— воинствующий обскурант, пытающийся «искупить грехи» молодости при помощи аутодафе — сожжения ненавистных ему книг.

Этот своеобразный памфлет проникнут презрением и ненавистью к носителям духовного дурмана — так же, как и стихотворение «Triste vale». Последнее вполне могло выражать настроения такого человека, как П. Рычков.

Сборники, близкие по направлению к иркутскому, появлялись и в других местах. Более того, между их составителями возникал иногда контакт. К помещенной в «Либералисте» статье «Состав русского общества» сделаны примечания: «Это сочинение получено от К. во время бытности его в Иркутске», «поправлено по собранию петербургского либерала».

Что собой представлял петербургский сборник, известный составителям «Либералиста», мы не знаем. Но некоторый свет на это проливают архивные материалы³⁷.

демократов были известны учащимся Пермской семинарии. На литературных вечерах, проводившихся здесь с конца 1860 г., семинарист Зологов читал работу Герцена «Развитие революционных идей в России» и «Голоса из России» (см. «Революционная ситуация в России 1859—1861 гг.» М., 1960, стр. 364). «Представьте себе, что яд его (Герцена.— Л. К.) сочинений,— писал 8 мая 1861 г. из Перми некий П. Дигилев, ярый противник революционных идей,— вторгся уже в здешнюю семинарию» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., ф. 125, л. 1).

³⁷ В Музейном фонде Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина находится рукописная книга, условно названная «Сборник литературно-исторический» (РОГБЛ, ф. 178, № 9641). Сборник этот составлялся в Петербурге и Шатеев с 24 октября 1857 г. по 4 сентября 1861 г. Он менее целен по содержанию, но тоже отличается вольнодумным направлением, определяемым произведениями Пушкина, Лермонтова, Белинского, Герцена, Огарева, Некрасова, Курочкина. Составитель петербургского сборника, как и иркутского, использовал герценовские «Голоса из России». В петербургском сборнике помещен ряд произведений, вошедших и в

Своеобразным отзвуком герценовского «Колокола» была рукописная газета «Колокольчик». Ее начали выпускать нелегально в Архангельске в январе 1862 г. с целью, как говорил местный житель, «обличать, обличать, не щадя ни званий, ни состояний». Ее создателями и авторами были разночинцы, мелкие чиновники. Газета разоблачала произвол, лицемерие, продажность властей. «Колокольчик» старался не замыкаться в кругу местных интересов, выступал в защиту всего обездоленного крепостничеством народа, который «бьют, унижают, морят голодом», осуждал «неподвижную философию» крепостников, противопоставляя ей взгляды и стремления нового, молодого поколения, отбросившего от себя прочь всякое «идолопоклонство», как «негодную тряпку». В «Колокольчике» (№ 2) выражалось сочувствие поэту-революционеру М. Л. Михайлову в связи с его ссылкой на каторгу, приводилось обращение к нему петербургских студентов и его ответ (фигурировавший также и в «Либералисте»). Возражая против возможной переоценки своей скромной газеты, ее составители писали в № 4, что «при других условиях она может быть и «Колокол», но... это впереди»³⁸.

2

Растущее влияние революционно-демократических идей вызывало тревогу в правящих кругах, но вначале предполагалось, что «низшие» слои общества не будут затронуты этими идеями. «Утвердительно можно сказать,— заверял в 1858 г. сотрудник политической полиции,— что простонародье (исключая простых книгопродавцев и букинистов) о сочинениях Искандера решительно не имеет и понятия и не знает, кто и что он сам —

«Либералист». Термины «собрание» и «сборник» рассматривались составителями «Либералиста» как однозначные. Что касается названия иркутского сборника, то его следует понимать, по нашему мнению, как идентичное понятиям «вольнодумец», «свободомыслящий».

Сохранились и другие рукописные книги, отразившие в той или иной мере влияние идей революционных демократов: «Сборник стихов» и «Сборник произведений» из Собрания Шибанова (РОГБЛ, ф. 344, № 372 и 373), «Сборник исторических и литературных произведений» (там же, ф. 218, № 771) и т. д.

³⁸ ЦГАОР, ф. III, отд., I эксп., 1862 г., д. 181, л. 2.

следственно для сего сословия Искандер не опасен»³⁹. Версию о том, что простой народ чужд революционно-демократической пропаганде, поддерживали либералы, в частности, Кавелин. В записке, поданной Александру II, он писал о «нигилизме» (под которым понимал революционно-демократическое и материалистическое направление): «Прежде всего очевидно, что нигилизм не имеет ничего общего с простым народом русским... Что касается до простого народа, то он, благодарение богу, совершенно чужд этой заразы»⁴⁰.

Но от этой версии пришлось отказаться. В числе первых, кто сигнализировал об опасности, угрожавшей «снизу», была церковь. Московский митрополит Филарет, сообщая министру внутренних дел о мыслях и учениях «противохристианских», распространяющихся в литературе и среди молодого поколения, отмечал, что эта «крамола» достигает и до «низших слоев» общества.

Действительно, сочинения революционеров-мыслителей, распространяясь по России, доходили иногда до простых русских людей.

В марте 1858 г. был арестован приказчик одного из петербургских книжных магазинов — купеческий внук Василий Лаврецов. При обыске у него были изъяты работы Герцена «С того берега», «Крещеная собственность», третья книга «Полярной звезды» за 1857 г., а также рукописные книги: «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Гаврилиада» Пушкина, письма декабристов и книги по истории английской и французской революций. В ходе следствия выяснилось, что Лаврецов не только давал для прочтения нелегальную литературу, но и участвовал в организации выписки произведений Герцена из-за границы. В числе лиц, получавших эти произведения и другие запрещенные книги, было несколько донских урядников. За распространение незволенных сочинений Лаврецова выслали в Вятскую губернию и подвергли полицейскому надзору⁴¹.

³⁹ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 88, л. 2 об.

⁴⁰ «Исторический архив», т. V, 1950 г., стр. 327, 331.

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., 1858 г., д. 80, лл. 14—14об. Лаврецов был дружен с соратником Чернышевского поэтом-революционером Михайловым (См.: М. Л. Михайлов. Сочинения, т. III. М., 1958, стр. 449—450).

В 1861 г. внимание петербургской полиции привлек букинист из «простонародия» по имени Семен. В агентурной записке 13 июня 1861 г. о нем говорится, что он «ходит просто, в кафтане, пряча запрещенные книги за пазуху или держа в руках небольшой сверток (обыкновенно «Колокол»)». В деле, заведенном в сентябре 1862 г. в секретном отделении канцелярии московского генерал-губернатора «О лицах, имеющих сношения с Герценом и Бакуниным», упоминается в числе других подозреваемых лиц разносчик книг Петр Соскин.

Сочинения Герцена проникали и в деревню. В 1854 г. у крепостного крестьянина князя Вяземского Дмитрия Пономарева была отобрана рукописная копия «письма Искандера». За хранение «возмутительных» сочинений Пономарева приговорили к тюремному заключению⁴². В августе 1859 г. целую группу крепостных крестьян обвинили в чтении «Колокола» (село Богородское Васильевского уезда Нижегородской губернии). Власти установили, что крестьянин-садовник Семен Смыслов брал для прочтения «Колокол» у крестьянина того же села Николая Маркичева. Маркичев читал эту газету нескольким крестьянам. Сам он, в свою очередь, получил «Колокол» у односельчанина Александра Пугина, а последний — от дворового человека Михаила Мельникова⁴³.

1 июня 1861 г. в «Колоколе» была опубликована статья «Что нужно народу?» Уже спустя два с половиной месяца мировому посреднику третьего участка Рузского уезда Московской губернии фон Менгдена было доложено о том, что номер «Колокола» с этой статьей стал известен крестьянам села Семенкова Рузского уезда. Читавший статью дворовый человек Федор заявил, что он получил «Колокол» от проживающего в Москве вольноотпущенного крестьянина Владимира Шилова. В начале 1863 г. тверской губернатор доносил министру внутренних дел о том, что крестьянин деревни Клипунова Старицкого уезда Тверской губернии Иван Михайлов нашел на дороге переписанную из «Колокола» статью «Что нужно народу?»; статью эту прочитал на мирской

⁴² Гос. архив Ивановской области, ОДФ, ф. 103, ед. хр. 3895.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., 1859 г., д. 208, лл. 1 об., 3, 5 об.

сходке Максим Прохоров — крестьянин той же деревни. В связи с этим губернатор потребовал расследовать «какое влияние произвело на крестьян деревни Клипунова чтение упомянутой статьи и каким именно путем досталась Михайлову самая рукопись»⁴⁴.

Статья «Что нужно народу?» была известна среди крестьян Саратовской, Пермской, Казанской губерний⁴⁵. Об ее появлении сообщали также власти из Воронежской, Смоленской, Харьковской, Херсонской губерний. «Действительно страшно подумать,— писал 5 апреля 1862 г. начальник Смоленской губернии министру внутренних дел,— что подобные возмутительные воззвания, изложенные притом языком простым, понятным для народа, могут проникнуть в волости»⁴⁶ У автора этого донесения были реальные основания для беспокойства: в Смоленской губернии крестьянское движение приобрело в начале 60-х годов особенно большой размах.

Приведенные факты свидетельствуют, что простые люди — крестьяне, дворовые были в ряде случаев не только слушателями, но распространителями и толкователями «Колокола».

Хотя нельзя преувеличивать степень влияния пропаганды революционеров-шестидесятников на крестьянство, поскольку она доходила лишь до отдельных его представителей, и крестьянское движение оставалось стихийным, все же известный вклад в дело революционирования деревни и вообще «простолюдинов» она внесла.

Подпольные издания просачивались и в солдатскую среду. В начале 60-х годов среди солдат стала известна прокламация Огарева (написанная при участии Н. Обручева) «Что надо делать войску?» Революционные прокламации подбрасывались солдатам в то время в Казани, Могилеве, Одессе, Перми, Петербурге, Полтаве, Саратове, Харькове и других городах, а также в сельских местностях. В 1862 г. в воинской части, расположенной под Варшавой, действовал революционный кружок

⁴⁴ И. С мо л и н. «Колокол» (1857—1861 гг.). «Ученые записки Ленинградского гос. пединститута». Кафедра истории СССР, т. XXXIX, Л., 1941, стр. 19.

⁴⁵ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», стр. 384.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, 1862 г., д. 67, лл. 12—16.

И. Арнгольда и П. Сливинского, в составе которого было 75 солдат и 12 унтер-офицеров⁴⁷. Мужественным пропагандистом идей «Колокола» среди нижних чинов показал себя юнкер В. В. Трувеллер, близко связанный с Герценом. Впервые Трувеллер обратился в «Колокол» в 1861 г. В итоге второй встречи с Герценом, молодой моряк захватил с собой большое количество экземпляров «Колокола», воззвания «Что нужно народу?» и тому подобные материалы. В 1862 г. до двадцати экземпляров этого воззвания и несколько листов «Колокола» были обнаружены на фрегатах «Олег» и «Громобой». Осведомителем полиции оказался находившийся на «Олеге» иеромонах Палладий. Основным обвиняемым по этому делу был Трувеллер. Ему инкриминировалась попытка приобрести за границей печатный станок с шрифтом для публикации в России «злонамеренных» сочинений и доставление из Лондона воззваний «Что делать войску?» и «Что нужно народу?»⁴⁸. Наибольшее негодование властей вызвало то, что Трувеллер (при помощи Дьяконова) пытался знакомить матросов с революционной литературой, внушал, по его собственному признанию, противоправительственные идеи всем и каждому. На допросах он держался твердо, не признавал своих действий преступными и не раскаивался в них, а в письме к матери повторил, как говорится в полицейском донесении, «те же возмутительные о правительстве мысли»⁴⁹. Трувеллер был присужден к каторжным работам, а затем сослан в Сибирь. Герцен характеризует его как героическую натуру. Такой же героической натурой был подполковник А. А. Красовский. В составленный им «Список требующимся книгам и журналам», предназначенным для революционной работы в армии, он включил «Колокол», «Полярную звезду», «Под суд!», «Голоса из России», «С того берега» Герцена, стихи Огарева. Среди бумаг, взятых полицией при аресте Красовского, фигурировали: письмо Белинского к Гоголю, произведения Пушкина, Рылеева, Курочкина, Шевченко. Свои идеи, навеянные революционной литературой, Красовский выразил в письме-воззвании, которое он переписал в нескольких экземплярах и

⁴⁷ «Революционная ситуация в России 1859—1861 гг.», стр. 242.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 96, 1862 г., д. 30, л. 3 об.

⁴⁹ Там же.

подбрасывал солдатам Житомирского пехотного полка. Он был приговорен к расстрелу. Но солдаты, к которым он обращался, успели передать ему свой ответ, свидетельствующий о том, что до некоторых из них его призыв дошел сквозь все преграды. «У нас не все такие, чтобы вас не разумели,— говорилось в этом ответном письме. По крайности сами вы изволите видеть, что четырех из ваших писем не досчитались; они у нас, мы их на память заучили и в другие полки кому след[ует] передали... Нас, изволите видеть, ваше высокоблагородие, нынче мало таких, что вас настояще разумеют, завтра будет больше половины, а там и все...» Письмо выражало настроения не одного человека, а группы солдат — оно было подписано «Житомирцы»⁵⁰.

В 1862 г. начало выходить периодическое приложение к «Колоколу», специально предназначенное для народа — крестьян, солдат, мастеровых — «Общее вече». Приглашая людей из народа участвовать в этом издании, Герцен и Огарев выражали уверенность в том, что «между русскими неучеными людьми низших сословий уж, конечно, не меньше, а может найдется и побольше людей даровитых, чем между самыми учеными высшими сословиями»⁵¹.

Большое место руководители лондонского революционного русского центра уделяли пропаганде в раскольничьей среде, подвергавшейся преследованиям со стороны царизма.

Стремлением найти путь к уму и сердцу простых людей проникнуто и рукописное «Послание старца Кондратия», появившееся в Перми в 1861 г. Это сочинение вышло из Пермско-Казанского кружка и было рассчитано преимущественно на раскольников, составлявших значительную часть простонародия в Пермской губернии. Распространителем, а возможно, и одним из авторов этой прокламации был преподаватель духовной семинарии А. Н. Моригеровский. Пермское «Послание» связано тематически и идейно с двумя сочинениями, предназначенными для тех же читателей и изданными в 1854 г.

⁵⁰ Цит. по ст.: В. Е. Фильгус. А. И. Герцен, П. Н. Огарев и русская армия.— «Ученые записки Астраханского гос. пединститута им. С. М. Кирова», т. III. Астрахань, 1953, стр. 82, 86—87.

⁵¹ «Общее вече», (Прибавление к «Колоколу»), № 1, 15 июля 1862, стр. 1.

Вольной русской типографией в Лондоне, — «Первым видением святого отца Кондратия» и «Вторым видением святого отца Кондратия», авторами которых был В. А. Энгельсон.

Используя раскольничью терминологию, авторы «Послания старца Кондратия» обрушивались на царя как на «антихриста», управляющего народом через посредство «волков»-дворян. «Вот антихрист, отнявший у людей волю их, хочет якобы по милости своей им подарить ее. Как будто вор во время погони за ним, выбросивший вещь, им украденную, может хвастаться своим подареньем. Крестьянам антихрист говорит: «Мы даем вам волю, так вы знайте и цените это», а боярам проповедуют: «Мы сверху, т. е. по начальству, должны это дело устроить, а то оно и без нас делается снизу, т. е. от народа самого». Где же тут доброе желание, когда боятся восстания народного?.. Оттого антихрист, лишь заговорит кто о воле, всегда ссылал в Сибирь и сек плетьюми»⁵².

К подпольной литературе, рассчитанной на пропаганду в народе, относится и брошюра «Для истинных христиан», попавшая в 1861 г. в руки саратовской полиции. Антикрепостническая и антицерковная ее направленность прикрыта иносказаниями, евангельскими изречениями. Опубликованное без цензуры, это сочинение содержало идеи «противурелигиозные, атеистические и противные существующему государственному устройству и порядку»⁵³. Имеются сведения, что его автором был И. А. Худяков, познакомившийся в 1865 г. за границей с Герценом; тогда же в Женеве вышла брошюра «Для истинных христиан». Худяков использовал и другие формы эзоповского языка для пропаганды в народе. О характере его взглядов дает представление следующая «загадка» (списанная по указанию Худякова из его бумаг «крестьянским сыном» Андреем Кондратьевым): «Кто всегда людей вешает? Царь. Кто всегда над бедными смеется? Бог. Какие всегда умные люди? Которых вешают и ссылают. Где всегда хорошие люди? В Сибири. Когда лучше будет жить? Когда не будет царей».

⁵² ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1861 г., д. 148, л. 21.

⁵³ Там же, д. 273, лл. 1—1 об.

Одним из проводников революционно-демократических взглядов в среду простых русских людей были в 60-е годы воскресные школы, организованные последователями Герцена, Огарева, Чернышевского и Добролюбова. К лету 1862 г. их было уже 274. Особенное «неблагополучие» отмечалось властями в Петербурге — в Самсониевской школе на Выборгской стороне (ее посещали рабочие Самсониевской бумагопрядильни и белильни Гука) и в Введенской школе на Петербургской стороне⁵⁴. В одном из полицейских документов, датированных 30 мая 1862 г., так резюмируется содержание идей, внушаемых слушателям этих школ: «Бога нет. Человек вовсе не имеет бессмертной души. Государи вообще и наша императорская фамилия в особенности бесполезны. Управление податями должно лежать на тех, кто их платит. Собственность должна быть общая»⁵⁵.

Преподаватель Самсониевской школы студент В. Хохряков, происходивший, как он сам говорит, «из простого звания»⁵⁶, читал своим ученикам прокламации «Что нужно народу?» и «Что надо делать войску?». Несправедливо, говорил он, что одни люди богаты, а другие бедны. Виновником царящей вокруг неправды Хохряков объявлял царизм. «Народу нужно согласиться противу правительства, — разъяснял он в духе идей Герцена, Огарева и Чернышевского, — и выйти против него, правительство же сделать народное... Войско должно быть за народом; если будет против народа, то его (войско. — Л. К.) следует бить»⁵⁷. Нападал Хохряков и на религию: «Для того чтобы выйти из неволи много мешает религия». Желая, видимо, привлечь своих слушателей к печатанию революционных изданий, Хохряков объяснял одному из них — Митрофанову — устройство ручной типографии. Аналогичную работу вели П. Беневоленский,

⁵⁴ Самсониевская школа была организована А. А. Слепцовым — членом ЦК «Земли и воли» 60-х годов. Он же был ее распорядителем. Им была открыта также мужская воскресная школа в Воздвиженском училище. Среди распорядителей и преподавателей воскресных школ были и другие «землевольты» — С. Рымаренко, А. Кочетов и т. д.

⁵⁵ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. I. М., 1950, стр. 586.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 112, 1862 г., д. 6, т. 1, л. 10 об.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 122, 1862 г., д. 71, ч. I, лл. 141 об.— 142.

К. Крапивин и некоторые другие преподаватели. У связанного с ними Я. Ушакова, также занимавшегося пропагандой среди учащихся воскресников, была найдена при обыске рукопись его сочинения, заключающая вольнодумные философские рассуждения «о будущей жизни, общественных авторитетах, о добре, крепостном праве, условиях умственного развития, а также критический взгляд на учение Иисуса Христа»⁵⁸. Нашли у Ушакова и выписки из «Колокола».

О направлении преподавания в некоторых воскресных школах дает представление рукописный словарь (точнее набросок словаря), составленный Крапивиним и включавший понятия, связанные с революционной пропагандой: «революция», «революционная программа», «масса народная», «республика» и т. п. Критикуя либерально-буржуазное пустословие о «свободе», составитель словаря писал: «Господа помещики, бояре любят свободу глазеть в окно, ничего не делая, пойти гулять, в театры ходить, на балы»; таков, по их мнению, «либеральный человек»; свободу, продолжал автор, нередко любят «только на словах»⁵⁹.

Учащиеся воскресных школ, в своем большинстве молодые фабричные (многие из них крестьянского происхождения), знакомились с «Колоколом», со статьей Герцена «Крещеная собственность» и другой антиправительственной литературой, хранили ее у себя, передавали друг другу, читали вслух в своих «артелях». «Колокол» и воззвание «Молодая Россия», вместе с другими запрещенными сочинениями, были обнаружены у ученика Самсониевской школы Ивана Антонова⁶⁰. При обыске у другого ученика Михаила Митрофанова также были найдены экземпляры «Колокола» и «Молодой России». Митрофанов получил эту прокламацию от Карпа Андреева и, в свою очередь, давал ее Михаилу Федорову. Федоров читал вслух ту же прокламацию в своей «артели» и далее она пошла по рукам. Рабочие Федоров и Трифонов пыта-

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 112, 1862 г., д. 6, лл. 4, 3, 4 об.—5. Атеистические идеи пропагандировались и другими учителями воскресных школ, например, писателем Н. Г. Помяловским (Е. И. Водовозова. На заре жизни и другие воспоминания, т. II. М., 1934, стр. 107—108).

⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1862 г., д. 71, ч. I, лл. 42—43.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 112, 1862 г., д. 8, лл. 96 об.—97.

лись самостоятельно проповедовать вольнодумные идеи — отрицали бытие бога, осуждали царя. Их знакомый Симохин заявил на следствии, что «они никаких законов не признают: ни божеских, ни человеческих»⁶¹

В поле зрения следователей попало и собственное творчество учеников воскресных школ, связанное с фольклорной традицией и порожденное нараставшим в народе недовольством. В одном из отобранных полицией сочинений (его автором был Василий Трифонов) говорилось: «Страждет, страждет мать Россия, мать российская земля... Доколе я буду страдать, доколе я буду слезы проливать. Когда бы все это понять и когда бы мне правду разыскать... О, люди, поймите свою правду и возьмите свою отраду». Более развернутую картину переживаний людей подневольного труда, а вместе с тем критику существующего строя давало другое сочинение, изъятое у слушателей Самсониевской школы. Оно начинается словами: «О, горе наше! Горе», напоминающими «Плач холопов»; но в произведении «воскресников» пробиваются уже и новые мотивы, связанные с горькой участью работника, познавшего тяготы фабричной жизни и видящего своих врагов не только в помещиках и управителях, но и в купцах, фабрикантах, генералах и попах. Всех этих врагов трудящегося человека объединяет преклонение перед Молохом наживы. Бедность и богатство — вот полюсы современного общества. «... С утра до ночи мы не видим все света божьего. Да и то все, как невольников, заставляют нас. Но другие же не работают, а богатые. Лошадей, карет, людей собственных — все имеется. Словно черт ему представляет все изо дна моря. Любят ездить они все на парочках да на троечках. Кто в колясочке, кто в кибиточке. Позади стоит лакей, в перьях весь. Впереди сидят фалетр (форейтор.— Л. К.) с кучером. Кто же люд такой разъезжает пышно убранный? Да, конечно, кто, генералишки да полковнички. Да и купчики, все барышники. Обмануть кого, он и есть уж тут. Из них первые генералишки, самондравные все, любят честь, имения и управлять людьми. С людей бедных берут подати так огромные, что не в силушку отдавать уж им. Он и думает, что так и следует: мне закон велит с них оброки драть. Кто же не выплатит, он велит его в сол-

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, 1862 г., д. 71, ч. 1, л. 138.

даты сдать. Бедный люд этот словно скот пред ним. Век работал все на этого беспонятного господинчика. И в солдаты то из нас берут Да и оброки все ж с нас дерут»⁶².

Сочинение это направлено и против государственных законов, охраняющих и санкционирующих социальный гнет, и против религиозно-ханжеского освящения этого гнета: «После всех добыч соберутся домой и молиться начнут всем иконам своим... прости, господи, всех нас грешников за обиду всех чернолюдинов»⁶³.

Автор приходит к выводу, что больше нельзя жить постарому, пора «расключить контракт»⁶⁴. Это — своеобразно сформулированное революционно-плебейское толкование теории общественного договора: если правители пренебрегают интересами народа, он вправе расторгнуть «договор» и свергнуть тиранов. «Нам приелися ваши правила,— бросает автор рукописи вызов господствующим классам,— так приелися, что не в силушку нам по ним уж жить». Если эти правила (законы) сочинил кто-либо из российских царей, «так пора б ему и не жить бы здесь». Заканчивается рукопись призывом к глубокому осмыслению жизни и установлению связи с «добрыми» людьми, «чтоб приняться нам за великое дело, важное. Нужно в голову понабрать себе, с людьми добрыми посоветоваться». Под великим делом понимается коренное переустройство общества, а под добрыми людьми — революционеры, способные повести за собой народ. «Людей добрых все преследуют и не любят их. За ученье их все в тюрьму садят, да в Сибирь их шлют. Так и надо же постараться нам людей добрых, чтобы почтили все и любили, а не в тюрьму садить и в Сибирь ссылать»⁶⁵.

Рукопись, отобранная у молодого рабочего Митрофанова, носит на себе следы его исправлений. Наличие других экземпляров, отличающихся разночтениями, позволяет думать, что сочинение это является в известной мере плодом коллективного творчества. В нем отразилось влияние революционной пропаганды и само оно, вероятно, выражало попытку принять в ней участие.

⁶² ЦГАОР, ф. 112, 1862 г., д. 6, лл. 61—61 об., 62.

⁶³ Там же, л. 62.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, лл. 62—62 об.

Многие фабричные, допрошенные по делу о воскресных школах, старались прямо или косвенно защитить как сами школы, так и своих учителей. «При допросе более 400 рабочих,— сообщается в деле,— немногие из них показали, что посещали школы; а те, которые в этом сознались, отозвались о всех учителях и о самом преподавании с весьма хорошей стороны».

В середине 1862 г. воскресные школы были закрыты. Эта мера явилась одним из звеньев в той же цепи, что и аресты Чернышевского, Серно-Соловьевича, Писарева и других передовых деятелей, закрытие ряда журналов — в цепи наступления реакции на крестьянское и революционно-демократическое движение.

Знаменательно, что в начале 60-х годов идеи революционеров-демократов получили известный отклик и в таком рабочем центре, как Тула. В 1864 г. жандармы изъяли в книжной лавке Воронова копии воззвания «К молодому поколению». Последнее, по его словам, он получил от почетного гражданина Черникова, у которого при обыске были отобраны выписки из «Полярной звезды» Герцена и рукопись «возмутительного» сочинения — «Голос тульских оружейников». Черников признал на допросе, что эта его статья была написана в связи с волнениями тульских рабочих, происходившими в 1863 г.⁶⁶

Основываясь на высказываниях самих оружейников, он описывал их бедственное, угнетенное положение от их собственного имени, клеймил «ватаги деспотов», управляющих ими и совершающих «множество всякого рода подлостей, насилий»⁶⁷. При рукописи была найдена заметка Черникова, свидетельствующая о его намерении послать свое сочинение Герцену и Огареву для помещения в «Колоколе». «Если это наше отрывочное и неполное сказание,— писал он,— дойдет до почтенных издателей «Колокола» и будет ими напечатано, чего мы во [имя] правды и добра нетерпеливо желаем, тогда мы и еще кое-что сообщим»⁶⁸. В. Н. Ашурков, сообщивший этот интересный факт, справедливо замечает, что хотя

⁶⁶ См.: В. Ашурков. Голос тульских оружейников.— «Каторга и ссылка», 1933, № 2, стр. 142; «Литературная Тула», кн. 9, 1954, стр. 167.

⁶⁷ «Каторга и ссылка», 1933, № 2, стр. 142.

⁶⁸ Там же, стр. 143.

остаётся неизвестным — исходила ли инициатива обращения в «Колокол» от рабочих или была подсказана им Черниковым, но по существу автор статьи действительно выступал от имени тульских оружейников и выражал их настроения, ненависть к угнетателям.

Другим каналом, по которому воззрения идеологов русской революционной демократии проникали в народную среду, были обычные школы, в том числе сельские учебные заведения. Не случайно Кавелин предупреждал царя о необходимости «улучшения» сельских школ, «дабы нигилистическая пропаганда не могла проникнуть туда посредством недоучившихся семинаристов и злонамеренных учебников»⁶⁹.

Эти опасения (если отбросить их злобную тенденциозность) не были беспочвенны. В одном из сочинений ростовского крестьянина Якова Артынова (1836—1909), вошедшем в его рукописный сборник, рассказывается о молодом сельском учителе-разночинце, пропагандировавшем идеи передовых русских мыслителей 40—60-х годов. Артынов пишет: «В селе у нас был молодой просветитель — студент семинарии, сельский учитель. Он ласков ко всем и внимателен был, народ молодой его слушать любил. Белинского, Герцена мы прочитали, почти наизусть мы все Пушкина знали». Из этого автобиографического сочинения видно, что ученики сельской школы, вдохновленные своим педагогом, с восторгом читали «Что делать?» Чернышевского. Учитель рассказывал им о прогрессе и свободе, равенстве и братстве, природе и ее законах, разрушал веру в религиозные предрассудки. «И юноши, мы вольнодумцами стали. Что он отвергал, то и мы отвергали», — вспоминает Артынов⁷⁰.

Поэт-крестьянин не сохранил нам имени своего учителя — пропагандиста революционно-демократических идей. Но некоторые имена таких рядовых просветителей дошли до нашего времени. Одним из них был преподаватель вятской духовной семинарии Александр Александрович Красовский. Через него знакомились в конце 50-х — начале 60-х годов с сочинениями Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова многие семинаристы, в том числе сын сельского пономаря Иван Красноперсв,

⁶⁹ «Исторический архив», т. V, 1950, стр. 331—332.

⁷⁰ Рукописный отдел Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, собрание Титова, № 3743, л. 112, 114.

выросший, по его собственным словам, среди крестьян. Книжки «Современника» Красноперов и его товарищи «с величайшим интересом» прочитывали от первой до последней страницы. Статьи Добролюбова, помещавшиеся там, они «просто проглатывали»⁷¹. Красовский был лично знаком с Чернышевским и Добролюбовым и, встречаясь с ними во время своих поездок в Петербург, он как бы олицетворял живую, непосредственную связь между руководителями революционно-демократического движения и чутко прислушивавшейся к ним разночинной молодежью. «Его рассказы о Добролюбове и Чернышевском,— вспоминает Красноперов,— дышали такой глубокой любовью и уважением к этим личностям, что эту любовь и уважение он передал и нам. Все статьи Добролюбова и Чернышевского в «Современнике» мы читали всегда с Александром Александровичем и, кроме того, перечитывали еще у себя в номерах. Это чтение просветляло наши умы и наполняло наши сердца высоким восторгом». Красовский присутствовал на похоронах Добролюбова, тяжело пережил эту утрату и, вернувшись, организовал панихиду, посвященную памяти великого мыслителя-борца. Выступивший на этой панихиде, Красноперов говорил в своей речи: «Русская земля понесла великую потерю... Умер Добролюбов. Мы все знали его, знали, что он был одним из лучших критиков после Белинского; нет, мало того, он был одним из лучших людей русской страны... Он воспитал в нас идеалы правды и добра, воспитал в нас любовь к народу, на служение которому он учил нас посвятить все свои силы... Пусть это старье ругает и ненавидит тебя как развратителя молодого поколения, но это поколение горячо будет любить себя за твои здоровые идеи; оно со смехом отойдет от обскурантов и с гордостью и самоуверенностью пойдет по тому именно пути, который ты проложил своей литературной деятельностью»⁷².

⁷¹ И. М. Красноперов. Записки разночинца. М.—Л., 1929, стр. 48. Другой ученик этой семинарии С. И. Сычугов, прочитавший под влиянием Красовского «целую уйму книг», особо выделяет из них сочинения Белинского и «Письма об изучении природы» Герцена, журналы «Отечественные записки» и «Современник». «Итак, Белинский, Герцен, а также разговоры с Красовским,— говорит он,— совсем перекувырнули мое мировоззрение» (С. К. Сычугов. Записки бурсака. М., 1953, стр. 227).

⁷² И. М. Красноперов. Указ. соч., стр. 65.

Порвав с тяготившей его семинарской обстановкой и став вольнослушателем Казанского университета, Красноперов сблизился с революционным студенчеством и приобщился к «Казанскому заговору» 1863 г. С пермско-казанским тайным обществом была связана и деятельность Красовского⁷³.

И учитель, и ученик были в 1863 г. арестованы, у обоих были обнаружены прокламации Центрального комитета «Земли и воли». Для нас достаточно отметить здесь естественность и закономерность пути, который привел этих людей от усвоения идей «Современника» и «Колокола» к их активному распространению, от сочувствия народу до поисков прямых связей с ним, от легальной или полуполитической пропаганды до подпольной революционной работы.

Известны и другие факты распространения идей революционных демократов через школу. В первой Казанской гимназии их глашатаем был учитель Мильчевский, в Саратовской гимназии — Миловидов, излагавший по «Современнику» русскую литературу, в пермской семинарии — учитель Орлов, знакомивший своих слушателей с этим же журналом⁷⁴, в Шавельской гимназии — преподаватель математики и естественной истории Вознесенский. В Вологодской гимназии существовал в 60-е годы кружок «чернышевцев», пользовавшийся большим влиянием среди молодежи. Такой же кружок был в вологодской семинарии. В г. Сергаче Нижегородской губернии пропаганду взглядов революционной демократии вели в начале 60-х годов молодые учителя уездного училища Курбатовский и Блудоров, исключенные незадолго до этого из Казанского университета. Их убеждения сложились под влиянием «Колокола», «Современника» и «Русского слова».

Курбатовский был арестован за распространение революционных идей и запрещенных сочинений, Блудоров — за составление и распространение речи против

⁷³ В августе 1862 г. полицией были получены сведения, что у Красовского, который «не отличается особенной религиозностью», есть много запрещенных сочинений Герцена, скрывааемых в киотах для образов и в самих образах (ЦГАОР, ф. III отд., I эксл., д. 230, ч. 101, лл. 1—1 об., 4, 5).

⁷⁴ Г. Н. Вульфсон и Е. Г. Бушканец. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 гг. Казань, 1955, стр. 27—28, 30.

царствующего дома. В намерения вольнодумцев-учителей входила и пропаганда непосредственно в народе. Это явствует из отобранного у Курбатовского наброска его обращения к крестьянам.

3

Среди людей, сумевших установить непосредственный личный контакт с Герценом, было несколько представителей «низших» слоев русского общества. Этот факт подтверждает неудержимое стремление простых русских людей к революционной правде.

В академическом собрании сочинений Герцена опубликованы его письма, проливающие некоторый свет на интересующий нас вопрос. В одном из них — от 14 (2) мая 1858 г. речь идет о некоем Полякове. «Виделись ли вы с Поляковым? Он очень умный человек», — пишет Герцен М. К. Рейхель⁷⁵. Кто был новый знакомый Герцена, удостоившийся этой лестной оценки? Второе упоминание о нем, которое мы находим в письме к Рейхель от 20 (8) мая того же года, не дает дополнительного материала для уяснения этого вопроса, хотя и свидетельствует об интересе к Полякову⁷⁶.

Спустя некоторое время пристальное внимание к Полякову было проявлено с другой — противоположной стороны. Им заинтересовалась в 1862 г. «высочайше утвержденная» следственная комиссия, призванная следить за действиями «лондонских эмигрантов» и разрушать налаживаемые ими связи. В 1862 г. государственный крестьянин Псковской губернии Поляков был арестован царской полицией, как человек, находившийся в сношениях с политическими заговорщиками и обвиняемый в «преступных суждениях» о правительстве. В своих показаниях он описал, как сказано в «деле», пережитые им несчастья, которые возбудили в нем ненависть к существующему порядку. Было установлено, что в конце 50-х годов Поляков ездил за границу, где связался с русской революционной эмиграцией. И хотя имена Герцена и Огарева тут отсутствуют, есть основание полагать, что под «нашими выходцами» и «нашими заграничными про-

⁷⁵ А. И. Герцен. Указ. соч., т. 26, стр. 176.

⁷⁶ Там же, стр. 177.

пагандистами» имеются в виду именно они. «В выражениях, заимствованных из сочинений наших заграничных пропагандистов,— сказано в следственных материалах,— Поляков излагает исторический взгляд на жизнь нашего народа и причины, доведшие его до нравственного гниения. Осуждая все существующее, он признает необходимым сделать преобразования в России» — уничтожить правительство, которое грабит народ, упразднить все правительственные учреждения и институты, кроме сельских управлений, ликвидировать действующее законодательство, отменить сословия. Поляков обрушивался на людей, которые, как он говорил, «исподличались, заражены царелюбием». Нетрудно заметить и противоречивость, непоследовательность преобразовательных идей вольнодумца-крестьянина. Считая необходимым убедить царя в «уступке своих прав народу», созыве народных представителей, Поляков надеялся достичь всего этого мирным путем, «а не с топором в руках».

Таков был русский крестьянин, познакомившийся с Герценом и заинтересовавший его в конце 50-х годов. Дальнейшая судьба этого человека пока остается неизвестной.

Значительно большими сведениями мы располагаем о правдоискателе Мартьянове, который не только был близко знаком с руководителями русского революционного центра в Лондоне, но в течение некоторого времени активно участвовал в революционно-демократическом движении.

Если мировоззрение Лоцманова складывалось в атмосфере роста освободительного движения преддекабристского периода, если Подшивалов выступил в тревожную годину холерных бунтов в России, польского восстания и Июльской революции 1830 г. во Франции, если дело Олейничука возникло в условиях, когда царизм был напуган новым подъемом освободительной волны в России 40-х годов и революционными взрывами 1848 г. на Западе, то деятельность Мартьянова как мыслителя-публициста тесно связана с революционной ситуацией 1858—1861 гг.⁷⁷

⁷⁷ Большое значение для исследователя взглядов Мартьянова имеют архивные следственные материалы. Они сгруппированы в нескольких «делах». В фонде III отделения имеется дело «По все-

Петр Алексеевич Мартьянов, родившийся в 1835 г. в селе Промзино Алатырского уезда Симбирской губернии, был крепостным графа Гурьева. Он окончил вотчинную конторскую школу и, как отмечается в полицейской справке, «кроме обыкновенной школы особенного образования не получил, но всегда заметно было в нем много природ-

подданнейшей просьбе находящегося в Лондоне некоего П. Мартьянова», начатое 12 мая 1862 г. и законченное в 1865 г. В этом деле — письмо Мартьянова к императрице от 15 апреля 1862 г. с жалобой на ограбившего его помещика и наивным, но полным горечи, призывом: «Вам нужно знать страдания русских, разоряемых, забываемых, не находящихся правосудия и презираемых», первые сведения, собранные полицией о Мартьянове, сообщения о его аресте, ссылке и смерти. В другом фонде ЦГАОР хранится «Производство высочайше утвержденной следственной комиссии о С[анкт]петербургском мещанине Петре Мартьянове». В этом деле, начатом 16 апреля и законченном 1 мая 1863 г., имеется оригинал «крамольного» письма Мартьянова к Александру II от 3(15) апреля 1862 г., записка Герцена Мартьянову, черновик письма последнего к Огареву, вопросы следственной комиссии, предъявленные Мартьянову, и его ответы на них. В том же фонде находится «Арестантское дело по настольному реестру № 12 С. Петербургской губ. о мещанине Петре Мартьянове, обвиняемом в сношении с изгнанником Герценом». Это дело начато 13 мая и закончено 12 декабря 1863 г. В нем — протоколы сенатских заседаний по делу Мартьянова, секретные отношения министерства юстиции, рапорты управления Петербургского военного генерал-губернатора и другие материалы. Кроме того, нами обнаружены в Рукописном отделе библиотеки им. Ленина, неопубликованные письма Мартьянова к М. П. Погодину, проливающие дополнительный свет на некоторые стороны мирозозрения вольнодумца из крестьян. Они относятся в основном к 1860—1861 гг. — периоду, непосредственно предшествовавшему отъезду Мартьянова за границу. Знакомство с Погодиным Мартьянов намеревался, по-видимому, использовать для продвижения своих литературных опытов в печать; об этом говорит посылка им Погодину двух сочинений, которые молодой волжанин характеризует 20 августа 1860 г. как «плод долговременных страданий» своих, «чада мышления и убеждения».

Дело Мартьянова рассмотрено на основе следственных материалов в книге М. К. Лемке «Очерки освободительного движения „шестидесятых годов“». СПб., 1908. О Мартьянове неоднократно высказывались Герцен и Огарев. См. в особенности статью Герцена «П. А. Мартьянов и земский царь» (Собрание сочинений, т. 18. М., 1959) и его же главу из «Былого и дум» — «М. Бакунин и польское дело» (там же, т. 11. М., 1957), а также статьи Огарева «Куда и откуда», «Расчистка некоторых вопросов», «Голод и новый год» (Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952). См. также сообщение Б. П. Козьмина «К биографии крестьянина П. А. Мартьянова» («Красный архив», 1923, т. III).

ного ума»⁷⁸. П. Мартьянов был еще мальчиком, когда его «пустили по судоходству», которым занимались и другие жители села. Позже он писал о себе, что «с детства не знал, что такое удовольствие возраста, и день и ночь—буквально—думал о делах, как вечный мученик». Отец Петра, будучи крепостным, вел крупную торговлю хлебом. Преемником его в этом деле стал молодой Мартьянов. Вначале, пишет он, «я вследствие крайней неразвитости, рабство принимал за явление нормальное, законное... Но мало-помалу, когда новые идеи стали пробиваться в голову мою или возникать в ней, я стал более и более сознавать заблуждение убеждений моих и скоро всецело признал принцип как правду и истину, а рабство ложью, грехом, язвой»⁷⁹. В Мартьянове пробудилось неодолимое стремление к свободе, вскоре целиком овладевшее им.

В апреле 1854 г. он прислал письмо и стихи в газету «Московские Ведомости». В этих материалах при всей их незрелости прозвучал мотив, который вскоре стал главным в творчестве Мартьянова,— требование народной воли. Крестьяне часто говорят, писал он, «эх, как бы воля да воля... И я крестьянин, и я русский крестьянин и часто повторяю... Ах, если бы воля да воля, нашел бы я вам исход! Нашел бы я цель моей жизни, и путь бы к бессмертию открыл, на жертвенник милой отчизны всю кровь по капле пролил». Одно из стихотворений Мартьянова заканчивается упованием на то, что «воцарится Константин», который «услышит плач, мольбы народа». Эта вызывающая концовка была вычеркнута цензором. Письмо Мартьянова и его стихи вызвали недовольство защитников крепостничества. Один из них писал московскому генерал-губернатору Закревскому: «Любопытно знать, кто такой этот поселянин, который жалуется так красноречиво на неволю и грязную жизнь?» Закревский потребовал объяснений от начальника московской цензуры и запросил сведения о Мартьянове у симбирского губернатора. Так возникло в 1854 г. дело секретного отделения канцелярии московского военного генерал-губернатора за № 116 «О помещенной в № 46 «Московских Ведомостей» статье и стихах крестьянина Петра Мартьянова». В начале 1855 г. Закревский просил симбирского

⁷⁸ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1862 г., д. 233, л. 6.

⁷⁹ РОГБЛ, ф. 231, разд. II, к. 20, ед. хр. 45, л. 282, лл. 275 об.—276.

губернатора обратить внимание на крепостного Мартьянова, обнаружившего «вольный образ мыслей»⁸⁰.

На просьбы Мартьянова позволить ему выкупиться граф Гурьев отвечал отказом и только накануне отмены крепостного права, буквально разорив его, выдал отпускную. «Я на себе попытал, — с возмущением пишет Мартьянов, — сладость самодержавного бесправия и воззрения государства на человека: я был крестьянин... графа Александра Гурьева; граф, находя, что лимон достаточно созрел, и подвигнутый рескриптом об улучшении быта крестьян, ограбил и дотла разорил меня иезуитски-насильственными мерами»⁸¹. Но не только на своем личном опыте убедился Мартьянов в том, что нельзя более терпеть царящую вокруг неправду. К этому выводу подводил его весь ход окружающей жизни, весь опыт подготовки и осуществления крепостнической реформы.

Не рассчитывая в этих условиях добиться справедливости, Мартьянов (перешедший к тому времени в мещанское сословие) выехал в августе 1861 г. в Лондон. Там он познакомился и сблизился с Герценом и Огаревым. Под их непосредственным руководством он много работал над собой, с интересом изучал русскую историю, проблемы политического устройства России, размышлял об ее будущем⁸². Мартьянов стал сотрудником вольной русской прессы, принял участие в «Колоколе»⁸³, в 1862 г. в издании лондонской Вольной типографии вышла его книжка «Народ и государство», давно являющаяся большой библиографической редкостью.

Не все написанное этим симбирским крестьянином до нас дошло. «У него было наготовлено пропасть статей для «Колокола» и «Полярной звезды», — сообщает хорошо знавший его В. Кельсиев. «Он писал что-то по социальным вопросам»⁸⁴. В «Софийской коллекции» сохра-

⁸⁰ «Красный архив», 1923, т. III, стр. 295—298.

⁸¹ Мих. Лемке. Дело П. А. Мартьянова. «Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 346.

⁸² «В короткое время, — пишет М. К. Лемке, — упорным трудом Мартьянов приобрел массу знаний» (там же, стр. 339).

⁸³ В «Колоколе» дважды — 8 мая 1862 г. и 1 февраля 1864 г. было опубликовано открытое письмо Мартьянова к Александру II, подвергавшее резкой критике самодержавно-крепостнические порядки в России.

⁸⁴ В. И. Кельсиев. Исповедь. «Литературное наследство», т. 41—42. М., 1941, стр. 294.

нился конец рукописи Мартьянова о бурлацкой артели, датированной 28 января 1862 г.

Не разделяя некоторых воззрений Мартьянова, Герцен и Огарев глубоко уважали его за глубокий, самобытный ум, смелость, нравственную бескомпромиссность, неукротимость. Они видели в нем соратника в борьбе с реакцией и часто советовались с ним по крестьянскому вопросу. «Человек, испытанный всеми горями и бедствиями русской жизни,— писал Герцен о Мартьянове,— одаренный необыкновенным умом, энергический, глубоко страстный, Мартьянов сосредоточился весь на вопросе о судьбах русского народа; тут была его поэзия, его религия, любовь и ненависть. Строгий по жизни, без уступок себе и другим, без слабых непоследовательностей — в нем элемент негодующего Спартака как-то сочетался с угрюмым типом нашего сектатора. Много читая, Мартьянов нисколько не утратил ни своей собственной оригинальности, ни чисто русского народного склада ума. В одну беседу с ним можно было глубже заглянуть в дух русского народа, чем изучая ворохи анатомико-патриотических препаратов, приготовленных нашими славянофилами». Герцен относил Мартьянова (вслед за Белинским и петрашевцами, Чернышевским и Михайловым) к лучшим представителям *Новой России*. Из Мартьянова, считал он, мог бы выйти вождь таборитов или канцлер Пугачева⁸⁵. Огарев также не раз с большой теплотой вспоминал своего «друга-мужика Мартьянова». Он придавал большое значение высказываниям Мартьянова, поскольку в них звучит «голос крестьянства, которое очнулось, голос искренний из глубины скорбей вопиющий, жаждущий...»⁸⁶

Весной 1863 г., после полутора лет тесного общения с Герценом и Огаревым, Мартьянов отправился на родину. Он, по словам Герцена, страдал по России и надеялся, что именно там сможет лучше постоять за народное дело. Полиция была предупреждена о возвращении Мартьянова через свою заграничную агентуру и приготовилась к встрече. Еще в 1862 г. в одном из секретных документов

⁸⁵ А. И. Герцен. Собр. соч., т. 18, М. 1959, стр. 11—12; т. 20, кн. 1, стр. 217.

⁸⁶ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические произв., т. I, М., 1952, стр. 571.

Подписка

Мы, нижеподписавшийся, ввиду
 вытребованья въ присутствіи
 1го Отдѣленія 5го Департамента
 Правителствъ на Высочайше
 данъ сію подписку въ томъ, что
 Высочайше утверждена
 мною Государствемъ на Во-
 врата, которыми я пришло
 рено къ исполненію всякъ правъ
 состоящихъ, къ исполненію въ котор-
 охъ работѣ на заводахъ и
 фабрикахъ заточены посыл-
 кимъ въ Сибирь на всегда, и не
 сего числа об...

Принимая при этомъ
 Никольскій Турмоуль-Сибирь
 А. П. Мартыновъ
 Николай Мартыновъ
 Николай Мартыновъ
 Николай Мартыновъ

«Подписка» П. А. Мартынова об ознакомлении с приговором

отмечалось, что Мартынов «принадлежит к шайке Герцена». 25 февраля 1863 г. ковенский жандармский штаб-офицер получил телеграфное предписание арестовать Мартынова и доставить его в III отделение. Это было исполнено: 12 апреля в 8 часов вечера Мартынов был схвачен на пограничной станции Вержболово, а три дня спустя его уже заточили по «высочайшему» повелению в Алексеевский рavelин ⁸⁷.

Ему предъявлялось обвинение в том, что, находясь в Лондоне, он обратился к царю с противозаконным письмом, в котором содержалось «дерзостное порицание

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., д. 233, лл. 79 об., 33—34, 68

установленного государственными законами образа правления»⁸⁸. Сенат нашел, что письмо Мартьянова «дышит злобою против правительства и наполнено несбыточными предположениями»⁸⁹. Мартьянов стойко держался на допросах, не скрывая своего уважения к Герцену, отзываясь о нем как «очень умном человеке».

Следствие по делу Мартьянова проходило одновременно с подготовкой процесса Чернышевского⁹⁰. Готовя расправу с вождем революционно-демократического лагеря, царизм не собирался щадить и рядового участника движения.

П. А. Мартьянов был приговорен к пяти годам каторжных работ с последующим пожизненным поселением в Сибири. 7 декабря 1863 г. его отправили под жандармским конвоем в Тобольск⁹¹. По свидетельству Герцена, Мартьянов пытался спустя два года бежать, за что тюремщики засекали его до смерти⁹². Докладная записка Иркутского губернского жандармского штаба от 20 сентября 1865 г. сообщает о том, что «преступник» Мартьянов умер в иркутской тюремной больнице⁹³. «Почтите его мученическую память, люди правды, которым эти строки попадутся под руку!» — писал Н. П. Огарев о своем друге-крестьянине⁹⁴.

⁸⁸ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 355.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Иногда имена Чернышевского и Мартьянова упоминаются в одних и тех же следственных документах. В протоколе заседания Правительствующего Сената от 27 мая 1863 г. сказано: «г. С. Петербургскому военному генерал-губернатору предписать указом сделать распоряжение о представлении к передопросу мещанина Мартьянова и титулярного советника Чернышевского в будущую среду, т. е. 29 сего мая, 12 с половиною часов по полудни в присутствии 1-го отделения 5-го департамента Уг[оловного] сената за надлежащим караулом» (ЦГАОР, ф. 112, д. 36, л. 14 об.).

⁹¹ Герцен стремился облегчить участь Мартьянова, находившегося на каторге (см.: А. И. Герцен. Полное собрание сочинений, т. XXVII, кн. II, стр. 495, 496, 497, 502, 505, 516). Выражали свою готовность помочь Мартьянову и представители молодого поколения русских революционеров-эмигрантов (см. письмо Н. Утина к Огареву от 23 декабря 1863 г. «Литературное наследство», т. 62, 1955, стр. 638).

⁹² А. И. Герцен. Указ. соч., т. XX, кн. I, стр. 298.

⁹³ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., д. 233, л. 74. Лемке неверно относит дату смерти Мартьянова к июню 1866 г. (см. Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 356).

⁹⁴ Н. П. Огарев. Указ. соч., т. I, стр. 764. Иначе оценивали деятельность Мартьянова защитники самодержавия. Ю. Ф. Самари-

Мартьянов писал, что его убеждения выросли «из воспоминаний практической жизни» и «миросозерцания разума», причем и то и другое связано с известным «знанием истории народа русского и его современного быта»⁹⁵. Кельсиев отмечает, что Мартьянов «образовал себя чтением русских книг»⁹⁶. Наряду с работами по истории России, особенно крестьянского движения, он интересовался художественной литературой — мы встречаем у него ссылки на русские басни, Шекспира, Гофмана.

Важнейшим переломным событием в жизни Мартьянова явилось знакомство с идеями революционных демократов, хотя ему и не удалось подняться до их уровня. Еще до своего отъезда за границу он читал «Колокол». В процессе личного общения с Герценом и Огаревым вольнодумец-волжанин получил возможность глубже познакомиться с их воззрениями. Революционизирующее воздействие их идей на Мартьянова отмечается в определении Сената по его делу. «Не получивши,— сказано здесь,— почти никакого образования, но начитавшись русских сочинений, издаваемых изгнанниками и проникнутых враждою против русского правительства, он (Мартьянов.— Л. К.) прислал из Лондона его императорскому величеству письмо, в коем дерзостно порицал установленный государственными законами самодержавный образ правления»⁹⁷

В общефилософских высказываниях Мартьянова выделяются проблемы *единства* и *закономерности* явлений окружающего мира.

Его привлекал, в частности, вопрос о взаимосвязи ступеней развития природы, диалектической подвижности

ну письмо Мартьянова, опубликованное в «Колоколе», представлялось разорвавшейся бомбой, преисполненным «заносчивости» и «дерзости». «Он берется за перо,— писал о Мартьянове с барским высокомерием этот либеральствующий славянофил,— чтобы заявить, что вот, мол, простой человек, бывший холоп, а также помимо всех лезу к государю и кричу на него; он потирает себе руки от удовольствия, воображая себе, как эта бомба из Лондона полетит в Зимний дворец, как ее там разорвет и как от осколков ее разбежится вся придворная челядь» (Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 356).

⁹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 112, 1862 г., д. 35, л. 34 об.

⁹⁶ «Литературное наследство», т. 41—42, 1941, стр. 294. При аресте у Мартьянова было отобрано 12 книг.

⁹⁷ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 354.

граней, отделяющих одни из областей от других. Герцен еще в «Письмах об изучении природы» писал, что «в действительности вообще нет никаких строго проведенных межей и граней, к великой горести всех систематиков»⁹⁸. Огарев также полагал, что в природе, как и в истории, нет резких границ, «одно переходит в другое, так что трудно бывает определить, где заканчивается одна эпоха в развитии и начинается другая»⁹⁹. Вслед за ними и Мартьянов придерживался той точки зрения, что в окружающей человека объективной действительности и соответствующих ей логических понятиях нет абсолютных, непереходимых границ. «Да и где эти границы в природе? Царство растительное незаметно переходит в животное, ботаника и зоология смешиваются, родовые виды одного из этих царств, отдельно взятого, незаметно переходят в другие виды того же царства»¹⁰⁰.

Мартьянов был против догматического подведения явлений под неизменную классификационную рубрику. Можно ли, например, считать обязательным признаком растительных организмов их прикрепленность к определенному месту и неспособность, в отличие от животных, передвигаться в пространстве? Нет. Так называемая перекати-трава «совсем не животное, потому что не имеет органов, необходимо обуславливающих физиологическое устройство тела животных», но и «не растительно-неподвижное, потому что имеет свойство передвижения, как животное органическое»¹⁰¹. О необходимости гибкого, динамичного подхода к явлениям действительности, учитывающего их конкретное своеобразие, свидетельствуют, по мнению Мартьянова, и кораллы, приросшие к почве наподобие растений, прикрепленные к подводным скалам, рифам «и в то же время имеющие органы питания, несколько сходные с органами питания животных»¹⁰². Жизнь со всем богатством ее проявлений, форм, оттенков, переходов не терпит шаблона и не уклады-

⁹⁸ А. И. Герцен. Указ. соч., т. III, стр. 127.

⁹⁹ «Колокол», 1 сентября 1860, стр. 665.

¹⁰⁰ П. Мартьянов. Народ и государство. Лондон, Вольная русская типография, 1862, стр. 5.

¹⁰¹ Там же, стр. 11. Сравним это с положением Н. П. Огарева о том, что «...живая природа, с совокупностью своих многообразных признаков, не взойдет в рамку классификации по одному отдельному признаку» («Колокол», 1 мая 1861 г., стр. 815).

¹⁰² П. Мартьянов. Указ. соч., стр. 11.

вается в прокрустово ложе схемы. Все явления так или иначе связаны. Их способность воздействовать друг на друга и при определенных обстоятельствах переходить одно в другое Мартьянов показывал на примере причинно-следственной связи. Он справедливо полагал, что как причина, так и следствие не представляет собой чего-то однозначного, неподвижного; каждое данное явление, будучи причиной одного или нескольких явлений, в свою очередь есть следствие по отношению к другим, вызвавшим его к жизни. «Нет,— пишет Мартьянов,— ни одной причины, которая не была бы следствием, и ни одного следствия, которое бы не сделалось причиной»¹⁰³. Эти взаимосвязи явлений в основе своей материальны.

Идеалистическая философия не внушала доверия и симпатии Мартьянову, рассматривавшему ее как нечто родственное пустой мечтательности, далекой от жизни. Об одном из своих знакомых он говорил, что это «идеалист, а вернее мечтатель» и вся беда у него оттого, что он «сам себе не уяснил, что у него... в голове — ум или мечтательность». Понятие «ум» соответствует у Мартьянова «разумному мышлению», опирающемуся на факты, верно отражающему действительность. Ссылаясь на *разум*, он тут же ссылается и на *опыт*¹⁰⁴. Отвергая телеологический взгляд на природу, согласно которому в ее явлениях реализуются те или иные «высшие» цели, он утверждал, что «цель жизни есть сама жизнь. Другой цели нет»¹⁰⁵.

Движение и развитие, происходящие в мире, имеют закономерный характер. «... Все движется,— замечает Мартьянов,— по известным законам, все повинуетя им». Одни из этих законов более наглядны по своим проявлениям и поэтому более доступны нашему пониманию, другие — могут быть постигнуты лишь «высшим разумением», но и они есть «действительно существующие», т. е. объективные законы. Их присутствие сказывается во всем, «ими обуславливаются жизнь и бытие, иначе жизнь и бытие не были бы жизнью и бытием, а хаотическим брожением неопределимого»¹⁰⁶.

¹⁰³ РОГБЛ, ф. 231, разд. II, к. 20, ед. хр. 45, л. 275об.

¹⁰⁴ П. Мартьянов. Указ. соч., стр. 12.

¹⁰⁵ РОГБЛ, ф. 231, разд. II, к. 20, ед. хр. 45, л. 276об.

¹⁰⁶ Там же, лл. 275—275 об.

Как бы ни воображал себя тот или иной человек независимым от действия этих объективных законов, какими бы произвольными ни казались ему свои поступки, но в действительности они всегда обусловлены; никому не дано выйти за пределы всеобщей детерминированности. «Напрасно искали бы мы,— пишет Мартьянов,— в чем-нибудь произволе только чей-нибудь произвол произвольный; ни одного так называемого произвола не найдем, не исходящего из непроизвольного, и следовательно нет ни одного произвола, как произвола в собственном смысле».

Поскольку эти положения направлялись против субъективизма, волюнтаристского учения о свободе воли, точка зрения Мартьянова, свидетельствующая об испытанном им влиянии материалистических идей, была правильна и прогрессивна. Но детерминизм его, несмотря на отдельные диалектические догадки, отличался метафизической ограниченностью. Отождествляя в письмах к Погодину причинность с необходимостью, Мартьянов отрицал случайности, и это приводило его к выводу, что все происходящее в мире одинаково необходимо. Правда, в 1862 г. он пишет о существовании различных исторических причин и случайностей, но объективный характер случайности как формы проявления и дополнения необходимости еще не был ему ясен. Справедливо отвергая идеалистическую трактовку свободы воли, как чего-то стоящего по ту сторону необходимости, он не смог, однако, подняться до правильного философского понимания свободы, уяснить ее диалектическое соотношение с необходимостью. Это придавало детерминистским представлениям Мартьянова фаталистический оттенок.

Будучи взаимосвязаны, объективные законы образуют, полагал он, определенную систему, составляющую мировой порядок или гармонию. Люди не властны по своему произволу отвергать эти законы, должны считаться с их действием, опираться на них, сообразовать свое поведение с объективной логикой развития. «Все в мире совершающееся совершается совершенно последовательно, логично, разумно и, следовательно, законно. Борьба против таких законов сознательная — безумна, бессознательная — бессмысленна и бесцельна; и в том и другом случае она есть уклонение от законного определения, от

законных и, следовательно, необходимых следствий совершающейся причины, от общемирового порядка, всеобщей гармонии». Нарушение объективных законов, уклонение от их всеобщего мирового порядка вызывает дисгармонию, субъективным выражением которой является человеческое страдание. С нарушением и последующим восстановлением «конечной гармонии жизни» Мартьянов связывал «высшие законы справедливости», коренящиеся в объективной логике развития мира.

Перед нами своего рода фаталистический оптимизм, с одной стороны, отражающий некоторые особенности традиционного патриархально-крестьянского мышления, а с другой — восходящий к лейбнице-вольфовской теории предустановленной гармонии. Однако, в отличие от многих идеалистов (включая Погодина), Мартьянов ищет конечную гармонию не в потустороннем духе, а в объективной закономерности окружающего мира. Если проповедник «официальной народности» Погодин утверждал, что все существующее должно существовать, и притом именно таким, каково оно есть, ратуя тем самым за сохранение и увековечение самодержавно-помещичьего строя, то Мартьянов стремился доказать неизбежность возмездия поработителям, считая последнее «одним из аккордов гармонии общемировых законов»¹⁰⁷. Жизнь, верил он, раньше или позже побеждает, ее конечная гармония, преодолевая все частные, временные отклонения, снова восстанавливается, ибо «законное сильнее незаконного, общее — частного, дисгармония уничтожается собственным беспорядком, гармония занимает свое место»¹⁰⁸.

Непонимание историчности законов общественного развития таило в себе опасность недооценки общественно преобразующего значения практической деятельности людей, тенденцию, ведущую к пассивности, квиетизму. Но жизнь внесла свои коррективы и побудила Мартьянова сделать иные выводы из признания всеобщей детерминированности явлений. Он пришел в конце концов к заключению, что обусловленность человеческих поступков определенными обстоятельствами не исключает активного воздействия человека (в данном случае —

¹⁰⁷ РОГБЛ, ф. 231, разд. II, к. 20, ед. хр. 45, лл. 275—275 об., 276—276 об.

¹⁰⁸ Там же, л. 275об.

следствия) на эти обстоятельства (причину). Будучи важным звеном в цепи универсальной взаимосвязи явлений, человек не только зависит от обстоятельств, но и, в свою очередь, влияет на них. Задумавшись над тем, «насколько ценна жизнь, никому не нужная и ничего не обещающая», Мартьянов заключает, что «такая жизнь ничем не выше смерти». Он решил посвятить свою жизнь служению народу, защите его интересов, борьбе за справедливость.

Естественно, что церковники, требующие, чтобы жизнь человеческая была безраздельно отдана богу и прославляющие не земную жизнь, а скорее смерть как приобщение к «высшим» потусторонним «ценностям», вызывали резкую отповедь Мартьянова. Если с помощью армии и полиции помещичье государство старается воздействовать на народ открытым насилием, то посредством духовенства оно действует своей скрытой, замаскированной силой на сознание, совесть народа — рассуждениями о божественном происхождении власти и т. д. Так или иначе, но «армия и духовенство суть продолжения и орудия государства»¹⁰⁹. Мартьянов обрушивается на церковников-мракобесов, освящающих насилия крепостников, кровавые расправы царизма с народом, на всякого рода «филаретов, защитников розог, плетей и кнута для народа, проповедников и истолкователей христианства в пользу ссылок, каторжной работы, клеймения, рваньи носов и пр. и пр., и телесного наказания всякого свойства для христоролюбивого воинства»¹¹⁰.

Основой мировоззрения Мартьянова является борьба с крепостничеством. Он питал, отмечает Герцен, «пламенную любовь к русскому народу»¹¹¹, «мечтал о русской славе»¹¹² и в то же время «ненавидел крепостное право и крепостников, — ненавидел, как Михаил Семенович Щепкин, как Шевченко...»¹¹³

Гневно обличая существующие порядки, Мартьянов подчеркивал, что он направляет свой удар против господствующей социально-политической системы в целом: «Система виновата»¹¹⁴. Этой прогнившей, исторически

¹⁰⁹ П. Мартьянов. Указ. соч., стр. 12.

¹¹⁰ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 347.

¹¹¹ А. И. Герцен. Указ. соч., т. XIX, стр. 113.

¹¹² А. И. Герцен. Указ. соч., т. XXVII, кн. II, стр. 502.

¹¹³ А. И. Герцен. Указ. соч., т. XVIII, стр. 12.

¹¹⁴ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 346.

обреченной системе присущи нищета и бесправие трудящихся, произвол беззаконников — господ, «скаредов ума и духа», «грабителей» и «служителей тьмы», «чиноначалие, канцелярское управление» страной, рутинная, цепи на руках и ногах народа, относительно которых ему сказано пастырями и прочими лжедрузьями-утешителями, что, мол, «цепи эти не есть цепи, что они — неременное условие его жизни, пока не... умрет. И эти цепи — не-цепи приказано носить по-прежнему»¹¹⁵. Открыто сравнивая самодержавные власти с шайкой разбойников, Мартьянов смело бросал им вызов: «Наши страдания, наши муки, нашу скитальческую жизнь по свету белому мы относим к императорскому бесправию... Варвары-помещики, разорившие нас, сбившие нас с ног, погубившие, сокрушившие жизнь нашу, прикрываются и осеняются императорским самодержавием, по милости его недоступны законам правды, не признают их и, ввиду страданий наших, живут вне страха ответственности за грабеж и насилия...»¹¹⁶ Ненависть к господствующему сословию была у Мартьянова так велика, что, по свидетельству В. Кельсиева, он говорил о необходимости «вырезать всех дворян»¹¹⁷.

Одной из самых мучительных язв, порождаемых антинародной самодержавно-помещичьей системой, Мартьянов считал рекрутчину. Он называл ее насильственным жертвоприношением народа государству. «Кто попал в солдаты,— писал он,— погиб человек! Выхода, как от кровожадного божества, для обреченной на всеожжение жертвы треножника, нет. Да и всеожжение-то совершается мучительным, пожизненно медленным, томительным огнем. Охотно ли народ приносит эту жертву, а насколько полезна она для него самого, ответом служат вопли и плач, с которыми народ провожает детей своих и братьев в рекрутские присутствия»¹¹⁸.

Красной нитью проходит через работы Мартьянова противопоставление народа и государства. Народ и самодержавно-помещичье государство рассматривались им как антиподы, взаимоисключающие, непримиримо враждебные силы. В понятие «народ» Мартьянов вклю-

¹¹⁵ Там же, стр. 344, 345, 347, 348.

¹¹⁶ Там же, стр. 349.

¹¹⁷ «Литературное наследство», т. 62, 1955, стр. 171.

¹¹⁸ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 347.

чал трудящихся — в первую очередь крестьянство, а также ремесленников, мещан — все «то, что эксплуатируют»¹¹⁹. К народу он относил и тех представителей разных слоев общества, которые идут вместе с трудящейся массой, опираются на нее, действуют в ее интересах: «тот и народ, кто заодно с народом, и тот не народ, кто против него»¹²⁰. Дворянство же, помещиков и защищающее их чиновничество, образующих «зло» в общественной жизни, Мартянов исключал из понятия «народ». Не щадил он и купечество¹²¹. «...Они не народ, хоть, к горю, стыду и прискорбию народа, принадлежат к одной нации с ним»¹²². Господствующие классы, представляющие собой «гнет народа» и «позор нации», определяют, полагал Мартянов, существо государства. Самодержавно-помещичье государство представляет и олицетворяет их господство над народом. «Государство это то, что эксплуатирует земство (народ, трудящихся — по терминологии Мартянова.— Л. К.), это правительство неотответственное, это дворянство с принадлежащими к нему частицами, живущее на счет народа, угнетающее и обирающее его с помощью правительства неотответственного, само же и составляя его в виде чиновников разного калибра, на что и имеет почти исключительно монополию»¹²³. Такой антинародной властью является царское правительство — «абсолютно-господствующее, бесконтрольно управляющее, неотответственное...» И хотя у Мартянова не было достаточно ясного представления о классах (которые он отождествлял с сословиями) и не могло быть научного понимания сущности государства, все же он приходит к выводу, что народ и эксплуататорское государство — это два стана, враждебные друг другу¹²⁴.

Мартянов горячо ратовал за освобождение крестьян с землей, без всякого выкупа. Земля, утверждал он, составляет неотъемлемую и неотделимую собственность крестьян, тех, кто ее обрабатывает. «...У нас, в России,

¹¹⁹ П. Мартянов. Указ. соч., стр. 8.

¹²⁰ Там же, стр. 13.

¹²¹ «Литературное наследство», 1941, т. 41—42, стр. 295.

¹²² П. Мартянов. Указ. соч., стр. 7.

¹²³ Там же, стр. 7, 8. В другом месте Мартянов следующим образом определяет понятие «государствование»: это — «право высшего сословия эксплуатировать и вообще угнетать сословия низшие...» (Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 342).

¹²⁴ П. Мартянов. Указ. соч., стр. 8.

народ владеет землей исстари, с незапамятных времен... Так как же правительство-то будет продавать народу его же народную, непродажную землю?» — с возмущением спрашивал Мартьянов и отвечал: «В этом смысла нет, а если есть, так очень плохой. Это будет похоже на того господина в «Венецианском купце», который добивался вырезать кусок мяса из тела живого человека, только здесь не за долг будет вырезано мясо, а просто с целью взять деньги за операцию вырезки и приращения вырезанного куска к больному месту. Народ представит проще: в его глазах это будет все равно, что вытащить у человека рукавицы из-за пазухи и отдать их за деньги тому же, кому принадлежат»¹²⁵. Поскольку самодержавное государство станет на такой путь, то это явится, полагал Мартьянов, сигналом к всеобщему народному восстанию. «...Кровь мученика, ходатая и первого — по чистоте своих намерений и убеждений, по искренности чувств — подвижника всего крестьянства, Антона Казанского (А. Петрова. — Л. К.) и всех убитых с ним... просит об отпущении... В народ стреляло государство — опричники, наследники монгольского самоуправства, враги и ненавистники народа русского на смерть и жизнь!»¹²⁶

Мировоззрение Мартьянова противоречиво. Резко выраженная антифеодалная направленность, ненависть к крепостному праву, дворянству сочетались в нем с верой в «земского» царя, в возможность внесловной, «народной» монархии. «Земский» царь Мартьянова представлял собой абстракцию, наивно-идеализированное представление о добром «мужицком» правителе, ничего общего не имеющее с действительным российским самодержцем».

Мартьянов ратовал за учреждение Земской думы или Земского собора. В письме к царю, опубликованном в «Колоколе» и характеризуемом Огаревым как «голос очнувшегося крестьянства»¹²⁷, Мартьянов предлагал созвать Великую Земскую думу, на основе всеобщих равных выборов. Необходимой предпосылкой этого созыва должно быть, по его мнению, уничтожение дворянства как со-

¹²⁵ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 345. Это высказывание Мартьянова напоминает прокламацию Огарева «Что нужно народу?» (Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 1, стр. 527—528).

¹²⁶ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 349.

¹²⁷ Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 1, стр. 577.

словия и установление «равенства прав всего народа». Основным критерием выборов должно быть правило: «Кого народ захочет». Избранные на определенный срок (от 3 до 5 лет) депутаты обеспечиваются вознаграждением «из общих доходов». Наряду с работой депутатов непосредственно в Думе, ежегодно выделяется несколько месяцев для их непосредственного общения с народом. Мартьянов решительно отвергал точку зрения крепостников и либералов, считавших, что «люди народа» не смогут достойно представлять его интересы в высшем органе власти: «...Когда приходит время постоять за дело общее,— говорил он,— народ является красой-богатырем русским во всеоружии разума и силы».

Наивность Мартьянова проявлялась в признании им возможным убедить царя в созыве представительной Думы; он не исключал примирения царя и народа. Но несмотря на эту скованность монархическими иллюзиями, он допускал и другую возможность — отказ царя пойти навстречу народным требованиям. Поэтому он склонялся к альтернативной постановке вопроса: либо царь пойдет на уступки и по существу перестанет быть царем в старом, обычном смысле слова, превратится в так называемого земского царя, либо проблема всенародной Думы, как и другие связанные с ней вопросы, будет решена народом, «снизу». «Если не так,— писал Мартьянов в письме к редакции «Колокола», сопровождавшем его обращение к царю,— если с государством (ныне существующим, самодержавно-дворянским.— Л. К.) он (т. е. царь.— Л. К.) не расстанется, из дворянства создаст мумию (воскресить в самом деле не может: время чудес прошло) и велит чтить, как мощи, выдавая за святыню,— если, следовательно, признает себя государем государства, он примет кровь Антона-мученика на себя»¹²⁸.

«Илья Муромец,— говорил с угрозой Мартьянов, имея в виду бунтующее русское крестьянство,— встает на ноги», «все предтечи революции налицо!»¹²⁹ Заслуживает внимания в связи с этим сам факт выступления Мартьянова с разбираемым письмом на страницах «Колокола»; «Прочитайте и, если не мешает, напечатайте его в «Колоколе»,— писал он редакции.— А то, кто знает, дойдет

¹²⁸ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 350.

¹²⁹ Там же, стр. 344, 347.

ли с почтой по назначению; да и то хорошо, что в звоне Колоколов, для проверки, по народу разойдется»¹³⁰.

Говоря о Земской думе, Мартьянов имел в виду демократическую власть, которая уже не будет государством в старом смысле, т. е. учреждением, противостоящим народу. «...Власть государственная,— писал он,— должна превратиться во власть правительственную, сообразную с духом, ростом и потребностями народа, самоуправляющегося посредством представительной формы правления с Великой Всенародной Земской Думой во главе...»¹³¹

Герцен и Огарев не только сочли нужным поместить письмо Мартьянова в своем главном издании, но и не раз возвращались к этому документу. «Письмо крестьянина Мартьянова к государю страшно важно»,— писал Огарев¹³².

Это объясняется тем, что идея созыва бессословной Земской думы или Земского собора соответствовала устремлениям редакторов «Колокола»; это требование имело в то время большое революционное значение.

Высказывалось мнение, что идеи земского царя и Земского собора были усвоены Герценом и Огаревым в какой-то мере под влиянием А. П. Шапова. Действительно, в письме к Вяземскому от 8.X 1861 г. (которое было переслано позднее Герцену) Шапов говорил о том, что народ «должен или сам сойтись, или неотложно и немедленно быть созван царем на новый Земский собор и отречься от императора и централизации...»¹³³ Не отрицая того, что взгляды Шапова могли оказать известное влияние на руководителей русского революционного центра в Лондоне, заметим, однако, что упомянутые идеи принадлежали к числу тех, которые, как принято говорить, носились в воздухе; почвой, которая их порождала, были революционные настроения крестьянства. Одним из первых выразил эти настроения и идеи Мартьянов. Статья «Куда и откуда» («Колокол», 22 мая 1862 г.), в которой Огарев открыто выступил с обоснованием лозунга созыва Земского собора, являлась прямым откликом на «Письмо» Мартьянова и дальнейшим развитием некоторых его положений. Касаясь вопроса о выборах в

¹³⁰ Там же, стр. 349.

¹³¹ П. Мартьянов. Указ. соч., стр. 67.

¹³² Н. П. Огарев. Указ. соч., т. I, стр. 571.

¹³³ «Литературное наследство», т. 67, стр. 661.

Земский собор, Огарев писал: «В этом мы с крестьянином Мартьяновым, с голосом очнувшегося крестьянства, ни в чем и не расходимся»¹³⁴. То же подчеркивалось Огаревым в статье «Расчистка некоторых вопросов» (1963): «Какой будет способ выборов *поуездно* на первый предварительный Земский собор, мы, конечно, не знаем. Мы только повторим здесь способ, предложенный крестьянином П. Мартьяновым...»¹³⁵ И далее Огарев приводит большую — на целую страницу — выдержку из «Письма» Мартьянова.

Идея всенародного Земского собора как конкретной цели освободительного движения отстаивалась во многих произведениях идеологов революционной демократии. Они шли, разумеется, при этом гораздо дальше Мартьянова. Не разделяя его веры в земского царя, но учитывая наивный монархизм крестьянства, Герцен и Огарев использовали в своей агитации это понятие с целью разоблачения самодержавия; отказавшись созвать Земский собор, считали они, самодержец всероссийский тем самым покажет крестьянам, что он отнюдь не земский (народный) царь, за которого они его принимают и в которого верят. В то время, как Мартьянов ограничивал Земскую думу ролью совещательного органа при царе, Герцен и Огарев видели в Земском соборе высший законодательный орган, полномостный народный парламент. Лозунгу созыва Земского собора они придали сознательно революционный характер, разъясняя народу необходимость борьбы за власть, завоевания ее путем вооруженного восстания. Но при всей своей социальной ограниченности выступление крестьянина-публициста в начале 60-х годов XIX в. с требованием всенародной думы имело определенное значение. Его было бы неверно рассматривать только как одно из проявлений царистской идеологии. В нем выразился рост революционности народных масс, их стремления уничтожить ненавистные трудящимся социально-экономические и политические порядки.

Большой интерес представляют высказывания Мартьянова о войне и мире, складывавшиеся как на основе его жизненных наблюдений, традиций народной

¹³⁴ Н. П. Огарев. Указ. соч., т. I, стр. 575.

¹³⁵ Там же, стр. 637.

мысли, так и отчасти под влиянием революционно-демократических идей.

Известно, что решительно выступали против несправедливых войн, за мир между народами А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич и другие революционеры-демократы.

Мартьянов считал, что народ, трудящиеся различных стран кровно заинтересованы в мире, в постоянном сотрудничестве. Мир — естественная норма социального развития, войны — нарушение этой нормы. Войны вызываются не противоборством между народами, а разногласиями между государствами, столкновением интересов различных государств. Эти столкновения связаны с внутренним общественным неустройством в каждом из враждующих государств, с тем, что сами они находятся в ненормальных отношениях к своим народам, ставят себя над народами. «По законам социальным и политико-экономическим — писал Мартьянов, — интересы двух соседних и несоседних оседлых народов столкнуться между собою не могут, а напротив, интересы и потребности одного обуславливаются, дополняются, сохраняются и удовлетворяются интересами и потребностями другого и так взаимно. Не то бывает с государствами. Интересы государств, вследствие ненормального их отношения к народам, между собой сталкиваются, борются, — возникают государственные войны, несправедливо, но тем не менее по необходимости, ложащиеся на народ и гнетущие всю свою тяжестью народ»¹³⁶.

Эти мысли Мартьянов конкретизировал в книге «Народ и государство». Народные массы, говорит он здесь, вовлекаются в завоевательные войны в результате нападения на их страну извне, со стороны других государств, или же происков собственных антинародных правительств. «Итак, вывод тот, что на все эти завоевания и присоединения... никак нельзя смотреть как на следствия завоевательных стремлений народа; они, завоевания и войны, суть следствия вражды, возбуждаемой между народами правительствами, неотчетственными перед народом, следствия вражды государственной... Власть государственная сталкивается с каким-нибудь

¹³⁶ Цит. по кн.: Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 342.

государством соседним в интересах совсем чуждых интересам народа, возникает война; народ и не думал бы вовлекаться в войну эту, он особенно не сочувствует в этом случае распоряжениям власти государственной, не уполномочил бы ее на них, если бы его спросили, и теперь готов противодействовать своим молчанием, бездействием, готов власти государственной не дать средств вести затеянную ею войну»¹³⁷.

Самоучка-крестьянин не дошел до обобщающего вывода о войне как продолжении политики насильственными средствами, но его попытка отделить, разграничить отношение угнетенного народа и угнетающих этот народ классов к войне, поставить вопрос об ответственности правящих кругов за развязывание войн была, несомненно, плодотворна.

Выступая против антинародных войн, вызываемых своекорыстными расчетами имущих классов и направленных на завоевание чужих земель, покорение других народов, Мартьянов признавал вместе с тем положительное значение войн другого характера — справедливых, освободительных, например, таких, когда «народ хочет подать помощь поработенным братьям своим, чтоб дать им возможность, сбросив гнет иноплеменничий, соединиться в общей всем родной семье своей»¹³⁸. Такие войны, направленные на освобождение от тирании, отвечают интересам народов, и именно поэтому они не соответствуют интересам реакционных правителей. «Власть государственная этого не хочет,— замечает Мартьянов,— вследствие родства своего с властью государственной соседней»¹³⁹. Таким образом, в войнах захватнических, как и в войнах освободительных, интересы народа и интересы реакционных сил общества противостоят друг другу.

Антиагрессивные, гуманистические мотивы народного творчества особенно живо, проникновенно звучат в наше

¹³⁷ П. Мартьянов. Указ. соч., стр. 16—17, 65—66.

¹³⁸ Там же, стр. 66.

¹³⁹ Там же. Сходная точка зрения высказывалась в других нелегальных изданиях 60-х годов XIX в., предназначавшихся для распространения в народе. «Да будет проклят тот,— говорится в № 2 архангельской рукописной газеты «Колокольчик» (1862),— кто поднимет меч не в защиту, а на уничтожение свободы... Да будет благословенно имя того, кто простирает руку помощи всем угнетенным личностям и народам» (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., ед. хр. № 181, л. 34).

время. Коммунизм несет мир всему человечеству. Коммунизм и мир не отделимы. Уничтожение войн и утверждение мира является исторической миссией коммунизма.

Герцен и его «Колокол» способствовали пробуждению нового поколения революционеров-разночинцев. Доходило порой слово Герцена и Огарева и до простых русских людей, давая известный толчок их свободомыслию. «Рабье молчание было нарушено»¹⁴⁰. Но нити, связывавшие «лондонских изгнанников» с народом, были многочисленны и непрочны. Революционную агитацию, развернутую Герценом, «...подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»¹⁴¹. В 60-е и 70-е годы пошел в массы, как отмечает Ленин, целый ряд бесцензурных произведений, отличающихся боевым демократическим и утопически-социалистическим характером¹⁴². Но соединение стихийного крестьянского движения с революционно- демократической идеологией не могло осуществиться; эта идеология не овладела сознанием крестьянских масс, не повела их за собой, так как крестьянство, находившееся в полной зависимости от помещиков, разрозненное в силу своей мелкособственнической природы, было опутано многими предрассудками. Революционно-демократическая идеология, не опиравшаяся на научное, материалистическое понимание истории, не могла вооружить народ знанием действительных путей и средств, ведущих к его победе. Эти силы оставались обособленными, что облегчало царизму возможность борьбы с каждой из них.

¹⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 259.

¹⁴¹ Там же, стр. 261.

¹⁴² См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 94.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие народного свободомыслия в России (и это подтверждается опытом других стран) решительно опровергает домыслы реакционных буржуазных философов и социологов об интеллектуальной «неполноценности» трудящихся, их неспособности к духовному творчеству.

Народное творчество во всем многообразии его проявлений — от производственной и революционной деятельности масс до их самобытной поэзии и своеобразной философской мысли, устных и письменных произведений людей труда представляет собой плодородную почву для развития передового искусства, науки, философии.

Народное свободомыслие имеет свою историю. Мы рассмотрели лишь несколько ее страниц, относящихся к тому периоду, когда русский пролетариат еще не вышел в России на арену революционной борьбы. С этим во многом связаны особенности изученных нами вольнодумцев, их место в истории русской общественной мысли, социально-психологический колорит их взглядов, их ограниченность.

Хорошо образованный, владеющий иностранными языками крепостной интеллигент Лоцманов, самоучка-дворовый Подшивалов и заводской служитель Поносов; тайно странствующий по селам и городам российским Олейничук и открыто сотрудничающий с Герценом и Огаревым Мартьянов — как различны, непохожи друг на друга эти люди: каждый из них — яркая индивидуальность. Но в то же время в их духовном облике, миропонимании и судьбе много общего.

Все они — представители глубочайших народных «низов» выросли, выносили, выстрадали свои убеждения в крепостной неволе. За каждым из них — поколения тружеников, водивших корабли, шивших одежду, пахавших землю, плавивших сталь, плотничавших; отзвук этих профессий звучит и в их фамилиях: Лоцманов, Подшивалов, Бондарев...

Их взгляды не во всем совпадают, они могли бы и поспорить между собой по некоторым вопросам, но в главном, решающем — это соратники, единомышленники, дополняющие и по существу поддерживающие друг друга. Их объединяет ненависть к крепостному строю, тунеядству, общественному неравенству. Эта ненависть и неразрывно связанная с ней любовь к своей Родине, к простым людям, труженикам, высокая оценка их роли в истории, стихийно-материалистическое восприятие природы и едкий антиклерикализм, переходящий в открытое богоборчество, — таковы характерные черты миросозерцания рассматриваемых вольнодумцев.

Пламенные патриоты, они жили одной жизнью с массами угнетенных, страдали их страданиями, неотступно размышляли над причинами социальных бедствий, обрушивающихся на человечество, на родную землю. «Ох, мыслить страсть про Русь святую, в ней бедствий перечесть невмочь, от юности и день и ночь о мире и себе тоскую»¹, — писал крепостной крестьянин, автор повести «Вести о России». Это желание осмыслить мир, разобраться в противоречиях социального бытия, проникнуть в суть «жизни общей», понять истоки несправедливости («откудова ж взялись тираны?»), уловить объективные закономерности в кажущемся хаосе исторических событий — характерно и для других представителей народного свободомыслия? «Зачем мнутятся народы? — спрашивал с волнением Олейничук. — Зачем, как снежную пыль, разносит их вихорь, зачем плачет младенец, терзается юноша, унывает старец? Зачем общество враждует с обществом, еще более [с] каждым из своих членов? Зачем железо рассекает связи любви и дружбы? Здесь общество изгоняет гения, явившегося ему на славу, и вероломный друг в угоду обществу предаёт позору память великого человека... Здесь в стоячем болоте засыпают силы. Как взнузданный конь, человек вертит все одно и то же колесо общественной машины...»²

С такой же проникновенностью писал о волнующих его проблемах Подшивалов, он стремился «постигнуть

¹ «Вести о России», стр. 45.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 214, ед. хр. 76, л. 97.

начала или причины бедствий рода человеческого, и в особенности страждущих от деспотизма: от непросвещения ли людей это происходит или что законы божеские и гражданские... были сему причиною»³.

Эти вопросы не просто интересовали, но глубоко тревожили, волновали мыслителей-самородков, не давая им ни минуты покоя, властно требуя ответа.

Общая характерная черта, присущая им, состоит и в том, что где бы они не жили — в Москве и на Верх-Исетском заводе, как Лоцманов, в одном из отдаленных уголков Соликамского уезда, как Поносов, или на берегах Волги, как Мартьянов, — все они выходили в своих упованиях и требованиях за рамки местных условий и интересов, поднимаясь в той или иной мере до уровня выразителей общероссийского демократического протеста против антинародных порядков, против крепостного строя и его порождений во всех областях жизни. Оценивая с позиций защитника самодержавно-крепостнического строя деятельность Поносова, управляющий Чермосского завода отмечал, что этот крепостной вольнодумец «для законопреступного своего действия дерзнул, вымыслив ложные причины, поставить в повод не частное господ Лазаревых имение, коему он принадлежит и о коем, впрочем, не упоминает ни слова, но уже решительно всю целую Российскую империю»⁴. Глашатаями интересов всего трудового народа считали себя и другие представители русской народной мысли. «Я говорю, — писал Мартьянов, — голосом народа, моя обязанность — свобода, мое право — кровь и страдания. Мне поверка — народ и его люди»⁵.

Представляя собой сложное, многогранное явление, антифеодальная идеология включала различные течения и оттенки общественной мысли, отражавшие запросы, настроения тех социальных сил, которые участвовали в борьбе с феодально-крепостническим строем. И хотя в условиях смены феодализма капитализмом все эти направления прокладывали путь буржуазным преобразованиям, каждое из них вносило свою особую лепту в дело разрушения старого и подготовки нового уклада. Об

³ РОГБЛ, ф. 214, Опт. пуст., ед. хр. 44, л. 128 об.

⁴ «Пермский краеведческий сборник», вып. II. Пермь, 1926, стр. 35.

⁵ Мих. Лемке. Указ. соч., стр. 348.

этом свидетельствует расстановка сил в рамках антифеодалного движения во Франции перед революцией 1789—1793 гг., где наряду с идеологами крупной и средней буржуазии выступали выразители интересов широких мелкобуржуазных масс третьего сословия, а в их числе защитники деревенской и городской бедноты. Об этом же говорит опыт борьбы с крепостничеством в России. Ее участниками были и выходцы из господствующего класса — дворянские революционеры, и выходцы из разночинной интеллигенции — революционные демократы, являвшиеся наиболее последовательными — в условиях допролетарского освободительного движения — выразителями интересов народных масс, знаменосцами крестьянской революции, и буржуазные просветители, не поднявшиеся до требований революционного переустройства общества, но объективно содействовавшие его подготовке. Важнейшую роль в борьбе с реакционными порядками играла главная антифеодалная сила того времени — крестьянство. Эта борьба охватывала и идеологическую область.

В. И. Лениным вскрыта историческая закономерность возникновения демократической идеологии крестьянства, порождаемой условиями его жизни, и роль, которую играли в этом процессе передовые представители крестьянской массы в России, вышедшие из ее среды. «Крестьянская масса, — отмечал Ленин, — которая является в России единственным серьезным и массовым (не считая городской мелкой буржуазии) носителем буржуазно-демократических идей, тогда еще спала глубоким сном. Лучшие люди из ее среды и люди, полные симпатий к ее тяжелому положению, так называемые разночинцы — главным образом учащая молодежь, учителя и другие представители интеллигенции — старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы»⁶. В этом ленинском положении, думается нам, глубоко разъяснена и роль лучших представителей русского народного свободомыслия. Поскольку они стремились пробудить народ раскрыть ему глаза на царящее вокруг зло, — они выступали в качестве своеобразных просветителей-бунтарей. Конечно, их просветительство было крайне ограничено по своим возможностям, не опиралось на систему

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 333.

научных знаний, жестоко подавлялось, не успев развернуться. Но оно играло свою положительную роль, будучи направлено против господствующей идеологии, являясь одним из элементов прогрессивного общественного движения, подтачивавшего, ослаблявшего силы крепостнической реакции. Из уст в уста, из рук в руки, в устной и письменной форме передавались идеи крепостных вольнодумцев.

Воодушевленные ненавистью к помещицкой тирании, они не только признавали необходимым просветить массы, но и считали себя призванными лично участвовать в этом благородном деле. «Я понял,— говорил Подшивалов,— что для просвещения народа и сам я могу писать наставительные книги»⁷. Олейничук, по его словам, думал «сочинением своим раскрыть положение крестьян и сим самым послужить им к сделанию какого-либо облегчения»⁸.

Вольтеровские или руссоистские, естественно-правовые и эгалитарные мотивы в произведениях крепостных вольнодумцев представляли собой не механическое следование готовым образцам, а закономерный и вполне самобытный результат в условиях иной страны и иного времени — антифеодальной по своему существу борьбы, некогда воодушевлявшей и знаменосцев Просвещения XVIII в.; критическое использование в отдельных случаях идей Вольтера, Руссо было элементом этого процесса.

Смена дворянского этапа освободительного движения разночинским не являлась одноразовым, мгновенным актом. Она подготавливалась постепенным процессом вытеснения в этом движении дворян разночинцами. Задолго до того, как эта смена произошла, окончательно завершилась, разночинский этап исподволь складывался в рамках дворянского, шло вызревание революционно-демократической идеологии.

Переходу от дворянского к разночинскому этапу освободительного движения по-своему содействовало и народное свободомыслие, непосредственно выражавшее подъем антикрепостнических настроений, крестьянства.

⁷ РОГБЛ, ф. 214, Опт. пуст., ед. хр. 44, л. 129 об

⁸ ЦГАОР, ф. III отд., I эксп., 1849, д. 405, л. 31.

Солдатская прокламация 1820 г., призывавшая к бунту Преображенский полк в Петербурге, и владимирские «листки» начала 30-х годов, призывавшие ярость народную на головы крепостников, выступления Лоцманова, Поносова, Подшивалова, Олейничука, Мартьянова и других вольнодумцев представляли собой звенья в цепи складывавшейся демократической традиции в России. Из крепостной среды вышли видные разночинцы, участники революционно-демократического движения. Немалую роль в просвещении и революционизировании простых русских людей играла крепостная интеллигенция.

Вольнодумцы из народа активно участвовали в борьбе с самодержавно-помещичьим строем и его реакционной идеологией, с социальным неравенством и мракобесием, горячо отстаивали гуманизм, способствовали своей деятельностью формированию демократического мировоззрения. Этим определяется место и значение русского народного свободомыслия первой половины XIX века.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александр I 24, 25, 80, 118
Александр II 259, 275, 277
Алефиренко П. К. 19, 44
Алиханов Е. И. 48
Анкудинов М. 140
Аргунов И. П. 55
Аристотель 4, 6
Артынов Я. 270
Ащурков В. Н. 269
- Бабеф Г. 91
Базанов В. 157
Байтин М. И. 78
Байцуров М. 40
Баррюэль А. 91
Белик А. П. 23
Белинский В. Г. 4, 10, 42, 58, 68, 92, 135, 202, 221, 244, 254, 256, 257, 262, 270, 271, 278
Бенкендорф А. Х. 34, 79, 102, 103, 130, 141, 146—148, 150, 184, 191, 196, 209, 228
Бестужев (Марлинский) А. А. 26, 28, 105
Бестужев-Рюмин М. П. 48
Боден Л. 7
Болховитинов Е. 52
Бондарев Т. М. 47, 48, 297
Бонч-Бруевич В. Д. 10, 11, 58—60
Борн И. М. 231
Бродский Н. Л. 37
Булгарин Ф. В. 31, 32, 62, 137
- Буташевич Петрашевский
М. В. 254
Бэньян Д. 60
- Винский Г. С. 53, 54
Владимиров Е. И. 47, 48
Вольтер Ф. 45, 50—55, 57, 58, 85, 90—92, 124, 151, 152, 177, 181, 186, 187, 300
Воронихин А. Н. 71
Вороницын И. П. 46
Вульфсон Г. Н. 272
Вяземский П. А. 49, 260, 291
- Галлер Г. И. 83, 92, 93
Гельвеций К. А. 50, 90, 91, 94, 95, 162
Гердер И. Г. 8
Гернет М. Н. 203
Герцен А. И. 25, 26, 29, 42, 43, 68, 92, 135, 137, 204, 244, 249, 251—255, 257, 259, 260, 262—266, 269—275, 277, 278, 280—282, 286, 291, 293, 295
Глинка Ф. Н. 51, 81, 124
Гоголь Н. В. 10, 17, 18, 47, 202, 210, 244, 256, 262
Голодко А. И. 23
Гольбах П. А. 50, 91, 94
Горбачевский И. И. 42
Горловский М. А. 37, 73, 78, 100
Горшков М. 38

Горький А. М. 4, 11, 18, 21
Гроссман Л. П. 46, 67

Д'Аламбер Ж. Л. 50, 91, 186
Дементьев П. 44
Дидро Д. 50, 52, 91, 92, 94,
162, 186

Дмитриев И. И. 46
Добролюбов Н. А. 18, 221,
252—254, 256, 265, 270, 271
Домановская Л. В. 138, 190

Екатерина II 51, 57, 69, 95,
110, 118

Жемчугова П. И. 71
Жуковский В. А. 46, 48, 124

Зайцев И. К. 48

Кавелин К. Д. 259, 270
Канакин Н. 185—188, 191

Каржавин В. 45
Каржавин Ф. 45
Каховский П. Г. 25
Кельсиев В. И. 277, 287

Кипренский О. А. 71

Коган Ю. Я. 23, 54

Кокьяра Д. 8

Колчин М. 19, 142, 150

Коль И. 47, 55

Кольцов А. В. 58

Кондильяк Э. Б. 50, 124

Кондорский И. 53, 176

Косой Ф. 33

Коц Е. С. 68

Красовский А. А. 262, 270—
272

Крылов И. А. 47, 90, 150, 215,
229, 230

Кузнецов Я. К. 206, 208

Лабзин А. 94, 110

Лаврецов В. 259

Лемке М. К. 275, 277, 280, 281,
286—289, 293

Ленин В. И. 9—11, 13, 15—17,
21, 22, 24, 58, 59, 155, 158,
165, 246, 275, 295, 299

Лермонтов М. Ю. 48, 58, 254,
257

Лихарев А. 84

Ломоносов М. В. 44—46, 51,
77, 78, 90, 124

Лоцманов А. В. 72, 78—122,
124, 127, 130, 135, 144, 159,
183, 192, 208, 228, 274, 296—
298, 300

Мабли Г. Б. 50, 231, 232

Маркс К. 3, 4, 8, 9, 22, 204

Мартьянов П. А. 245, 274—
294, 296, 298, 300, 302

Махотин П. С. 82, 96, 99, 100

Мелье Ж. 16, 23

Мильтон Д. 60, 151, 173

Мильчевский О. В. 272

Михайлов М. 247, 248

Михайлов М. Л. 258, 259, 278

Михалев А. 126, 129

Морвинов Н. С. 50, 79, 97—
99, 101

Моригеровский А. Н. 263

Муравьев Н. 91, 124

Мюнцер Т. 21

Мясников Г. 71

Найденев М. 246

Некрасов Н. А. 206, 244, 454,
257

Нечаева В. С. 86

Нечкина М. В. 53, 56, 57, 213

Никитенко В. 4, 55, 56, 178

Никитин Е. 203

Николай I 34, 49, 62, 66, 79,
102, 129, 130, 138, 140, 145,
148, 150, 191, 193, 196, 198,

204, 209, 214, 227, 237, 238

Новиков Н. И. 50, 59, 60, 90,
124

Обручев Н. 261

Огарев Н. П. 4, 249, 254, 255,
257, 261—263, 265, 269, 273,
275, 277, 278, 280—282, 289,
291—293, 295

Оксман Ю. Г. 86

Олейничук С. Н. 225—244,
274, 296, 297, 300, 302

Орлов М. Ф. 87

Павел I 34, 119

Павлов П. А. 83, 84, 88, 96, 99,
104, 108

Падуров Т. 38

Пажитнов К. А. 34, 78, 122

- Палицын А. А. 45
 Панкратова А. М. 122
 Пекарский П. 45
 Персиц М. М. 23, 52
 Пестель П. И. 67, 81, 136
 Пестерев Н. Н. 54, 254, 255
 Петр I 77, 116—118
 Петров А. 848, 250, 251
 Платон 5
 Пнин И. П. 90, 105, 231
 Подзоров В. В. 68
 Подшивалов Ф. И. 140—154,
 157—176, 178—184, 204, 208,
 219, 236, 274, 296, 297, 300
 Помяловский Н. Г. 266
 Пономарев Г. 195—197
 Поносов П. И. 122—128,
 130—135, 208, 296, 298, 300
 Попугаев В. В. 105, 108 231
 Поршнева Б. Ф. 23
 Прометей 3, 4, 18
 Пугачев В. В. 78
 Пугачев Е. И. 32, 38, 39, 158
 Пурлевский С. Д. 214
 Пушкин Андриан 246, 247
 Пушкин А. С. 46, 48, 49, 60,
 63—65, 67, 189, 254, 257, 259,
 262, 270

 Радишев А. Н. 39, 46, 47, 65,
 67, 68, 70, 77, 90, 91, 94, 105,
 108, 151, 153—155, 158, 159,
 162, 168, 224, 228, 229, 231,
 259
 Раевский В. Ф. 105
 Разин С. Т. 32
 Рейналь 91, 105, 106
 Руссо Ж.—Ж. 8, 16, 45, 50,
 51, 54, 55, 91, 92, 124, 140,
 186, 222, 232, 300
 Рылеев К. Ф. 66, 67, 85, 97,
 125, 138, 190, 206, 215, 254,
 262
 Рымаренко С. 265
 Рындыонский П. Г. 56
 Рычков П. 256, 257

 Сабуров Н. И. 72—78
 Селивановский С. 85, 86, 90,
 92
 Семевский В. И. 85, 98
 Серяков Л. А. 48
 Сивков К. В. 69

 Снытко Т. Г. 213, 214
 Соколовский А. А. 83, 95, 96,
 99, 101, 102, 111
 Сперанский М. М. 98, 130
 Степанов С. Ф. 210—212
 Стройновский С. 207, 208
 Ступин А. 188, 189
 Ступин Р. 189
 Суханов М. Д. 45
 Сушков М. 177

 Тайлер У. 21
 Тацит 116
 Тойнби А. 7
 Толстой Л. Н. 60
 Тропинин В. А. 71
 Трувеллер В. В. 262
 Тургенев Н. И. 82, 87

 Умнов И. 256
 Утин Н. И. 255, 280
 Ушаков Я. 266

 Фалес 77
 Федосов И. А. 188—190
 Фемистокл 89
 Фонвизин Д. И. 43
 Францев Ю. П. 23
 Фукидид 115

 Херасков М. М. 46, 124
 Хохряков В. 265
 Худяков И. А. 264

 Цезарь Ю. 89
 Цшоке Г. 122

 Чаадаев П. Я. 49
 Чалоян В. К. 23
 Чемеровцев А. 70
 Чернов С. Н. 139
 Чернышевский Н. Г. 10, 24,
 57, 249—253, 255, 256, 259,
 265, 269—271, 278, 280, 293
 Четвертаков Е. 26

 Шварц И. 94, 110
 Шевченко Т. Г. 68, 71, 262,
 286

Шекспир В. 281
Шелгунов Н. В. 255
Шильдер Н. К. 130
Шписс Г. 87, 88
Штейнгель В. И. 85, 105, 138

Шапов А. П. 54, 254, 291
Щеголев П. Е. 227

Щепкин М. С. 71, 286
Щербинин М. 84, 121

Энгельс Ф. 8, 9, 22, 204
Энгельсон В. А. 264

Якушкин И. Д. 26, 27
Яцевич А. 34, 131, 138

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава I.</i> Постановка проблемы. Народное вольнодумство — составная часть истории общественной мысли	3
<i>Глава II.</i> Исторические условия и идейно-философские предпосылки письменного творчества крепостных вольнодумцев	24
<i>Глава III.</i> Свободомыслие крепостной интеллигенции 20—30-х годов XIX в.	62
Труд — первый источник силы и богатства	73
Дело Лоцманова	78
«Для блага России и потомства»	121
<i>Глава IV.</i> Простолюдины-реформаторы 30-х годов	136
Ф. И. Подшивалов	140
Владимирские «листки»	184
Рядовой Иван Смирнов	198
<i>Глава V</i> «Вести о России»	205
<i>Глава VI.</i> Шлиссельбургский узник С. Н. Олейничук	225
<i>Глава VII.</i> Революционно-демократическая идеология и народная мысль 50-х — начала 60-х годов. Сподвижник Герцена — П. А. Мартьянов	245
Заключение	296
Именной указатель	302

Леонид Александрович Коган
Крепостные вольнодумцы (XIX век)

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Редактор *И. А. Мораф*. Художник *В. П. Рафальский*.
Технические редакторы *Ф. М. Хенох* и *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 13/III 1966 г. Подписано к печати 8/VI 1966 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 9,63. Усл. печ. л. 15,33. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 1800 экз. Т-08170. Изд. № 83. Тип. зак. 6133

Цена 1 р. 22 к.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.
2-я типография издательства «Наука»,
Москва, Г 99, Шубинский пер., 10.